

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

С. П. ТОЛСТОВ

ПО СЛЕДАМ
ДРЕВНЕ
ХОРЕЗМИЙСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ
МОСКВА 1953

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

С. П. Т О Л С Т О В
ПО СЛЕДАМ
ДРЕВНЕХОРЕЗМИЙСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

1 9 4 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА · ЛЕНИНГРАД

Под общей редакцией Комиссии Академии Наук СССР
по изданию научно-популярной литературы

Председатель Комиссии президент Академии Наук СССР
академик *С. И. ВАВИЛОВ*

Зам. председателя член-корреспондент Академии Наук СССР
П. Ф. ЮДИН

Этот опыт восстановления сожженных Кутейбой летописей древнего Хорезма — посильный вклад автора в ознаменование девятисотлетия со дня кончины одного из величайших ученых средневековья, автора утраченной «Истории Хорезма», хорезмийца АБУ-РАЙХАНА МУХАММЕДА ибн-АХМЕДА ал-БИРУНИ (972—1048)

ОТ АВТОРА

Настоящая книга является попыткой обобщения материалов Хорезмской экспедиции АН СССР за 10 лет ее работы (1937—1947). Несмотря на специфику, обусловленную выходом ее в научно-популярной серии, она может рассматриваться как развитие и продолжение нашей монографии «Древний Хорезм», законченной в 1942 г. и отражающей итоги первого пятилетия работ. Помимо того, что в предлагаемой книге впервые вводятся материалы, добытые в полевые сезоны 1945—1947 гг., мы широко используем также новые результаты наших камеральных и историко-комментаторских работ над материалом предшествующих сезонов. Естественно, однако, что новым материалам и новым, поставленным в связи с ними проблемам, не затронутым или почти не затронутым в «Древнем Хорезме», мы уделяем пропорционально значительно большее внимание. Я надеюсь, что те читатели, которые заинтересуются нашей темой, смогут найти более широкое обоснование наших выводов по работам первого периода в «Древнем Хорезме», изложение которого я старался построить так, чтобы, несмотря на свой специальный характер, книга была доступна и неспециалистам.

Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность за разностороннее и постоянное содействие в работах Хорезм-

ской экспедиции 1945—1947 гг. партийным и советским организациям Кара-Калпакской АССР, на территории которой в основном проходили работы экспедиции,— в первую очередь секретарю обкома КП(б) Уз т. Сеитову и председателю Совета Министров ККАССР т. Джапшакову.

Должен с особой признательностью отметить самоотверженную работу энтузиастов-«хорезмийцев» — дружного коллектива сотрудников Хорезмской экспедиции и прежде всего моего заместителя по руководству экспедицией—архитектора М. А. Орлова, инициативе и энергии которого мы обязаны многими успехами, достигнутыми экспедицией в послевоенные годы.

Москва,
ноябрь 1947 г.

С. Толстов

 ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ
В ДРЕВНИЙ ХОРЕЗМ

Глава I

СТРАНИЦЫ ПОТЕРЯННОЙ КНИГИ

1

Одной из наименее разработанных проблем древней истории Востока еще недавно была, да и сейчас остается, древняя история народов Средней Азии. До нас дошли ничтожные сведения о периоде, предшествующем здесь арабскому завоеванию. В огне арабского нашествия и последовавших затем бурных событий VII—VIII вв., приведших к глубокому изменению всего социально-экономического, политического и культурного уклада, погибло многое из сокровищ древней, домусульманской цивилизации, в том числе и несомненно существовавшая в древних среднеазиатских государствах историческая литература.

В отношении же той страны, которой посвящена настоящая книга, мы имеем прямые сведения о варварском уничтожении в 712 г. н. э. арабским полководцем Кутейбой ибн-Муслимом научной литературы хорезмийцев и истреблении и изгнании их ученых, носителей древней местной культурной традиции.

Великий хорезмийский ученый рубежа X и XI вв. Абу-Райхан ал-Бируни сообщает нам в своей книге о летоисчислениях древних народов:

«И всеми способами рассеял и уничтожил Кутейба всех, кто знал письменность хорезмийцев, кто хранил их предания, всех ученых, что были среди них, так что покрылось все это мраком и нет истинных знаний о том, что было известно из их истории во время пришествия к ним ислама».¹

Скудные обрывки сведений, относящихся к истории среднеазиатских народов между VI в. до н. э. и VII в. н. э., наука могла

¹ А л - Б и р у н и, 36 (перев. 42).

почерпнуть лишь из посторонних Средней Азии источников -- древнеперсидских надписей, сообщений греческих и латинских, армянских и сирийских географов и историков и древней китайской историко-этнографической и географической литературы. Некоторые сильно искаженные и трудные для использования фрагменты среднеперсидской исторической традиции дошли до нас в арабо-персидской средневековой передаче. Совсем ничтожные сведения дают нам индийские памятники. И, наконец, количественно обильный, но по своей недатированности и самому своему характеру чрезвычайно трудно приурочиваемый к определенному времени и месту материал содержат священные книги зороастрийской религии и среднеазиатско-иранский эпос, дошедший до нас в персидской версии Фирдауси.

Весь этот материал освещает скудным светом лишь отдельные периоды, районы, события и темы, оставляя в полном мраке остальное. Так, ярко освещенные Аррианом, Курцием и Плутархом события трехлетнего похода Александра Македонского в Среднюю Азию предшествуются и сменяются темным рядом почти совершенно немых столетий, от которых до нас дошли лишь отрывочные, противоречивые и часто мало вразумительные отголоски, не позволяющие с какой бы то ни было долей уверенности наметить хотя бы внешнюю последовательность политических событий, не говоря уже о раскрытии их внутреннего смысла. И лишь через тысячу лет после Александра, в VII—VIII вв. н. э., когда на территории Средней Азии появляются новые западные завоеватели, источники снова вводят нас в гущу бурной политической жизни этой эпохи, о предистории которой мы ничего или почти ничего не знаем.

Ввиду этой специфики литературных источников народы домусульманской Средней Азии предстают перед историками лишь как объект бесконечных чужеземных завоеваний, ибо — даже помимо времен македонян и арабов — и для остальной древней истории Средней Азии письменные источники фиксируют лишь аналогичные моменты, с той только разницей, что там гораздо труднее понять, о чем же собственно идет речь, кто скрывается за упоминаемыми личными и этническими именами и названиями государств, каков смысл мелькающих на страницах источников отрывочных и большей частью недатированных упоминаний о событиях.

Не случайно поэтому до недавнего времени эти завоевания и имена чужеземных династий ложились в основу «периодизации» древней истории Средней Азии. Не случайно поэтому основные проблемы этой истории, и в первую очередь вопросы социальной истории, оставались совершенно не разработанными.

Довольно обильная литература (хотя более чем скромная по сравнению с литературой по другим разделам древней истории) по домусульманской Средней Азии почти исключительно посвящена историко-географическим, хронологическим и историко-этнографическим проблемам, причем, в силу узости и дефектности источниковедческой базы исследования, в этой литературе царит невероятная разногласия в отношении самых элементарных определений.

Достаточно, например, сказать, что дата Канишки — наиболее выдающегося правителя Среднеазиатско-индийской империи кушанов — колеблется в источниках от 57 г. до н. э. до 278 г. н. э. и что до сих пор нет общего мнения по вопросу о том, кем же в этнографическом отношении были сами кушаны, основатели этой империи.

До недавнего времени почти не ставился вопрос о том, какой же общественный строй был в домусульманской Средней Азии. Без всякой попытки исследовательского обоснования этого положения, за последние полвека само собой в литературу вошло определение этого строя как феодалного. Здесь над источниками довели не факты истории Средней Азии, а привнесенные извне циклические концепции Эдуарда Мейера и его последователей. Так, в 1938 г. английский исследователь В. В. Тарн говорит о «феодалных лордах» и «баронах» у согдийцев доалександровской эпохи и о «феодалной аристократии» даже у среднеазиатских варваров-массагетов времен Геродота.² Ниже мы увидим, насколько беспочвенны эти характеристики.

Особенно скудным был и остается по сей день материал древних письменных памятников о Хорезме. Если для Согды мы располагаем все же насыщенными богатым и разнообразным содержанием страницами истории походов Александра, а с периода арабского завоевания история этой страны освещена уже совсем не плохо, то отдаленный Хорезм не только в древности, но и в раннем средневековье, вплоть до конца X — начала XI в., остается почти целиком в тени.

Несколько упоминаний имени Хорезма в персидских надписях, в Авесте и пехлевийской религиозной литературе, в греко-латинских, китайских и армянских источниках, почти не дающих материала для характеристики страны, всего-навсего два имени правителей Хорезма — одно у Арриана для конца IV в. до н. э. и одно в «Истории» китайской династии Тан — для середины VIII в. н. э., очень скудные данные о завоевании Хорезма арабами у Белазури и Табари — вот, собствен-

² W. W. T a r n. The Greeks..., стр. 32 сл., 81, 120—124, 410 и др.

но, и все, чем мы располагаем для времени до X в., когда появляется несколько очень сжатых описаний Хорезма в арабо-персидской географической литературе.

Да и для X—XI вв. мы знаем только обрывки истории Хорезма, и когда, в XII—начале XIII в., Хорезм становится центром величайшей империи Востока, распростершейся от границ Грузии до Ферганы и от Инда до северноаральских степей, и события его истории оказываются в центре внимания восточных источников, — этот головокружительный подъем до того почти безвестной, расположенной на далекой окраине мусульманского мира страны производит впечатление совершенной неожиданности.

Местная историческая традиция, сохраненная ал-Бируни и впервые опубликованная и исследованная Захау,³ дает нам лишь внешнюю схему хорезмийской истории так, как она представлялась самим хорезмийцам на заре средневековья.

Хорезмийцы, рассказывает нам Бируни в своем трактате, ведут свое летоисчисление с начала заселения их страны, «в 980 г. до Александра» (т. е. до начала селевкидской эры — 312 г. до н. э.) — с 1292 г. до н. э. После этого они приняли другую эру: с 1200 г. до н. э. — время прихода в их страну мифического героя Авесты и древнего среднеазиатско-иранского эпоса — Сиявуша ибн-Кей-Кауса, подчинившего своей власти «царство тюрков», и основания сыном Сиявуша, Кей-Хосровом, династии хорезмшахов, правившей, по Бируни, до X века н. э. Позднее, рассказывает Бируни, приняли хорезмийцы персидский обычай вести летоисчисление «по годам правления каждого царя из династии Кей-Хосрова, который правил их страной и носил шахский титул». Так было до правления Аффрига, одного из царей этой династии. Имя его получило дурную славу, как и имя персидского царя Ездджерда (Ездигерд I). Его сын наследовал ему в управлении страной. Аффригу традиция приписывает постройку «в 616 г. от Александра» (305 г. н. э.) грандиозного замка позади города Ал-Фир, разрушенного Аму-Дарьей в 1305 г. селевкидской эры (997 г. н. э.). Младшая ветвь хорезмийских сиявушидов, начало которой положено было Аффригом, правила в Хорезме до 995 г. Падение замка Аффрига и падение династии аффригидов символически совпали во времени.

Бируни перечисляет 22 царя этой династии, от 305 до 995 г., давая кое-какие хронологические указания о времени правления некоторых из них.

³ E. d. Sachau. Zur Geschichte und Chronologie von Khwârizm. SBWAW, PhHCl, B. 73, 1873.

Вот эта родословная, согласно которой власть переходила строго от отца к сыну: 1) Аффриг; 2) Багра (вариант Багзат); 3) Саххасак; 4) Аскаджамук I; 5) Азкаджавар I; 6) Сахр I; 7) Шауш; 8) Хамгари (вар. Хангари или Хангири); 9) Бузгар; 10) Арсамух (вар. Аргамух); этот последний, по Бируни, правил во времена пророка Мухаммеда, т. е. около 622 г. н. э.; 11) Сахр II; 12) Сабри; 13) Азкаджавар II (вар. Азкахвар); 14) Аскаджамук II; при этом шахе, по Бируни, произошло вторичное завоевание Хорезма Кутейбой, после которого завоеватель утвердил Аскаджамука II царем; 15) Шаушафар; 16) Турксабаса (?); 17) Абдаллах; 18) Мансур; 19) Ирак; 20) Мухаммед; 21) Ахмед; 22) «мученик Абу-Абдаллах Мухаммед», погибший незадолго до падения замка Аффрига от руки своего могущественного соперника, эмира Ургенча — Мамуна ибн-Мухаммеда.

Уже давно исследователями было отмечено, что скудные обрывки сведений о Хорезме, разбросанные в различных памятниках древней литературы, сигнализируют о какой-то совершенно пока не ясной, но значительной роли Хорезма в древней истории Среднего Востока и Восточной Европы.

Особенно характерно подчеркивание роли Хорезма в зороастрийской религиозной традиции. По Бундахишну и другим памятникам, в Хорезме одним из первых мифических царей Ирана Иймой (Джемшид персидского эпоса) был зажен древнейший и наиболее чтимый из священных огней зороастризма — огонь Хурдад, Адархурра, или Фробак, покровитель жреческой касты.

Маркварт,⁴ поддержанный в этом Бартольд⁵ и рядом других исследователей, ищет в Хорезме загадочную страну Айрьянем-вэдждо (Эранвеж) — первую населенную область, созданную верховным божеством зороастризма — Агура-Маздой, которую традиция рисует как самую северную и холодную страну. Здесь, по преданию, родился пророк, основатель зороастрийской религии — легендарный Заратустра.

Тот же Маркварт в посмертной своей работе 1938 г.⁶ выдвинул гипотезу о существовании в Средней Азии в доахеменидский период могущественной державы, объединявшей, под гегемонией Хорезма, Согдиану (бассейн Зеравшана) и Хорасан (южная Туркмения, северо-восточный Иран и западный Афганистан). Он ищет подтверждения этой гипотезы в тексте Геродота о господстве хорезмийцев в доахеменидское время над об-

⁴ J. Marquart. Eranšahr, стр. 155.

⁵ В. В. Бартольд. Khwârizm. E. I.

⁶ J. Marquart. Wehrot und Arang, стр. 9—10.

ширной страной, к которой примыкали земли гирканцев (ю.-в. угол Каспийского моря, бассейн р. Гургена), парфян (северный Хорасан), дрангов и таманаев (западный Афганистан), а также в данных о составе XVI сатрапии Персидской державы, в которую входили, по тому же Геродоту, хорезмийцы, согдийцы, парфяне и арианцы (обитатели области нынешнего Герата).

Независимо от Маркварта к сходной точке зрения в том же 1938 г. пришел упоминавшийся нами выше Тарн.⁷

Однако все это оставалось только более или менее вероятными гипотезами, по существу недоказуемыми из-за скудости матерпала. Древний Хорезм, окутанный туманом смутных преданий, оставался исторической загадкой, казалось бы не доступной для разрешения.

2

Мы знаем, что не только Средняя Азия предстала перед современной европейской наукой почти без письменных свидетельств о своем древнем прошлом. Если мы обратимся к началу XIX в., когда закладывались первые камни научного исследования истории классического Востока, то увидим, что история древнего Египта, Вавилонии, Ассирии, Персии была известна немногим лучше, чем в начале XX в. была известна древняя история Средней Азии. Библия, Геродот, Диодор Сицилийский да исторические конспекты египетского жреца Манефона и вавилонского Бероза, мало отличающиеся в смысле полноты от конспекта ал-Бируни, — вот по существу и все, чем располагала тогда наука. Дальше начала I тысячелетия до н. э. осведомленность европейских ученых в этой истории не шла. Наука фактически ничего не знала о таких могущественных государствах древнего Востока, как Хеттское, Митанийское, Урартийское.

Та обширная глава всемирной истории, которая сейчас является достоянием каждого грамотного человека, почти целиком обязана своим созданием упорным археологическим работам, которые развернулись на Ближнем Востоке в XIX столетии и с успехом продолжают и в настоящее время.

По следам археологов, опираясь на добытые ими материалы, двинулась целая армия филологов различных специальностей, самое возникновение которых было бы невозможно без успехов археологической науки, — египтологов, ассириологов, хеттологов, халдоведов и др., историков культуры, искусства, ре-

⁷ W. W. T a r n. The Greeks..., стр. 478—486.

лигии. Только на основе поистине титанической, невероятно трудоемкой и сложной черновой работы представителей «вспомогательных исторических дисциплин» оказалось возможным создать грандиозную картину древневосточной истории, без учета которой теперь немислимо понять общий ход всемирно-исторического процесса.

Мы знаем вместе с тем, сколько трудностей, ошибок и разочарований было на этом пути, сколько точек зрения было выдвинуто по каждому, часто самому мелкому вопросу, сколько гипотез было отброшено и сколько, после всего, что было сделано, осталось неясного, спорного, неисследованного.

Понятно поэтому, что нас — историков Средней Азии — не могли смущать скудость и недоброкачество сохраненных веками литературных источников, спорность и неясность чуть ли не всех стоящих перед нами проблем. Но, вместе с тем, мы не могли не отдавать себе отчета в том, что для подведения под разработку этих вопросов подлинно научной базы мы должны в кратчайшие сроки догнать своих коллег переднеазиатцев, развернув широкие и углубленные археологические работы, которые — в этом мы были уверены — откроют перед нами неисчерпаемый резервуар новых исторических материалов.

До революции археологическое изучение Средней Азии находилось в зачаточном состоянии. Хотя задача развертывания этих работ была поставлена с первых лет завоевания Средней Азии царской Россией (так, уже в 1868 г., вскоре после завоевания Россией бассейна Сыр-дарьи, вдоль этой реки совершает поездку с археологической целью известный ориенталист П. Лерх), но разрешение ее оказалось практически невозможным, так как попало в руки совершенно не подготовленных людей — царских колониальных чиновников и офицеров. Отдавая долг любознательности некоторых из них, нельзя, однако, не констатировать, что дальше самых поверхностных, по существу ничего не дающих характеристик отдельных памятников и их групп никто из них пойти не мог. Появление на территории Средней Азии ученых-специалистов (тот же Лерх, Веселовский, Бобринский) было эпизодическим. Более систематический характер имели археологические поездки В. В. Бартольда, но, несмотря на прекрасно сознаваемое им значение археологических памятников, этот корифей русского востоковедения ни в какой мере не был археологом, видя в археологическом материале лишь иллюстрацию, а не источник для исторического исследования.

Не считая весьма скромных по объему и примитивных по методике раскопок городища Афрасиаб в Самарканде и выполненных с «американским размахом», но на крайне низком мето-

дическом уровне раскопок экспедиции Пумпелли в Анау близ Ашхабада, домусульманские памятники оставались вне сферы исследования. Основное внимание уделялось памятникам мусульманской религиозной архитектуры, да и из них по-настоящему были описаны только тимуридские памятники Самарканда.

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась предпосылкой для решительного перелома в развитии археологических работ в Средней Азии.

Место дилетантского Туркестанского кружка любителей археологии заняла целая серия научно-исследовательских учреждений во главе с сильным Среднеазиатским комитетом по охране и изучению памятников старины и искусства с отделениями на местах. Широко развернула свои работы созданная советской властью сеть музеев. В тридцатых годах развернули работу во всех республиках Средней Азии филиалы Академии Наук, два из которых, Узбекистанский и Казахстанский, выросли теперь в самостоятельные академии. Среднеазиатская тематика прочно вошла в программу работ археологических центров Ленинграда и Москвы, прежде всего Академии истории материальной культуры (впоследствии Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР), Государственных реставрационных мастерских, Музея восточных культур и др.

В течение первого десятилетия советской власти эти исследования шли в основном в рамках наметившейся еще до революции тематики, отличаясь неизмеримо более широким размахом и методическим уровнем работ. Ремонт и реставрация десятков великолепных памятников средневекового мусульманского церковного зодчества сопровождалась их тщательными обмерами и описанием, результатом чего явился впоследствии целый ряд крупных исследований, посвященных истории средневековой среднеазиатской архитектуры, из которых особенно должны быть отмечены труды Б. П. Денике, Н. М. Бачинского, Б. Веймарна и др.

Однако уже в конце двадцатых годов намечается поворот в сторону изучения домусульманских памятников, особенно широко развернувшегося с середины тридцатых годов.

Работы М. В. Воеводского и М. П. Грязнова над усуньскими памятниками Семиречья (1933), сменившиеся большой многолетней Семиреченской экспедицией А. Н. Бернштама (1936—1947); работы М. Е. Массона в Термезе, начавшиеся в 1933 г. в связи со случайной находкой великолепного скульптурного фризса первых веков нашей эры и широко развернувшиеся в 1936—1938 гг.; начатые в 1934 г. многолетние работы

Г. В. Григорьева по изучению домусульманских городищ Ташкентской области и его же замечательные раскопки в Тали-Барзу, близ Самарканда, давшие обильный материал для истории культуры античного Согда; раскопки одной из парфянских столиц — городища Неса близ Ашхабада, начатые в 1932 г. А. А. Марущенко; раскопки экспедицией А. А. Фреймана замка на горе Муг, в верховьях Зеравшана, обогатившие науку первоклассной коллекцией согдийских документов эпохи арабского завоевания (1933 г.); давшие интереснейшие результаты разведки и раскопки В. А. Шишкина в западной части Бухарского оазиса (1937—1938), наиболее выдающимся достижением которых явилось открытие замечательных стенописей замка бухар-худатов на городище Варахша; экспедиция М. Е. Массона на трассе Большого Ферганского канала (1939), впервые открывшая культуру древней Давани, — вот далеко не полный перечень больших археологических предприятий последних полутора десятилетий. Обильный, добытый этими экспедициями материал, пока лишь в незначительной мере опубликованный,⁸ по существу открывает новый этап в изучении древней истории народов Средней Азии, да и не только Средней Азии, ибо материал этот проливает свет на разнообразные проблемы истории окружающих, а иногда и отдаленных стран — Ирана, Индии, западного Китая, Сибири, Восточной Европы, в прошлом тесно связанных со Средней Азией.

Одним из отрядов армии советских археологов, развернутым фронтом двинувшихся в поход за новыми данными для истории нашей Родины, стала с 1937 г. возглавляемая автором этих строк Хорезмская экспедиция АН СССР, на долю которой выпала увлекательная задача решения загадки древнего Хорезма.

⁸ Основные публикации: М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. ВДИ, 1938, № 3—4; А. Н. Бернштам. Археологический очерк северной Киргизии. Фрунзе, 1941; его же. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1942; его же. Отчеты в ВДИ, 1939, № 4; 1940, № 2; КСИИМК, I и II; М. Е. Массон. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э., Ташкент, 1933; его же. КСИИМК, V и VIII; Термезская археологическая экспедиция, т. I. Труды УзФАН, серия 1, вып. 2. Ташкент, 1940; т. II, Труды АН УзССР, серия I, Ташкент, 1945; Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском р-не УзССР. Ташкент, 1935; его же. Каунчи-тепе. УзФАН, 1940; его же. Тали-Барзу. ТОВЭ, II; Согдийский сборник, изд. АН СССР, Л., 1934; В. А. Шишкин. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940; его же. Статья в КСИИМК, VIII.

Обзоры работ см. в статьях А. Ю. Якубовский. ГАИМК—ИИМК и археологическое изучение Средней Азии за 20 лет. КСИИМК, VI; С. П. Толстов и В. А. Шишкин. Археология, в сб. «25 лет советской науки в Узбекистане», изд. УзФАН, Ташкент, 1942.

Глава II

ВОРОТА ДРЕВНЕГО ХОРЕЗМА

1

Мне трудно забыть впечатление того дня, когда наша экспедиция впервые прибыла в совхоз Гульдурсун, расположенный на краю пустыни, в 26 километрах к северо-востоку от тогдашней столицы Каракалпакии — города Турткуля.

Уже за много километров до Гульдурсуна на северо-восточном горизонте, над густой зеленью садов, над живописными «курганчами» колхозников, возник могучий силуэт одной из крупнейших средневековых крепостей Хорезма — Большого Гульдурсуна. Чем ближе, тем величественнее разворачивалась панорама этой некогда грозной твердыни, молчаливым стражем и по сей час стоящей на рубеже пустыни и цветущих орошенных земель правобережного Хорезма. Нетронутые веками, рисовались на вечернем небе бесконечный двойной ряд далеко выдвинутых вперед башен, связанных поднимающимся уступами предстенным барьером, и подавляющая своим полным скрытой мощи спокойствием пятнадцатиметровая плоскость гигантских стен, на которые неподвижными волнами взметались гребни барханов.

Дорога в Гульдурсун сама по себе привлекала воображение. Уже скоро стало ясно, что это не простая дорога: путь лежал по широкому сухому руслу мертвого древнего канала, тянувшегося параллельно современному арыку Таза-Баг-яб, и затем, разветвляясь, с двух сторон охватывающего развалины крепости, у подножия которых, с одной стороны, раскинулись правильные ряды миниатюрных по сравнению с мертвым гигантом построек совхоза, а с другой — над пространством полей то там, то здесь поднимались бугры разрушенных вре-

менем и людьми средневековых усадеб — остатки некогда богато заселенного «рустака» (земледельческой округи) Гульдурсуна. Еще дальше к западу, за руслом древнего канала, четко рисовался прямоугольник стен и башен средневекового замка Малый Гульдурсун, за которым дальше и дальше тянулись поля и сады наступающего на пустыню колхозного Хорезма.

Грандиозные развалины Гульдурсуна овеяны легендами и сказаниями. Еще недавно в народе ходили поверья, что это — проклятое место, что в крепости скрыт подземный ход, охраняемый драконом, что всякий, кто попытается искать неисчислимы сокровища Гульдурсуна, должен погибнуть.

Местный уроженец, молодой каракалпакский ученый У. Кожуров рассказал нам слышанное им в детстве сказание о Гульдурсуне.

Некогда Гульдурсун, по словам старожилков, назывался Гюлистан — «Цветник роз». Это был богатый город с цветущей, изобилующей водой округой. Городом правил старый падишах, имевший красавицу-дочь по имени Гульдурсун. И вот счастливый город постигла беда: из пустыни пришли полчища калмыков, разрушая все на своем пути. Калмыки опустошили цветущие поля и сады и плотным кодьцом охватили город. Мужественно оборонялись жители, и враги были не в силах преодолеть их сопротивление. Прошли месяцы, и на помощь завоевателям пришел еще более страшный враг — голод. Иссякли запасы. Люди умирали на улицах. Поредевшие защитники с трудом держали оружие в ослабевших руках. Созвал тогда падишах на совет своих вельмож и полководцев. И нашелся среди них один, предложивший испытать последнее средство спасения. Это был хитроумный план. Осажденные гюлистанцы тайно привели во дворец лучшего из сохранившихся еще нескольких быков, досыта накормили его последней пшеницей из царских закромов и выпустили за городскую стену.

А от голода страдали не только осажденные, но и осаждавшие. Опустошив округу, калмыки за многомесячную осаду съели все, что можно было съесть, и в лагере их начали поговаривать о неизбежности снятия осады. Голодные калмыки поймали и убили быка, и когда увидели, что желудок его набит отборным пшеничным зерном, пришли в смятение: «Если они скотину так кормят, какие же еще у них запасы! — кричали воины. — Осада безнадежна, город неприступен, надо уходить, пока мы не умерли с голоду».

Так решили и военачальники калмыков, и в лагере начались сборы в обратный поход.

Но иначе решила дочь падишаха — Гульдурсун. Много месяцев наблюдала она со стен за предводителем калмыков,

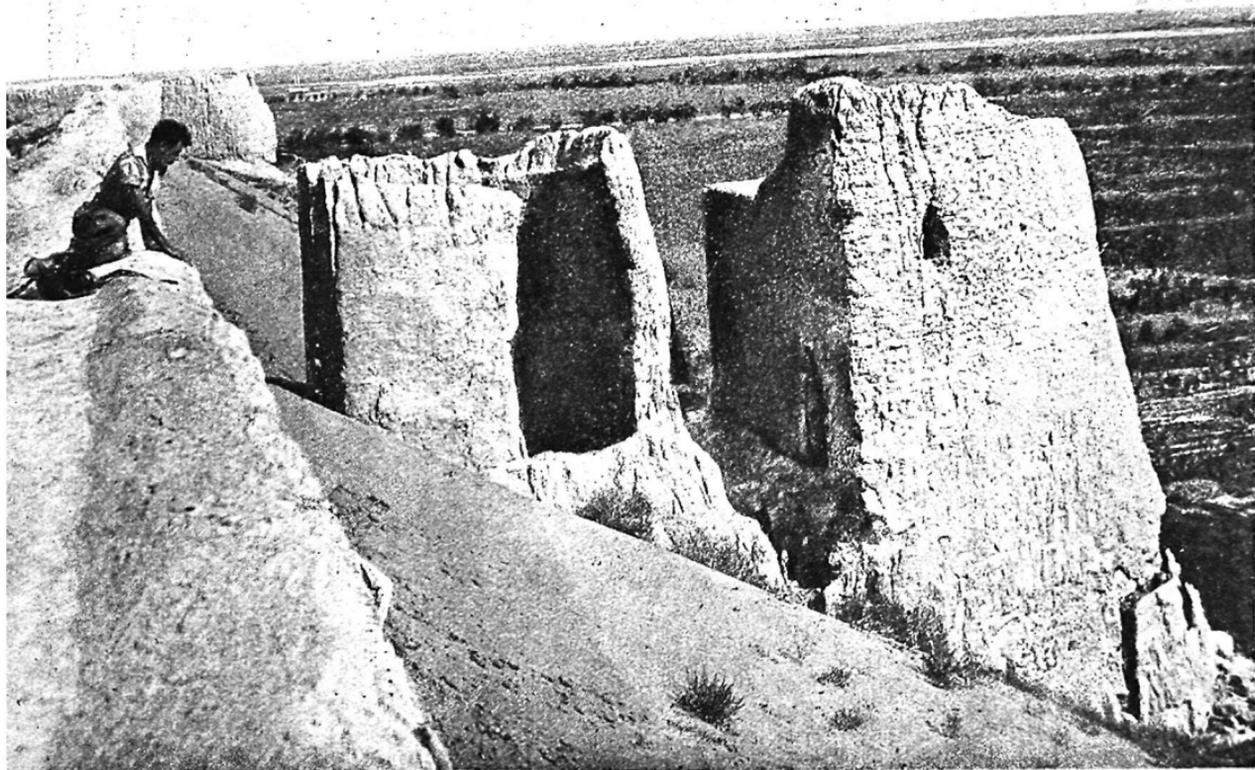

Рис. 1. Развалины Гульдурсуна

молодым красавцем, смелым витязем — сыном калмыцкого царя. В сердце ее вспыхнула неудержимая страсть к предводителю врагов ее народа. И когда увидела она, что хитрость осажденных удалась, что над лагерем врага стоит рев нагружаемых верблюдов, одна за другой исчезают свертываемые бесчисленные юрты калмыков, что не пройдет и нескольких часов, как они уйдут и навсегда уйдет с ними красавец царевич, совершила она недостойное дело: с преданной служанкой послала она калмыckому витязю письмо, где списала свою страсть к нему и выдала тайну гюлистанцев. «Подожди еще один день, — писала она, — и ты увидишь сам, что город сдастся».

Калмыки развьючили своих верблюдов, и вновь в ночи загорелись бесчисленные лагерные костры. И когда на рассвете гюлистанцы увидели, что враги еще теснее охватили город, что не увенчалась успехом их хитрость, они пришли в отчаяние, и умирающий от голода город сдался на милость победителя.

Город был разграблен и сожжен, жители — частью перебиты, частью уведены в рабство. Предательницу Гюльдурсун привели к царевичу. Он взглянул на нее и сказал: «Если она из-за недостойной страсти к врагу своей родины предала свой народ и своего отца, как же она поступит со мной, если кто-нибудь другой пробудит ее страсть? Привяжите ее к хвостам диких жеребцов, чтобы не смогла она больше предать никого».

И разорвали кони тело Гюльдурсун на мелкие части и рассеяли его по полям. И от проклятой крови предательницы запустело это место и стали звать его не Гюлистан, а Гюльдурсун.

В этом трагическом сказании есть зерно исторической истины. В народной среднеазиатской традиции под именем калмыков — грозных завоевателей XV—XVI вв., огнем и мечом прошедших по Казахстану и северной части Средней Азии, сплошь и рядом скрываются еще более свирепые завоеватели XIII в. — монголы Чингис-хана. А именно в дни монгольского нашествия оборвалась жизнь в стенах и на полях Гюльдурсуна, вновь расцветающая в наши дни.

С естественным нетерпением, едва закончив разгрузку каравана экспедиции, мы двинулись на развалины. Пройдя через мрачный лабиринт пр дворотных оборонительных сооружений и пересекши огромное внутреннее пространство, покрытое заросшими кустами и занесенными песком буграми разрушенных построек, по крутому песчаному склону мы взобрались на северную стену. И отсюда, с пятнадцатиметровой высоты, перед нами открылась грандиозная незабываемая панорама древнего, покоренного пустыней Хорезма, перед которой

померкло еще недавно столь яркое впечатление от гульдурсунских развалин. Впереди нас, разливаясь необозримым морем на запад, на восток и на север, лежали мертвые пески. Лишь далеко на северном горизонте сквозь дымку дали рисовался голубоватый силуэт Султан-Уиздагских гор. И повсюду, среди застывших волн барханов, то густыми скоплениями, то одинокими островками лежали бесчисленные развалины замков, крепостей, укрепленных усадеб, целых больших городов. Биноколь, расширяя кругозор, открывал все новые и новые руины, то казавшиеся совсем близкими, так что можно было видеть стены, ворота и башни, то отдаленные, рисующиеся нечеткими силуэтами.

Характерный контур Думан-кала («Крепость туманов») — темная полоса стен с прямоугольником поднимающейся с южного края цитадели; гордая вершина башни Джильдык-кала («Крепость ветров»); чуть видный силуэт Кават-кала — на северо-западе; утонувшая в гигантских барханах, над которыми едва виднелись вершины башен, Кум-Баскан-кала («Крепость, засыпанная песками») на северо-востоке; еще дальше — стройный доныон («жилая башня») Тешик-кала и могучие укрепления Беркут-кала («Орлиная крепость»), и, наконец, где-то далеко на севере прозрачным маревом рисовалась увенчанная развалинами скалистая вершина Аяз-кала. А между ними, повсюду, бесчисленные безымянные развалины поднимались из песков, сливаясь в один величественный памятник трагической борьбы человека и пустыни.

Мы были у ворот древнего Хорезма, на пороге пути в неизведанное прошлое.

Древний мертвый Хорезм отовсюду окружает Хорезм современный, живой.

Год спустя стояли мы на стенах не уступающих Гульдурсуну по масштабу грандиозных руин средневекового города Замахшара, на границе культурной полосы Тахтинского района Ташаузской области Туркменской ССР, и, как и в Гульдурсуне, перед нами на многие десятки километров простиралась своеобразная таинственная страна, где на каждом шагу путешественник встречается со следами деятельности давно ушедших поколений. Это были тоже ворота древнего Хорезма, на этот раз — западные.

Лишь немногие из развалин сохранили свои старые имена, позволяющие уловить нить исторической традиции. Таковы развалины Куны-Ургенча, Замахшара (ныне Змухшир), Джигрибента, развалины средневекового Даргана и Шурахана. Подавляющее большинство руин получило свои ныне бытующие имена много веков спустя после того, как жизнь на них ис-

чезла. Имена части развалин, как некоторые из перечисленных выше, наваяны их внешним видом. Имена некоторых из них напоминают путешественнику о грозных опасностях, подстерегающих человека в опаленном солнцем песчаном море. Таковы Кой-Крылган-кала («Крепость погибших баранов»), Кузы-Крылган-кала («Крепость погибших ягнят») и, наконец, самая страшная из них, — Адам-Ульген-кала («Крепость мертвого человека»). Это небольшой замок VII—VIII вв., в тени стен которого и посейчас лежит высохший, скорченный, полузанесенный песком и обглоданный лисицами, обтянутый черно-коричневой кожей скелет человека в рваном полосатом халате. Много лет назад этот одинокий путник не нашел в себе сил преодолеть 10—15 километров, отделявших его от воды, прилег в тени мертвого замка и погиб.

Другая, также значительная часть имен развалин, вводит нас в мир народных легенд и сказаний, в своеобразный материализованный фольклор.

Большая часть правобережных развалин ассоциируется с образами каракалпакских и казахских сказаний. Так, с комплексом развалин III—IV вв. н. э. Барак-там, на далекой северо-восточной окраине Каракалпакии, близ границ Казахстана, связана легенда о царе Бараке. В лучше сохранившемся замке этого комплекса некогда жил сам царь, в другом замке — его охотничья птица, огромный орел. Царь был жесток и упрям. Однажды его орла навестила мать — мифическая гигантская птица Ангка. Барак собрался в этот день на охоту. Напрасно приближенные уговаривали его не ехать, не раздражать орла. Он не послушался их. И тогда оскорбленный орел поднял его когтями вместе с конем высоко в небо и бросил с высоты оземь. Труп Барака был похоронен в его замке, область запустела, и с тех пор караваны избегают заходить в проклятое место. С именем той же мифической птицы Ангка связано название прекрасно сохранившейся позднантичной крепости Ангка-кала.

В городе III—V вв. н. э., развалины которого известны сейчас под именем Курганча (в 20 км к востоку от г. Тахта-Купыра), некогда, по преданию, жил знаменитый герой каракалпакского и казахского эпоса — Кобланды-батыр.

С комплексом двух каменных крепостей на правобережье среднего плеса Аму-дарьи — Кыз-кала и Йигит-кала («Девичья крепость» и «Крепость джигита») связана романтическая легенда о дочери хорезмийского царя и домогавшемся ее любви юноше.

Развалины I—VI вв. н. э. Кырк-кыз («Сорок девушек») — имя, под которым в его тюркской или иранской (Чиль-дух-

тарап) форме известно в Средней Азии немало руин (Мерв, Термез и др.), ассоциируются со столь же распространенной легендой о царице и ее сорока подругах, выступающих то в виде вонпельниц-амазонок, как в одноименном каракалпакском эпосе, то в виде изгнанниц-отшельниц, то, как в одной из киргизских легенд, навеянной «народной этимологией» имени киргизского народа («кыргыз» — «кырк-кыз»), его прародительниц.

К западу от Кырк-кыза, на пестрых обрывах скалистой вершины одного из восточных отрогов Султан-Уиздага, поднимается живописнейший памятник древнего Хорезма, крепость первых веков нашей эры — Аяз-кала (рис. 10—11, 37—38). Народное предание связывает эту крепость с именем героя — раба Аяза, добывавшегося руки царицы, обитавшей в крепости Кырк-кыз со своими сорока подругами. Образ храброго и мудрого раба-богатыря Аяза — один из древних образов среднеазиатского тюркского фольклора. Казахское сказание, записанное на Нижней Сыр-дарье, связывает этот образ с легендарными событиями, предопределившими образование Аральского моря, исчезновение Устюртского русла Аму-дарьи и возникновение дн. евного Хорезма.

По этому преданию, в прежнее время не было Арала, а Сыр-дарья и Аму-дарья, соединяясь вместе, текли через Лаузан, Куны-Ургенч и Айбугир в Каспий.

На месте Аральского моря жил народ адагы, которым правил жестокий и вероломный Фасыл-хан, а на территории вдоль Узбоя обитал народ байсын во главе с Аяз-ханом, бывшим рабом, благодаря своей мудрости и справедливости сделавшимся правителем государства.

За страшные преступления Фасыл-хана, обесчестившего дочь одного святого, по молитве последнего, вода затопила все царство Фасыла. На этом месте образовалось Аральское море, в которое стали впадать обе великие реки. Соединенное их древнее русло пересохло, и люди Байсына, во главе с Аяз-ханом, переселились в Хорезм и образовали царство, которое стало называться Ургенч. Адагийцы же и все их города погибли под водой, и следы их построек и сейчас можно видеть в ясные дни на дне Аральского моря.¹

Ниже нам еще придется вернуться к этому сказанию, перекликающемуся с раннесредневековыми и античными легендами о происхождении Хорезма. Образ раба Аяза мы встречаем в XVII в. в «Родословной туркмен» Абульгази.

¹ А. Нестеров. Прошлое приаральских степей в преданиях киргиз Казалинского уезда. ЗВО, 1900, т. XII, в. IV, стр. 95—100.

Лаконическое свидетельство о бытовании образа Аяза уже в XI в. мы находим в «Словаре» Махмуда Кашгарского, который пишет: «Аяз — имя раба». Речь явно идет не о специфическом имени, присваиваемом рабам вообще, а о собственном имени какого-то раба, хорошо известного тюркам, информаторам этого выдающегося раннесредневекового лингвиста.

Очень своеобразен цикл имен ряда античных и средневековых развалин Ташаузской области. Когда мы собирались в экспедицию 1939 г., охватившую эту территорию, нас крайне интриговали названия крепостей: Халап-кала, Ярбекир-кала, Ширван-кала, Шемаха-кала, переселяющие нас в Сирию и Азербайджан (Алеппо, Диарберкир, Ширван, Шемаха). Когда мы расспросили о происхождении этих названий местных туркмен, оказалось, что в народном представлении к этим развалинам приурочивается место действия замечательного туркменского романа «Шах-Сенем». Имя его героини носит интересная группа античных и средневековых развалин Шах-Сенем, центром которых является древняя, модернизированная в средние века крепость и расположенный рядом с ней великолепный садово-парковый комплекс XIII—XIV вв.

Как известно, действие романа, восходящего к сельджукскому периоду, происходит в Сирии и Азербайджане, на западных рубежах Сельджукской империи.

Однако ташаузские туркмены твердо уверены, что события эти происходили в районе «земель древнего орошения», в пределах их области. Царевна Шах-Сенем и ее возлюбленный Гариб родились в Ярбекир-кала. В живописном парке развалин Шах-Сенем царевна была заключена жестоким отцом и здесь же скрывала она своего возлюбленного.

Отсюда, в несправедливом гневе на Шах-Сенем, бежит Гариб, но не в далекое «царство Ширван-Шемаха», а в расположенную в нескольких десятках километров Ширван-кала и соседнюю с ней Шемаха-кала. Не в далекое Алеппо, а в Халап-кала пытаются бежать возлюбленные после примирения.

То же влияние литературной традиции, но в весьма своеобразном преломлении, отразилось на туркменском сказании о происхождении крепости XII—XIII вв. Дэв-кала («Крепость демона») в центральных Каракумах, очень своеобразного, круглого в плане, циклопического сооружения из огромных каменных плит (рис. 96).

Как рассказал нам в 1939 г. проводник нашей экспедиции туркмен-йомут из колхоза близ города Тахты, эту крепость построил дэв (демон) по имени Фархад. Он полюбил прекрасную дочь хорезмского царя Ширин и посватался за нее. Царь был встревожен этим сватовством. Не желая выдать дочь за дэва

и вместе с тем боясь ему отказать, он обратился за помощью к старухе-колдунье. Та посоветовала ему дать Фархаду невыполнимое поручение: построить в сердце каракумских песков, где нет камня, каменную крепость. Дэв, однако, выполнил поручение, нося камни на своей спине с далеких южных гор. Когда его работа была близка к завершению, царь, узнав об этом, вновь призвал на совет колдунью. Та посоветовала ему в назначенный ею день убить одновременно 9000 новорожденных верблюжат, столько же жеребят, телят и ягнят. Остальное она взяла на себя. В назначенное время она подошла к заканчиваемой дэвом крепости. В этот момент со стороны Хорезма донесся страшный крик — это тысячи матерей оплакивали своих убитых детенышей. На вопрос Фархада старуха сказала, что это весь Хорезм оплакивает только что скончавшуюся царевну Ширин. Тогда дэв, потрясенный известием о смерти своей возлюбленной и не желая ее пережить, поднял последнюю, еще не положенную на место каменную плиту и бросил ее высоко в воздух. Рухнув вниз, плита разбила голову Фархада. Узнав об этом, Ширин, которая в свою очередь полюбила дэва, прибежала на место его гибели и заколола себя над трупом возлюбленного.

В этом примитивном архетипе изящного романа о восточных Ромео и Джульетте ярко выступает его древний, мифологический аспект. Дэв Фархад, древнее божество подземного мира, покровитель строителей и каменотесов, выступает здесь как прототип литературного героя, также сохранившего в себе черты каменотеса и архитектора.

Так, в оболочке сказок и легенд, вставал перед нами загадочный мир немых развалин, полуразрушенные башни, стены и грозные бойницы которых стерегут подступы к Хорезму со стороны пустыни.

Задача состояла в том, чтобы, проникнув в это заколдованное царство, рассмотреть за фантастическим покровом очертания исторической правды, научиться читать своеобразную глиняную летопись мертвых городов.

Задача была далеко не легкой. Немало лет прошло, прежде чем место первоначальных приблизительных определений и опытов исторического осмысления отдельных фактов заняла хотя еще далекая от полноты, но все же связанная в своих общих очертаниях картина исторического развития хорезмийской цивилизации от ее далеких неолитических истоков до средневекового расцвета под эгидой «великих хорезмшахов» XII — начала XIII в. и падения под ударами монгольских полчищ — прообраза «калмыков» гульдурсунской легенды.

Глава III

В ПРИЗРАЧНОЙ СТРАНЕ

(из отчета экспедиции 1937—1945 гг.)

Мы были не первыми советскими археологами, посетившими развалины древнего Хорезма. В 1928—1929 гг. в районе развалин средневековой столицы хорезмшахов — Ургенча (ныне городок Куны-Ургенч в Ташаузской области ТССР) работала экспедиция А. Ю. Якубовского, давшего первое научное описание ургенчского комплекса архитектурных памятников¹ и рекогносцировочные сведения о расположенных неподалеку развалинах раннесредневекового города Миздахкана — ныне развалины Гяур-кала близ Ходжейли.²

В 1934 г. в Ташаузской области ТССР, на развалинах средневекового Замахшара, работала экспедиция М. В. Воеводского.³

Однако обе экспедиции затронули лишь средневековые слои этих памятников. Древнего, домусульманского Хорезма впервые коснулась экспедиция ташкентских археологов Я. Гулямова и Т. Миргиязова, раскопавших в 1936 г. зороастрийский могильник середины I тысячелетия н. э. на холме Кубатау, близ Мангыта.⁴

В 1937 г. Я. Г. Гулямов возобновил свои работы на «землях древнего орошения» южной Каракалпакии, обследовав средневековые городища Гульдурсун и Наринджан и грандиозные развалины первых веков н. э. Пиль-кала близ Шаббаза.

В том же году и в том же районе приступила к работам наша экспедиция.

¹ А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча. Л., 1930.

² Его же. Городище Миздахкан. ЗКВ, V, 1930.

³ М. V o e v o d s k y. A Summary Report of a Khwarizm Expedition. ВАИАА, 1938, № 3.

⁴ J. G u l a m. Otmuz Izlari. «Gulistan», 1937, № 4.

Выбор этого района был не случаен. Задача состояла в том, чтобы выйти за пределы культурной полосы, в глубь пустыни, где можно было рассчитывать найти пощаженные временем и человеком памятники наиболее глубокой древности. Этому учил нас и опыт экспедиций начала нашего века в восточный Туркестан, и самый характер агрикультуры Средней Азии. Ее интенсивность, связанная со стремлением использовать каждый клочок орошенной земли, густота заселения ирригационной зоны, наконец роковое для археологии, идущее из глубокой древности использование содержащих селитру развалин древних сырцовых сооружений для удобрения полей — приводили к тому, что древние поселения в пределах культурной полосы были либо нацело уничтожены, либо погребены под многометровыми толщами средневековых культурных наслоений, так что только большие, дорого стоящие раскопки этих верхних слоев могли привести археологов к открытию жалких остатков того, что можно было рассчитывать в почти нетронutom виде найти в пустыне.

«Земли древнего орошения», обширные районы пустыни, несущие следы ирригации и изобилующие развалинами, были известны в Средней Азии, и в частности в окружающей Хорезмский оазис части Кызыл-кумов и Кара-кумов, уже достаточно давно. Их отмечали многочисленные путешественники. Значительная часть их была нанесена на географические карты. Самое происхождение этих земель, причины их запустения давно волновали не только историков, но и географов и геологов, составляя одну из историко-географических загадок древней Средней Азии. Каких только теорий по этому поводу не выдвигалось! И изменение течения рек, определенное изменением их базиса эрозии, и неотвратимое наступление песков, и якобы порожденное самой ирригацией засоление почв и, наконец, общее катастрофическое «усыхание Средней Азии» фигурировали в литературе в объяснение этой загадки. Но все это были лишь домыслы, по существу ничем не обоснованные, ибо не только причины, но даже время запустения этих земель оставались неизвестными. Решающее слово принадлежало историкам и археологам, и это составляло большую самостоятельную исследовательскую задачу, определившую в числе прочих наш выход в пустыню.

Выбор именно «земель древнего орошения» юго-восточной Каракалпакии определялся тем, что для этого района мы имели некоторые исторические сведения, позволявшие предполагать их относительно очень раннее запустение.

До X в. правобережье южного Хорезма было центром древнего Хорезмийского царства. Здесь лежала домусульманская

столица страны — город Кят. Но после перехода центра политической жизни в конце X в. в Ургенч эта территория отступает на второй план и явно приходит в упадок. Резиденция древних хорезмшахов — замок Филь, или Фир, в 997 г. была смыта Аму-дарьей. В XII в. арабский географ Сам'ани сообщает, что некоторые города правобережья лежали в развалинах и площадь их распахивалась. А в XIV в. знаменитый арабский путешественник ибн-Батута по дороге из Кята в Бухару, т. е. как раз на территории южной Каракалпакии, не встретил ни одно-

Рис. 2. Караван экспедиции в районе Думан-кала

го селения, в то время как в левобережном Хорезме, в особенности в Ургенче и его округе, в дни ибн-Батулы жизнь еще была ключом.

В географических описаниях Хорезма обилие и сохранность развалин между Гульдурсуном и Султан-Уиздагскими горами особенно подчеркивались, и мы имели все основания полагать, что именно здесь больше всего шансов найти нетронутые временем памятники домусульманской эпохи.

В 1937 г. мы направили в этот район сотрудника нашей экспедиции аспиранта ГАИМК А. И. Тереножкина для первоначальной рекогносцировки. Результаты его сборов, в особенности собранный им обильный подъемный нумизматический материал, обработанный и опубликованный нами в 1938 г., подтвердил наши предположения. За Гульдурсуном действительно лежала обширная зона развалин домусульманской эпохи, открывавшая широкие перспективы для исследования.⁵

⁵ См. А. И. Тереножкин. Археологические разведки в Хорезме. СА VI, 1940.

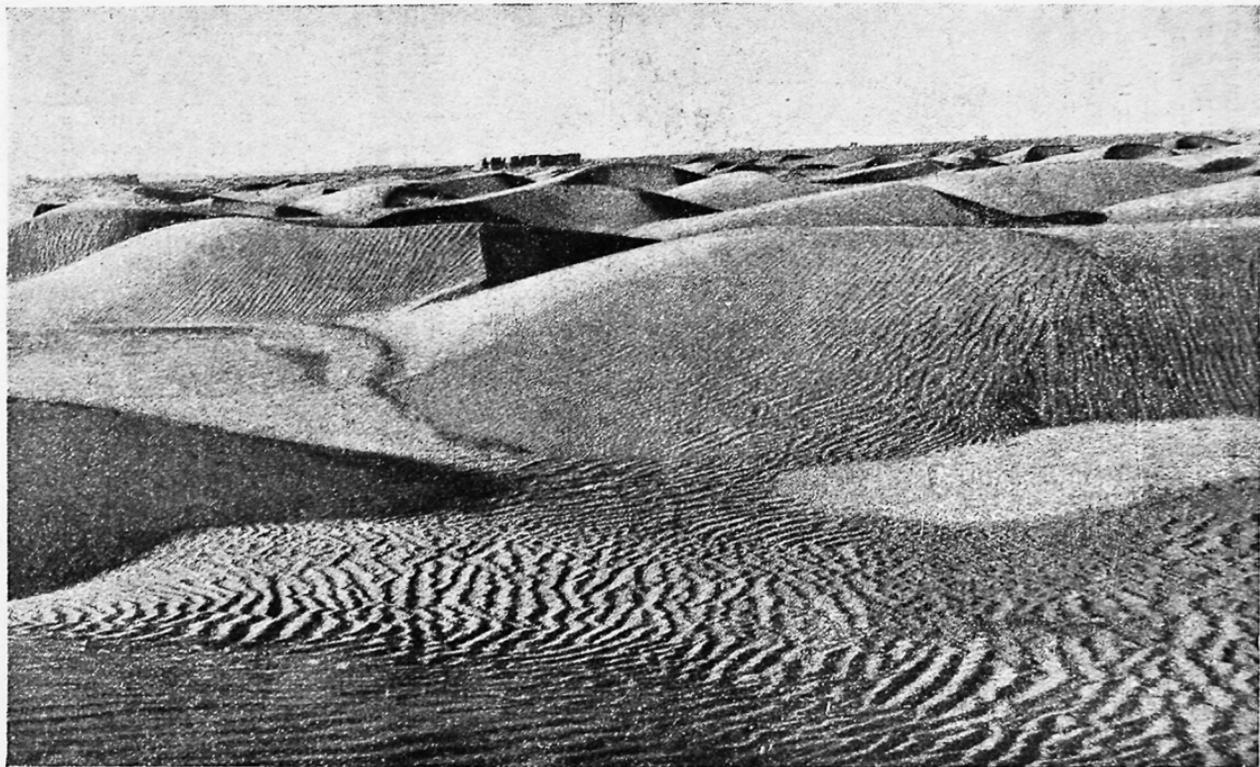

Рис. 3. Пески в окрестностях Беркут-кала

И в 1938 г. работы экспедиции развернулись на полную мощ-
ность.

Первым объектом раскопок был избран замок VIII в. —
Тешик-кала, свидетель арабского завоевания, на руинах ко-
торого, великолепно сохранивших свой внешний облик, экс-
педиция работала три месяца. С базы в Тешик-кала была про-
ведена разведка наиболее удаленной в глубь пустыни цепи раз-
валин — Кой-Крылган-кала, Ангка-кала, Базар-кала, Кур-
гашин-кала, Большой и Малый Кырк-кыз, Аяз-кала, Топрак-
кала и Кзыл-кала.

Еще в разгаре раскопок наше внимание привлек рису-
ющийся на восточном горизонте своеобразный, непохожий на
окружающие нас замки VII—VIII вв. силуэт крепости, пото-
нувшей в море песков. Мы подолгу рассматривали его в би-
нокль и обменивались догадками. Над грядами тяжелых бар-
ханов поднимались замыкающие полосу стен трапециевидные
очертания угловых башен крепости, навевавшие ассоциации
с памятниками классического Востока. И как только выдался
более или менее спокойный день на раскопках, мы с фотогра-
фом Е. А. Поляковым и верблюдоводом Сансызбаем Урюмо-
вым вышли на верблюдах по направлению к загадочным раз-
валинам.

Переход был крайне тяжелым. Путь лежал через ряды ог-
ромных, грозно вздыбленных грив барханов. Гребни их, по
которым осторожно шагали наши верблюды, отвесно срывались
в провалы глубоких «уев» — котловин выдува. На лежащем
глубоко под нами дне этих котловин ветер крутил вихри свер-
кавшего блесками слюды черноватого песка.

В море барханов утонули развалины — их не было видно ни
сзади ни впереди, но наш проводник уверенно вел нас изви-
листым путем, то огибая «уи», то поднимаясь по песчаным скло-
нам. И вдруг, с гребня одного из барханов перед нами неожиданно
открылась широкая площадь такыров, покрытых россышью
багряно-красных черепков. Над такырами поднимались причудливые
очертания развалин странной крепости, не похожей
на все то, что мы видели до сих пор. До цели нашего путеше-
ствия было еще далеко. Этой крепости (как мы потом узнали —
это была Кой-Крылган-кала) не было видно с башни замка
Тешик-кала. Полуразрушенные стены восемнадцатигранной
цитадели были окружены правильным кругом почти сравнен-
ной с землей внешней стены с остатками девяти башен. Грани
стен цитадели, сложенные из огромных квадратных сырцовых
кирпичей, поднимавшиеся местами на 5—6 метров, были проре-
заны узкими и частыми щелями бойниц, стреловидно оформлен-
ных сверху парами сходящихся под острым углом кирпичей.

Рис. 4. развалины Кой-Крылган-кала

А внутри и вокруг цитадели лежали бесчисленные фрагменты сосудов великолепной выделки и обжига, с поверхностью то покрытой красным лаком, то украшенной прорезным орнаментом в виде углов и треугольников, с последующей красной, коричневой и черной раскраской по розовато-желтому фону. Среди черепков мы подняли бронзовый двухперый наконечник стрелы раннескифского типа и пару терракотовых статуэток — безголовую фигурку мужчины, сидящего поджав под

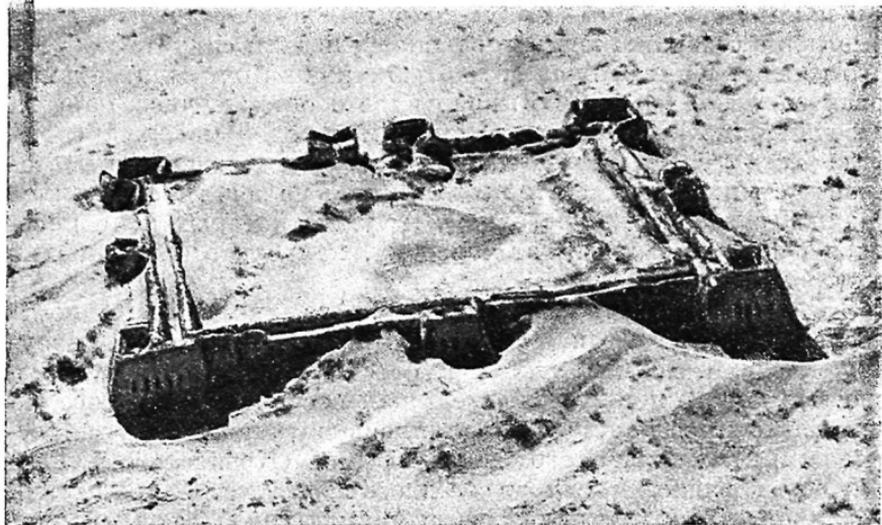

Рис. 5. Ангка-кала

себя одно колено и положив руку на другое, и изображение женщины, сидящей, спустив ноги на одну сторону, на спине фантастического зверя.

Перед нами была другая эпоха, гораздо более древняя, чем та, над изучением которой мы работали в Тешик-кала; перед нами был первый памятник ранней античности Хорезма.

На закате, перейдя новые гряды тяжелых песков, мы вышли на такыры, к цели нашего путешествия — Ангка-кала, также относящейся, как выяснилось, к античной эпохе, но к более позднему периоду — первым векам нашей эры: на такыре мы подняли медную монету с изображением царя в своеобразной короне в виде орла. По сборам прошлого года этот тип был уже нам знаком — мы датировали его третьим веком нашей эры.

Ангка-кала была совсем не похожей на только что обследованные нами руины, — только кирпич, да стреловидные бойницы говорили о единстве эпохи.

Правильный квадрат в плане, с квадратными же башнями по углам и по середине пролетов стен, с квадратными пилонами ворот, ведущих на внутренний двор, — это была одна из наиболее хорошо сохранивших свой внешний облик античных крепостей. С ее стены, куда я поднялся на закате солнца, позади, на пурпуровом фоне западного неба, за бесконечными гребнями песков тянулся вдоль горизонта черный силуэт бесчисленных башен мертвого оазиса Беркут-кала, вытянувшегося на 17 километров с севера на юг, и казавшийся издали силуэтом огромного города. Кругом царил мертвая тишина пустыни, подчеркивая странное ощущение призрачности окружающего царства сказочных, давно забытых человеком городов и селений, некогда воздвигнутых титаническим трудом древних завоевателей пустынь. На рассвете мы двинулись на юг, где виднелись странные развалины, близ одного из углов которых ясно рисовался неподвижный силуэт человека, как будто напряженно всматривавшегося в нас.

Это был замок VI—VII вв. н. э. Адамли-кала («Крепость с человеком»). Иллюзию создавал причудливый зубец разрушенной стены, вблизи, впрочем, совсем не похожий на человека. По дороге нас застала жестокая песчаная буря — все окружающее пространство заполнилось гудящим непроницаемым вихрем раскаленного песка, исчезла «Крепость с человеком», чуть виднелся силуэт соседнего верблюда. С трудом мы добрались до укрытия под стенами Адамли-кала. Так как запас воды был исчерпан, мы решили не прерывать работы и, пользуясь минутами относительного затишья, обмерили и сфотографировали крепость. Трудно забыть фигуру Е. А. Полякова, когда он, чтобы не быть сваленным ветром, из-за прикрытия стены, как какой-то злодей из-за угла, целился аппаратом на центральную башню крепости. Вероятно, не менее оригинальный вид имели и мы с Сансызбаем Урюмовым, когда, преодолевая ветер и песок, придерживая вырываемую из рук ленту рулетки, карабкались на эту башню, рискуя улететь в небо, как один из персонажей сказки Юрия Олеши.

Отсутствие воды (здесь, впрочем, сказала еще и наша неопытность; впоследствии мы строго держались правила работы в пустыне: «едешь на день — бери воды на неделю») не дало нам возможности дожидаться окончания бурана. Только когда мы добрались опять до Кой-Крылгана, выглянуло солнце, а на полпути к Тешик-кала нас встретила «спасательная экспедиция» на верблюде с двумя бочками воды. С немалым удоволь-

ствием мы выпили чаю, вскипяченного на импровизированном костре, и двинулись «домой». Подлинно «все на свете относительно» и в дни разведок заброшенный в пустыне маленький «аул» экспедиции кажется родным домом.

Осуществленная по окончании раскопок дальнейшая разведка показала, что остальные крепости пройденного маршрута, полукольцом охватывающие «земли древнего орошения», также были заброшены еще в период античности или на заре средневековья.

Кроме многочисленных античных развалин и памятников домусульманского раннего средневековья, работы 1938 г. дали нам первые памятники бронзового века. Во время нашей с А. И. Тереножкиным пешеходной разведки в песках к юго-западу от Тешик-кала, в котловинах выдува нами впервые были обнаружены остатки нескольких разветвленных стоянок с керамикой, очень близкой к керамике андроновской культуры Казахстана и Сибири и, в меньшей степени, срубной культуры Поволжья, т. е. II тысячелетия до н. э.⁶

1939 год был — из довоенных лет — годом наиболее широкого разворота работ. Они продолжались шесть месяцев — с июня по октябрь и охватили огромную территорию от Султан-Уиздага на севере до Чарджоу на юге и центральных Каракумов на юго-западе.

В начале июня экспедиция вышла двумя разведочными партиями из Чарджоу на север, вдоль среднего течения Амударьи. Западный отряд под руководством С. А. Ершова двигался сухопутьем, вдоль автомобильной дороги. Восточный отряд под нашим руководством двинулся вдоль правого берега по воде.

По окончании маршрута, позволившего выяснить историческую динамику южных границ древнего и средневекового Хорезма, оба отряда вновь объединились на «землях древнего орошения» южной Каракалпакии. Здесь мы последовательно провели раскопки четырех памятников — трех античных: 1) большого здания в крепости I—II вв. н. э. Аяз-кала № 3, 2) земледельческой усадьбы II в. н. э., по соседству с Аяз-кала № 3, 3) развалин одной из ранних крепостей хорезмской античности, расположенной на крайней восточной окраине «земель древнего орошения», Джанбас-кала, и одного домусульманского средневекового замка Беркут-кала № 36, недалеко от нашего прошлогоднего объекта — Тешик-кала.

⁶ О работах 1938 г. см. С. П. Толстов, Древнехорезмийские памятники Каракалпакии, ВДИ, 1938, № 3.

Во время раскопок в Джанбас-кала было сделано новое существенное открытие: участники экспедиции студенты МГУ А. Я. Абрамович и Н. Н. Вактурская, во время разведок в обширной песчаной котловине, окаймляющей с юга холм, увенчанный развалинами, обнаружили местонахождения обильных кремневых орудий и покрытой богатым штампованным орнаментом примитивной керамики. Обследования и шурфовка на месте находки показали, что перед нами прекрасно сохранившаяся стоянка первобытных хорезмийцев, значительно более древняя, чем стоянки бронзового века, открытые в 1938 г. Эта стоянка, названная нами стоянкой Джанбас-кала № 4 (до этого были обнаружены три стоянки бронзового и раннежелезного века в песках к северо-западу от Джанбаса), принадлежала к новой, мало похожей на известные в окружающих областях, неолитической культуре, названной нами, согласно существующему среди археологов обычаю, кельтеминарской, по имени ближайшего населенного пункта. Время бытования этой культуры уводило нас по меньшей мере в начало III, а может быть и в IV тысячелетие до н. э.

По окончании раскопок мы вышли в новый, один из самых трудных разведочных маршрутов нашей экспедиции — северно-каракумский. Наш караван из 14 верблюдов выступил ясным октябрьским утром из столицы северной Туркмении — города Ташауза — на запад. За две недели мы прошли около 150 километров вдоль огромного древнего канала — главной магистрали «земель древнего орошения» юго-западного Хорезма и далее, в глубь песков до развалин Дэв-кала, и обследовали 12 памятников античной и средневековой эпохи, от середины I тысячелетия до н. э. до X-V в. н. э.

Самым существенным открытием этого маршрута было обнаружение наиболее ранних памятников хорезмийской античности, более древних, чем Кой-Кыргыган-кала и Базар-кала (самые старые развалины Правобережья), — огромных городищ Калалы-гыр № 1 и Кюзели-гыр на щебнисто-песчаных холмах близ среднего отрезка Чермен-яба, керамические находки на которых позволили отнести их к середине I тысячелетия до н. э.⁷

1940 год — последний довоенный год наших полевых работ — был посвящен раскопкам открытой в 1939 г. неолитической стоянки Джанбас-4, рекогносцировочным раскопкам и обмерам обширного античного городища Топрак-кала, обследованию мертвого оазиса XII—XIII вв. н. э. Кават-кала и раскопкам

⁷ О работах 1939 г. см. С. П. Толстов, Древности Верхнего Хорезма, ВДИ, 1941, № 1 и статью С. А. Ершова в том же номере.

одной из крестьянских усадеб в этом оазисе. Он завершился маршрутом на верблюдах вдоль южной окраины Султан-Уиздагских гор и далее на север — до города Нукуса. Во время этого маршрута вместе с открытием ряда новых античных и средневековых городищ был обнаружен интересный комплекс наскальных знаков на каменных возвышенностях Чильпык, Беш-тубе и Кара-тубе, древнейшие из которых восходили к бронзовому веку и ввели нас в мир протохорезмийской пиктографической письменности.⁸

Накопленный за первые четыре года полевых работ материал был обширен и разнообразен: свыше 1500 километров разведочных маршрутов, около 400 вновь открытых памятников, 14 из которых⁹ были подвергнуты более или менее интенсивным раскопкам. Время от рубежа I V и III тысячелетий до н. э. — до XI V в. н. э., т. е. около четырех с половиной тысячелетий, было представлено почти непрерывной цепью памятников, позволяющих проследить главные линии развития древнехорезмийской цивилизации.¹⁰ Были выяснены основные контуры исторической динамики культурных земель и политических границ южного Хорезма в древности и в средневековье как на правом, так и на левом берегу, установлена общая схема древней ирригационной сети, определены время и условия запуска «земель древнего орошения».

Работа над типами поселений и над памятниками истории земледелия и ремесла позволила подойти к решению центральной стоявшей перед нами исторической проблемы — проблемы истории общественного строя древнего Хорезма. Обильный нумизматический материал осветил многие вопросы политической истории, явившись вместе с тем первым комплексом памятников хорезмийской письменности. Те же монеты, печати, многочисленные и разнообразные терракотовые статуэтки и, наконец, сотни прекрасно сохранившихся памятников архитектуры приоткрыли перед нами завесу над историей духовной культуры Хорезма, его искусства и религии.

⁸ О работах 1940 г. см. С. П. Т о л с т о в, Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма, ВДИ, 1946, № 1.

⁹ Неолитическая стоянка Джанбас-4; четыре античных памятника: Джанбас-кала, Аяз-кала № 3, усадьба № 1 в Аяз-кала, Топрак-кала; четыре раннесредневековых домусульманских памятника — Тешик-кала и замки № 4, 34 и 36 в Беркуткалинском мертвом оазисе; пять раннесредневековых памятников: жилой сельский дом близ Гульдурсуна, городской дом в «старом городе» близ мазара Наринджан-б.ба, раннесредневековый могильник — там же, Кават-кала, сельская усадьба № 1 близ Кават-кала.

¹⁰ Опыт хронологической классификации памятников см. С. П. Т о л с т о в «Древний Хорезм» (тезисы), КСИИМК, XIV, а также монографию «Древний Хорезм». М., 1948, стр. 32—34.

Но чем дальше мы углублялись в наш материал, тем больше возникало новых и новых проблем. Лето 1941 г. застало наш коллектив за лихорадочной подготовкой новых полевых работ: надо было завершить раскопки неолитической стоянки Джанбас-4, развернуть работы над интереснейшим античным городищем Топрак-кала; планировались обширные разведки в северных Кызыл-кумах и на Устюрте в целях выяснения северо-восточных и северо-западных историко-культурных связей древнего Хорезма.

Вероломное нападение гитлеровских полчищ на Советскую страну, прервавшее мирную созидательную работу советских людей по строительству социалистического общества, прервало и наши исследования. Почти все кадровые работники экспедиции ушли на фронт, выполняя свой долг перед Родиной и став из археологов саперами, артиллеристами, летчиками, снайперами, медработниками. Одного из нас — молодого археолога, страстного охотника, сменившего централку на снайперскую винтовку, Н. А. Сугрובה — мы не досчитались в наших рядах, когда, после победы, вновь собрались вместе. Он пал смертью храбрых, защищая родную Москву.

Только в 1945 г. мы возобновили наши работы. Полевой сезон 1945 г. носил подготовительный характер: были завершены раскопки стоянки Джанбас-4, открыты в окрестностях Джанбаскала многочисленные новые стоянки неолита и бронзового века, проведены новые рекогносцировочные работы в Топрак-кала и предпринят разведочный маршрут на северо-востоке Каракалпакии.¹¹ В 1946 г. работы вновь развернулись на полную мощность, оставив по своему масштабу далеко позади то, что было сделано за первые пять полевых сезонов.¹²

¹¹ О работах 1945 г. см. С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1945 г., ИАН, СИФ, 1946, № 1.

¹² О работах 1946 г. см. С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1946 г., ИАН, СИФ, 1947, № 2.

Глава IV

ПОЛЕТ ЧЕРЕЗ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

(из дневника экспедиции 1946 г.)

В июле 1946 г. развернулись обширные раскопки Топрак-кала — грандиозного городища I в. до н. э. — VI в. н. э. Основным объектом был избран замок-дворец правителя города. Три сезона предварительных обследований и рекогносцировочных раскопок 1938, 1940 и 1945 гг. позволили окончательно прийти к выводу, что Топрак-кала из всех известных нам античных памятников открывает наиболее широкие перспективы.

Ниже (см. главу VII) мы подробно остановимся на результатах этих работ, отметив сейчас, что наиболее значительным их достижением было открытие первых в Хорезме и наиболее древних и богатых из всего, что известно для других районов советской Средней Азии, стенных монументальных многокрасочных росписей, исследование которых проливает новый свет на историю хорезмийской художественной культуры.

С базы в лагере экспедиции близ Топрак-кала нами был начат новый цикл разведочных работ, связанный с широким использованием нового, современного технического средства, впервые широко примененного в практике советской археологии.

Начало использования авиации для археологических работ¹ связано с действиями военной авиации на ближневосточном театре в период первой мировой войны, когда военными летчиками был сделан ряд интересных археологических наблюдений в сирийской пустыне. Впоследствии эта работа была продолжена и развита специалистами-археологами; особенно круп-

¹ Обзор зарубежных авиа-археологических работ см. в книге А. В. Гавеман. Аэросъемка и исследование природных ресурсов. М.—Л. 1937, стр. 265—275. См. также E. Schmidt. Flights over ancient cities of Iran. Chicago. 1940.

ную роль здесь сыграли работы француза Шуадебара и англичанина Крауфорда. Помимо открытия в сирийской пустыне системы оборонительных сооружений и торговых путей римского времени, Крауфорд широко применил методы визуальной разведки и аэросъемки для обнаружения совершенно не различимых с поверхности древних поселений у себя на родине.

Опыт работы военной авиации над демаскировкой местных предметов при помощи фотографирования явился отправным пунктом для разработки методики археологической аэросъемки. Съемка совершенно не видимых с земли планировок древних укреплений и поселений с использованием демаскирующих свойств растительного покрова (различная густота или окраска в зависимости от наличия над поверхностью земли разного рода сооружений) или мельчайшего рельефа, резко выступающего в косых лучах солнца, дала возможность обнаружить целый ряд интереснейших археологических памятников. Позднее аэросъемка была применена американскими археологами во время исследования памятников древней перуанской цивилизации, а незадолго до второй мировой войны американская авиа-археологическая экспедиция Э. Шмидта провела большую работу по аэросъемке древних и средневековых памятников Ирана.

Нельзя, однако, не отметить, что авиа-археологические работы зарубежных исследователей, как правило, не выходили за рамки эксперимента и ставили перед собой лишь частные археологические и историко-географические задачи. Связь аэросъемки с наземными раскопками и разведками была весьма слабой.

Наша экспедиция, впервые вводя аэрометоды в практику советской археологии, поставила перед собой ряд проблем.

Во-первых, визуальная авиаразведка должна была помочь нам в изучении древней ирригационной сети, многие важные детали которой ускользали от наземных наблюдений, особенно в тех частях, где древние каналы были сильно занесены песками, прослеживаясь лишь отдельными, разорванными участками, с трудом увязываемыми друг с другом, или там, где древняя ирригационная система подверглась сильному размыву сбросовыми водами действующей оросительной сети.

Во-вторых, применение аэросъемки позволяло уточнить планировку древних поселений, некоторые части которых совсем не прослеживаются или с трудом прослеживаются с земли, а в отдельных случаях можно было ожидать, по примеру упомянутых исследований, открытия и новых, совсем не видимых с земли объектов.

В-третьих, как плановая, так и перспективная аэросъемка

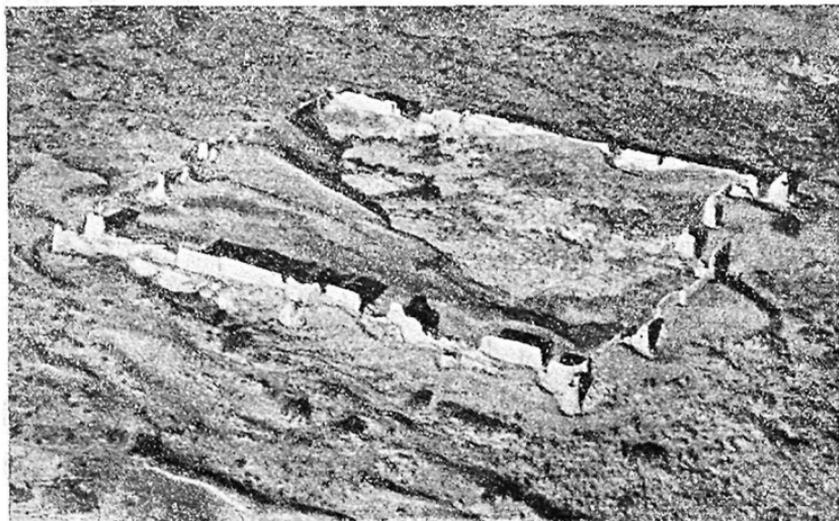

Рис. 6. Кават-кала с воздуха

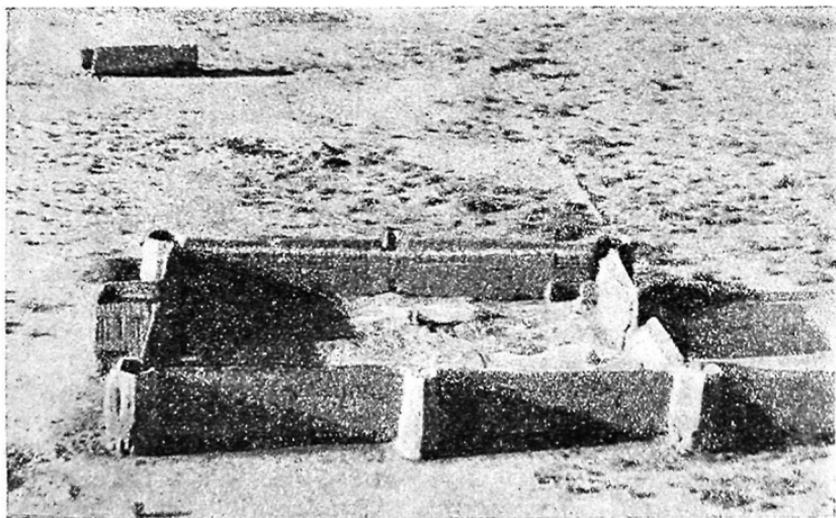

Рис. 7. Замок Кават-кала № 3 с воздуха

давала возможность максимально точно фиксировать не только планировку, но и весь архитектурный облик памятника в его современном, полуразрушенном состоянии, сэкономив много времени, необходимого для наземных обмеров, во время которых к тому же, из-за деформации памятников, многое неизбежно ускользает.

В-четвертых, маршрутные визуальные авиаразведки в пу-

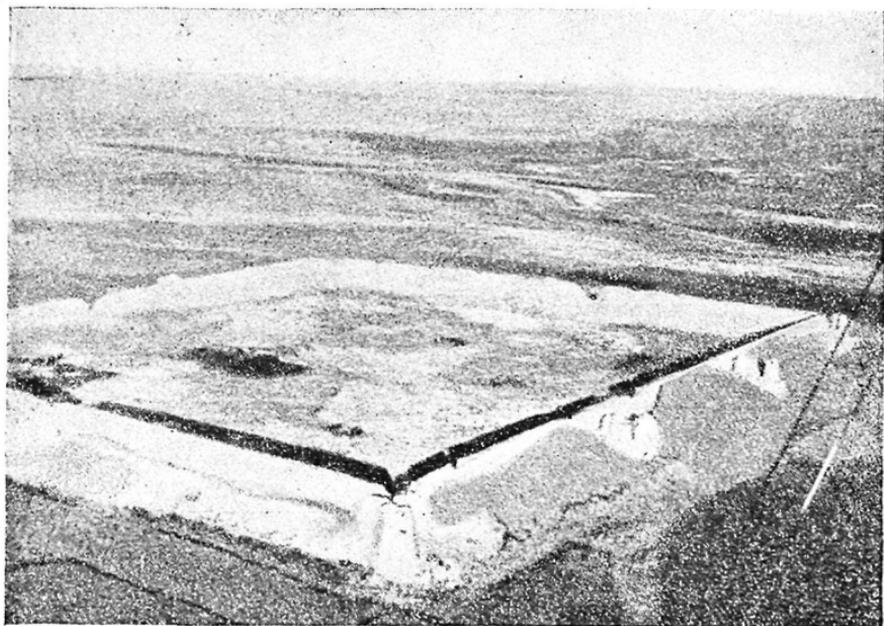

Рис. 8. Гульдурсун с воздуха

стыне благодаря широкому полю обзора гарантировали от опасности пропустить скрывающиеся за барханами памятники: при наземном маршруте исследователь в пустыне слишком зависит от карты и проводника и всегда рискует пройти, иногда на незначительном расстоянии, от скрытого рельефом местности памятника.

И, наконец, в-пятых, стоявшие перед нами на десятом году работ задачи обследования широкой периферии древнего Хорезма, с выходом в пустыню уже не на десятки, а на сотни километров, потребовали бы при прежней технике работы многих лет и огромной затраты средств, в то время как авиация давала возможность за короткое время покрыть огромное пространство густой сетью маршрутов. Но это требовало соединения воздуш-

ной разведки с наземным обследованием (детальный осмотр и обмеры, шурфовка, сбор подъемного материала), а соответственно — с использованием авиации в качестве, так сказать, десантного средства.

Почти идеальным типом самолета для решения всех этих задач оказался самолет системы ПО-2; сочетание вполне достаточной крейсерской и крайне малой посадочной скорости давало возможность ведения съемки памятников с малых высот, позволяя фиксировать архитектурные детали памятника, а также обеспечивало возможность посадки почти в любых условиях. Единственный дефект — сравнительно малый радиус действия — был легко преодолен организацией подвижной базы экспедиции в виде автогруппы, движущейся по проходимым местам пустыни вдоль намеченного маршрута и обеспечивающей в районе импровизированных «аэродромов» экспедиции снабжение горючим, водой, продовольствием и техническое обслуживание самолетов.

25 августа, в 6 ч. 30 м. утра, летная группа экспедиции, в составе пилотов Е. В. Поневежского и А. П. Белея, начальника экспедиции С. П. Толстова, научного сотрудника М. А. Орлова и кинооператора К. Мухаммедова, на двух самолетах ПО-2 вылетела с посадочной площадки в окрестностях Топрак-кала для авиаобследования основного района работ экспедиции, «земель древнего орошения» южной Каракалпакии, по маршруту Кзыл-кала — Кават-кала — Джильдык-кала — Гульдурсун — Тешик-кала — Беркут-кала — Кырк-кыз — Малый Кырк-кыз — Аяз-кала — Топрак-кала.

С высоты открывается широкая панорама памятников. На фоне темносерых пухлых солончаков ясно видна оросительная система — большой канал в виде двойного светлого пунктира обветренных бугров, остатков боковых дамб, с несколькими параллельными полосами боковых, более старых русел, идущий от Кават-кала к Кзыл-кала, проходя с юга на север к востоку от развалин. Ясно видно ответвление, уходящее на северо-запад, обходя развалины с запада. Летим над Топрак-кала, и сразу перед нами возникают в новом виде многократно исхоженные нами окрестности крепости. С земли — это монотонное пространство черновато-серых, мертвых, пухлых солончаков, местами покрытое заросшими буграми. Сейчас перед нами за пределами стен города открывается картина сложных планировок. С севера от города вырисовываются очертания обширного прямоугольного пригорода, по размеру превосходящего самый город. Ясно видны светлые полосы внешних стен пригорода, к которым привязываются нерасшифрованные с земли бугры, и черная решетка внутренних планировок,

выделяющаяся на серой поверхности солончака. На юг от ворот города, прямо продолжая линию его главной улицы, тянется прямая светлая полоса, упирающаяся в нескольких километрах в берег описанного выше канала, — видимо, след вшедшей в город большой древней дороги.

Берем направление на юг, на развалины мертвого оазиса Кават-кала. Идем вдоль хорошо видного на фоне солончака канала, тянущегося вдоль края сухого озера. Ландшафт меняется. Под нами серовато-белое пространство такыров, покрытое бесчисленными серповидными барханами. Между ними — грандиозные развалины города Кават-кала с его системой двойных башен, а вокруг — десятки замков и крестьянских усадеб, расположенных на многочисленных ответвлениях канала, покрывающих такыры густой сетью. Весь своеобразный архитектурный ансамбль обширного «рустака» эпохи «великих хорезмшахов» как на ладони. Если бы не пески, это казалось бы архитектурным макетом. Минуем величественный позднеантичный замок Джильдык-кала. Под нами — море глубоких песков. Канал теряется в них. По направлению к Думан-кала, лежащей в стороне от нашего маршрута, тянется какая-то темная полоса, разделяющая пески. Записываю в дневник: «Может быть это и есть главное ложе канала? Надо проверить при следующем полете!» Во время наземных разведок предшествующих лет, на основе наблюдений над направлением одного из наиболее мощных ответвлений Большого Гульдурсунского канала, теряющегося в песках недалеко на северо-запад от Гульдурсуна, у нас сложилось впечатление, что это и есть главный канал, орошавший район Кавата и Топрака. Так нам говорили и местные жители. Однако сейчас я начинаю колебаться в этом решении вопроса: между Джильдык-кала и Гульдурсуном — пески на поверхности сильно размытых такыров, где повсюду видны следы мелкой оросительной сети, но ни малейшего намека на русло магистрального арыка.

В 7 ч. 20 м. выходим к Гульдурсуну, на краю зеленого пространства культурных земель оазиса.

Вокруг древнего гиганта — бесчисленные крошечные коробочки купающихся в зелени садов и полей колхозных домов. Хорошо видна древняя оросительная система, своей запутанностью причинившая нам немало хлопот при наземном наблюдении.

С юга к Гульдурсуну подходит не один, как мы думали, а два древних канала! Они тянутся параллельно, на расстоянии, примерно, полутора километров друг от друга. По одному из них, восточному, явно более позднему, проходит большая дорога, по которой мы когда-то впервые прибыли в Гульдур-

сун. Не дойдя немного до юго-восточного угла крепости, канал делает крутой выгиб на запад, охватывает полукольцом Гульдурсун с запада и северо-запада и затем теряется в современных орошенных полях.

Второе, гораздо более значительное русло — прямое продолжение современного канала Таза-Баг-яб. На широте Гульдурсуна — мощный вододелитель. Отсюда канал разветвляет-

Рис. 9. Кум-Баскан с воздуха

ся на три рукава: основное, среднее русло идет некоторое время прямо, затем поворачивает на северо-восток, прямо на Кум-Баскан-кала; восточное ответвление сливается с окружающим окрестности крепости восточным каналом; третье, западное ответвление уходит почти прямо на север, на Наринджап.

Летим вдоль главного русла, сильно размытого здесь, на Кум-Баскан и Тешик-кала.

Поразительное впечатление производит с воздуха Кум-Баскан. Огромный замок с могучими башнями и двойным прямоугольником высоких глиняных стен в полном смысле задавлен переметнувшимися через него гигантскими волнами барханов. Проходим над нашим старым «домом» — Тешик-кала, с которой связано так много воспоминаний. С удовольствием отмечаем, что здесь нам нечего исправлять в показанных на-

Рис. 10. Аяз-кала с воздуха (общий вид комплекса)

земного обследования Беркут-калинского мертвого оазиса, — ирригационная сеть и расположение замков нанесены совершенно точно.

За Уй-кала канал, до того прослеживавшийся в виде плоской полосы, замеченной песком и заросшей кустарником, превращается в хорошо выраженное русло, оконтуренное двойной линией высоких бугров. Густо расположенные замки афригидской эпохи продолжаютяся на 4—5 километров к северу от Уй-кала; дальше они разбросаны единицами; на последней трети канала между Уй-кала и Кырк-кызом их нет совсем. Около этого места от канала ответвляется рукав, идущий к Малому Кырк-кызу, — тоже существенный корректив к наземным наблюдениям, в результате которых у нас сложилось впечатление, что Малый Кырк-кыз замыкал особый канал, идущий с юга параллельно Кырк-кызскому.

Перед самым Кырк-кызом канал дает три ответвления на северо-запад, орошавшие окрестности города; главное русло круто поворачивает на восток, к Кургашин-кала.

Поворачиваем на запад, вдоль обрывистой на юг гряды возвышенностей, на вершинах которых прилепилась северная линия античных крепостей — Кырк-кыз; Малый Кырк-кыз, Аяз. На север уходит бесконечное пространство мертвых грядовых песков.

В 8 ч. 20 м. проходим над Аязом, с воздуха не менее живописным, чем с земли. Прямоугольник серовато-розовых сырцовых стен с бесчисленными, часто поставленными полукруглыми башнями четко рисуется на изорванной, пестрой вершине скалы. У подножья ее широко растянулась планировка обширного неукрепленного поселения II в. н. э., среди усадеб которого резко выделяется огромный косоугольный параллелограм обнесенных валом стен и план многокомнатного здания Аяз-кала № 3. Хорошо видно раскопанное нами здание усадьбы № 1.

Летим дальше на запад вдоль холмистой гряды. На одном из скалистых мысов этой гряды, на полдороге до Топрака, ясно видны очертания крепости неправильной формы с сильно размытыми стенами и башнеобразным зданием в середине. Мы не обнаружили ее во время наших наземных маршрутов! Наносим на карту новый памятник.

Еще ближе к Топраку, уже на равнине, опять незарегистрированный памятник, правильный прямоугольный глиняный бугор — тепе с сильно обмытой поверхностью, судя по типу сохранности — античный, может быть раннеантичный.

Под нами Топрак. Делаем круг и приземляемся. Путешествие продолжалось 2 ч. 20 м. Завтракаем и идем на раскопки. Первый опыт позади и как будто неплохо удался.

Один из моих старых рабочих-казахов, колхозник из-под Гульдурсуна, спрашивает, куда мы летали. Я рассказываю. Он очень удивлен. Хотя самолеты и не в диковину современным хорезмийцам, но одно дело — полет в Нукус или еще дальше, а другое — если в родных местах по меньшей мере трехсуточный привычный маршрут покрыт за два с небольшим часа.

Рис. 11. Аяз-кала № 2 (с воздуха)

Да я и сам испытываю странное ощущение: многодневные тяжелые переходы, борьба с песками, многолетние попытки расшифровать непонятные очертания древней пригационной сети, прочесть за размытыми валами и буграми контуры древних городов и селений, поиски, разочарования, открытия — все это связано с этим куском земли, сейчас охваченным двухчасовым перелетом, фантастически сжавшим масштабы прежних ассоциаций.

Но понятно и другое: только эти пять лет скитаний в песках дали нам возможность так легко читать развернувшуюся под нашими самолетами рельефную археологическую карту.

Следующие дни были посвящены новым полетам, линии которых пересекли «земли древнего орошения» в других направлениях и охватили незатронутые ранее группы памятников. В результате была почти полностью уточнена карта древней ирригационной сети, сфотографированы общим планом и в деталях все важнейшие памятники, демаскирован и снят ряд новых, невидимых с земли.

Удача первого опыта явилась предпосылкой для осуществления широкого плана новых разведочных работ, уже на новых для нас территориях — на Устюрте и в междуречье Нижней Аму-дарьи и Сыр-дарьи, а также дополнительного обследования района нашего каракумского маршрута 1939 г. — «земель древнего орошения» Чермен-Яба.

В середине сентября, по окончании раскопок в Топрак-кала, мы выехали из Нукуса в район мыса Урга, близ юго-западного угла Аральского моря, откуда было намечено предпринять авиаразведку юго-западной части плоскогорья Устюрт. Здесь перед нами стояло несколько задач. На картах было обозначено в этом районе немало развалин по старым караванным дорогам. Бывавшие в этом районе путешественники рассказывали нам о хорошей сохранности и интересных архитектурных формах некоторых развалин, но не могли привести никаких данных для суждения о времени их сооружения. А между тем, через эти места пролегалли основные старинные караванные пути, ведущие из Хорезма в страны Восточной Европы — в Поволжье и на Русь. Исследование этих путей имело капитальное значение для решения вопросов истории хорезмско-восточно-европейских связей. Из отдельных объектов наше внимание особенно привлекали два: Алан-кала, самое имя которой, связанное с названием древнего народа аланов, не могло не интриговать историков, и Шайтан-кала, на одноименном острове среди огромного горько-соленого болота Барса-кельмес. Шайтан-кала значит «Чертова крепость», а Барса-кельмес — «Пойдешь — не вернешься». Остров почти не достижим с берега. Глубокая трясына, покрытая соляной коркой, непроходима ни пешком, ни на лодках. Правда, нам передавали, что несколько лет назад один казах, в поисках своего пропавшего верблюда, якобы перешел по его следам через трясыну на остров и, вопреки страшной славе болота, вернулся обратно. Однако достигнуть острова можно было лишь с большим трудом. А между тем, как рассказывали обитатели колхозов Кунградского района, ближайшей населенной местности, с берега шора ясно видны на острове развалины загадочной крепости, где якобы по ночам горят огни и зарыты каким-то древним царем несметные сокровища.

Решение загадки «Чортовой крепости» превращалось в интересную и нелишнюю романтизма задачу для археологов.

Вечером 14 сентября мы поднимаемся для первого, рекогносцировочного полета. Быстро уходит вниз каменистая поверхность мыса. Под нами его треугольный рисунок. Ясно видна группа средневековых каменных башен на восточной оконечности. У подножия могучих обрывов, на узкой прибрежной полосе, приютились белые домики рыболовецкого рабочего поселка Урга, карабкающиеся вверх по уступам скал. У берега — многочисленные мачты рыболовных судов — пароходиков, катеров, лодок. На юге — голубая гладь озера Судочье с дремлющими на ровном зеркале вод рыбацкими суденышками. На севере — широкое, уходящее до горизонта, интенсивно синее, подернутое вдоль берега белым рисунком бурунов пространство Арала. На восток уходит бесконечная густозеленая равнина заросшей камышами дельты — зыбкое пространство воды и камыша. А на западе (на юг — вдоль озера Судочье, на север — вдоль берега Арала) — могучая пятидесятиметровая стена восточного Чинка Устюрта, хаос рваных пластов белого, серого, зеленоватого камня, грозно нависающих над бездной. У подножья скал — нагромождение рухнувших глыб, на которые накатываются синие волны моря. А за Чинком далее на запад — ровное, монотонное пространство плоскогорья, то сероватобурая, то грязно-коричневая, то зеленоватая глинисто-щебнистая равнина, на которой четко рисуются светлые ленты старинных караванных дорог, уходящих на северо-запад.

Летим над зелеными плавнями, над бесконечным морем колеблемого ветром камыша, в просветах между которым блестит вода. Здесь на карте помечено несколько развалин. Но где они? Между камышами — узкие водяные коридоры. По одному из них движется лодка. Ничего, кроме воды и камыша, на десятки километров. Я помню эти места еще по 1929 г. Тогда я глядел на бесконечные стены камыша — приют кабанов, а иногда и тигров не сверху, а снизу, с утлой лодочки, которая вот так же долгими часами пробиралась по узкому водяному коридору. А вот и «развалины»! Совсем новый вид памятника! На ровном зеленом фоне камыша — нарисованные просвечивающей водой очертания квадрата стен, линия окружающего рва, ворота, угловые башни. Только рисунок из воды и камыша, ясно видный сверху, остался от затопленной водой крепости. Проходим над островами Кзыл-джар и Кыят-джар, на берегах которых раскинулись, как маленькие кубики, домики рыбацких каракалпакских колхозов, затерянных среди заросших камышом плавней. Путь к ним — только на лодке, по извилистым водяным коридорам, или по воздуху.

Делаем круг и идем обратно, в сторону белой стены Устюрта.

Три полета, проделанных нами над юго-восточным Устюртом, дали богатый материал. Прежде всего удалось открыть большую раннесредневековую дорогу, ведущую от одного из подъемов на Устюрт в районе озера Судочье через старые колодцы Уч-кудук, Булак, Кос-булак и Белеули на северо-запад, на Нижнюю Эмбу и, по всей видимости, далее на реки Урал и Волгу. Колодцы были некогда великолепно оборудованы каменными каравансараями. Самые колодцы были обложены камнем. Каравансарай и колодцы располагались на расстоянии около 25 километров друг от друга — нормальный дневной переход каравана.

Обследование некоторых из этих памятников показало, что сооружение и функционирование их относятся к X—XI вв. Один из каравансараяев, Белеули, оказался великолепным памятником раннесредневекового хорезмийского зодчества, и ниже (см. главу X) мы на нем подробно остановимся.

Другая дорога шла на запад, на Мангышлак, обходя Барсакельмес с юга. На ней-то и была воздвигнута крепость Алан-кала, относящаяся к несколько более раннему времени, — небольшое квадратное сооружение из грубо обтесанного камня с квадратными башнями по углам, построенное возле группы высеченных в скалистой поверхности плато древних колодцев.

Определение времени постройки крепости показывает, что ее имя не случайно. Бируни в своем топографическом трактате говорит нам о существовании в его время на западных окраинах Хорезма остатков древнего аланского населения. «Это род аланов и асов, и язык их смешанный из хорезмийского и печенежского», пишет хорезмийский ученый, локализуя поселения хорезмийских аланов-асов в районе Устюрта — Мангышлака (ВДИ, 1941, № 1, стр. 194). Алан-кала — хорезмийская крепость в стране устюртских аланов сохранила в своем имени память об этом важном компоненте в этногенезе средневековых хорезмийцев.

Романтическая загадка Шайтан-кала получила, к сожалению, негативное разрешение.

Надо сказать, что, когда мы подлетали впервые к шору Барсакельмес, мы все были немного взволнованы. Шор производит с воздуха незабываемое впечатление. На горизонте, за бесконечной пестрой, бурой, коричневой, серой, зеленоватой щебнистой поверхностью плоскогорья, появляется снежно-белая полоса. Чем дальше, тем она становилась шире. И вот перед нами огромная, серебряная в лучах солнца, сверкающая как

снег, абсолютно гладкая поверхность древнего озера, опоясанная причудливыми разводами темносерых прибрежных солончаков и резными узорами столовых холмов с выходами многоцветных пластов пород в уступчатых обрывах побережий. На снежном фоне — два темных пятна островов Шайтан-кала — Большого и Малого.

Подходим к островам. Перед нами, как и берег шора, опоясанные кольцом темносерого прибрежного солончака два не-

Рис. 12. Летная группа у Алан-кала

больших овальных островка. Это такие же останцевые столовые возвышенности, с причудливо изрезанными берегами, образованными выходами слагающих их сероватых, зеленоватых и розовато-бурых пластов горных пород, какие окаймляют берега шора. Мы трижды проходим над островами, снижаясь до высоты около 50 метров. Ничего! Никаких следов искусственных сооружений. Шайтан-кала, в соответствии с народной легендой, построена не людьми. Это игра природы. Причудливые очертания каменных останцев и зубчатая линия берега действительно производят впечатление развалин. Но это такие же «развалины», как, например, «Чортова крепость» Идиден в стране туарегов, в Сахаре, скалистая возвышенность причудливых очертаний, исследуя которую едва не погиб известный путешественник Барт.

Многое можно было бы рассказать из наших впечатлений о полетах: о бесчисленных стадах непуганных джейранов, без оглядки обращавшихся в бегство от снижавшихся над ними чудовищных рычащих птиц, об опоясанных бурунами живо-

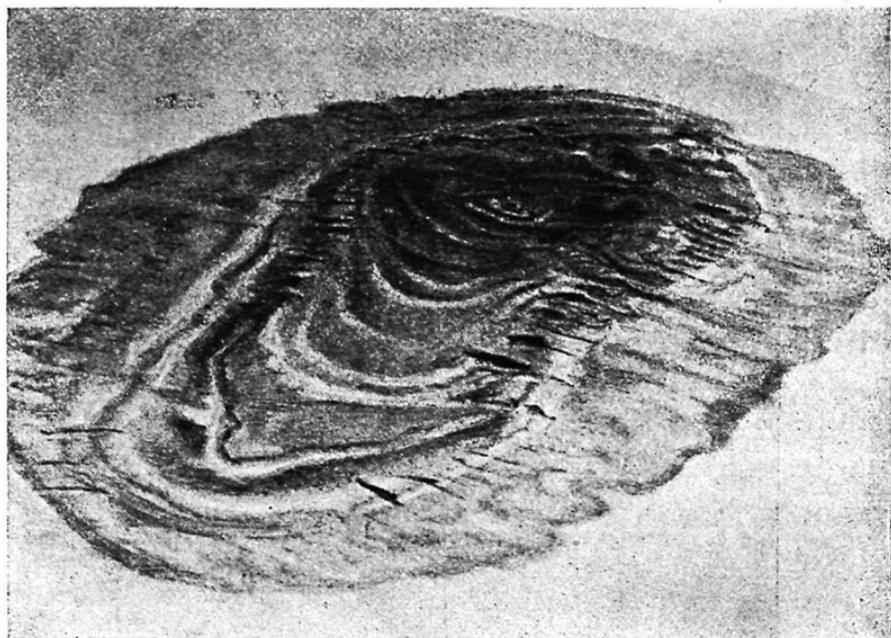

Рис. 13. Остров Шайтан-кала с воздуха

писных белых скалах мыса Ак-тумсук и интенсивно синей поверхности Аральского моря, недаром названного старыми русскими путешественниками Синим морем (я видел пять морей, но такой замечательной синевы я не видел нигде), и о многом другом, но это увело бы нас слишком далеко от нашей темы.

По окончании работ, предпринимавшихся с базы в Урге, мы начали третий цикл исследований, на этот раз с базы непосредственно в г. Нукусе. Это было совсем новое ощущение: день провести среди заброшенных на 100—150 километров в глубь пустыни развалинах, среди мертвой тишины песков и скал южного Устюрта, а вечером, умывшись и переодевшись, отправиться ужинать в ресторан, посмотреть новую картину в кино и обрабатывать дневники при электрическом свете, в комфортабельном номере гостиницы.

Помимо уточнения наших данных по памятникам Чермен-яба, обследованным в 1939 г., мы провели работы по разведкам развалин южной оконечности Устюрта, среди которых самыми эффектными являются развалины Дэв-Кескен-кала («Крепость, зарезанная демоном»).

Рис. 14. Дэв-Кескен с воздуха

Она расположена на оконечности узкого мыса юго-восточного угла плоскогорья, в своей узкой части, километрах в 20 к северо-западу от крепости, перерезанного мощным рвом и валом. Крепость живописно поднимается над тридцатиметровым обрывом Устюрта, увенчанном великолепными очертаниями могучей сырцовой башни-цитадели и вытянувшимся вдоль него рядом позднесредневековых мавзолеев.

Дэв-Кескен — это огромный прямоугольник стен из дикого камня, с многочисленными башнями и сложным предвратным

сооружением. Вокруг крепости — глубокий, высеченный в скале ров. Внутри стен — бесчисленные следы разрушенных позднесредневековых каменных построек.

Основание стен и цитадели восходит к античности, но конечный период жизни города падает на XVI—XVII вв.

У подножия «верхнего города» расположился, вплотную примыкая к скале, второй прямоугольник «нижнего города», окруженный стенами средневековой сырцово-кирпичной кладки и датруемый обильными находками позднесредневековой керамики. Город опоясан изгибом близко подходящего здесь к Устюрту ответвления сухого русла Дарьялька, староречья западного протока Аму-дарьи, впадавшего в Сарыкамышскую котловину. На юго-запад от обоих городов лежит третий прямоугольник — планировка обширного позднесредневекового парка, производящего сверху весьма эффектное впечатление.

Дэв-Кескен, как нам представляется, может быть точно отождествлен с городом Вазиром — позднесредневековой столицей Западнохорезмского удельного княжества XVI—XVII вв.

Вази́р в 1558 г. посетил английский путешественник Антони Дженкинсон. Он пишет: «Крепость Селлизюр (Šahri-Vazir — «город Вази́р») расположена на высоком холме; здесь живет король, называемый ханом... Южная часть крепости расположена на низкой, но очень плодородной земле; здесь растет много прекрасных плодов... Вода, которой пользуется вся эта страна, берется из каналов, проведенных из реки Оксуса (Аму-Дарья — Дарьялык) к великому истощению этой реки; вот почему она не впадает больше в Каспийское море, как в минувшие времена. В недалеком будущем эта страна будет, наверно, разорена и станет пустыней из-за недостатка воды, когда нехватит вод Оксуса».²

Как топография города (крепость на холме и город в низине), так и его географическое положение (два перехода от Куны-Ургенча в сторону Мангышлакской пристани, т. е. на запад, на берегу Дарьялька; фактически Дэв-Кескен расположен в 60 километрах (т. е. точно в двух верблюдьих переходах) прямо на запад от Куны-Ургенча, на берегу Дарьялька) не оставляют ни малейшего сомнения в тождестве Вазира и Дэв-Кескена.

3 октября 1946 г. начался четвертый, заключительный тур наших авиаразведочных работ. Перед нами стояла задача разведать территорию северных Кызыл-кумов, междуречье нижних Аму-дарьи и Сыр-дарьи, пересеченное двумя старыми боковыми

² Цит. по переводу Ю. В. Готье: «Английские путешественники о Московском государстве в XVI веке», Л., 1937, стр. 176—177.

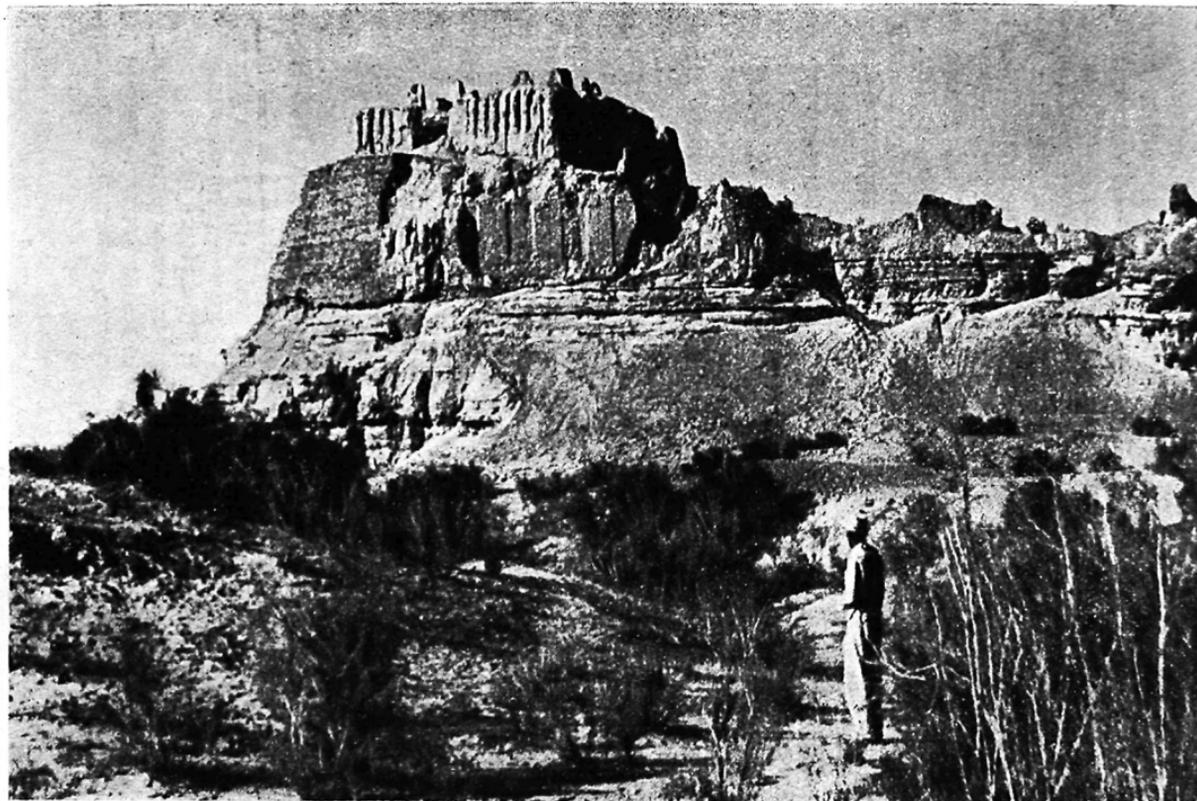

Рис. 15. Дэв-Кескен с земли

руслами последней, Жаны-дарьей и Куван-дарьей, по которым еще в первой половине XIX в. и даже позднее текла вода. На картах и в отчетах путешественников — офицеров царской армии в период завоевания Средней Азии и позднейших авторов географических описаний этой части Средней Азии — показаны многочисленные развалины. Однако научному исследованию они не подвергались и даже время их существования оставалось неизвестным. А между тем, в средние века это была территория нескольких самостоятельных или зависимых от Хорезма феодальных владений.

К югу от устья Сыр-дарьи лежал город Янгикент («Новое селение») — резиденция правителя тюрков-огузов. Где-то поблизости были города Хувара и Дженд; последний — центр значительного княжества, в XII в. зависимого от Хорезма, а ранее, в X—XI вв., игравшего крупную роль в истории хорезмско-огузских отношений и первого этапа возвышения династии сельджукидов.

В древности именно здесь, как правильно полагает академик В. В. Струве,³ лежал основной центр расселения сакско-массагетских племен, упорных противников древнеперсидских завоевателей Кира и Дария, а впоследствии, во I—II вв. до н. э., сыгравших крупную роль в уничтожении власти греко-македонских завоевателей и образовании великой Среднеазиатско-индийской империи кушанов. В истории Хорезма эти области всегда играли исключительно крупную роль; заселившие их полуварварские племена в средние века то входят в сферу влияния Хорезмского государства, то выступают в качестве грозных его противников. Между тем, исторические сведения об этой территории еще более скудны, чем о Хорезме, и когда (в 1942 г.) мы подводили итоги первого четырехлетия наших полевых работ, мы не могли не ощущать значительного пробела в нашей реконструкции исторического прошлого Хорезма. В нашей картине отсутствовал мир массагетских, аланских, впоследствии гуннских и тюркских степных племен, вне учета взаимодействия с которыми история Хорезма не может быть понята до конца. Заполнять этот пробел приходилось косвенно, путем привлечения материала по истории гуннов и тюрков отдаленных восточных областей — Монголии и восточных районов Средней Азии, где эта история освещена китайскими историческими источниками и орхонскими тюркскими надписями VIII в.

Выяснить характер хозяйства, общественного строя, культуры сыр-дарьинских племен, степень и формы их культурных

³ В. В. Струве. ИАН, СИФ, 1946, № 3.

связей с Хорезмом, вопрос о хорезмских колониях на Нижней Сыр-дарье, существование которых мы имели все основания предполагать, о местоположении важнейших центров этой области и расселении упомянутых в источниках племен — таков был обширный круг стоявших перед нами задач.

Наша подвижная база была выдвинута в район развалин Чирик-рабат («Войсковое укрепление») на староречье Жаны-дарьи, в 240 километрах к западу от Кзыл-орды. 8 октября, в 13 ч. 10 м. по местному времени, сюда прибыли самолеты из Нукуса с пилотами И. И. Яловкиным и Н. Д. Губаревым и борт-механиком П. Кокориным.

В 16 ч. 30 м. мы поднялись с посадочной площадки близ Чирик-рабата. Под нами — причудливый рисунок меандров Жаны-дарьи, густо заросшей кустарником. Красноватая осенняя листва гребенщика, заросли которого заполняют русла, резко контрастирует с темными тонами саксаульных зарослей побережья. На горизонте в обе стороны — окаймляющие долину гряды кзылкумских песков.

В одном из изгибов русла — развалины Чирик-рабат — огромная овальная древняя крепость, восходящая к середине I тысячелетия до н. э., окруженная системой концентрических валов и рвов, внутри которой видна прямоугольная планировка б о л е е п о з д н е й античной крепости первых веков нашей эры (см. рис. 22).

Хорошо видна поздняя, XVIII—XIX вв. н. э., заброшенная карагзпакская ирригационная сеть и многочисленные развалины каракалпакских укреплений и мавзолеев.

9 октября, в 9 ч. 38 м., вылетаем во второй полет (подвижная база должна во время наших полетов переместиться на 100 км к востоку, в район развалин Кум-кала). Летим на запад. Проходим над грандиозным мавзолеем С а р л ы - т а м, заброшенным в густую чащу саксаульников. Снижаемся. Бредущим полетом делаем несколько кругов над мавзолеем на высоте 30—40 м над землей. Посадка невозможна. Перед нами великолепное купольное здание, с высоким, отделанным бирюзовой майоликой порталом, не уступающее мазарам Куны-Ургенча и явно относящееся к XII—XIII вв. н. э. Густой саксаульник спас мавзолей от разбора практичными «мусульманами»-казахами, мало считающимися со старыми мусульманскими святынями, когда нужен жженный кирпич для их родовых кладбищ. Придется, повидимому, на обратном пути пробиться через чащу саксаула, чтобы добраться до мазара и обмерить его. Возвращаемся на северо-восток. Под нами бесконечная панорама разнообразных позднесредневековых ирригационных сооружений и укреплений. Возвращаемся в Чирик-рабат в 12 часов. После-

заправки самолетов и завтрака, в 12 ч. 50 м., вылетаем в новый полет — на этот раз на север.

К северу от окружающего Чирик-рабат меандра Жаныдарьи картина резко меняется. Остались позади саксаульные заросли и следы каракалпакской ирригации. Под нами белые пятна такыров и тяжелые гривы песков. Снова следы ирригации, но на этот раз знакомые по «землям древнего орошения» южной Каракалпакии — плоские, размытые следы ее на та-

Рис. 16. Мавзолей Сарлытам (рис. с натуры Н. П. Толстова)

кырах, а не глубокие, заросшие кустарником щели, казалось, вчера заброшенных каракалпакских арыков. И, наконец, среди такыров и песков вырисовываются очертания значительного поселения. Это развалины Бабиш-мулла — правильный квадрат крепости с квадратной же цитаделью посредине и планировкой окружающего крепость с трех сторон, также обнесенного стеной поселения, а на юго-запад от него развалины мощного изолированного замка со своеобразной крестовидной планировкой. Идем на посадку. В 13 ч. 50 м. садимся на гладкую поверхность такыра, покрытую россыпью красной античной керамики. Подходим к развалинам. Перед нами — типично-хорезмийские античные оборонительные сооружения: характерный крупный сырцовый кирпич, размером $39 \times 39 \times 11$ и $40 \times 40 \times 11$, с сильной примесью рубленой соломы (саман), стрело-

видные бойницы в стенах, правда более низкие, чем в большинстве памятников Хорезма, но похожие на бойницы античной крепости Шах-Сенем на Чермен-ябе. Керамика — типичная для раннеантичных памятников Хорезма, датируемых первыми веками до н. э., сделанная на ножном круге, великолепно обожженная, покрытая красным ангобом. Налицо все формы античной хорезмийской керамики — чаши с дисковидным поддоном, кувшины с прямоугольной в сечении ручкой, характерные фор-

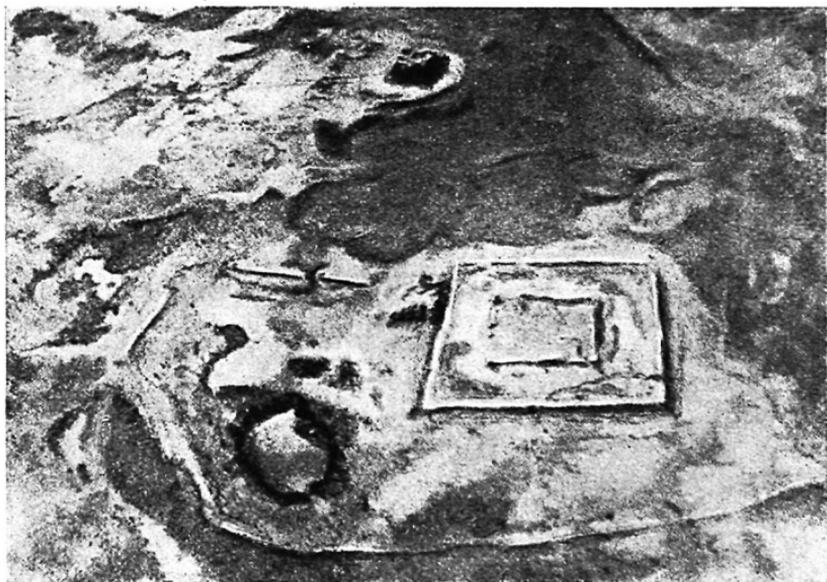

Рис. 17. Бабиш-мулла с воздуха

мы сосудов, венчики хумов (пифосов). Бабиш-мулла целиком входит в круг раннеантичных хорезмийских памятников. Мы явно на территории небольшой хорезмийской колонии на среднем течении Жаны-дарьи.

Однако время идет. В 15 ч. 20 м. поднимаемся и через полчаса садимся снова в окрестностях Чирик-рабата, где еще недавно была наша база. Надо догонять ушедшие вперед автомашины. Час уходит на закуску, заправку самолетов, подготовку к вылету. В 16 ч. 45 м. в третий раз за сегодняшний день отрываемся от земли и летим на восток. Времени мало. Надо торопиться. Летим над песками, на север ушли окаймляющие русло саксаульные леса. Солнце садится. Дальше лететь рискованно, впереди вновь густые заросли саксаула — можно в

сумерках не найти места для посадки — в 18 часов садимся на ближайших такырах.

Разводим грандиозный костер из саксаула. Пускаем ракету. Далеко на востоке во мраке вспыхивает в ответ яркая звезда сигнальной свечи. Это наши. Отвечаем ракетой. Уже совсем темно. На костре кипит чай. Наскоро ужинаем консервами и организуем импровизированный ночлег.

В 7 ч. 35 м. 9 октября взлетаем и возвращаемся на назначенную трассу. Через 10 минут мы снова над густыми зарослями саксаула. На берегу Жаны-дарьи неправильные очертания оплывших валов большой, сплошь заросшей густым саксаулом крепости. Это Кум-кала, намеченный пункт встречи. Возле нее наши автомашины. Товарищи что-то усиленно сигнализируют нам. Проходим низко, на мгновение выключив мотор. Снизу что-то кричат, но слов разобрать нельзя. Надо искать посадку самим — здесь сесть явно невозможно. Делаем несколько кругов. Вокруг, куда ни кинешь взгляд, сплошное море саксаула. Единственное ровное, открытое место — узкая полоса старой дороги. Делать нечего. Приходится до конца испытать технические качества ПО-2. И. И. Яловкин, ведущий пилот, идет на посадку. С первого захода примеривается, проходит над дорогой, почти касаясь земли. Можно! Второй заход — и самолет, подпрыгивая, катится по дороге. Благополучно садится второй самолет. К месту посадки мчится сзади автомашина. Еще несколько минут — и мы снова в сборе у лагерного костра, завтракаем и обсуждаем ситуацию. В 11 ч. 20 м. самолеты отрываются от земли и идут на северо-запад к развалинам Джан-кала, где намечена главная база экспедиции. Русло делает крутую петлю на север. Вдоль русла — группы мазаров, следы каналов.

В 11 ч. 35 м. среди саксаульных зарослей открывается широкая панорама обширного комплекса развалин. В разных направлениях разворачиваются каналы. Повсюду разбросаны в густом саксаульном лесу массивы построек: цитадель с одинокой сторожевой башней, ломаная линия городских стен, сырцовые фундаменты каких-то больших сооружений, покрытые грудями жженого кирпича, здание загородного каравансарая, две обширные, примыкающие к городу усадьбы с эффектными садово-парковыми планировками. Под нами развалины крупного средневекового городского центра.

Ищем посадку — дело трудное в этой стране саксаула. Наконец, выбираем подходящий такыр, окруженный высокой стеной саксаульных зарослей. Садимся. Здесь будет наша база.

Спешим на развалины, продираясь сквозь густую чащу. Совсем необычное для Средней Азии впечатление — развалины,

густо заросшие лесом! Мощные корявые стволы поднимают хаос фантастически изогнутых сучьев вверх на 3—4 метра. Без самолетов было бы более чем трудно ориентироваться в планировке города, да и самый город можно было бы не заметить. Под ногами размытые и разрушенные корнями деревьев постройки, россыпь многоцветной поливной и черной керамики, хорошо знакомой хорезмийской керамики XII—XIII вв.

Мы в городе Дженде, крайнем восточном форпосте средневекового Хорезмского государства до его превращения в мировую империю.

Дженд искали давно (правда, больше не на местности, а на карте). Выдвигалось немало разнообразных гипотез по этому вопросу, так как показания средневековых источников не дают точных географических ориентиров для локализации этого несомненно очень значительного центра нижнесыр-дарьинского бассейна.

В. В. Бартольд в «Туркестане» (1900 г.)⁴ отказывается локализовать этот город. «Сколько-нибудь точно определить местоположение этих городов (Узкент, Барчынлыгкент.—С. Т.) и самого Дженда мы не имеем возможности, так как расстояние между ними и другими городами нигде не указывается», пишет он по этому поводу. Лерх⁵ весьма предположительно указывает, что Дженд должен был находиться близ кладбища Хоркут-ата (к западу от ст. Джусалы).

Каллаур⁶ пытается отождествить Дженд с еще не обследованными археологически развалинами Кыс- или Гыш-кала (по предположению Бартольда, Хышт-кала — «Кирпичная крепость») в урочище Тамар-уткуль, в 25—30 километрах от Кызылорды, на левой стороне Сыр-дарьи.

Эту точку зрения Бартольд в 1914 г. считал «очень правдоподобной».⁷

К этой точке зрения присоединяется и В. Ф. Минорский.⁸

Что касается нашей Джан-кала, то Каллаур⁹ пытается отождествить ее со своим чисто гипотетическим «вторым Янгикентом», расположенным где-то поблизости от Дженда. Бартольд отмечает, что эта гипотеза Каллаура «не находит себе подтверждения в источниках».¹⁰

Надо вспомнить одно очень важное обстоятельство: развалины почти всех сколько-нибудь крупных городских центров

⁴ В. В. Бартольд. Туркестан, II, стр. 181.

⁵ Лерх. Археологическая поездка..... стр. 11.

⁶ ПТКЛА, Прилож. к протоколу от 11 сентября 1900 г.

⁷ В. В. Бартольд. Орошение, стр. 152.

⁸ Hudud al-Alam, стр. 371 и карта VII на стр. 307.

⁹ ПТКЛА, VIII, стр. 66 и сл.

¹⁰ В. В. Бартольд. Орошение, стр. 151.

в бассейне Средней и Нижней Сыр-дарьи сохранили до сих пор или по крайней мере сохраняли еще недавно свои названия в почти не измененном, во всяком случае легко узнаваемом виде: Янгикент — Джанкент-кала, Сауран — Сауран, Сыгнак — Сунак-курган; Ашнас — Асанас и т. д. Мало вероятно, чтобы имя такого значительного центра раннего средневековья, как Дженд, полностью было забыто. И единственным памятником Нижней Сыр-дарьи, до сих пор носящим созвучное с Джендом имя, является Джан-кала.

Важным ориентиром для нас мог бы явиться, если бы мы сумели определить его местоположение, упоминаемый сборником документов XII в. («Инша») пункт Саг-дере, расположенный на реке по дороге из Хорезма в Дженд, в 20 фарсах (т. е. в 120 км) от Дженда.¹¹ Если мы отложим это расстояние на запад от Джан-кала по линии современной дороги Тахта-Купыр — Кзыл-орда, вдоль русла Жаны-дарьи, то оно окажется совпадающим с городищем Чирик-рабат (по прямой 110 км от Джан-кала, по показанию спидометра моей автомашины 125 км; если учесть небольшие отклонения от дороги для осмотра расположенных в непосредственной близости к ней памятников, расстояние будет равняться почти в точности 120 км).

Саг-дере — тюрко-пранское сочетание слов со значением «Правая долина», «Правое русло». Как раз перед Чирик-рабатом Жаны-дарья разветвляется на два рукава, на правом из которых, недалеко от его истока, расположены развалины. Думаю, что все приведенные выше аргументы позволяют считать нашу идентификацию окончательной. Чирик-рабат — это раннесредневековое урочище Саг-дере, Джан-кала — это раннесредневековый город Дженд.

Наши дальнейшие воздушные и наземные разведки показали, что Джен-кала — центр значительного района, густо заселенного в XII—XIII вв. В 12 километрах к юго-востоку лежит уже упомянутая Кум-кала, также значительное городское поселение XII—XIII вв.

Далее к югу расположен комплекс средневековых развалин Кум-кала № 2 — большой замок и примыкающий к нему обширный рустак. Следы средневековой ирригации, усадеб, развалины значительных укреплений тянутся вдоль южного берега Жаны-дарьи почти до края современной культурной полосы, по крайней мере на 40—50 километров на восток от Джан-кала. Во всем этом комплексе памятников Джан-кала, бесспорно, наиболее значительный.

¹¹ В. В. Бартольд. Туркестан, I (тексты), стр. 41.

Отложив детальное обследование Джан-кала на время после завершения воздушных разведок, 10 октября решаем начать обследование междуречья Жаны-дарьи и Куван-дарьи и течение последней до Аральского моря. Первым объектом работ намечаем комплекс памятников в урочище Джеты-асар, на верхнем отрезке Куван-дарьи.

Обширный маршрут по линии Джан-кала — Джеты-асар — Джусалы — Казалинск — «Болотные городища» к югу от Казалинска — Куван-дарья — Джусалы — Джеты-Асар — Джан-кала и повторный полет на Джеты-асар для более полного доисследования этого интереснейшего комплекса раннеантичных памятников открыл перед нами две совершенно новые главы истории культуры восточного Приаралья. Здесь, в общем обзоре наших работ, было бы, пожалуй, трудно охарактеризовать итоги этого маршрута, давшего нам, во-первых, своеобразную, полуварварскую культуру оседлого земледельческого населения бассейна Куван-дарьи середины и второй половины I тысячелетия до н. э. и, во-вторых, еще более своеобразную культуру оседлых скотоводов, рыболовов и земледельцев восточного берега Аральского моря в I тысячелетии нашей эры, составивших основное ядро раннесредневековых тюрков-огузов, сыгравших впоследствии столь значительную роль в образовании Сельджукской империи. Нам придется коснуться этих памятников довольно подробно ниже и тогда-то уж, попутно, рассказать кое-что и о нашем путешествии.

Сейчас, пожалуй, ограничимся тем, что по окончании этой серии полетов и распростившись 15 октября на гостеприимном джендском «аэродроме» с нашими пилотами, мы двинулись в длинный обратный путь на автомашинах, чтобы доделать то, что осталось незавершенным по пути вперед.

21 октября в 1 ч. 45 м. через 18 дней после начала жаныдарьинского маршрута, после тяжелого ночного перехода через княбугутские пески, мы возвратились в Тахта-купыр и отдохнули в домике одного из наших проводников. К вечеру того же дня белые фургоны наших автомобилей торжественно подкатили к подъезду нукусской гостиницы, где нас ждала дружеская встреча с закончившими уже работу в дельте Амударьи этнографами нашей экспедиции.

«Полет через тысячелетия» был завершен. Позади осталось 9000 километров воздушных маршрутов, давших нам огромную, вновь исследовательски освоенную территорию и свыше 200 новых памятников от раннеантичных руин середины первого тысячелетия до н. э. до позднесредневековых каракалпакских памятников Жаны-дарьи и Куван-дарьи.

 ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЛЕТОПИСЬ
МЕРТВЫХ ГОРODOB

Глава V

ЭРА СИЯВУША

1

На юг от возвышенности Джанбас-кала лежит плоская песчаная низина, замкнутая с юга уходящей на восток широкой полосой такыров. По линии границы низины и такыров, в песках, между которыми разбросаны такырные островки, сосредоточено наибольшее количество разнообразных стоянок первобытной культуры Хорезма: в 1945 г. мы довели число стоянок, объединяемых общим именем «Джанбас», до восемнадцати.

Исследование этих стоянок, начатое в 1939 г. и продолженное в последующие годы, позволило нам наметить общие контуры древнейшего доступного нам пока этапа истории предков античных хорезмийцев.

Это исследование показало, что на рубеже IV и III тысячелетия территория «земель древнего орошения» имела совершенно отличный от современного характер, да и весь облик окружающей страны был иным. Треугольник, ограниченный на севере грядой древней возвышенности Султан-Уиздаг, геологической современницы Урала и Мугоджар, на западе — руслом Аму-дарьи и на востоке — староречьем Су-Ярган, или Акча-дарья, представлял тогда обильно обводненную многочисленными протоками и озерами влажную, болотистую страну, заросшую камышами и лесными зарослями. Это была восточная часть древней верхней дельты Аму-дарьи, продолжавшейся на запад протоками Даудан и Дарьялык, и их многочисленными ответвлениями, питавшими Сарыкамышское и Айбугирское озера. Акча-дарья (Су-Ярган) частично прорывалась в обход Султан-Уиздага с востока, вливаясь в обширное Даукаринское озеро (к востоку от нынешнего Тахта-Купыра), подпертое с севера невысокой возвышенностью Бельтау,

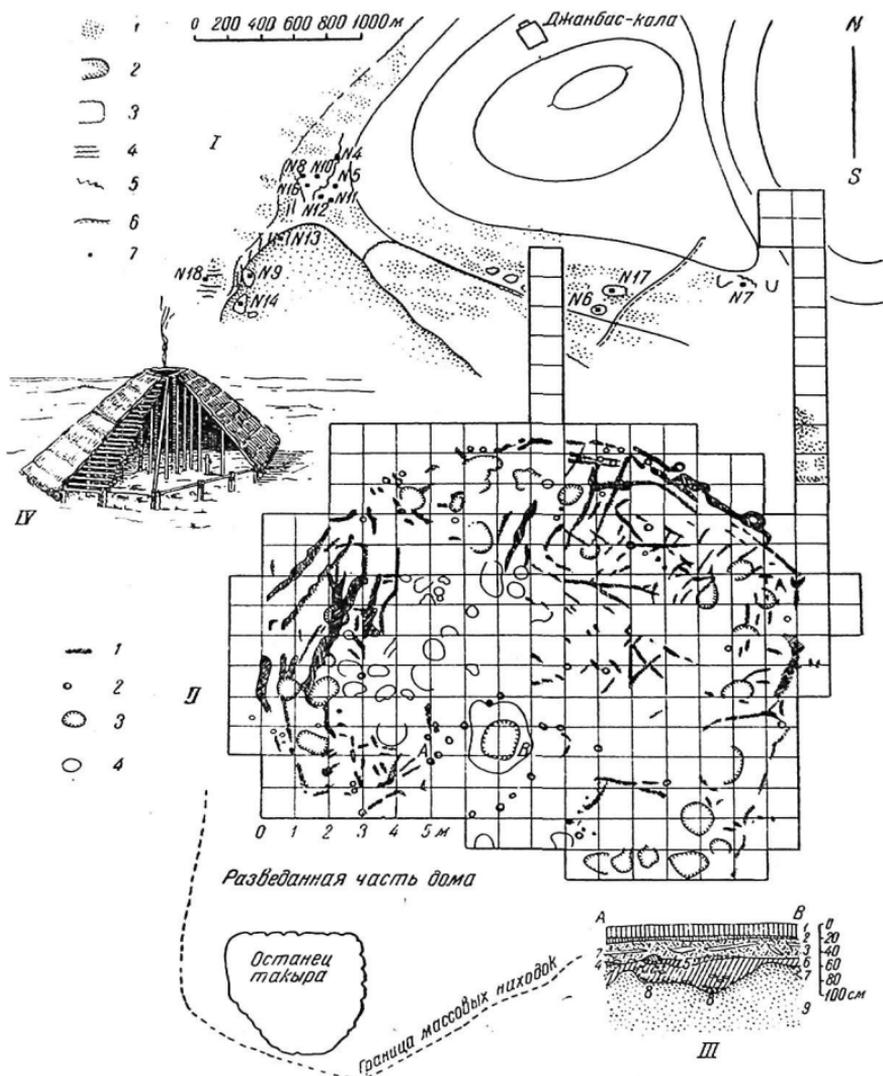

Рис. 18. Памятники кельтеминарской культуры.
Неолитическая стоянка Джанбас-кала № 4

I. Местоположение стоянок: 1 — пески; 2 — сплошные пески; 3 — такры; 4 — зоны разрушения такрыров; 5 — обрыв возвышенности; 6 — дорога; 7 — стоянка

II. План раскопок: 1 — скопление угля; 2 — ямы для столбов; 3 — основные очаги; 4 — кострища

III. Разрез через центральный очаг: 1 — однородная масса такрыра; 2 — слоистая глина с отпечатками болотных растений; 3 — песок с находками; 4 — остатки угля; 5 — слой белого пепла; 6 — красный прокаленный песок; 7 — вкрапления глины в песок; 8 — отдельные угли; 9 — песок без находок

и дальше на восток сливаясь своими протоками с такой же огромной древней дельтой Сыр-дарьи, захватывавшей чуть ли не все северные Кызыл-кумы.

Вряд ли тогда существовало Аральское море в современном виде. Климат, по всей видимости, был тогда в целом суше современного; преобладали южные сухие ветры; Аму-дарья и Сыр-дарья несли значительно меньше воды, которая, не будучи в состоянии пробить свое современное русло через западный отрог Султан-Уиздагской гряды, расплывалась в систему бесчисленных протоков, озер и болот на запад и восток от этой преграды.

Здесь-то, неподалеку от наполненного тогда водой русла Акча-дарьи, на побережье и на песчаных островах обширного озерно-болотного водоема, окаймлявшего с юга Жанбасскую каменистую возвышенность и продолжавшегося, видимо, далеко на запад, вдоль южной подошвы всей султан-уиздагской системы, и воздвигли свои жилища неолитические рыболовы и охотники Хорезма, создатели древнейшей из открытых нашей экспедицией культур, названной нами кельтеминой.

Раскопки наилучше сохранившейся кельтеминарской стоянки Жанбас-4 (1939, 1940, 1945 гг.) позволили нам восстановить общий облик этой своеобразной культуры.

Кельтеминарцы изготовляли свои орудия исключительно из камня и кости. Культурный слой стоянки содержал бесчисленные кремневые поделки, прежде всего миниатюрные, узкие «ножевидные пластинки», обработанные для различных функций (скребки, скобели, проколки, вкладыши-лезвия крупных костяных орудий). Из таких же пластинок изготовлялись своеобразные миниатюрные наконечники стрел с одним шипом и односторонней обработкой, наряду с которыми встречаются и тщательно обработанные с двух сторон плоской отжимной ретушью узкие треугольные наконечники. Крупные орудия делались из шлифованного камня — таков, например, большой каменный топор трапециевидной формы. Украшения изготовлялись из раковин, преимущественно привозных (к этому мы вернемся ниже), и камня. Наиболее характерны мелкие цилиндрические раковинные бусы и овальные подвески с просверленным у одного из концов отверстием, сделанные из раковин или каменных шлифованных пластинок.

Пищей служила главным образом рыба, преимущественно щука и сом. Кости рыб буквально переполняют культурный слой стоянки. Но, наряду с этим, немалую роль играла и охота. Кости кабана, оленя, водоплавающей птицы также достаточно обильны.

Пища варилась в глиняных сосудах, изготовленных без гончарного круга, имевших заостренное дно и покрытых богатейшим штампованным и штриховым орнаментом, образующим сложные геометрические композиции. Сосуды довольно тонкостенны и хорошо обожжены. Поверхность многих из них после обжига была покрыта красной краской, как правило, довольно плохо сохранившейся.

Изделия поражают разнообразием форм и богатством орнамента. Любопытны, в частности, «ладьевидные сосуды», по форме напоминающие половину разрезанного вдоль яйца и, видимо, имитирующие формы, разработанные первоначально в дереве.

Орнамент образован главным образом оттисками гребенчатых штампов и штрихами, прочерченными каким-то острием. Рисунок образует то «елочные» зигзаги, то параллельные полосы оттисков. Поверхность сосудов часто разбита орнаментальными лентами на различно орнаментированные прямоугольные поля, заполненные оттисками штампа. Один крупный неорнаментированный сосуд имеет «гофрированный», в виде плавной волнистой линии, верхний край. Крупные неорнаментированные тонкостенные чаши иногда имеют по краю рисунок в виде косых насечек.

Особенный интерес представляет жилище кельтеминарцев, остатки которого, хорошо сохранившиеся в песке под тақырной коркой, позволили почти полностью реконструировать его вид.

Это огромное (24 × 17 м) сооружение из дерева и камыша, яйцевидных в плане очертаний, воздвигнутое некогда на вершине высокого песчаного бархана. Каркас здания образует три концентрические линии столбов — в центре, вокруг главного очага, о котором речь ниже, по краю дома, и в промежутке между теми и другими. От столбов сохранились ямы глубиной в 30—40 сантиметров, наполненные черной золистой массой с угольками. На столбах лежала система стропил. Столбы были расположены попарно, и стропила были, видимо, зажаты между парами таких тесно сдвинутых столбов и привязаны к ним — прием, широко распространенный в архитектуре первобытных народов Америки, Океании и Африки.

На стропила была положена густая обрешетка из горизонтальных жердей, поверх которых лежал слой камыша. Все это отпечаталось в песке в виде напоминающей (в чертеже) паутину решетки радиальных и тангенциальных углистых полос различной толщины, покрытых густым слоем сгоревшего камыша.

Исходя из пропорций современных сооружений аналогичного типа у различных народов южной Азии, Океании и Америки, надо полагать, что центральные столбы достигали вы-

соты 8—10 метров и крыша имела своеобразную вытянуто-конусообразную и вместе с тем асимметричную форму, с более узким и пологим скатом, повернутым к ЮЮЗ, в наветренную сторону, и более широким и крутым — к ССВ, куда выходила и дверь жилища.

Крыша не доходила до земли. Судя по густоте массы створевого материала по краю, край крыши опирался на невысокую стену. Над входом был небольшой камышевый навес.

Внутренняя планировка дома была не менее характерна, чем его внешний вид. Узкий проход, окаймленный двумя рядами столбов, вел от входа к центральному неугасимому очагу хижны, имевшему около метра в диаметре и сохранившемуся в виде толстого щита плотного белого пепла, подстилаемого мощным полуметровым слоем прокаленного, интенсивно красного песка. Направо от входа и позади главного очага располагались многочисленные кухонные очаги; вокруг которых концентрировалась основная масса бытовых находок. Слева от входа располагался сектор жилища, почти свободный от очагов. Только по самому его краю, вдоль стены, было расположено несколько слабых кострищ с небольшим количеством находок вокруг них.

Этнографические параллели, ближайшими из которых являются общинные жилища андаманских островитян (Бенгальский залив), по уровню своего развития и типу хозяйства (оседлые рыболовы и охотники с неолитической техникой, круглодонной керамикой, луком и стрелами) очень напоминающих кельтеминарцев, позволяют расшифровать открывающуюся перед нами картину.

В кельтеминарском доме обитала целая родовая община примерно в 100—120 человек; включая детей. Парная семья, судя по неустойчивости, подвижности семейных очагов, по существу являвшихся конструктивно неоформленными кострищами, часто меняющими свое место, еще не обособилась в хозяйственно-бытовом отношении. Средоточием общественной жизни являлся неугасимый священный очаг. В свободном от кострищ секторе слева от входа надо видеть то, что в общинных домах андаманцев обычно именуется «танцевальной площадкой», место для общинных обрядов и церемониальных танцев. Наконец, слабо выраженные кострища по краю этого сектора, как и в андаманском доме, вероятно означают место для неженатых юношей; так как они пытались у семейных кухонных очагов, то их кострища служили, видимо, только для согревания в холодные ночи.¹

¹ О раскопках Джанбас-4 см. наши статьи в ВДЦ, 1941, № 1, п 1946, № 1, в Antiquity, XX, 1946, а также «Древний Хорезм», стр. 59—66.

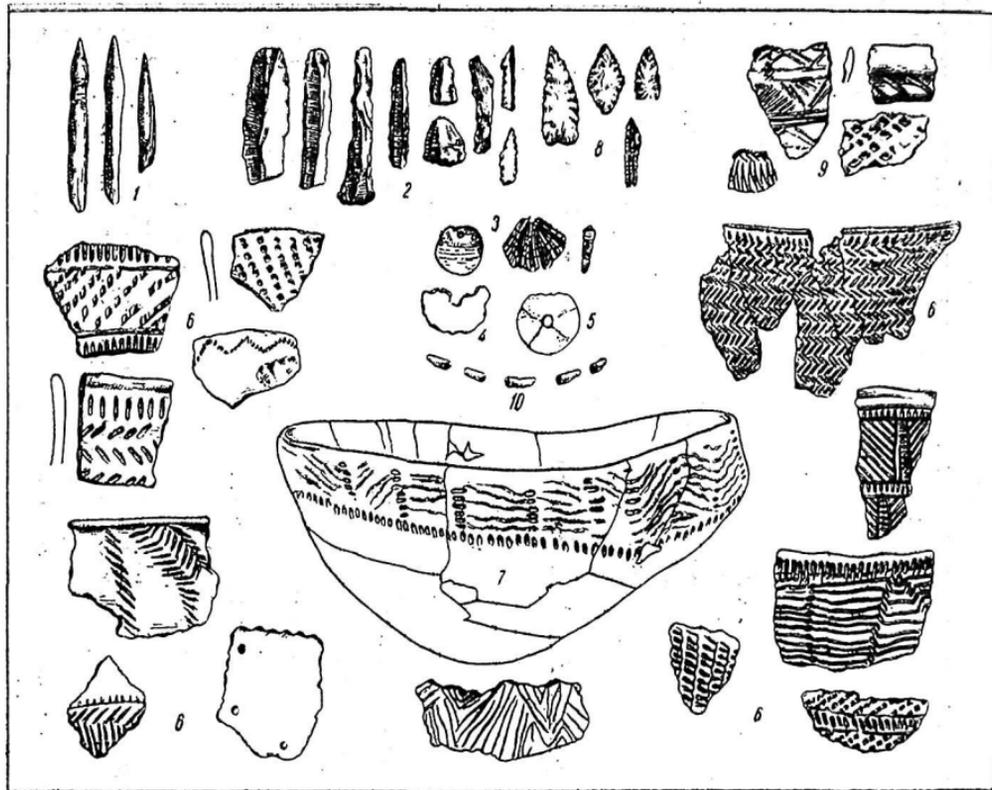

Рис. 18 а. Памятники колтемпнарской культуры

Стоянка Динабас-нала № 4: 1—костяные орудия; 2—применные орудия; 3—подвески и бусы из раковин; 4—керамический диск; 5—костяной диск; 6—фрагменты сосудов; 7—ладьевидный сосуд. Стоянка Динабас-нала № 14: 8—применные орудия; 9—фрагменты сосудов; 10—бусы из раковин.

Анализ материалов, добытых при раскопках в Джанбас-4, и сборы с других стоянок хорезмийского неолита (Джанбас-5 и др.) позволяют наметить некоторые линии культурных и этнических связей древнейшего населения Хорезма. Наиболее существенным моментом этих связей является то, что главные из них ведут нас, вопреки традиционным представлениям об этнической стороне древнейшей истории Средней Азии, не на юг, а на север — в Казахстан, Сибирь и северо-восточную Европу.

Ближайшие параллели кельтеминарской культуре мы найдем, с одной стороны, в обнаруженных одной из экспедиций А. Стейна, в аналогичных топографических условиях, неолитических стоянках южного Синьцзяна,² с другой — в открытых за последнее время, уже после наших стоянок, несколько более поздних стоянках западного Казахстана (район станции Саксаульская, к северу от Аральского моря), справедливо рассматриваемых исследовавшим их А. А. Формозовым как поздняя стадия кельтеминарской культуры. Здесь уже налицо скотоводство.³ И. В. Синицын сообщил нам, что сходный с кельтеминарским материал обнаружен им в Нижнем Поволжье. Близкую параллель кельтеминарским памятникам представляют, впрочем, как и местонахождение у Саксаульской, более поздние, чем Джанбас-4 (медь, плоскодонные сосуды), стоянки прикамского энеолита, особенно Левшинская стоянка у устья реки Чусовой (конец III тысячелетия до н. э.).⁴ Более отдаленные параллели можно отметить в южно-сибирском неолите. Традиции, очень близкие к кельтеминарским, переживают позднее во II—I тысячелетиях до н. э., в культурах шигирского типа в Приуралье, в приобском пережиточном неолите того же времени. Менее отчетливые, но все же несомненные связи ведут нас в круг неолитической культуры «ямочно-гребенчатой керамики» северо-востока Европы, и в ранние этапы культуры энеолита и бронзового века евразийских степей — древнеямную культуру III тысячелетия до н. э. в Восточной Европе и афанасьевскую культуру III — начала II тысячелетия до н. э. в южной Сибири.

² A. Stein. Innermost Asia, I, стр. 85, 196, 205; III, табл. XXII, XXIII; его же. Serindia, I, стр. 357.

³ А. А. Формозов. Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане. Вестн. КазФАН, 1945, № 2.

⁴ Н. А. Прокошев. К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья. МИА, I, 1940, стр. 20 сл.

Интересно, что наличие связей с Приаральем в афанасьевской культуре отмечено уже давно. С. А. Теплоуховым были обнаружены в афанасьевских погребениях Минусинского края украшения из раковин *Corbicula fluminalis*, ближайшим к Сибири районом местонахождения которых является устье Амур-дары.⁵ Это позволило ему уже в 1927 г. высказать предположение о культурном влиянии на древнее население южной Сибири, шедшем из Приаральского центра.

Однако, наряду с несомненными и прочными связями, ведущими на север, северо-запад и северо-восток (причем хронологические данные говорят о том, что эти связи шли из Приаралья на север), кельтеминарская культура имеет и другую, менее ярко выраженную, но несомненную линию связей, ведущих на юг — в южный Иран и в Индию.

Характерно, что если в Минусинском крае, в погребениях III — начала II тысячелетия до н. э., обнаружены украшения из нижнеамур-дарьинских раковин, то значительная часть кельтеминарских бус сделана также из привозных раковин, однако происходящих из отдаленных южных районов: среди раковин рода *Dentalium*, обнаруженных в Джанбас-4, два вида живут в водах бассейна Индийского океана — в Красном море, Персидском и Аравийском заливах. Постоянная окраска сосудов в красный цвет, а также их относительно высокое техническое качество, может быть, отражают влияния древних культур земледельческих племен южной Туркмении (Анау) и Иранского плато с его западной и южной периферией, да и композиционно орнамент Кельтеминара имеет много точек соприкосновения с этим миром так называемой «культуры крашеной керамики». Кремневый инвентарь Кельтеминара также находит много параллелей с инвентарем энеолитического поселения близ Персеполя и пока мало изученными микролитовидными орудиями из стоянок неолита северной Индии.

Весь этот комплекс связей позволяет полагать, что уже в IV—III тысячелетиях до н. э. Хорезм играет ту роль посредствующего звена между миром древних цивилизаций Среднего Востока и отдаленным гиперборейским Севером, которая так ярко выступает впоследствии.

Об этнической принадлежности первобытных кельтеминарцев мы пока ничего достоверного сказать не можем. Однако нельзя не указать, что в лингвистической науке уже давно подмечено наличие каких-то довольно значительных связей между неиндоевропейскими языками Индии (дравидийские и мунда) и угорскими языками Западной Сибири и Приуралья.

⁵ «Материалы по этнографии», III, стр. 75—76; IV, стр. 42—43.

О дравидо-угорских связях пишут Колдуэлл, Шрадер; о мунда-угорских — Эксбонд, Хевеши, Баннерджи; их, с оговорками, признает и Шрадер.⁶ Некоторые из этих авторов, в особенности Хевеши, заходят очень далеко, вплоть до отнесения языков мунда к угорской группе, и конструируют широкие и, по существу, беспочвенные концепции древних угорских переселений в Индию.

Мобилизованный этими авторами материал позволяет говорить не о единстве происхождения, а лишь о несомненно существовавших в отдаленном прошлом культурных связях предков угорских и доиндоевропейских индийских народов, связях, заставляющих предполагать территориальный контакт этих народов. Для I и, по всей видимости, II тысячелетия до н. э., когда в населении, обитавшем на пути возможных связей Средней Азии и восточного Ирана, несомненно преобладает индоевропейский этно-лингвистический элемент, эти связи должны быть исключены. Они должны быть отнесены не позднее чем к IV—III тысячелетиям до н. э., т. е. ко времени, когда создатели кельтеминарской культуры выступают в качестве наиболее вероятного посредствующего звена этих связей.

Нужно напомнить, что область древнего распространения дравидийских языков заходит далеко на север от современной основной их территории (полуостровная Индия). Еще и сейчас в Белуджистане, как раз на полпути между Хорезмом и дравидийской Индией, живет народ брагуи, сохранивший дравидийский язык и южные черты в антропологическом типе. Для древности уже давно отмечена вероятность еще более далекого распространения дравидов на север и запад. Г. Хюзинг (1916 г.) пытается выявить дравидийский этнический слой как один из важнейших составных элементов древнейшего населения Ирана.

Брун и Борк обнаруживают следы влияния дравидийской фонетики в древних яфетических языках Передней Азии — эламском и митаннийском. Б. А. Куфтин вскрывает роль древнего дравидийского субстрата в закавказских яфетических языках, в частности в картвельских (грузинский и родственные ему языки).⁷

В свою очередь, как известно, еще в IX в. н. э. южные границы угорских племен (башджарды — мадьяры) доходили до Приаралья. Для более раннего времени это тем более вероятно.

⁶ Литературу вопроса см. «Древний Хорезм», стр. 65 и 350.

⁷ Б. А. К у ф т и н. Археологические раскопки в Трипалети. Тбилиси, 1941, стр. 126—127.

Было бы, конечно, неосновательно и более чем преждевременно искать в кельтемнарцах «угров», «дравидов» или «мунда». С исторической точки зрения правильнее вообще предостеречь от употребления этих терминов для столь отдаленной эпохи. Вероятнее предположить, что Средняя Азия в эту эпоху представляла собой достаточно пеструю в этнографо-лингвистическом отношении картину и на ее территории сталкивались разнообразными этнические элементы, в том числе близкие к тем, которые впоследствии дали на севере угорские, а на юге дравидийские языки и, возможно, языки мунда, но которые в самой Средней Азии в процессе дальнейших этнических скрещений, включив и иные элементы, в частности яфетические, дали начало восточным группам индоевропейских языков.⁸

Этот процесс, однако, необходимо относить уже к более позднему времени.

3

Народные легенды о происхождении хорезмийцев зафиксированы в различных литературных источниках. Одно из наиболее фантастических преданий рассказывает нам Риза-Кулихан, персидский посол при дворе хивинского хана Алла-Кули (1825—1842). Согласно этому сказанию, некогда пророк Сулейман (царь Соломон, которому мусульманская традиция приписывает власть над миром духов) разгневался на одну пери и приговорил ее к изгнанию в самую отдаленную страну мира, поручив доставить ее на место ссылки некоему дэву (демону). Долго летел дэв, неся на спине пери, и никак не мог найти такого места, пока, наконец, не прилетел в тогда еще пустынный Хорезм, который оказался во всех отношениях подходящим. Но, выполнив поручение Сулеймана, дэв решил и сам остаться здесь, ибо за время долгих скитаний полюбил свою прекрасную пленницу. От брака дэва и пери и произошли хорезмийцы. Поэтому, заканчивает Риза-Кулихан, женщины-хорезмийки прекрасны, как пери, а мужчины Хорезма злы, как дэвы, — сентенция более чем понятная в устах перса: Иран в его время жестоко страдал от разбойничьих набегов хивинцев.

За 900 лет до Риза-Кулихана легенду о происхождении хорезмийцев рассказывает арабский географ ал-Макдиси.

«...в древности, — сообщает ал-Макдиси, — царь Востока разгневался на 400 человек из своего государства, из приближенных слуг [своих], и велел отвести их в место, отдаленное

⁸ См. С. П. Толстов. Аральский узел этногонического процесса, СЭ, VI—VII, 1946, стр. 309.

от населенных пунктов на 100 фарсахов (около 600 км.— С. Т.), а таким оказалось место [где теперь город] Кас (столица древнего Хорезма, ныне г. Шаббаз.— С. Т.). Когда прошло долгое время, царь послал людей, чтобы они сообщали ему об изгнанниках. Придя к последним, посланные увидели, что они живы, построили себе шалаши, ловят рыбу и питаются ею, располагают большим количеством дров. Когда они вернулись к царю и сообщили ему об этом, он спросил: «Как они называют мясо?» Те ответили «хор» (или «хвар»). Он спросил: «А дрова?» Они ответили: «разм». Он сказал: «Так я утверждаю за ними эту местность и даю ей название Хоразм» (Хваразм). Он велел отвести к ним 400 девушек-тюрчанок, и до сих пор у них осталось сходство с турками.⁹

На дальнейшем тексте легенды ал-Макдиси, содержащем интересные сведения об изменении русла Аму-дарьи, мы остановимся ниже (глава VI). Сейчас важно отметить другое. Помимо того, что, по данным ал-Макдиси, еще в X в. у хорезмийцев было живо воспоминание об их отдаленных предках-рыболовах, обитавших в шалахах в богатой лесом стране (образ, восстанавливающий перед нами основные черты быта кельтеминарцев), в этом рассказе перед нами выступает традиция о смешанном происхождении хорезмийцев, об участии в их этногенезе каких-то пришельцев-изгнанников. Туманные отголоски этого сюжета, уже в совсем фантастической, сказочной форме, мы видим и в рассказе Ряза-Кули-хана.

А единственный дошедший до нас историограф древнего Хорезма — ал-Бируни, как мы помним, приводит два древнейших хорезмийских летоисчисления, отделенных друг от друга 90 годами и падающих оба на XIII в. до н. э., — эру первоначальной колонизации страны и эру прихода в Хорезм мифического основателя династии хорезмийских царей — Сиявуша, сына Кей-Кауса, т. е. здесь мы также сталкиваемся с традицией о двух источниках хорезмийского этногенеза.

Археологический материал подтверждает эту упорную традицию народных преданий.

Правда, наш материал по второму тысячелетию до н. э., бронзовому веку Хорезма, еще очень скуден. Мы знаем лишь ряд развешанных стоянок и одну несколько лучше сохранившуюся — стоянку Джанбас-6, раскопанную в 1945—1946 гг. Я. Г. Гулямовым и Н. Н. Вактурской. Однако кое-что этот материал все же позволяет сказать.

⁹ ВГА, III, 285 сл. МИТТ, I, 185 сл.

Период, сменивший кельтеминарский этап истории первобытной культуры Хорезма, знаменуется прежде всего крупными климатическими изменениями. В этом отношении интересна стратиграфия стоянки Джанбас-4. Вскоре после того как большой дом стоянки сделался жертвой пожара (о краткости прошедшего времени говорит то, что стоянка не была развееяна), песчаный холм, на котором он стоял, был затоплен водой. А так как основание барахана (стально-серый аму-дарьинский аллювий) лежит на глубине 4 метров ниже культурного слоя, подъем вод должен был быть очень значительным. Стоянка оказалась сначала на дне периодически затопляемого паводковыми водами болота (нижние слои перекрывающего ее такыра содержат отпечатки болотных растений), а затем это болото превратилось в постоянное озеро, на дне которого отложилась сорокасантиметровая толща такыровидного суглинка.

Видимо, этот климатический перелом связан с переходом от «атлантического» к «суббореальному» периоду климатической истории Евразии, когда доминирующую роль получили северные ветры, для Средней Азии являющиеся основным источником влаги. Для Европы эта перемена падает, примерно, на середину III тысячелетия до н. э., может быть и на несколько более раннюю дату.

Вероятно в связи с этим значительная часть древней дельты Аму-дарьи образовала обширный сплошной водоем, с которым связано отложение основной массы такыровидных суглинков Хорезма. Население было оттеснено в более высоко расположенные районы и на окраины бассейна и продолжало развивать древние традиции кельтеминарской культуры.

Прямым потомком ее является относящаяся, примерно, к середине II тысячелетия вторая из известных нам культур первобытного Хорезма, названная нами тазабагыябской. Стоянки этого времени, расположенные частью на древних бараханах, частью на такырах, дают фрагменты меди (ни одного целого медного орудия, к сожалению, не обнаружено), микролитовидный кремневый инвентарь, продолжающий традиции Кельтеминара, и плоскодонную посуду со штампованным орнаментом в виде углов, треугольников и косоугольных меандров, близко напоминающую посуду андроновской культуры бронзового века Сибири и Казахстана.

Мы не имеем пока прямых данных о хозяйстве тазабагыябцев, но есть все основания полагать, что оно было то же, что и у андроновцев, а у них мы встречаем развитое скотоводство (овца, бык, лошадь) и мотыжное земледелие (пшеница и другие злаки).

Возникновение скотоводства падает, по всем данным, еще на заключительный этап истории кельтеминарской культуры, на вторую половину III тысячелетия. Исследованная А. А. Формозовым позднекельтеминарская стоянка близ станции Саксаульской дала наряду с кельтеминарским кремневым инвентарем и керамикой, орнаментированной согласно кельтеминарской традиции, кости уже преимущественно домашних

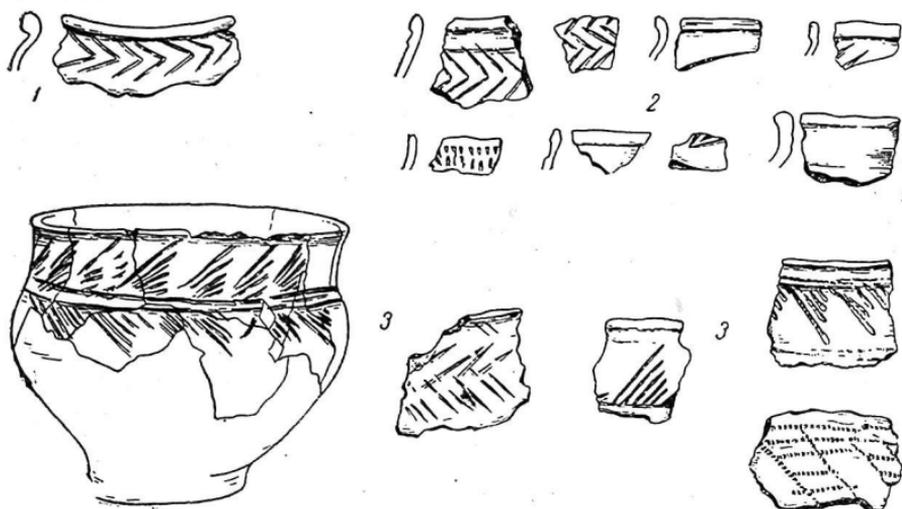

Рис. 19. Памятники тазабагьябской, суярганской и амирабадской культур

1. Амирабадская культура (стоянка в районе Джанбас-4)
2. Суярганская культура (стоянка Джанбас-6)
3. Тазабагьябская культура (стоянка Ангка-1)

животных: 80% костей принадлежат корове и овце (козе²), остальные — дикой лошади, джигетаю.

Отсутствие следов ирригации в окрестностях тазабагьябских стоянок заставляет полагать, что земледелие в эту эпоху не базировалось еще на искусственном орошении, а использовало так называемые «каирные земли», т. е. районы речной поймы, где высокий горизонт почвенных вод обеспечивает достаточную влажность для произрастания культурных растений.

Наряду со стоянками тазабагьябской культуры нами были обнаружены и другие стоянки, относящиеся к близкому времени (вторая половина II тысячелетия до н. э.), но дающие материал совсем иного облика. Здесь также найдены фрагменты меди, но полностью отсутствуют микролитические крем-

невые поделки. Посуда плоскодонная, но иных форм и, главное, имеющая ровную поверхность, окрашенную в желтый или красный, редко — черный цвет, с лощением по окрашенной поверхности. Некоторые черепки несут следы раскраски черным по красному фону. Лишь в редких случаях встречается близкий к тазабагъябскому, но гораздо более бедный, штампованный орнамент в виде углов, опоясывающих венчик сосуда. В целом керамика близко напоминает материал из средних слоев Анау, обнаруживая уже не северные, а южные связи.

Стоянки, как правило, расположены на такырах.

Видимо, развитие этой культуры, названной нами суярганской, связано с появлением в Хорезме нового этнического элемента, исторически связанного с югом, с областями Иранского нагорья и прилежащих стран, где, как известно, уже с четвертого тысячелетия получает свое развитие культура оседлых мотыжных земледельцев и скотоводов, живших в глиняных прямоугольных домах и выделывавших раскрашенную плоскодонную посуду, — культура, на базе которой возникли древнейшие цивилизации классического Востока.

Мы видели выше, что влияние этой культуры сказывается уже в Кельтеминаре. Сейчас оно становится особенно явным и, весьма вероятно, свидетельствует уже не только о культурном взаимодействии, но и переселении в Хорезм новых этнических групп с юга.

Так как стоянки суярганской культуры, как и часть тазабагъябских, расположены на такырах, лежащих над погребенными барханами, есть основание полагать, что около середины II тысячелетия до н. э. произошло осушение этого района, возможно связанное с прорывом Аму-дарьи через западный отрезок Султан-Уиздага и образованием современного русла. Может быть с вызванными этими изменениями в географии верхней дельты Аму-дарьи вторичным ее заселением и связано колонизационное движение южных племен, столкнувшихся здесь с племенами окрестностей южнохорезмского озера и, судя по признакам тазабагъябского влияния в керамике суярганской и позднейшей амирабадской культуры, ассимилировавшихся с ними.

4

Есть все основания полагать, что эти племена составляли восточную ветвь народов яфетической системы языков, к которой относятся современные кавказские народы (грузины, черкесы, дагестанцы и др.) и к которой принадлежали создатели древнейших цивилизаций Двуречья, Сирии и Малой Азии.

Э. Герцфельд объединяет яфетические племена Иранского нагорья и его окрестностей, создавшие земледельческую «культуру крашеной керамики», общим именем «каспийских» народов.¹⁰

Судя по открытым Б. Грозным следам яфетического языка, близкого к древнему субарейскому, в иероглифических надписях Мохенджодаро в Индии и упомянутых выше следах дравидийского влияния у переднеазиатских яфетидов крупнейшую роль в составе восточных яфетидов играли, видимо, племена хурри-митаннийской или субарейской группы, создавшие в начале II тысячелетия мощное переднеазиатское государство Митанни с центром в Верхней Месопотамии. Но какую-то роль, судя по тем же данным надписей на печатях Мохенджодаро, здесь играли и хеттские племена, говорившие на языках префиксирующего типа.¹¹ Наконец, сами создатели сумерийской цивилизации Нижнего Двуречья сохранили в своем языке признаки отдаленных восточных связей, и в лексике и в морфологии сумерийский язык обнаруживает явные черты сходства с языками алтайской группы, в частности тюркскими (сумерийское *dingir* — бог, тюркское *тенгри* — бог, небо; сумерийское — *Ai* — лунное божество, тюркское *ай* — луна, месяц; сумерийское *dag* — камень, тюркское *даш* — камень, *даг* — гора; сумерийское *gus, gup* — три, десять; тюркское *уч, ун* — с тем же значением и т. д.).¹²

Судя по всему, с глубочайшей древности Иранское нагорье и прилегающие к нему страны являлись глубоким этнографическим тылом Передней Азии, на территории которой этнические элементы «восточного тяготения» — сумеры, хурриты, хетты и родственные им — сталкивались с элементами южного тяготения) — семитами и родственными им народами, также внесшими свой вклад в формирование переднеазиатских и кавказских яфетических языков, имеющих, как показал Н. Я. Марр, уже весьма скрещенный характер.

Племена Иранского нагорья, как мы видели, не были уже в неолите изолированы от своих северных и южных соседей. Не только Анау и другие культуры аналогичного типа влияли на культуру рыболовов аллювиальных равнин — создателей кельтеминарской культуры, но и особенно — в Анау мы находим немало черепков со штампованным угловатым орнаментом,

¹⁰ E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London — N. York, 1941.

¹¹ Б. Грозный. Протоиндийские письмена и их расшифровка. ВДИ, 1940, № 2, стр. 15 сл.; В. В. Струве. Дешифровка протоиндийских письмен. ВАН, 1947, № 8.

¹² F. Hommel. Ethnologie und Geographie des alten Orients. München, 1926, стр. 21.

отражающим влияние кельтеминарской и сменившей ее тазабагьябской культуры. К сожалению, у нас нет сведений о керамике Иранского нагорья. Как правило, увлеченные яркостью эффектной раскрашенной посуды археологи не обращают должного внимания на ее более скромного собрата.

Однако есть все основания полагать, что Анау не является исключением, и при более тщательном исследовании мы и южнее и западнее обнаружим следы встречного влияния племен среднеазиатских аллювиальных равнин, особенно для конца III и II тысячелетия, когда на смену относительно неподвижным рыболовным племенам приходят гораздо более подвижные скотоводы. Не будет ничего неожиданного, если в составе переднеазиатских яфетидов III—II тысячелетий удастся обнаружить среднеазиатский этнический элемент, восходящий к поздним кельтеминарцам — скотоводам и сменившим их тазабагьябцам.

В этой связи небезынтересно исследовать самое имя Хорезм (в арабской графике *Ḥwārizm*, на хорезмийских монетах начала VIII в. н. э. *Ḥwṛzm*, древнеперсидское *Uvāra:zmiš*, вавилонское *Numarizma*, эламское *Marazmiš*, авестийское *Hvaizritem*, греческое *χώρασμα*, латинское *Chorasnia*).

В X в. н. э. значение этого слова было уже забыто самими хорезмийцами — передаваемая ал-Макдиси «народная этимология» этого имени «мясо-дрова» совершенно фантастична.

Все новейшие исследователи сходятся на том, чтобы во второй части имени *zm* ← *zem* видеть индоевропейскую основу *zem* — земля, страна (откуда персидское *zamīn* и наше — земля). Что же касается первого элемента *xāri*, *xwāri*, то попытки дать ему иранскую этимологию привели к полной разногласию.

Клипперт и Лерх переводят имя Хорезма как «Низменная земля». Бюрнуф, Захау, Гейгер дают перевод «Плодородная земля». Юсти и Шпигель, напротив, трактуют это имя как «Плохая, неплодородная земля». Савельев предложил перевод «Земля солнца» (иранское *Ḥurr*, *Ḥoršed* — солнце, отсюда имя древнеславянского божества солнца — Хорс). Из всех этимологий эта наиболее правдоподобна. Однако, как известно, большинство древних названий стран связано с этническими именами, в свою очередь обычно имеющими мифологические ассоциации. А если мы предположим, что основу интересующего нас термина составляет этническое имя, то слово «Хорезм» — «Земля (страна) народа Хварри, или Харри» (существенно, что Якут еще в XIII в. подчеркивает, что *p* в слове «Хорезм» произносится «как бы под таждидом», т. е. с удвоенным,

и приводит цитату из арабского поэта Асади, где «Хорезм» пишется даже с двумя *p*) введет нас в этнографический мир восточнойфетических племен, обнаруживая вероятные ассоциации с именем Харри, или Хурри — племенным названием основателей Митаннийского государства — хурритов. Пока мы еще столь мало знаем о культуре Хорезма III—II тысячелетий до н. э. (время появления хурритов на переднеазиатской исторической арене), что очень трудно сказать здесь что-нибудь определенное, но между Хорезмом и Митанни бесспорно протягиваются достаточно явные нити. Отмечу поразительное совпадение популярного митаннийского царского имени Ш а у ш а т а р (I и II) и хорезмийского царского имени списка ал-Бируни, подтвержденного китайскими известиями и нумизматическими свидетельствами, — Ш а у ш а ф а р.

Имя митаннийской богини Šauškaš¹³ (Šaušpi), несомненно связанное с предыдущим именем, вместе с тем ассоциируется и с хорезмийским царским именем Шауш (I и II) того же списка ал-Бируни. Более отдаленную ассоциацию дает параллелизм митаннийского царского имени Артатама (I и II) и хорезмийского Артамух.

Но хурри-митаннийские связи переплетаются с другой линией связей, также ведущей нас в переднеазиатский яфетический мир, связей хорезмско-хеттских. Помимо самой по себе многозначительной параллели этнонима х а т т у (хетты) ч основы имени среднеазиатского народа м а с с а г е т о в («великие геты»), к числу которых Страбон причислял хорезмийцев, приведу поразительное совпадение не встречающего параллелей в иранском и тюркском мире хорезмийского (доныне бытующего в хорезмском диалекте узбекского языка) а р н а — канал и протохеттского а г н а — источник, ключ.

Эти параллели можно проследить и в области материальной культуры. Античная хорезмийская одежда, представленная на статуэтках нашего собрания, обнаруживает немало общих черт с одеждой малоазиатских племен, поскольку мы знаем их из хеттских и древнеперсидских рельефов и памятников греческого искусства, начиная с «фригийской шапки» и высоких сапог, столь характерной особенностью хеттской мужской одежды, и кончая всем комплексом женского костюма. Между прочим, одежда женщин наиболее прямых потомков дахско-массагетских племен Закаспия, туркмен-теке, доныне сохраняет

¹³ Интересен аффикс *ška*, впоследствии выступающий в ономастике Средней Азии в именах кушанских царей I—III вв. н. э. — К а н и ш к а, Х у в и ш к а и в одном из вариантов имени самой династии — Т у р у ш к а.

облик, поразительно близкий к одежде хеттских цариц и богинь на древних рельефах.¹⁴

Всего этого, конечно, недостаточно для сколько-нибудь твердых исторических выводов. Это только намеки, сигналы, привлекающие внимание исследователей к нерешенным и, пожалуй, пока неразрешимым, впредь до накопления новых археологических данных, вопросам этногонии народов западной Евразии. Можно сказать только одно: связи народов Средней Азии с переднеазиатским этнографическим миром уходят в глубокую, доиндоевропейскую древность, и без учета роли среднеазиатских племен вряд ли может быть до конца решен вопрос о происхождении яфетических народов древней Передней Азии и созданных ими государств.

Каково бы ни было направление этих связей, Хорезм — «Земля Хварри (Харри)» не может не учитываться в разрешении хуррийской проблемы во всем ее объеме. Не надо забывать, вместе с тем, что именно среди хеттских языков мы встречаемся с первым языком, несущим определенные черты индоевропейского строя, и что в Митанни мы впервые встречаемся с именами индоиранских божеств Митры, Варуны и Насатьи и с индоиранской терминологией конного дела. Здесь нет, конечно, оснований для широких миграционистских построений, ведущих уже готовых индоевропейцев то с запада, то с востока и заставляющих «людей кентум», т. е. западных индоевропейцев, завоевывать страну хеттов, а индусов — страну Митанни. В действительности мы, повидимому, имеем дело с докатившимися до восточного Средиземноморья отголосками сложных процессов кристаллизации на базе скрещения древних яфетических и, возможно, иных доиндоевропейских языков Ирана и Средней Азии и, вероятно, северных понто-каспийских степей — первых форм индоевропейской речи на ее еще весьма архаической ступени.

Как известно, эти ранние этапы протоиндоевропейской речи выступают еще в III тысячелетии до н. э., в памятниках касситского языка.

Интересным памятником, который при дальнейшем исследовании может пролить известный свет на этот комплекс сложных и темных вопросов, вводящих нас в самую гущу одной из наиболее спорных и крупных проблем этногонии народов Старого Света — проблемы этногенеза индоевропейцев, являются открытые нами в 1940 г. наскальные знаки на песчаниковых возвышенностях северо-западных предгорий Султан-Уздага: Чильпык, Кара-тюбе и Беш-тюбе.

¹⁴ См. «Древний Хорезм», стр. 197 сл.

Эти скалы, по нашему предположению, в глубокой древности служили местами погребального культа. Здесь, согласно первобытному ритуалу, впоследствии в видоизмененной форме вошедшему в обрядность зороастрийской религии, выкладывались трупы на съедение птицам и наземным хищникам. Это предположение подтверждается тем, что впоследствии, в начале нашей эры, одна из этих возвышенностей, Чильнык, была превращена в настоящую дахму — «башню молчания», типичное для ортодоксального зороастризма погребальное сооружение.

Поверхность этих скал вся покрыта разнообразнейшими вырезанными в скале знаками, древнейший комплекс которых различные геометрические начертания (среди которых чаще всего попадаются прямые и косые решетки, объединенные в пиктографические композиции) обнаруживает значительную близость, с одной стороны, к датируемым бронзовым веком наскальным знакам Приазовья («Каменная могила», исследованная О. Н. Бадером), а с другой — с архаической иероглификой Индии, Элама, Месопотамии и Хеттского царства.¹⁵

Академик В. В. Струве в одной из своих последних работ, внося коррективы в историческую интерпретацию мохенджодарских надписей, сделанную Б. Грозным, пытается видеть в них памятник именно хурритских племен. Если это так, то в свете изложенного древности Хорезма получают еще больше права занять свое место в разработке хурритской проблемы.

Вернемся, однако, к событиям в самом Хорезме, на которые намекают нам памятники хорезмийского бронзового века.

Нельзя не обратить внимания на совпадение устанавливаемой археологически даты появления в Хорезме новых этнических элементов — может быть продвинувшихся с восточных окраин Иранского нагорья, вниз по Мургабу или Аму-дарье, хурритских племен — с датой начала хорезмийского летоисчисления по ал-Бируни, падающей, как мы видели, на XIII в. до н. э. С этой датой Бируни связывает приход в Хорезм божественного героя Сиявуша и основание Хорезмского государства.

Сиявуш (вариант Сиявахш), мифический предок древней династии хорезмских царей, правившей до конца X в. н. э., занимает крупное место в иранской мифологии и эпосе.

Уже Авеста знает его под именем Сияваршана. В Шах-намэ эпосе Сиявуша отведен обширный раздел. И в Авесте, и в пехлевийской литературе, и в Шах-намэ, да и у Бируни, Сияваршана (Сиявуш) — только герой-полубог. Однако более углуб-

¹⁵ См. С. П. Толстов, К вопросу о протохорезмийской письменности, КСИИМК, XV, 1947, стр. 38 сл., а также «Древний Хорезм», стр. 71 сл.

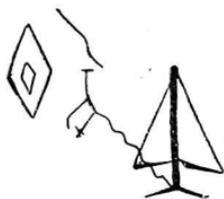
1

3

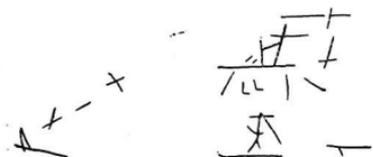
4

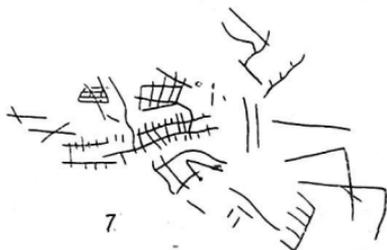
5

2

6

7

8

9

Рис. 20. Протохорезмийские наскальные знаки
1 - 4 - Беш-тюбе; 5 - 9 - Кара-тюбе

ленный анализ его образа показывает, что перед нами первоначально выступает божество, впоследствии оттесненное на второй план образами зороастрийского пантеона. Сиявуш — сын Кей-Кауса (Кава-Уса Авесты), второго царя второй легендарной династии иранской традиции — каянидов. Он рожден от таинственной прекрасной девушки, найденной дружинниками Кей-Кауса в лесу на границе Турана (видимо, первоначальный образ лесной богини-дриады). С момента появления на свет, стоившего жизни его матери, Сиявуш поражает всех своей неземной красотой. Отвергнув преступную страсть своей мачехи и оклеветанный ею, Сиявуш в золотом шлеме, верхом на черном коне, должен пройти испытание огнем, проскакать через гигантское пламя. Выйдя победителем из ордалии и восстановив свою честь, он отправляется в поход на Туран, а по окончании войны уезжает к туранскому царю Афрасиабу, на дочери которого женится. От тестя он получает в дар земли в Туране, где строит великолепный город-замок Кангиз, или Канг-и-Сиявахш. Вновь став жертвой клеветы, он гибнет от рук подосланных Афрасиабом убийц. Мстителем за Сиявуша становится его сын (по Авесте — внук, сын дочери Сияваршаны от брата Афрасиаба — Агрерата, видимо более древний, матриархальный вариант сюжета) Кей-Хосров, Кава-Хусрава Авесты, победоносно разбивающий своего вероломного деда (resp. прадеда), объединяющий «арийские земли» и, по хорезмийской традиции, основывающий первую хорезмийскую династию.

Перед нами, несомненно, выступает «историзированный» мифический сюжет, связанный с циклом образов умирающего и воскресающего бога растительности — Озириса, Атиса, Адониса и им подобных. Сюжет Сиявуша тесно соприкасается с одним из греческих вариантов его — мифом об Ипполите: помимо клеветы мачехи, здесь налицо и такая специфическая черта, как ассоциация героя с конем. Гибель Сиявуша как невинной жертвы предательства и последующее возвращение его в лице его сына (resp. внука) — мстителя завершают образ типичными чертами мифа о страдающем аграрном божестве. Специфическими чертами, кроме связи с конем, являются особенности, вводящие Сиявуша в круг хтонических божеств: он всадник на черном коне, обычно являющемся атрибутом и воплощением Ангро-Майнью (Аримана), его огненная ордалия приобщает его к культуре подземного огня.

Сиявуш (Сиявахш, Сияваршан) и ономастически и мифологически соприкасается с образом фрако-фригийского бога-всадника Сабазия (фригийского Саобадз) и более отдаленными нитями увязывается с образом «славянского Гефеста», бога

подземного огня — Сварога, или, может быть, с одной из наиболее чтимых его манифестаций — Сварожича (имя, так же оформленное патронимическим аффиксом, как и авестийское имя Сиявуша, — ср. Сварож + ич ∞ Сияварш + ан).

Именно Сиявуш в образе бога-всадника является излюбленным изображением на хорезмийских монетах от I в. до н. э. до VIII в. н. э. Культь коня, отраженный в бесчисленных статуэтках и головках коней, и образ всадника на монетах являются, как и имя божества, прочным звеном хорезмийско-фракийских ассоциаций, обнаруживая новую, более позднюю, чем предыдущие, линию этно-культурных связей Хорезма уже в эпоху, когда здесь на арену выступают индоевропейские племена.

Сейчас, конечно, невозможно проследить ход процесса образования этих связей. Несомненно одно: хорезмийцы на рубеже II и I тысячелетий до н. э., на третьем из прослеживаемых нами этапов хорезмийского этногенеза, выступают как одно из звеньев цепи древнеиндоевропейских племен, кольцом окружающей Черное и Каспийское моря, — племен, которые могут быть объединены под общим именем фрако-киммерийцев. Хорезмийцы, по Страбону, входят в комплекс массагетских народностей, самое имя которых («великие геты») является репликой имен фракийских гетов и тирагетов («днестровские геты»). Соседями хорезмийцев на юго-западе и северо-востоке являются племена дахов, в то время как балканские геты соседят с даками. Как у фракийцев, так и у массагетов среди тотемических обрядов центральное место занимает культ коня. В обычаях массагетов налицо ряд специфических параллелей с обычаями фракийских агатирсов (брачные и погребальные обряды). Ряд совпадений может быть прослежен в личной анимистике (Спаргапис, Тамирас — во фракийском мире, Спаргапис, Томирис — у массагетов).

Повидимому, есть основания полагать, что на территории Хорезма сталкивались три обширные области древних индоевропейских племен: иранских, основной центр формирования которых, по всем признакам, лежал на восточных окраинах Иранского нагорья, на территории нынешнего западного Афганистана, охватывая равным образом верхнее течение Аму-дарьи; фрако-киммерийских, занимавших Приаралье и закаспийские степи, и далее, на западе, доходивших до бассейна Дуная, и сакских, или скифских, занимавших восточные степные и предгорные окраины Средней Азии, постепенно инфильтруясь во фрако-киммерийскую среду и ассимилируясь с нею. Во всяком случае, персидские и античные источники середины I тысячелетия до н. э. застают массагетов Приаралья уже на стадии далеко зашедшей сакизации.

Комплекс сказаний Авесты, связанных с подвигами первых каянидов, особенно Сияваршаны и Хусравы, развертывается в обильной озерами стране, недалеко от Урвы (по Захау — Ургенч), моря Вурукаша (Аральское море) и страны дахов (низовья Сыр-дарьи) и сарматов (сайрима, приволжские степи). Здесь, близ моря Вурукаша, на разделенных его протоками островах, т. е. в дельте Аму-дарьи, создаются «семь киршваров» — древнейших населенных областей, куда, на священном быке Сасраока, прибывают первые поколения людей и священные огни маздеизма, древнейший и наиболее чтимый из которых воздвигается Йимой-Джемшидом на вершине одной из хорезмийских гор. Так, в результате рассмотренных выше процессов, выдающаяся роль в которых, видимо, принадлежит северо-восточной ветви хурритских племен, создается «Айрьянем-вэджо», «Новая Ариана», resp. «Новая страна хурритов» — синоним имени «Харри-зем», «Земля хурритов», resp. «Земля (народа) Солнца».

Исследованием одного из сотрудников нашей экспедиции молодого этнографа Ю. В. Кнорозова установлено сохранение в хорезмийских верованиях недавнего прошлого ряда традиций, связывающих с хорезмской землей деятельность мифологических героев, в Авесте и пехлевийской традиции связываемых с Айрьянем-вэджо.

Так, близ г. Ходжейли, на холме-некрополе Мазлум-хан-слу, поднимается величественный курган под названием Джумарт-кассаб (букв. «Джумарт-мясник»). Здесь, по преданию, погребен некий «святой», носивший это имя, и с этим курганом связаны были скотоводческие обряды, направленные на прекращение эпизоотий. Рядом с курганом расположена гробница «Шамун-наби» («пророк Шамун»), с которой связаны легенды, перекликающиеся с библейским сказанием о Самсоне. В районе Джумурт-тау, на левом берегу Аму-дарьи, была гробница «Шипайгамбара» («пророк Сиф»), с которой и с лежащей против нее, на правом берегу реки, античной крепостью Гяур-кала был связан другой вариант той же легенды о Самсоне. Весь этот комплекс памятников и сказаний, несомненно, связан с Гаво-мардом Кайюмерсом (Джумарт, Джумурт) — древнеиранским мифическим героем, ассоциирующимся с быком (самсе имя, по К. В. Тревер, значит «человек-бык»; бык же является его спутником-атрибутом) и жившим в Айрьянем-вэджо, на берегу священной реки Дайтъя (в свете наших данных, несомненно, Аму-дарья), причем на другом берегу жил его бык. Характерно, что в раннемусульманской персидской традиции Кайюмерс неизменно ассоциируется то с библейским Сифом, то с библейским Самсоном.

В лице Хосрова надо видеть уже полуисторическую фигуру восточнохурритского вождя, через Агрерата и дочь Сияваршана возведенного генеалогической традицией к миру местных древних божеств.

Мы лишь мимоходом коснемся второго цикла легенд об Айрьянем-вэджо, связанного с образом Заратуштры. Гаты и другие более поздние части Авесты вводят нас в обстановку острой борьбы между жреческими корпорациями кави и карапанов (восточный вариант кавиров и кор и бантов фрако-фригийского мира). От первой из этих корпораций ответвляется течение последователей учения древнего, мифического пророка Заратуштры (явная параллель фракийского Залмоксиса), сочетающих элементы монотеизма с примитивными анимистическими верованиями, к которым восходят дуалистические элементы зороастризма.

Если следовать зороастрийской традиции, первый этап этой борьбы разворачивается в Айрьянем-вэджо — Хорезме, на предполагаемой родине Заратуштры, но победоносно завершается она в Бактрии, при дворе царя Виштаспы, довольно туманными династическими звеньями увязанного традицией с хорезмийским домом Хосровов.

Зороастризм, несомненно, имеет сложную историю, и образ Заратуштры, как древнего, отделенного от них тысячелетиями пророка, античные авторы знают в Мидии и в Персиде.

Однако дошедшая до нас авестийская традиция, несомненно, восточного происхождения, и проникновение ее в западный Иран должно быть связано с религиозно-реформаторской деятельностью парфянского царя I в. н. э. Вологеза. Если прав Маркварт, утверждавший, что центром доахеменидского политического объединения Средней Азии был Хорезм (а ниже мы увидим, что к его аргументам можно прибавить немало новых) и что лишь с эпохой ахеменидов связано возвышение Бактрии, то можно за легендарной историко-географической концепцией Авесты и позднейшей традиции разглядеть очертания действительной политической истории Средней Азии и Восточного Ирана. Мифы и эпические сказания древнего, протоисторического Хорезма, воспринятые и обработанные в V—IV вв. до н. э. бактрийскими «аграванами» (жрецами огня), перенесшими завершение деятельности хорезмийского Заратуштры на родную им почву, получают окончательную редакцию при дворе парфянского царя, возводящего свой род к тем же хорезмийским сиявушидам, но воспринимающего традицию через бактрийскую призму. Отсюда же и одна из версий Страбона рассказа о происхождении аршакидов, выводящая их из Бактр, и гордое имя Пахлави (Балхские, Бактрийские),

которое принимают парфянские правители. Авеста не знает ахеменидов. Включение последних из них в позднюю парсийскую религиозную литературу при сасанидах — столь же неуклюжая фальсификация, как и превращение Александра Македонского в сына Дария и возведение к ахеменидам провинциальных князей — жрецов Стахра, положивших в III в. н. э. начало новой персидской династии.

В бактрийских жреческих коллегиях география Авесты, первоначально приуроченная к узкой территории страны озер и рек — Хорезма, и авестийская история, повествующая о войнах с окружающими Хорезм племенами, разрастается до масштаба всего восточного Ирана и Средней Азии. А невежественные фальсификаторы сасанидской эпохи, пытаясь связать непонятные имена и события с кругом своих исторических и географических представлений, переносят пункты и события в пределы сасанидской державы, ассоциируя их с современными им центрами позднезороастрийского правоверия.

Очищенная от этих позднейших наслоений Авеста предстает, таким образом, перед нами как первоклассный источник для истории Хорезма и окружающих стран между XIII в. до н. э. и последними веками I тысячелетия до н. э. Но использование ее потребует еще огромной критической работы.

Археологически начальная стадия этого периода еще очень слабо освещена. К началу I тысячелетия до н. э. относится смена суярганской культуры новой, названной нами амирабадской.¹⁶ Для нее характерна смена старых форм крашеной керамики новым типом также сделанной еще без круга, преимущественно черной и черно-серой посуды, с плоским дном и круто отогнутым венчиком, чаще совсем лишенной орнамента, иногда орнаментированной по перегибу венчика и а р е з н ы м елочным рисунком, ближе всего напоминая керамику предскифских городищ северного Предкавказья (Кобяково городище).

Место деревянных столбовых овальных домов занимают длинные, возведенные попрежнему на песчаных дюнах, но уже из глины, здания. Так, в стоянке Джанбас-7 мы имеем дом, достигающий длины 70 метров и состоящий из двух параллельных узких коридорообразных помещений. Видимо, в семейно-бытовом укладе произошли крупные перемены. Этнографические параллели ведут нас уже не к андаманцам, а к ирокезам. Вытянутые пропорции дома связаны обычно с далеко зашедшим бытовым обособлением парных семей, еще живущих под общей кровлей, но уже не объединенных общим очагом,

¹⁶ См. «Древний Хорезм», стр. 68 сл.

место которого занимают устойчивые, вытянутые в одну линию семейные очаги.

Ирригация еще не получила заметного развития — амирабадские стоянки попрежнему расположены в стороне от каналов и, видимо, продолжают базироваться на каиры. Все говорит о достаточно еще примитивном уровне общественного развития — об обществе средней, может быть начала высшей ступени варварства, вряд ли поднявшемся над уровнем конфедераций племен, подобных знаменитой ирокезской.

В Кава-Хусрава, «основателе» Хорезмийского государства, надо скорее видеть параллель к Гайавате, создателю ирокезской конфедерации, чем к основателям восточных военных деспотий предшествующих и последующих веков.

Но общество стоит уже на грани цивилизации. Остается сделать еще один шаг. И около VIII—VII вв. до н. э. этот шаг был сделан. Хорезм вступил в новую эру своей истории, эру, когда хорезмийцы, по словам ал-Бируни, начинают вести летоисчисление по годам правления царей, согласно общей традиции древнего Востока. Туманный период истории хорезмийской конфедерации племен, возглавленной вождями-жрецами, возводившими свой род к божественному Сиявушу, закончился.

Глава VI

СВЯЩЕННАЯ КАНГХА

1

Гораздо богаче и разносторонней может быть охарактеризован следующий период истории Хорезма, охватывающий время от середины I тысячелетия до н. э. до IV в. н. э., т. е. около тысячи лет. Начальная дата этого периода не может быть вполне точно определена, но совокупность археологических данных и исторических соображений, приводимых ниже, позволяет относить ее ко времени около VIII—VII вв. до н. э.

Несмотря на значительную протяженность во времени и богатство хронологических вариаций, культура Хорезма этой эпохи характеризуется значительным единством, проявляющимся во всех областях.

Так, для всех этапов истории античного Хорезма характерны общие особенности строительного дела и фортификации: господство крупного квадратного сырцового кирпича с обычным стандартом $40 \times 40 \times 10$ сантиметров, с незначительными отклонениями в ту и другую сторону; общий тип коробовых сводов полуциркульного или эллиптического сечения, с наклонным положением рядов кладки; одна и та же в своих основных принципах система оборонительных сооружений — стены с внутренними стрелковыми галереями с высокими «стреловидными» бойницами, рассчитанными на навесной бой; весьма характерный тип укрепленных «лабиринтов», защищающих подступы к воротам; преобладание квадратных или прямоугольных в плане башен.

С большой устойчивостью на протяжении всей античности держатся трехгранные втульчатые скифские стрелы, надолго

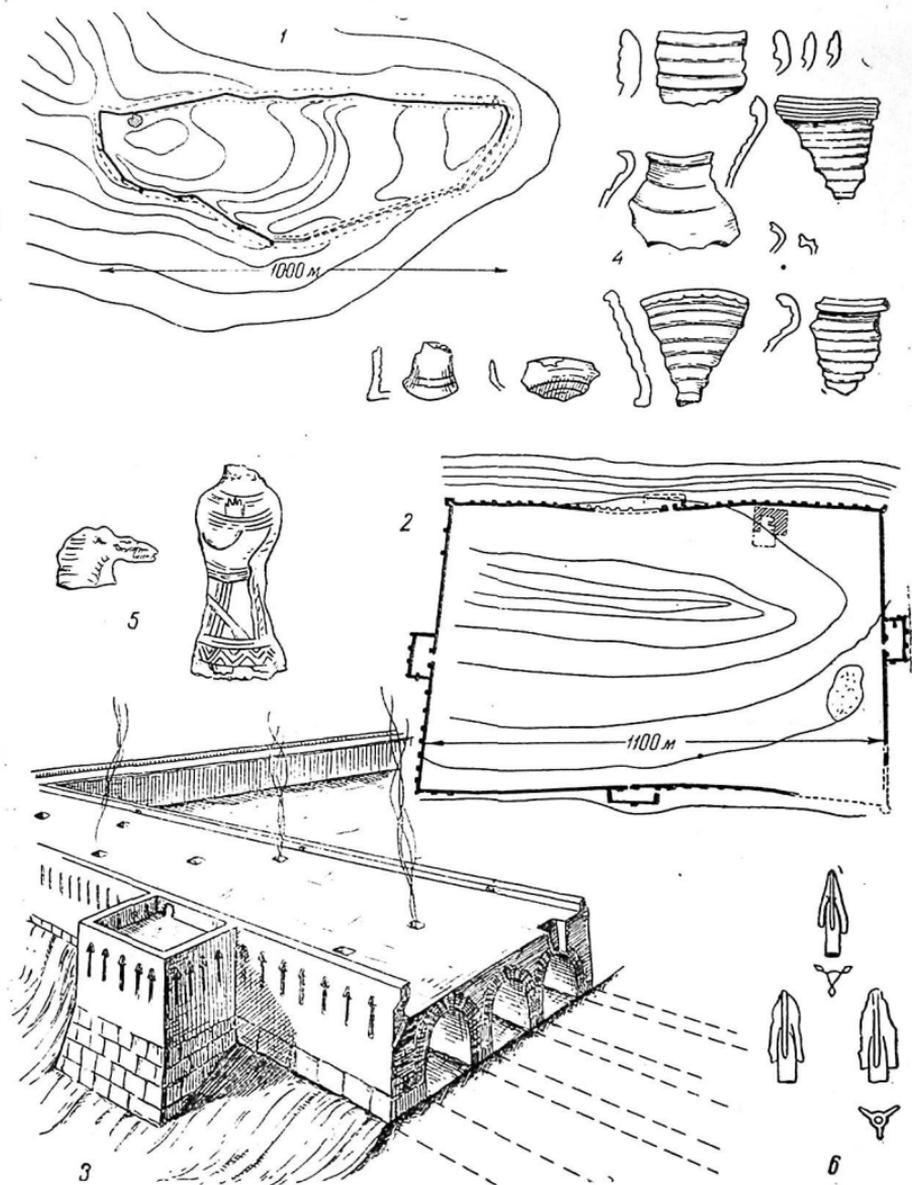

Рис. 21. Памятники городищ с жилыми стенами

1 — Кюзели-гыр; 2 — Калалы-гыр; 3 — реконструкция жилой стены; 4 — керамика из Кюзели-гыр; 5 — статуэтки архаического стиля; 6 — наконечники стрел из Кюзели-гыр

переживающие время их распространения в северном Причерноморье.

Для всех памятников характерны крупные овалы зернотерки.

В области керамики на протяжении всей хорезмийской античности доминирует высококачественная, сделанная преимущественно на ножном круге ремесленная посуда, чаще всего покрытая красным ангобом или лаком, некоторые формы которой проходят, мало изменяясь, через все тысячелетие. При большом разнообразии типов украшений все же можно установить господствующее на всем протяжении хорезмийской античности предпочтение к импортным мелким бусам из цветного стекла. Каменные бусы, широко распространяющиеся в последующий период, составляют незначительный процент, если не считать мелких призматических бус местного изготовления из просверленных кристаллов пирита.

Ниже мы увидим, что за этим единством внешних проявлений культуры скрывается более глубокое единство социально-экономического уклада, но и изложенного выше достаточно, чтобы рассматривать хорезмийскую античность как четко очерченную эпоху, внутренне единую и противостоящую в своем единстве глубоко отличным от нее предшествующему и последующему периодам.

2

Древнейшие из городищ, относящихся к тому периоду, которым мы можем датировать начало нового этапа истории Хорезма, были открыты нами во время разведок 1939 г. на землях древнего орошения Ташаузской области Туркменской ССР, в зоне древнего канала Чермен-Яб.¹

Довольно далеко от этого канала, на юг от старого русла южного Даудана, на останцовых щебнистых возвышенностях расположены два крупных городища Калалы-гыр № 1 и Кюзели-гыр. Первое — подпрямоугольной формы, размером 1100 × 700 метров, второе — треугольное, в соответствии с формой холма, 1000 × 400 метров площадью.

Исследование городищ показало, что они относятся к середине I тысячелетия до н. э., что определяется архаическим характером бронзовых «скифских» стрел, тяготеющих к VI—IV вв. до н. э., и довольно грубой, сделанной на ручном круге керамикой с характерной горизонтально-канелированной поверхностью, встречающейся в самых нижних слоях позднейших

¹ См. «Древний Хорезм», стр. 77 сл.

городищ, достигших расцвета в последующий кангюйский период (Базар-кала, Джалбас-кала).

Планировка их весьма своеобразна: все огромное внутреннее пространство городища совершенно лишено культурного слоя; всюду оно представляет собой обнаженную щелнистую материковую поверхность холма.

Жизнь обитателей городищ была целиком сосредоточена в длинных, опоясывающих всю площадь памятника, узких сводчатых коридорообразных помещениях, скрытых в толще мощных стен городища. В Калалы-гыре было два параллельных внутренних жилых коридора, в Кюзели-гыре — целых три.

Никаких иных жилых помещений на городищах обнаружено не было. Многокомнатное здание у северной стены Калалы-гыра оказалось погребальным сооружением, «домом мертвых», где в больших глиняных корчагах хранились кости умерших.

Планировка «городищ с жилыми стенами» находит яркую параллель в описанной в Авесте «квадратной Вару» — укрепленном поселении, построенном мифическим героем Йимой (Джемшид средневекового эпоса):

«И Йима построил Вару длиной в лошадиный бег (по Дармстетеру около 3 км. — С. Т.) по всем четырем сторонам и перенес туда семена быков, людей, собак, птиц и огня красных, пылающих. Он сделал Вару длиной в лошадиный бег по всем четырем сторонам жилищем для людей; Вару, длиной в лошадиный бег по всем четырем сторонам, — загон для скота.

Туда он провел воду по пути, длиной в хатр (около 1.5 км). Там он построил жилища, дом, свод, двор — место, закрытое со всех сторон.

В широкой части постройки он сделал девять проходов, шесть в средней, три в узкой...

... И сделал он вход и световой люк...» (Вендидад, II, 33—38).

Этот темный текст делается понятным при сопоставлении его с описаниями наших городищ, в свою очередь многое объясняя в их конструкции и планировке.

Огромное пустое внутреннее пространство городища, на первый взгляд столь непонятное, — это загон для скота. Вся планировка крепости подчинена главной задаче: охране скота.

У нас немало этнографических параллелей этого принципа планировки поселений, начиная с крааля юго-восточных банту (характерно, что голландское название деревень этого типа «крааль», принятое в этнографической литературе, и значит «загон для скота»), — с его двумя концентрическими оградами,

в узком проходе между которыми расположены хижины, а внутреннее, окруженное ими пустое пространство используется как загон для скота, — и кончая черкесскими равнинными деревнями XVIII — начала XIX в.

Планировка наших городищ раскрывает перед нами сразу много сторон социально-экономического быта исследуемой эпохи истории Хорезма. Прежде всего мы можем определить его хозяйство, как оседлое с доминирующей ролью скотоводства, наряду с которым существует и земледелие, — об этом говорит ирригационная сеть, на которой мы остановимся ниже. Однако на этом этапе земледелие играет явно второстепенную роль.

Далее мы видим здесь в сущности один огромный, длинный дом, общим протяжением (если суммировать параллельные помещения) от 6 до 7 километров, где обитает, по самым скромным подсчетам, несколько тысяч человек. Отсутствие признаков внутреннего членения обитающей в поселении общины и сколько-нибудь значительной социальной дифференциации жилищ заставляет предполагать сохранность достаточно архаических форм общественной организации. «Городище с жилыми стенами» — это поселение рода или группы родственных родов.

Однако мощные укрепленные поселения, жители которых были вынуждены ютиться в темных и мрачных коридорах в толщах глиняных стен, свидетельствуют об эпохе бурных военных столкновений, причем — и на это также отвечает нам планировка наших городищ — основным объектом этих столкновений было главное богатство общин — скот, защитить который надо было во что бы то ни стало.

Это сигнализирует нам о процессах, которые, в конечном счете, привели к крушению первобытно-общинной, родовой общественной организации, ибо скот — это та часть собственности, которая раньше всего, повидимому с первых этапов развития скотоводческого хозяйства, ускользает из рук общины и закрепляется патриархальной семьей. Во всех без исключения известных нам этнографических примерах скот, состоя под коллективной защитой рода или племени, находится в частном владении отдельной семьи. А войны за скот ведут к дифференциации в области скотовладения, способствуя концентрации масс скота в руках отдельных семей, образующих мало-помалу могущественную родоплеменную аристократию.

Эти соображения общего порядка могут быть подкреплены непосредственным свидетельством литературных источников. Я имею в виду прежде всего Авесту, ибо поразительная парал-

лель между «квадратной Варой» и «городищами с жилыми стенами» дает нам бесспорное право на ее использование.

Авеста, как и большинство других «священных книг», памятник сложный и многослойный. Но в нем, бесспорно, доминирует пласт, восходящий к архаической эпохе истории восточного Ирана и Средней Азии (а в своей древнейшей части — именно Хорезма), — эпохе, которая сейчас, в свете наших материалов, может быть хронологически приурочена к первой половине I тысячелетия до н. э.

А Авеста рисует нам общество достаточно определенного типа.²

Это общество оседлых скотоводов и земледельцев, разводящих крупный рогатый скот, коней и верблюдов. Вокруг скота вращаются все имущественные интересы. Обилие стад, коней, земель, удобных для скотоводства, — вот о чем просят богов авторы гимнов Авесты. Вместе с тем земледелие, основанное на искусственном орошении, хорошо знакомо Авесте. Земледельческий труд считается почетным занятием, хотя о нем говорится сравнительно мало. Население, как мы видели из приведенного отрывка, живет в укрепленных поселениях типа «городищ с жилыми стенами». Общество знает уже богатых скотом и бедных. Герои Авесты — Йима, Атьвя, Пурушаспа и др. неизменно выступают с эпитетами: «богатый стадами», «богатый быками», «богатый конями». В их лице выступает могущественная скотовладельческая военная аристократия, боевыми и разбойничьими подвигами которой переполнены тексты. Объектом войн и набегов неизменно является захват скота.

Общество уже в древнейших частях Авесты выступает разделенным на касты: жрецов огня (атраваны), воинов (ратхаеста, буквально — «ездящие на колесницах») и рядовых общинников. Ремесло, видимо, еще не отделилось от сельского хозяйства, точнее — находится в процессе этого отделения: в Авесте мы лишь один раз (Ясна, XIX, 46) встречаем упоминание ремесленников как особой касты, стоящей ниже остальных трех. Авеста не позволяет судить о степени развития рабства, но последующая история дает основание предполагать, что и «хранители огня» и «ездящие на колесницах» — все эти «владельцы многочисленных стад» должны были в той или иной мере применять в своих хозяйствах рабский труд, как применяли его их современники — геродотовы скифы.

² См. С. П. Толстов, Общественный строй древней Средней Азии по Авесте, История СССР, изд. ИИМК АН СССР, М.—Л., 1939, ч. I—II.

Вместе с тем авестийское общество полностью сохраняет родоплеменную организацию. Основой общества был род — «вис», составлявший население отдельной деревни, именованной также «вис». Земля находилась в родовой собственности. Несколько родов составляли племя — «занту». Наконец, крупнейшим объединением был союз племен, или область («данху», «дахью»). Во главе этих единиц общественного деления стояли вожди («пати») — вождь рода, вождь племени, вождь области. Этот последний, однако, наряду со званием «данхупати» носит нередко титул князя («састар») или царя («кави»), часто выполняя при этом и жреческие функции. Такими царями, т. е. верховными вождями-жрецами территориально-племенного объединения, видимо являются и древнейшие хорезмийские сиявушиды.

Это вожди союзов племен, власть которых над совокупностью подчиненных им общин была весьма ограничена советом родовых и племенных вождей и особенно жреческими корпорациями.

Кроме Авесты для освещения нашей темы мы располагаем еще одним кругом источников: сообщениями о массагетах античных писателей, в первую очередь Геродота и Страбона, сведения которых, по убедительному заключению А. Германна, восходят к Гекатею Милетскому, а также Ктесия Книдского и позднейших авторов.

Наиболее подробным является свидетельство Гекатея — Страбона, которое я позволю себе привести целиком:

«О массагетах говорят, что часть их живет на горах, часть в равнинах, третьи занимают болота, образуемые реками, четвертые — острова на этих болотах. Богом считают они только солнце, которому приносят в жертву лошадей. Хотя каждый из них имеет одну жену, но он пользуется и чужими женами, и вовсе не тайно: сообщающийся с чужой женщиной вешает свой лук на повозке и сообщается явно. Самой лучшей смертью считается у них та, когда дожившие до старости изрубливаются вместе с бараниной и в таком виде поедаются. Умерших от болезни они бросают на съедение зверям, как нечестивых и недостойных. Они хорошие конные и пешие воины, вооруженные луками, мечами, панцырями, медными топорами; в битвах носят золотые пояса и золотые повязки. Уздечка и наплечники их лошадей украшены золотом. Серебра у них нет, железа мало, медь и золото в изобилии. Массагеты, живущие на островах, питаются кореньями и дикими плодами, потому что у них нет посевов. Одеваются они в древесную кору (скота у них нет), пьют сок, выжимаемый из древесных плодов. Живущие в болотах питаются рыбой, одеваются в шкуры тюленей, выходя-

щих из моря. Горные жители питаются дикими плодами. Впрочем, они имеют немного овец, которых не режут, сохраняя их для шерсти и молока. Платья их пестро раскрашиваются

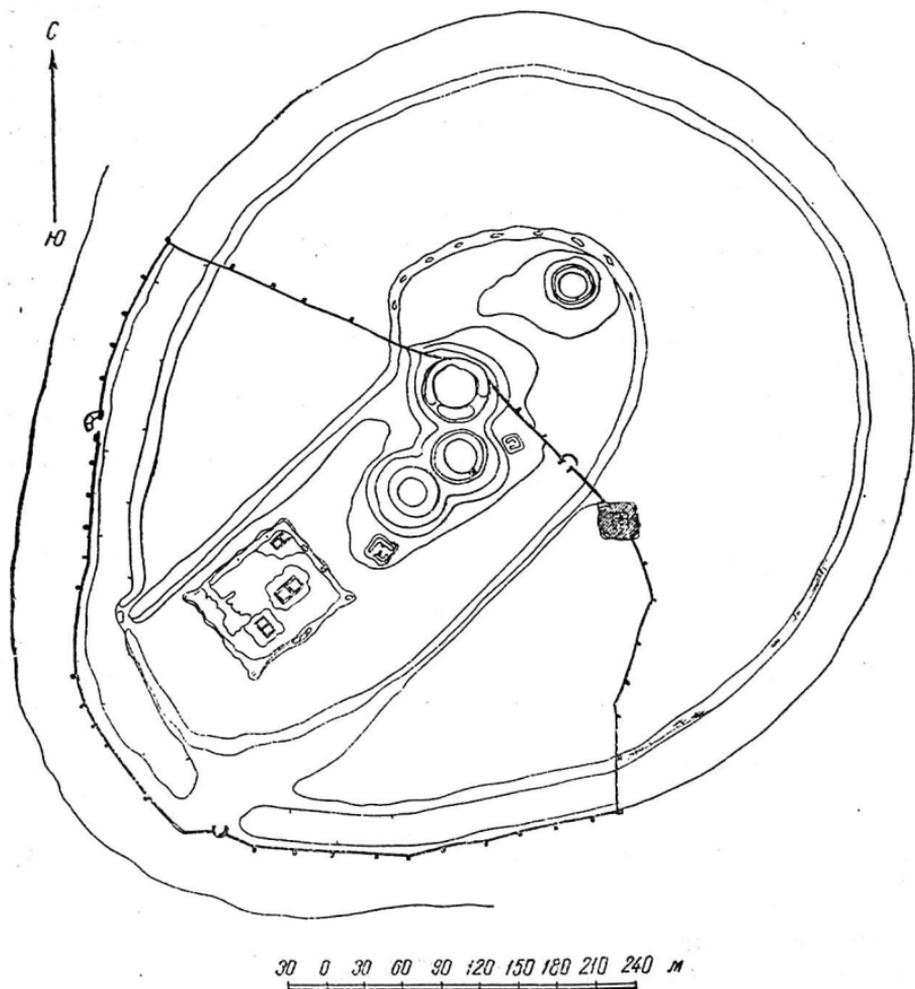

Рис. 22. Чирик-рабат-кала, план

растительными соками, долго не теряющими своего блеска. Жители равнин, имея землю, не обрабатывают ее, живут мясом овец и рыбой, образ жизни ведут кочевой и скифский. Все эти народы имеют одинаковый образ жизни. Их погребальные обряды, нравы и весь житейский обиход сходны; каждый народ

в отдельности коварен, дик и воинствен, но в сношениях с другими простодушен и правдив» (Страбон, XI, 1, 6—7).

Автор, несомненно, сгущает краски, подчеркивая дикость нравов массагетов. В частности, археологические данные не подтверждают положения о полном отсутствии у них земледелия и оседлости.

Открытие в 1946 г. на Жаны-дарье синхронного нашим «городищем с жилыми стенами» памятника — огромного укрепленного городища Чирик-рабат, построенного около середины I тысячелетия до н. э. и модернизированного под руководством хорезмских инженеров, видимо, незадолго до начала н. э., показывает, что представление о кочевом быте массагетов преувеличено. Это были полуседлые племена, соединявшие древние традиции рыболовства и земледелия (теперь уже, вероятно, плужного) с развитым полукочевым скотоводством.

Чирик-рабат, видимо принадлежавший одному из племен а п а с и а к о в («водные саки», «массагеты болот» — Страбон), — мощное овальное укрепление, опоясанное двумя концентрическими кольцами валов и стен, сложенных из квадратного античного кирпича огромных размеров: от $30 \times 30 \times 9$ до $50 \times 50 \times 11$ сантиметров. Внутри него три высоких холма с остатками сооружений. В юго-восточной части городища, пересекая древние стены овальной крепости, обратившиеся уже к этому времени в валы, возвышается прямоугольное укрепление античного хорезмийского типа.

Культурный слой покрывает всю внутренность городища и разделяется на два горизонта. Верхний, залегающий на глубине 70 сантиметров под слоем глиняного завала, имеет мощность около 7 сантиметров и состоит из углистой массы с немногочисленными находками, видимо относящимися ко второму периоду жизни крепости. Далее следует лишенная находок плотная глиняная прослойка толщиной в 37 сантиметров, под которой лежит мощный золистый культурный слой толщиной в 49 сантиметров, залегающий на материковой глине и содержащий обильную керамику, напоминающую керамику «городищ с жилыми стенами», но с более грубой выделкой, и бесчисленные жженые кости, главным образом овец и лошадей.

Возвращаясь к описанию Страбона, надо отметить, что в нем мы видим не только классификацию массагетских племен по типу хозяйственного уклада, — к ней мы еще вернемся, — но и яркую характеристику архаических обычаев и обрядов, отмеченную и другими источниками.

Важно подтверждаемое Геродотом положение о сохранении у массагетов п е р е ж и т к о в г р у п п о в о г о б р а к а.

Вместе с тем Геродот, Ктесий и другие авторы дают согласное свидетельство о высоком положении женщин у массагетов, о наличии у них женщин-вождей («царица» Томирис в рассказе Геродота, «царица» Спаретра в рассказе Ктесия), об участии женщин в войнах (рассказ Ктесия о женском войске царицы Спаретры). В этом отношении массагеты сближаются с «гинекократическими савроматами» приволжских степей, послужившими одним из источников античных сказаний об амазонках.³

Все это позволяет предполагать, что в быту массагетских племен были живы матриархальные традиции. Дальнейшая история племен Приаралья подтверждает это предположение. Отголоски матриархата сохраняет нам и Авеста. В этом отношении весьма характерна ортодоксальная зороастрийская форма родственного брака — брак родных брата и сестры. Эта форма, как показали исследования Фрэзера, характерна для стадии развития семьи, переходной от матриархата к патриархату.

Хозяйственно-бытовой уклад приобрел уже патриархальный характер: мужчина — скотовод, пахарь и воин — занял ведущее место в экономической жизни; накопление богатств, особенно скота, в первую очередь у родовой аристократии, делает мужчину заинтересованным в том, чтобы его дети наследовали накопленное им имущество. Между тем в обществе продолжают господствовать матриархальные нормы наследования: мужчине наследуют не его дети, а дети его сестры. Этнография дает нам ряд форм выхода из этой коллизии, предшествующих окончательной отмене матриархальных норм. Так, например, у воинственных кочевников Сахары — туарегов наследство мужчины делится на две части: «правую» и «неправую». К первой относится то, что он получил по наследству и приумножил своим трудом в своем хозяйстве. Ее наследуют, по матриархальным законам, дети сестры. Ко второй относится военная добыча и сторонние заработки (оплата работы в качестве проводника караванов и т. п.). Ее наследуют собственные дети умершего. Но наиболее радикальным и хитрым решением является установление зороастрийской формы брака. Тогда, ни в чем не изменяя матриархальных норм, мужчина делает своих детей своими наследниками: ведь дети его сестры, ставшей его женой, одновременно его собственные дети.

³ В последнее время археологические раскопки подтвердили свидетельства древних о «гинекократических савроматах». Я имею в виду работы Б. Н. Гракова, установившего наличие многочисленных женских погребений с конем и оружием среди памятников савроматской культуры между Н. Доном и Н. Уралом (Яиком). См. Б. Граков. ГΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов). ВДИ, 1947, № 3, стр. 100 сл.

Ярким свидетельством того, что не только в исследуемую эпоху, но и значительно позднее, во II—I вв. до н. э., у массагетских племен сохранялись матриархальные нормы наследования, является порядок престолонаследия в основанном во II в. до н. э. выходцами из прихорезмских степей, массагетской народностью сакараваков, «сакского» княжества в Сеистане: правителю наследовал сын его сестры.

Эти архаические формы общественного быта, как и варварские религиозные обряды, описанные Страбоном, не мешают, однако, проявлению быстро развивающегося процесса изменения самой основы общественного уклада прежде всего в сердце массагетских степей — в Хорезмском оазисе.

Решающую роль здесь играет развитие ирригационного земледелия, основанного на создаваемой в эту эпоху системе грандиозных ирригационных каналов.

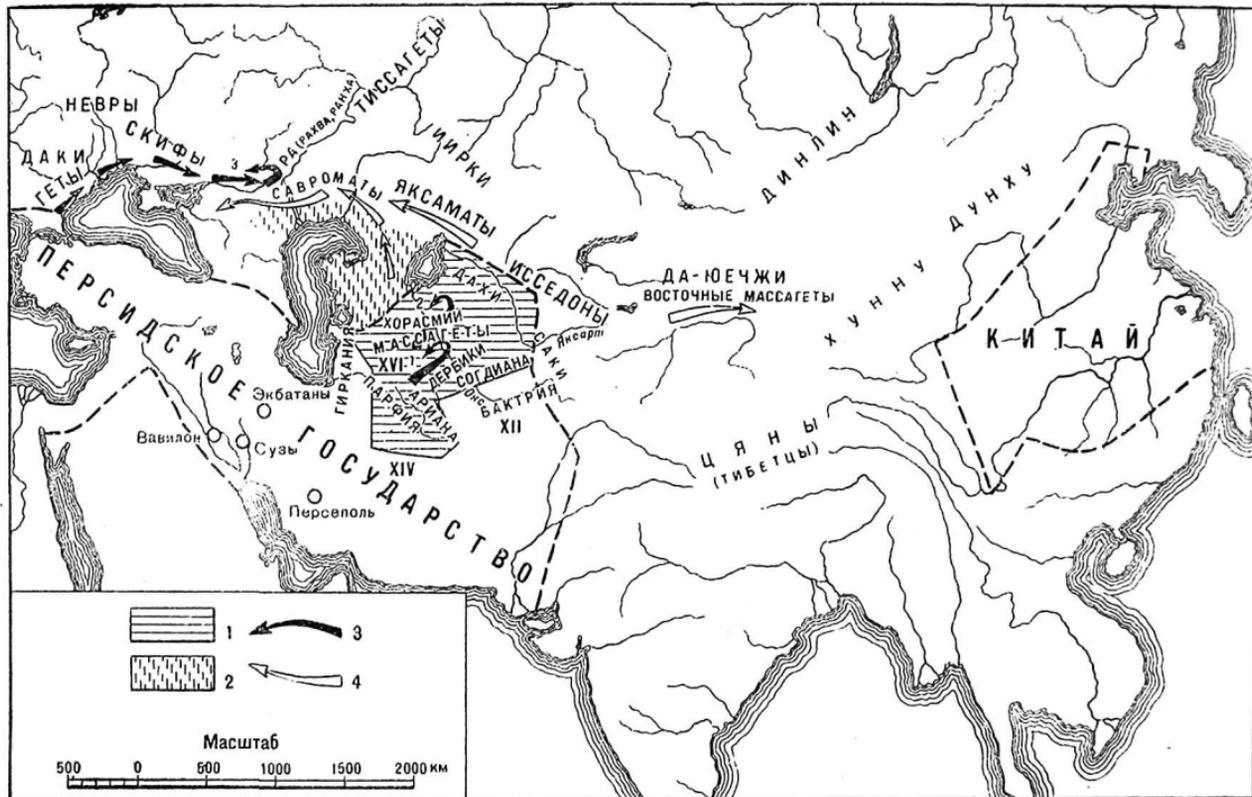
Распространение памятников типа «городищ с жплыми стенами» как на левом, так и на правом берегу Аму-Дарьи (здесь к этой эпохе восходит нижний слой Базар-кала) уже связано с большими каналами. Если и не целиком, то в основной своей части грандиозная древняя сеть каналов Хорезма к этому времени уже была построена и, видимо, функционировала не первое столетие.

Уже Геродот передает нам во многом перекликающуюся с хорезмийским преданием X века н. э., рассказанным ал-Макдиси, легенду о больших ирригационных сооружениях Хорезма, от действия которых зависело благосостояние соседних племен.

Любопытно, что оба автора связывают с возникновением этих сооружений прекращение течения воды по каспийскому рукаву Аму-дарьи — Узбою и образование Аральского моря. Видимо, в этом есть какая-то доля истины, и если в последнем случае здесь налицо известное хронологическое совпадение (на конец II — начало I тысячелетия до н. э. падает, как показывает стратиграфия суярганских стоянок, новый подъем вод и затопление стоянок, на этот раз на короткое время, что, повидимому, могло привести к значительному увеличению размеров Арала), то в первом возможна и прямая зависимость: создание ирригационной сети могло повлечь за собой резкое сокращение сброса вод левой частью верхней дельты в Сарыкамьш и Узбой.

Так или иначе, в V веке до н. э. грандиозные ирригационные сооружения Хорезма не только были построены, но и условия их создания начали уже окутываться дымкой легенд.

Я думаю, мы вряд ли ошибемся, если отнесем время их сооружения к VIII—VI вв. до н. э.

К а р т а 1. Хорезм и окружающие страны в VI—IV вв. до н. э.

1 — доахеменидское хорезмийское государство по Маркварту (XVI сатрапия); 2 — сфера влияния Хорезма в IV в. до н. э. по Арриану; 3 — походы ахеменидов: 1 — Кир, 2—3 — Дарий I, 4—предполагаемые движения припаральских племен в Восточную Европу.

А создание такой оросительной системы своим необходимым условием имеет наличие сильной централизованной государственной власти и, на данном этапе истории, широкого применения подневольного труда, которым, в обстановке исследуемой эпохи, мог быть только труд военнопленных рабов. Весь исторический опыт (в частности, последующая история самой хорезмийской ирригационной сети) показывает, что, с одной стороны, без политической централизации невозможно не только создание, но и нормальное функционирование столь обширной ирригационной системы, а с другой — даже содержание каналов в порядке отнимает такое количество крестьянского труда, которое ложится тяжелым бременем на хозяйство крестьянина. В архаическую эпоху, когда были еще живы традиции авестийской «военной демократии», никакое государство не могло, конечно, заставить свободных воинов-массагетов взять на себя выполнение столь грандиозных земляных работ; любопытно, что даже в раннем средневековье, во времена саманидов, правители иногда вынуждены были при вступлении на престол присягу в том, что они не будут строить новых каналов.

Ирригационная система архаического Хорезма является убедительным свидетельством крутого поворота в общественном развитии: на смену первобытной военной демократии в VIII—VI вв., т. е. одновременно, а может быть и несколько раньше образования государств западного Ирана, в Хорезме возникает сильное рабовладельческое государство, сочетающееся, однако, с продолжающей функционировать и даже сохраняющей родовые формы и матриархальные традиции общины.

Гипотеза Маркварта о доахеменидском Хорезмийском царстве подтверждается, таким образом, хорезмийским археологическим материалом. Думаю, что, в этой связи, мы можем вспомнить его соображение о том, что в XVI сатрапии геродотова описания административной системы ахеменидского царства мы вправе искать контуры доахеменидского Хорезма.

Напомню, что в состав этой сатрапии входили Хорезм, Согд, Парфия и Ариана и что в сферу политического влияния Хорезма, по сказанию Геродота об истории хорезмийской ирригации, входили гирканцы, парфяне, арианцы и таманап. Оба текста взаимно подтверждают друг друга, рисуя обширную сферу влияния Хорезма, объединявшего под своей властью Согд на востоке и Хорасан, за исключением Маргианы, на юго-западе.

Есть все основания полагать, что источником мощи доахеменидского Хорезма было его командующее положение гегемона

древней массагетской конфедерации племен, доставлявшей ему неисчерпаемые военные силы. Эта роль, ярко выступающая в эпоху греко-македонского завоевания, что было справедливо отмечено В. В. Тарном, несомненно уходит корнями в отдаленное прошлое, к легендарным временам Кей-Хосрова. Но превращение Хорезма в сильное рабовладельческое государство предопределило новое направление использования старинных связей конфедерации: культурные оазисы периферии расселения массагетских племен оказались под властью Хорезма.

Тарн⁴ видит в массагетах Геродота и Страбона конфедерацию пяти племен, в которой доминирующую роль играют хорасмии, именно: дербиков, апасиаков, аттасиев, хорасмиев и аугасиев (аугалов).

Мы попытались внести уточнение в этот список⁵ (см. карту 2, стр. 142); в состав массагетской конфедерации, по нашему мнению, входили хорасмии, апасиаки («водные саки» вдоль северных границ Хорезма, от Узбоя до Жаныдарьи, соответствуют «массагетам болот» Страбона), сакаравакки (саки-хаумаварга, сакки-амюрги и, от юго-восточных границ Хорезма до гор Нура-тау, соответствуют «массагетам гор и равнин»), дербикки (средняя Аму-дарья, между современными Чарджоу и Бухарой), тохары (или дахи — Куван-дарья), асси (ятии, асианы, усунь, яксарты—Средняя Сыр-дарья от современного г. Туркестана до Ташкента и далее к востоку), аттасии (аугасии, аугалы—локализация не ясна).⁶

Доминирующая роль Хорезма в этом объединении обеспечивала ему гегемонию над северной и западной частями Средней Азии.

Однако росту могущества молодой Хорезмийской державы был положен предел возвышением персидской монархии Ахеменидов.

Поход Кира (около 530 г. до н. э.) против массагетов («саков царя Омарга», т. е. сакаравакков, а затем дербиков — по версии Ктесия) очень важен для решения вопроса об условиях подчинения Хорезма ахеменидам.

Самая необходимость организации похода показывает, что эти племена были независимы от Кира и, частью во всяком случае, враждебны ему. Между тем они сидели на основ-

⁴ «The Greeks», стр. 81.

⁵ «Древний Хорезм», стр. 244.

⁶ Покойный Г. И. Карпов выдвинул остроумную догадку о том, что имя аттасиев переживает до сих пор в имени туркмен—атти и что древний центр аттасиев надо искать в районе оазиса Дарган-ата, к югу от Хорезма. Характерно, что Страбон упоминает хорезмийцев и аттасиев рядом.

ной линии коммуникаций между хорасанскими и бактрийскими владениями ахеменидов и Хорезмом — единственной магистралю, по которой было возможно передвижение скольких-нибудь значительных военных сил.

Этим, мне думается, исключается возможность предположения о завоевании Хорезма Киrom. Ни слова не говорит о завоевании этой страны и Дарий в своих достаточно подробных надписях.

Это уж абсолютно исключает предположение о завоевании Хорезма Дарием: немислимо, чтобы он не упомянул о столь значительном предприятии.

Все это заставляет полагать, что Хорезм добровольно признал верховную власть персидского царя и обязательство платить дань, вероятнее всего с целью сохранить суверенитет над своими южными владениями — Арианою, Парфией и Согдианою, оказавшимися под непосредственным ударом персидских войск, укрепившихся в Бактрии и Маргиане. Хорезм добился этой цели, сохранив гегемонию над XVI сатрапией, вероятно (по крайней мере на первых порах) остававшейся самостоятельным государством — данником ахеменидов (характерно, что с огромной территории XVI сатрапии дань собиралась меньшая, чем со сравнительно небольшой территории XII Бактрийской сатрапии).

В этой связи большой интерес представляют неудачные походы Кира на массагетов и Дария на «саков» и на европейских скифов. Трудно предположить в обоих этих предприятиях завоевательные цели. Оба царя-полководца были слишком реальными политиками, чтобы можно было приписать им постановку столь безнадежной задачи, которая, если бы она и была решена, не сулила особых выгод. Гораздо вероятнее видеть здесь попытку «замирения» скифо-массагетской степи, нависавшей серьезной угрозой над коммуникациями северо-восточной половины империи. В самом деле, независимые массагетско-сакские племена не только отделяли ахеменидские владения от Хорезма: они находились в непосредственном соседстве с главными жизненными магистралями, связывавшими Гирканию, Парфию, Ариану, Маргиану, Бактрию и Согд. А фактически почти независимый Хорезм, правители которого имели мало оснований быть особенно довольными созданным положением, видимо широко использовал свои старинные связи среди сакско-массагетских племен, свое положение наиболее могущественного члена массагетской конфедерации, чтобы формально оставаясь в стороне, делать все возможное для восстановления своих прежних позиций. Роль Хорезма в по-

следующих международных событиях в Средней Азии IV—II вв. до н. э. делает это предположение более чем вероятным.

Поход Кира был направлен против занимавших ключевые позиции на Средней Аму-дарье массагетских племен — прежде всего, видимо, дербиков. Неудача этого похода вынудила Дария предпринять второй поход, о котором мы знаем из «Стратегем» Полиена и отражение которого академик В. В. Струве пытается видеть в рассказе в дефектном пятом столбце Бегистунской надписи о походе на саков, датированном им 517 г. до н. э.⁷ Если Струве прав, — а ему удалось собрать солидные аргументы в пользу своей гипотезы, — поход этот ставил более далеко идущие задачи. Персидские войска не только прошли через Хорезм, но вышли в его северо-восточный тыл, в нижнее междуречье Аму- и Сыр-дарьи, в область апасиаков. Этим наносился удар в самое сердце массагетской конфедерации: персы заходили далеко в тыл всем племенам Кара-кумов и Кзыл-кумов, беря под свой контроль основную область их оседлых поселений и их глубокие тылы.

В рассказе Полиена есть одна важная деталь: при известии о наступлении Дария сходятся на совет три сакских царя — Саксафар, Омарг и Тамирис. Последние два имени поразительно напоминают имена персонажей сказаний о гибели Кира. Тамирис — не кто иной, как Томирис, «царица» массагетов (дербиков) у Геродота. Омарг — царь саков в одной из версий Ктесия. Что же касается Саксафара, то это, несомненно, имя Шаушафар, видимо одно из излюбленных теофорных имен династии хорезмийских сиявушидов, что заставляет искать в Шаушафаре (Саксафаре Полиена) хорезмийского царя. Итак, правительница дербиков, правитель саков-хаумаварга и правитель Хорезма обсуждают вопрос об организации обороны от нашествия Дария. Так как Хорезм остается в тени в Бегистунской надписи, есть все основания полагать, что он остался и в самых событиях на заднем плане, выступая лишь в качестве их закулисного инспиратора. Видимо, и дербики и саки-хаумаварга непосредственного военного участия в борьбе с Дарием не принимали. Стратегема заключалась, по всем данным, в том, чтобы, заманив Дария в глубь апасиакской территории, — после того как его войско будет вымотано, если не уничтожено в суровых условиях этой страны пустынь и болот, — нанести Дарию окончательный, смертельный удар с тыла. По Полиену, хитрость почти удалась, и, хотя Дарий и его войска спаслись «чудом», поход окончился неудачей. По Да-

⁷ ИАН, СИФ, 1946, № 3.

рию, поход был победоносен и окончился пленением вождя саков Скунхи.

Обе информации, несомненно, тенденциозны: рассказ Полиена явно восходит к массагетско-сакской традиции, а Беги-стунская надпись составлена самим полководцем. Правда, видимо, лежит посредине, хотя и несколько ближе к версии Полиена, несмотря на легендарно-эпическую форму его рассказа. Хитроумный план уничтожения Дария сакам не удался, но не удался и поход Дария, хотя он и захватил в плен одного из вождей саков (вероятно, апасиаков). Ситуация осталась прежней. И, видимо, это явилось предпосылкой для третьей, наиболее грандиозной по стратегическому замыслу, но также неудачной попытки Дария — его похода в европейскую Скифию (около 512 г. до н. э.). Понять цель этого похода можно только в свете общего развития сакско-персидской войны. Перед Персией стояли слишком разнообразные политические задачи, чтобы можно было предположить, в качестве первоочередной, опасную и трудную задачу завоевания отдаленной варварской страны.

В свете греко-персидских отношений этот поход не может быть понят. Больше того, эти отношения создавали новую серьезную угрозу на тыловых коммуникациях Дария.

Я склонен видеть в грандиозном предприятии Дария попытку пройти огнем и мечом по наиболее глубоким тылам Скифии и выйти в Среднюю Азию с северо-запада, навсегда сокрушив мощь своих грозных северо-восточных врагов и завершив консолидацию северной границы империи. Крупную роль могли здесь играть и задачи укрепления в Закавказье ахеменидской власти, которой непосредственно угрожали европейские скифы. Гигантский масштаб не может нас смущать. Не надо забывать огромных размеров самой империи и мало уступающих по протяженности маршрута походов Кира, Камбиза и Дария на территории от Бактрии до Барки и Нубии. Географическая осведомленность персов о Скифии, видимо, была значительно выше той, которой располагали греки, и речь шла о походе не в таинственную «страну мрака», а в страну, вероятно, не плохо известную персидской разведке.

Несмотря на неудачу этого похода, он, как и предшествующие два, также неудачные, в известной мере стабилизировал скифо-персидский *limes*. Судя по данным, относящимся к правлению Ксеркса, при этом царе Хорезм вынужден был не только формально, но и фактически признать верховный суверенитет ахеменидской державы и, вместе с тем, отказаться от своего

суверенитета по крайней мере над частью своих старых южных владений.

Хорасмии принимают участие в походе Ксеркса 480 г. до н. э. на Элладу, причем они выступают в одном военном соединении, под командованием Артабаза, сына Фарнака, только с парфянами. Старые подданные Хорезма — арии и согды выступают в качестве самостоятельных соединений, а саки-амюргии, недавние союзники Хорезма, входят в состав войска Бактрии (являвшейся основной опорой персидской власти на востоке), идущего под командованием сына Дария (Геродот, VII, 64—66).

Хорезмийские военачальники и чиновники на службе у персов появляются в переднеазиатских и африканских владениях ахеменидов. Хорезмиец Артаикт назначается правителем города Сеста на европейском берегу Дарданелл. Хорезмиец Даргман служит солдатом в состоящем в основном из еврейских ополченцев персидском гарнизоне в Элефантине, в Верхнем Египте. Однако власть ахеменидов над Хорезмом была непрочной. Для IV века до н. э. нет никаких сведений о подвластности Хорезма Персии. В годы трагической борьбы Дария III с Александром Македонским хорезмские войска не упоминаются в подробных, сохранных нам Аррианом перечнях войск Дария. Хорезм снова выступает как суверенное государство, занимающее позицию отнюдь не дружественного по отношению к персам нейтралитета в этот роковой для монархии, основанной Киром и Дарием I, момент.

И по отношению к победоносному македонцу Хорезм занимает вполне самостоятельную позицию.

Зимой 329—328 г. до н. э. к Александру в Мараканду, избранную им временной резиденцией, является, как рассказывает Арриан, «Фарасман, царь хорасмиев, с 1500 всадников. Этот Фарасман говорил, что он сосед колхов и амазонок, и если Александр предпримет поход против этих последних и захочет подчинить себе живущие у Евксинского (Черного) моря племена, то предлагал быть проводником в этом походе и доставлять войску провиант». Как известно, Александр заключил с Фарасманом военный союз, отложив, однако, поход до завершения завоевания Индии, а впоследствии так и не реализовав его.

Соседство хорезмийских владений с колхами (западная Грузия) и амазонками (т. е. «гинекократическими савроматами» к востоку от Азовского моря) давно заинтересовало исследователей. Гутшмид и Бартольд считают это свидетельством о распространении власти Хорезма на юго-восточный угол Восточной Европы, Тарн считает его невероятным. Вся дальнейшая

(как и предшествующая) история хорезмско-восточноевропейских отношений заставляет нас присоединиться к первым двум исследователям. Видимо, Ахеменидская империя, лишившая Хорезм его южных и восточных владений и закрывшая ему пути экспансии в этих направлениях, определила переориентацию внешней политики Приаральской рабовладельческой империи. Археологические и исторические данные, итоги исследования которых подведены М. Ростовцевым, показывают, что именно на IV век падает мощное движение приаральских сарматских племен на запад, в скифские степи, приведшее к полному изменению этнографической карты юго-восточной Европы. В свете показаний Арриана (подтвержденных Квинтом Курцием) мы должны заключить, что за спиной этого движения скрывается направляющая рука хорезмских царей, предшественников и преемников Фарасмана, распространившего свою власть на «страны на берегах вод Ранги (Ра греческих авторов — Волга), которые не знают власти верховных правителей» (Авеста, Вендидад, I, XX, 76—78).

Могущественный правитель Хорезма, обезопасив себя от македонского вторжения, отнюдь не склонен, однако, равнодушно смотреть на укрепление македонской власти в старинных владениях Хорезма — Согдиане и Хорасане. Как и Спитамен, вождь согдийцев в их освободительной борьбе против Александра, Фарасман Хорезмийский видит в Александре союзника только до тех пор, пока речь идет об уничтожении ненавистной власти ахеменидов. Весьма вероятно, что план похода против черноморских народов, соседей греков (Фарасман, по всей видимости, неплохо ориентировался в политической географии эпохи), именно и ставил своей целью направить внимание Александра в сферу, по разумению Фарасмана, его непосредственных интересов и отвлечь его от тех стран, до которых, по мнению среднеазиатских вождей, греко-македонянам не было никакого дела.

В следующем же 328 г. мы видим, что Хорезм поддерживает борьбу антимакедонских партизан Спитамена силами отрядов саков и массагетов и дает убежище самому Спитамену. После гибели последнего осенью 328 г. мы ничего не знаем о хорезмско-македонских отношениях. Но самое это молчание многозначительно.

На севере Средней Азии, в Приаралье, в центре сакско-массагетских степей, накапливает силы для борьбы и внимательно наблюдает за событиями единственное оставшееся независимым государство Средней Азии, которому полтора века спустя придется сыграть выдающуюся роль в освобождении ее от ига иноземных захватчиков.

Рис. 23. Памятники кангюйской культуры

1 — наконечники стрел из Джанбас-кала; 2 — пращевой камень; 3 — бронзовые украшения и бусы из Джанбас-кала; 4 — каменные печати с такиров Беркут-кала; 5 — ручка сосуда в виде животного из античного поселения близ замка № 13; 5а — налуп на ручку сосуда в виде головы льва (Джанбас-кала); 6 — гончарный рельеф из Джанбас-кала; 7 — гончарный рельеф из Кургашии-кала; 8 — фрагменты мужских статуэток из Джанбас-кала; 9 — головка коня из Джанбас-кала; 10 — керамика из Джанбас-кала; 11 — керамика Кой-Крылган-кала; 12 — знаки на сосудах кангюйской эпохи; 13 — чернολаковый сосуд из античного поселения близ замка № 13

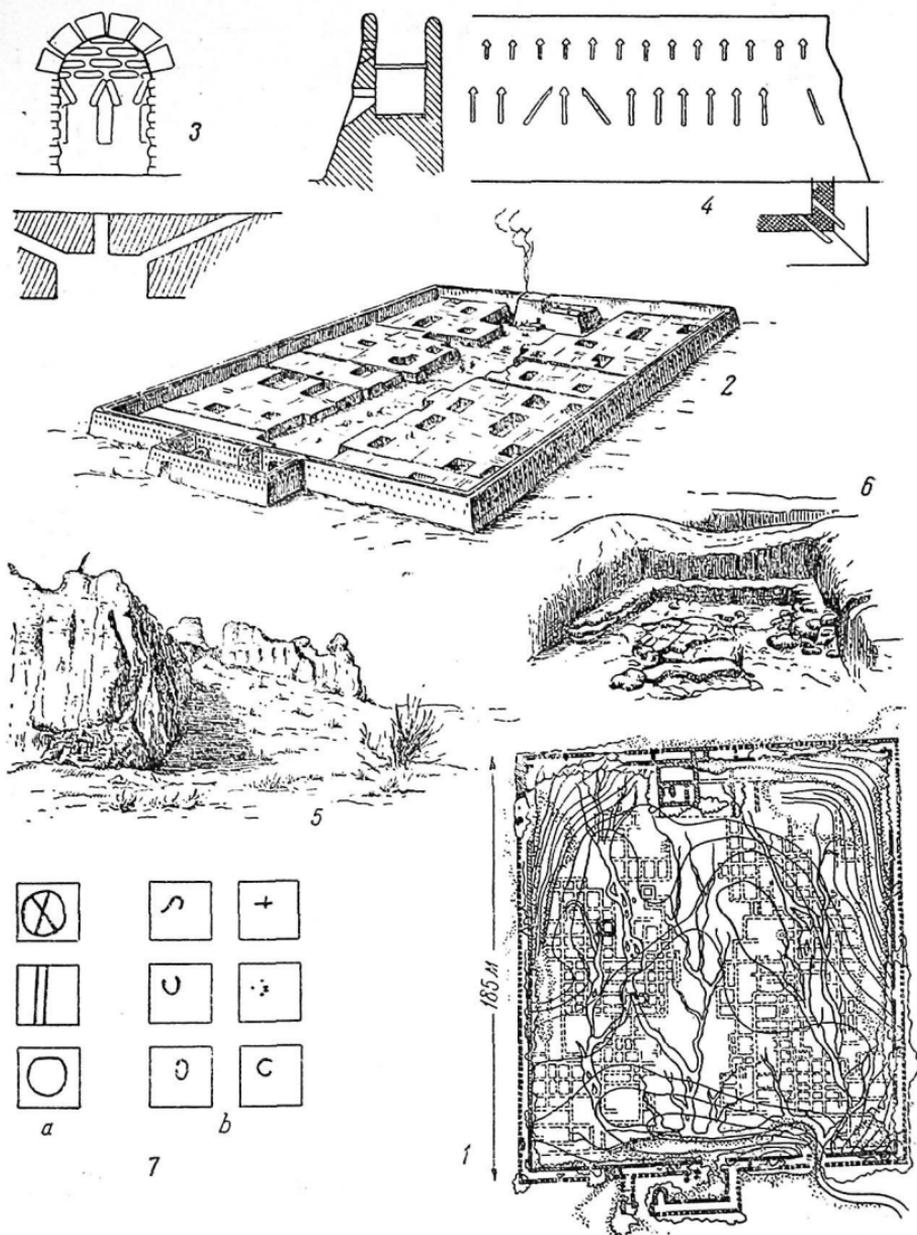

Рис. 24а. Памятники кангюйской культуры, Джанбас-кала

1 — план; 2 — реконструкция; 3 — план и внутренний фасад тройной бойницы; 4 — фасад и разрезы городской стены; 5 — вид на предвратное сооружение; 6 — святилище огня; 7 — тамги на кирпичках

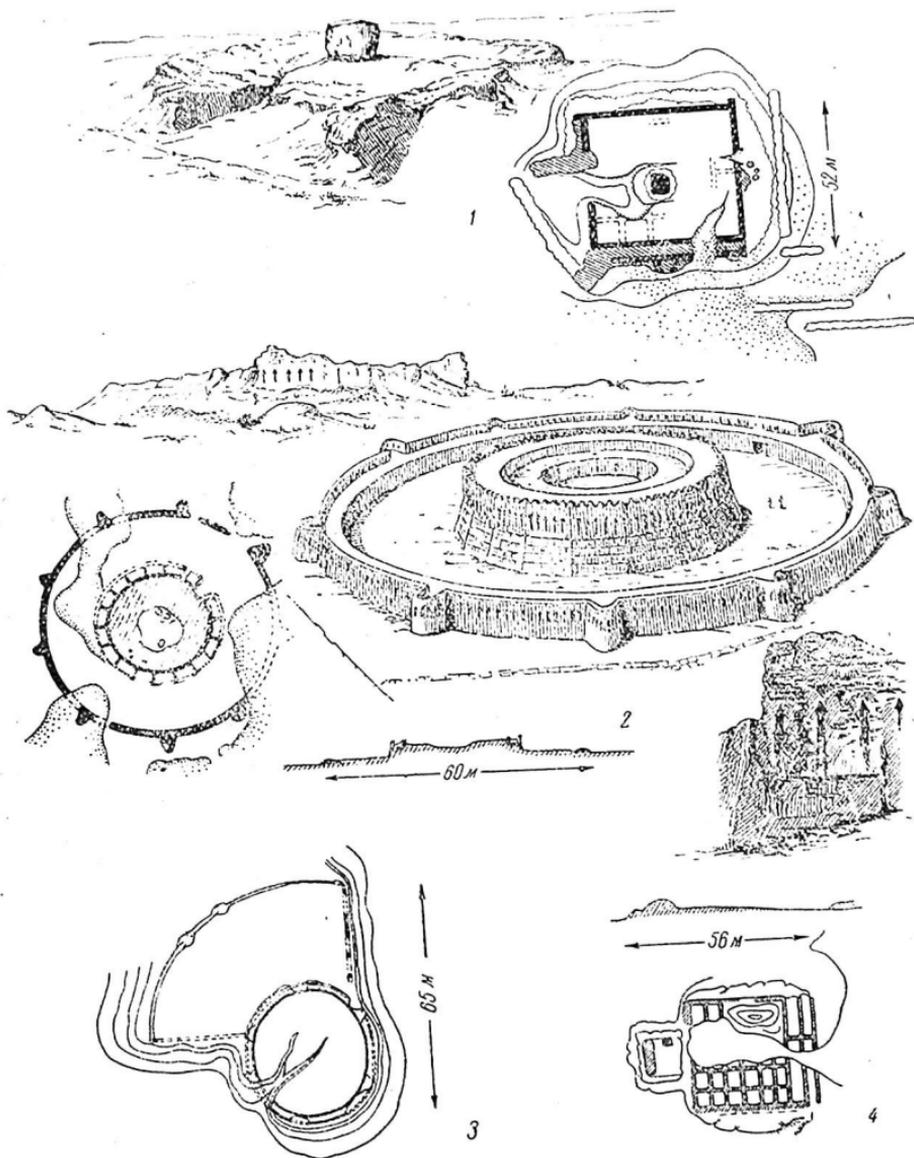

Рис. 24б. Памятники кангюйской культуры

1 — Кюнерли-кала; 2 — Кой-Крылган-кала; 3 — Малый Кырк-кыз; 4 — Ак-тепе

Памятники исторического периода, следующего за временем архаических «городищ с жилыми стенами», гораздо более обильны и богаты.⁸ Это период расцвета древнехорезмийской цивилизации, когда с полной силой выявляются ее своеобразные и яркие черты. Хорезм IV в. до н. э. — I в. н. э. — могущественное государство, освободившееся от ахеменидского ига

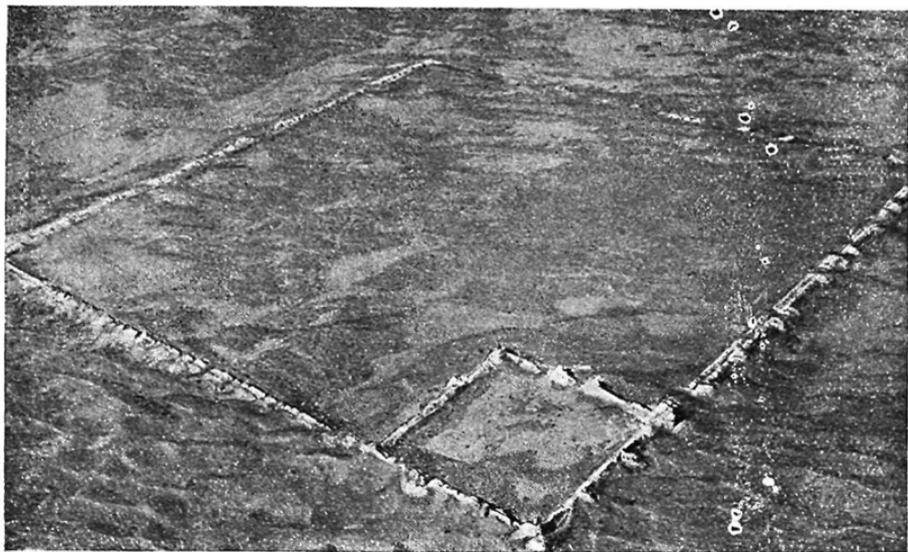

Рис. 25. Базар-кала с воздуха

и занимающее выдающееся место на политической карте Средней Азии.

К этому времени относятся такие наиболее ранние из исследуемой серии памятники, как Базар-кала, своими древними слоями уходящая во времена «городищ с жилыми стенами»; датируемые IV—III вв. до н. э. Кой-Крылган-кала и Кюнерли-кала на Чермен-ябе; весьма интересный по своей планировке городок Джанбас-кала. К этому же времени относится возникновение большинства других памятников хорезмийской античности, полного расцвета достигающих позднее, в первые века н. э.

Исследуемая эпоха несет много нового по сравнению с предыдущей. Сходят со сцены огромные укрепленные «жилища-

⁸ См. «Древний Хорезм», стр. 84—102.

загоны». Основными типами поселения становятся, с одной стороны, город со сплошной внутренней застройкой, с другой —отдельно стоящий укрепленный дом-массив, выступающий как основная форма сельского поселения (Кой-Крылган-кала, Кюнерли-кала и др.). Сельский дом-массив, пришедший на смену дому-загону, свидетельствует об изменении отношения удельного веса в хозяйстве скотоводства и земледелия в пользу последнего. Об этом говорит и прогресс в области ирригации,

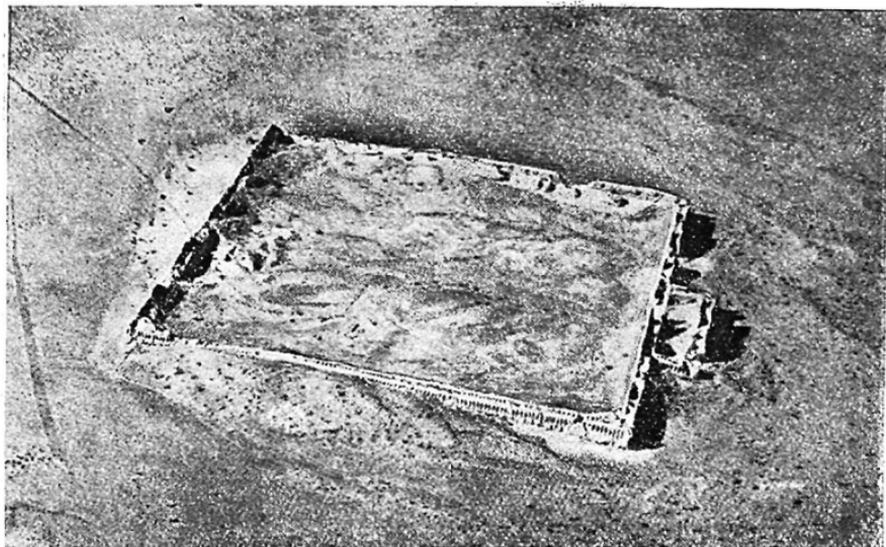

Рис. 26. Джанбас-кала с воздуха

достигающей к этому времени своих максимальных пределов. Впрочем, и города, как Джанбас-кала и восходящая своими нижними слоями к той же эпохе Топрак-кала, состоят из небольшого количества (два в первом случае и восемь во втором) таких же огромных домов-массивов, каждый [из которых включает от 150 до 200 комнат. Городские дома-массивы отличаются лишь тем, что они не укреплены; функцию защиты берет на себя внешняя оборонительная система города.

Каждый такой дом мог вмещать, по самым скромным расчетам, от 500 до 1000 человек, другими словами — целую крупную родовую общину. В городах эти общинные дома группировались в два комплекса: в Джанбас-кала — всего два дома, между которыми протянулась единственная широкая улица города; в Топрак-кала мы видим также одну главную

улицу, ведущую от ворот города вдоль его средней линии; по обе стороны симметрично стоят по четыре дома-массива, разделенных узкими переулками. Для определения общественной специфики обитавшего в каждом таком доме коллектива большой интерес представляют тамги — знаки родовой принадлежности на кирпичках. Оказалось, что в стенах города Джанбас-кала, примыкающих к каждому из двух больших зданий, знаки на кирпичках оказались разными: кирпичи

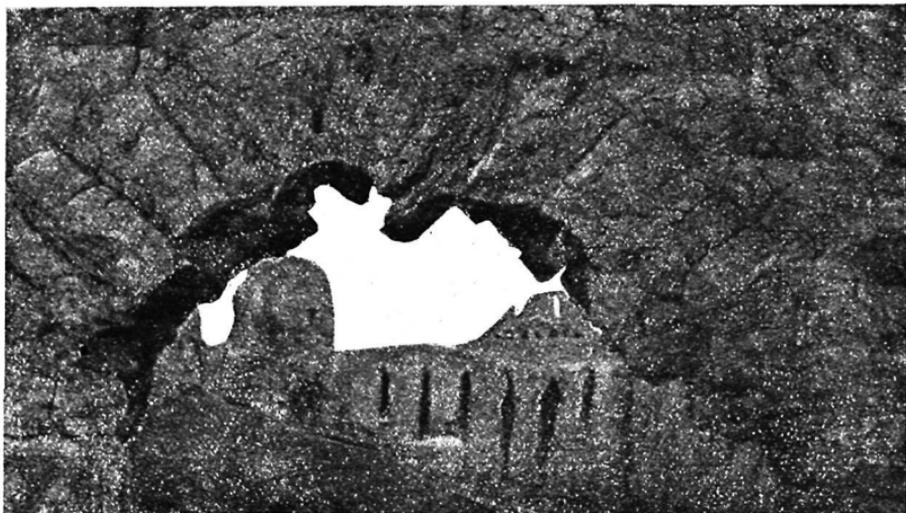

Рис. 27. Вид предвратного сооружения Джанбас-кала

одной из стен дали одну группу родственных по начертанию знаков, кирпичи другой — другую, резко отличную от первой. Это наблюдение позволяет с полной уверенностью утверждать, что обитавшие в домах общины не утратили еще своего родового характера.

Чрезвычайно интересно двойное членение города: оно, видимо, отражает очень древнюю группировку родов на две фратрии или первоначальных рода — явление, в прошлом или настоящем свойственное всем народам, сохранившим традицию родового строя. Эта традиция сохраняется в Средней Азии вплоть до раннего средневековья, когда также сохраняется тенденция деления города на две части, но уже не улицей, а внутренней стеной (ср., например, планировку раннесредневекового хорезмийского города Даргана).

Деление племени на две фратрии, занимающие две обособленные части поселения, сочетается у первобытных народов

с особым комплексом обрядов, одним из которых является ежегодное ритуальное состязание двух фратрий, нередко выливающееся в настоящее побоище. Отголоски этого обычая засвидетельствованы для разных районов Средней Азии ранне-средневековыми источниками. Китайская «История династии Тан» рассказывает о таком ритуальном побоище между двумя половинами города в день годового праздника в домусульманской Фергане, а ал-Макдиси сообщает об аналогичном обычае для целого ряда среднеазиатских и восточноиранских городов X в.

Важно отметить, что, как показали специальные этнографические исследования, «дуальная организация», т. е. деление племени на две группы родов, связанные друг с другом перекрестными брачными обязательствами, находит свое отражение в религиозной идеологии в виде комплекса дуалистических верований: мир духов, а впоследствии божеств, оказывается также разделенным на две части, тесно ассоциирующиеся с человеческими фратриями. И как фратрии находятся между собой в традиционной ритуальной борьбе, так и мир духов наполнен борьбой между его враждебными половинами.

Характерно, что дуализм, представление о разделении всего материального мира и мира духов на враждебные половины, возглавляемые двумя верховными духами, братьями-близнецами и одновременно жестокими врагами — Агура-Маздой и Ангро-Майнью, является одной из специфических черт зороастрийской религии, исторические связи которой со среднеазиатской, в частности и в особенности с хорезмийской почвой мы проследили выше. Важно отметить, что чрезвычайно сходные с зороастрийскими дуалистические мифы о создании мира в процессе жестокой борьбы между близнецами-врагами наблюдаются у многих первобытных народов, в особенности у индейцев-ирокезов, близость космогонических мифов которых с зороастрийскими подметил еще Э. Тэйлор.

В «дуальной» структуре античных хорезмийских поселений мы, несомненно, видим отражение живости традиций «дуально-родовой организации», являющейся ключом к происхождению зороастрийского религиозного дуализма.

Важным элементом городского поселения античного Хорезма исследуемой эпохи является «дом огня», замыкающий и в Джанбас-кала и в Топрак-кала главную улицу со стороны, противоположной воротам. О домах огня (атеш-кеде, буют-ниран), как средоточии общественного культа неугасимого священного огня и места общественных собраний и ритуальных трапез у народов Средней Азии, еще в раннем средневековье сообщает нам ал-Бируни и другие авторы того времени. Харак-

терно, что пережиток этих домов огня под тем же названием (алау-хана — дом огня) сохранился и поныне у горных таджиков, где эти дома располагаются при мечетях, что обнаруживает их древние связи с религиозным культом, служат местами отдыха для мужчин селения, складчинных угощений, общественных собраний, а также местами для ночлега путешественников.

Дома огня протягивают еще одну нить в область первобытных общественных учреждений, являясь пережитком так называемых «мужских домов», возникающих на поздних этапах материнско-родового строя как одно из орудий борьбы мужчин за доминирующее положение в обществе при господстве еще не изжитых норм материнского права.⁹

В целом планировка поселений античного Хорезма эпохи расцвета поражает своим архаизмом, живостью и многообразием проявления первобытно-общинных, родовых, в том числе материнско-родовых традиций.

Однако, наряду с этими данными, археологический материал дает и другие, открывающие иные стороны общественного бытия античных хорезмийцев. Наиболее массовым археологическим материалом здесь, как и везде, является материал керамический. Анализируя его, мы приходим к выводу о высокой степени развития ремесленной промышленности. Подавляющая масса сосудов поражает своим техническим совершенством. Они сделаны на ножном гончарном круге, употребляющемся, как известно, только в ремесленном гончарстве, из великолепно отмученной и прекрасно обожженной глины. Черепок тонкий, розоватый на изломе, плотный и звонкий. Наши рабочие удивлялись тому, что посуда, сделанная более 2000 лет назад, намного превосходит по качеству изделия современных хорезмийских кустарей-гончаров. Керамика покрыта ровным слоем густокрасной ангобы или лака, реже черным лаком или зеленовато-белой ангобой. Более ранние сосуды нередко имеют роспись красной, коричневой и черной краской по светлому фону. Более поздние — монохромные, но на них часто появляется волнисто-линейный или налелной рельефный орнамент.

Посуда поражает многообразием форм (см. рис. 23). Тут и водоносные кувшины разных типов и размеров, и большие и малые корчаги-хумы (пифосы), и большие плоские блюда, и кубки на высокой ножке, и глубокие чаши для питья с характерным дисковидным поддоном. Ручкам сосудов неред-

⁹ О пережитках первобытных общественных институтов в общественном быту античной и раннесредневековой Средней Азии и литературу вопроса см. «Древний Хорезм», экскурс III.

ко придана причудливая форма животных (впрочем, такие ручки здесь гораздо реже встречаются, чем в восточных районах Средней Азии). Очень типичны для Джанбас-кала налесты на верхнюю часть ручек кувшинов в виде головок львов, как бы держащих зубами край сосуда. Совершенно аналогичная ручка с львиной головой украшает один из сосудов знаменитого «Аму-дарьинского клада».

Наряду с ремесленной есть и грубая лепная кухонная посуда, но процент ее невелик и она теряется в массе прекрасной гончарной керамики.

Мы видим, таким образом, что ремесло в Хорезме этого времени вполне отделилось от земледелия, превратившись в высокоспециализированную отрасль хозяйства. Характерно, однако, что, в противоположность средневековым городам, мы не найдем в античных городах Хорезма сколько-нибудь выраженных признаков ремесленных кварталов. Следы гончарных печей и гончарные шлаки встречаются, в частности, в Джанбас-кала в различных домах-массивах. Это заставляет полагать, что гончарное производство, как, вероятно, и другие, было делом рук ремесленников-рабов, живших в пределах домов-массивов тех родовых общин, к членам которых они принадлежали.

Богатый материал для исторических заключений дает обильные находки украшений этого времени, в первую очередь бусы.

Джанбас-кала дает нам обильный набор разнообразных бус, восходящих (по параллелям в хорошо датированных комплексах из северного Причерноморья, главным образом из Ольвии и Керчи) ко времени от IV в. до н. э. до II в. н. э. Преобладают мелкие бусы из темносинего стекла: цилиндрические, с поперечнорубчатой поверхностью, шаровидные и овальные. Наряду с этим встречается косоцилиндрический и диско-видный бисер из светлозеленого непрозрачного стекла, грушевидный (или «амфоровидный») из зеленовато-белого стекла; белые стеклянные катушковидные продольнорубчатые бусы с позолотой, бипирамидальные из темнозеленого и золотистокоричневого стекла. Встречаются единицами бусы из голубовато-серой египетской пасты, пуговицеобразной формы, и так называемые «ольвийские мозаичные» — эллипсоидные, из прослоек золотистого и синего стекла и белой пасты.

Каменных бус мало: шаровидные гагатовые и сердоликовые, мелкие трапециевидные из просверленных кристаллов пирита и крупные, бочковидные, из желваков бурого железняка.

Основная масса бус — привозные: из Сирии, Египта, городов северного Причерноморья. К привозимым из Египта пред-

метам надо добавить две фаллические подвески из зеленоватой пасты и пастовую же миниатюрную фигурку египетского бога Бесса, найденную в Базар-кала.¹⁰

Ассортимент бус специфичен и свидетельствует об устойчивом вкусе хорезмийцев, а места их изготовления об исключительно широких внешних торговых связях.

К высокому развитию ирригации, земледелия, внутренней и внешней торговли, к отделению достаточно оформившегося

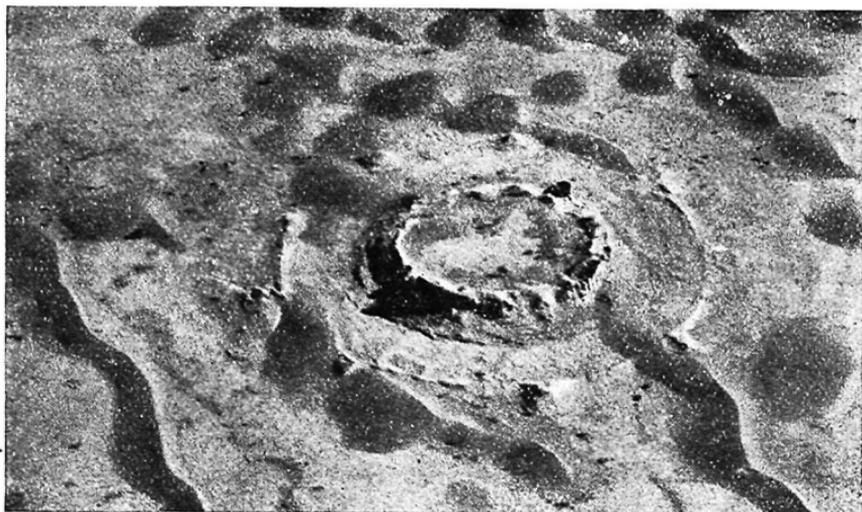

Рис. 28. Кой-Крылган с воздуха

города от деревни нужно добавить такой важный признак, свидетельствующий о далеко шагнувшем вперед общественном развитии, как прогресс в области фортификации, в частности фортификации государственной.

Укрепления как городов, так и отдельно стоящих сельских домов-массивов сохранились великолепно и дают возможность всесторонне охарактеризовать систему античной хорезмийской фортификации. Города были обнесены мощными стенами, возведенными из крупного (в основном $40 \times 40 \times 10$ см размером) сырцового кирпича. Основания стен имеют цоколь из пахсы — сплошной глинобитной кладки. Верхняя часть стены имеет внутри одноэтажный или, как в Джанбас-кала, двухэтажный

¹⁰ Работа по определению и датировке бус была проведена сотрудицей экспедиции И. В. Пташкинковой.

стрелковый коридор-галерею, открывающуюся наружу многочисленными высокими и узкими бойницами, резко расширяющимися вниз и наружу, с расчетом на «навесной бой» — обстрел основания стен крепости. Некоторые из крепостей поражают архаизмом системы обороны. Так, Джанбас-кала совсем не имеет башен. Для флангового обстрела и защиты углов применена крайне своеобразная и очень несовершенная система косых бойниц, попарно прикрывающих углы и расположенных группами по три бойницы (средняя — прямая, боковые — косые, повернутые в стороны), на известных дистанциях вдоль стен. Лишена башен также ранняя крепость Малый Кырк-кыз. Здесь строители нашли другой выход из положения, чтобы избежать слабых мест в обороне, каковыми являются незащищенные башнями углы: крепости дана овальная планировка.

Восемнадцатигранник, практически — круг, представляет цитадель Кой-Крылган-кала, внешняя стена которой, впрочем, уже имеет башни.

Таким образом, если в юго-западном Хорезме укрепления с рассчитанными на фланговый обстрел противника башнями известны уже во времена «городищ с жилыми стенами», то на правобережье долго держится традиция архаических, лишенных башен укреплений. Однако большая часть крепостей уже имеет башни, обычно очень густо расположенные, прямоугольные в плане, одной высоты со стенами и обладающие такими же бойницами.

Оборона углов при помощи башен очень разнообразна: на Кургаши-кала все четыре угла имеют разную систему обороны. Один угол, как в Джанбас-кала, вовсе не имеет башни и защищен парой косых бойниц. Другой защищен двумя башнями, близко придвинутыми к углу, выступающему между ними, — система, известная по знаменитому дворцу Саргона в Хорсабаде. На третьем углу эти две башни сближаются, полностью поглощая угол и образуя своеобразную фигуру «ласточкина хвоста», известную по египетской крепости Семне и представленную в Хорезме в Базар-кала и Аяз-кала № 1. И, наконец, четвертый угол защищен одной башней, ось которой является продолжением одной из сходящихся здесь стен.

Характерной особенностью почти всех античных крепостей Хорезма являются «предвратные лабиринты» (см. рис. 27) — большие прямоугольные выступы стены, внутри которых, изгибаясь несколькими коленами, идет ход к воротам, отовсюду обстреливаемый открытыми внутрь его бойницами.

В целом оборонительная система несет на себе яркий отпечаток традиций фортификации классического востока — от архаического Египта и древнего Сумера до Ассирии и ахе-

менидского Ирана. Однако отмеченные особенности ее развития свидетельствуют о том, что в первых веках до н. э. хорезмийские инженеры-фортификаторы самостоятельно решают проблему обороны углов, решенную в странах Ближнего Востока уже более чем за два тысячелетия до этого времени.

Рис. 29. Кургашии-кала с воздуха

Надо видеть здесь скорее результат самостоятельного развития в сходных исторических условиях, чем прямого влияния, скажем, ахеменидской фортификации.

Раскопки Г. В. Григорьева в Тали-барзу близ Самарканда показывают, что в Согде этой эпохи господствовали сходные принципы фортификации, как и вообще строительного дела.

Хорезмская фортификация, несомненно, рассчитана на участие в обороне всего (видимо, не только мужского) населения. Об этом говорит огромное количество бойниц, каждая из которых обстреливает только узкое пространство, в силу чего у каждой бойницы должен был стоять специальный лучник.

Это также архаическая черта, говорящая о том, что весь

народ был еще вооружен и ведущую роль играла не профессиональная армия, а массовое народное ополчение.

Однако, наряду с этим, географическое расположение укрепленных античных городов Хорезма говорит о том, что здесь налицо единая система крепостей, защищавших всю пограничную линию оазиса со стороны пустыни: идя с востока на запад, Джанбас-кала, Базар-кала, Кургашин-кала, Кырк-кыз, Малый Кырк-кыз — Аяз-кала, Бурлы-кала и, наконец, Топрак-кала — все расположены на хвостовых частях арыков, замыкая тянущиеся вдоль каналов полосы культурных земель и в целом образуя сплошную линию проглядываемых друг с друга крепостей.

Перед нами, несомненно, выражение единого плана обороны оазиса от степных племен, свидетельствующее, как и сама ирригационная система, о наличии сильного централизованного государства.

Ниже мы увидим, что для средневековья характерны иные тенденции: города и крупные замки-крепости, как правило, лежат внутри оазиса, близ голов каналов и их значительных ответвлений, явно обеспечивая задачу не только обороны страны, но и командования над оросительной сетью, другими словами — над пользующимся ею крестьянством. Даже в периоды наибольшего усиления центральной власти в средние века по границам располагаются преимущественно не крупные крепости, а небольшие форты и сигнальные башни, позволяющие оповестить о надвигающейся опасности находящиеся в глубине оазиса военные силы феодальных правителей. Перед нами немаловажный аргумент в пользу принципиального различия структуры античного и средневекового хорезмийского общества.

Экспедиция дала нам богатый материал для характеристики духовной культуры античных хорезмийцев, их искусства и религии. Это, прежде всего, многочисленные терракотовые статуэтки и гончарные рельефы, которыми особенно богата Джанбас-кала (см. рис. 23). Среди них преобладают женские статуэтки в пышных одеждах и фигурки мужчин в высоких сапогах, коротких, туго подпоясанных куртках с треугольным вырезом ворота и в своеобразных трехрогих «фригийских шапках».

Древнейшие статуэтки плоски и условны. Для них характерно пристальное внимание к деталям орнаментации одежды, переданным гравировкой. Этот стиль уходит своими корнями в эпоху «городищ с жилыми стенами» (см. рис. 21). Более поздние статуэтки, датируемые первыми веками до н. э., объемны и вполне реалистичны.

Наряду со статуэтками человеческие изображения мы находим на рельефах сосудов. Всадник с длинной пикой наперевес и пешая фигура воина в высоком, напоминающем аттический, шлеме, может быть шлеме в виде орла, характерном для изображений царей на позднейших (III в. н. э.) хорезмийских монетах, дают нам новые детали для характеристики древне-хорезмийской одежды и вооружения.

Среди изображений животных подавляюще преобладают фигурки и головки коней, иногда схематичные, иногда переданные с исключительным реализмом. Здесь налицо документ о ведущем месте тотемического культа солнечного коня в религии массагетов и отмеченных нами выше параллелей между хорезмийско-массагетским и фракийским культурным миром.

Хотя наряду с этим мы встречаем изображения верблюдов, баранов, свиней и даже (правда, для более позднего времени) носорогов и обезьян, однако кони настолько преобладают, что рядом с ними могут быть поставлены только отмеченные выше львы, изображенные на ручках сосудов и, как известно, также тесно связанные с солярным культом.

В женских статуэтках вероятнее всего видеть изображение богини-матери, покровительницы вод и ирригации вообще и Аму-дарьи в особенности, Ардвисуры-Анахиты, а в мужских фигурках — изображение бога-спутника великой богини, Сабазия-Сиявуша.

Нершахи рассказывает, что в Бухаре зороастрийское население ежегодно, в день нового года, уничтожало глиняные статуэтки богов и заменяло их новыми, приобретенными на особом базаре, на котором лично присутствовал царь. Этот обряд, вероятно имевший место и в Хорезме (как правило, все статуэтки разбиты еще в древности), был характерен для переднеазиатских культов умирающего и воскресающего бога плодородия земли, знаменуя собой смерть и воскресение божества.

3

Мы должны теперь остановиться на некоторых вопросах политической истории Хорезма в исследуемую эпоху — тема, которую мы оставили в предыдущей главе.

В конце IV в. юг и восток Средней Азии вошли в состав Греко-Македонской империи, а затем — сложившегося в азиатской части завоеванной Александром территории Селевкидского государства.

Около 250 г. до н. э. среднеазиатские сатрапии ускользают из рук селевкидов: восстание степных племен южной Туркме-

нии во главе с вождами парнов-дахов, братьями Аршаком и Тиридатом, ведет к образованию Парфянского государства, возглавленного династией аршакидов, а на восток от Мургаба; на территории от средней Сыр-дарьи на севере до южных склонов Гиндукуша на юге, образуется так называемое Греко-Бактрийское царство, возглавленное мятежным сатрапом Бактрии — греком Диодотом.

Хорезм попрежнему остается независимым. Больше того, есть все основания полагать, что на раннем этапе истории образования Аршакидской монархии именно Хорезм стоит за спиной движения степных племен южной Туркмении против селевкидов, поддерживая их, как некогда поддерживал Спитамена.

В пользу этого говорит, во-первых, то, что (правда, по позднейшим данным, в частности ал-Бируни) аршакиды возводили свой род к тому же Сиявушу, через легендарного сына Хосрова — Ашка (Аршака), что свидетельствует если и не о прямой принадлежности Аршака I к хорезмийской династии, что доказать невозможно, то о наличии косвенных династических связей между аршакидами и домом хорезмийских сиявушидов.

Страбон (XI, 9) сообщает нам интересное сведение о том, что основавшие Аршакидское царство «парны — даи, выходцы из области тех даев, которые обитают за Меотидою» (в данном случае Аральское море. — *С. Т.*), т. е. из районов, лежащих позади Хорезма, на нижней Сыр-дарье. В пользу связей аршакидов с приаральскими племенами говорит сообщаемый тем же Страбоном (XI, 8, 8) факт бегства Аршака Тиридата от войск Селевка II к а п а с и а к а м (как мы видели, с е в е р н ы м соседям Хорезма), причем сам Страбон проводит параллель между этим событием и бегством согдийского вождя Спитамена от войск Александра к хорасмиям. Вероятнее всего, в лице братьев-основателей Аршакидского государства надо видеть первоначально в той или иной мере зависимых от Хорезма вождей приаральских дахов, переселившихся в бассейн Теджена и предпринявших свое восстание, опираясь на поддержку массагетской конфедерации, гегемоном которой был Хорезм. Конечно, быстрый рост могущества аршакидов изменил характер их взаимоотношений с Хорезмом, но это не умаляет роли последнего как центра антимакедонского движения, каким он долго остается впоследствии.

Политическая и этническая география Средней Азии, сложившаяся после событий середины III в. и сыгравшая немалую роль в уничтожении около 140 г. до н. э. движением среднеазиатских племен Бактрийского государства греко-македон-

ских завоевателей, заслуживает того, чтобы быть особо рассмотренной.¹¹

По китайским источникам, варвары, уничтожившие Греко-Бактрийское царство, выступают под именем «больших юечжи». Это имя, в ханское время звучавшее как гветси, или гоатси, уже давно и основательно отождествлено Ремюза, Клапротом и Григорьевым с именем массагетов — «великих гетов» греческих авторов. Разнообразные гипотезы последующих авторов не смогли поколебать этой бесспорной идентификации.

В греко-латинских источниках завоевавшие Греко-Бактрию варвары фигурируют не под общим названием, а под отдельными племенными именами а с и е в, п а с и а н о в (апа-сиаков), т о х а р о в и с а к а р а в л о в (сакараваков), т. е. в составе «больших юечжи» китайских авторов выступают уже знакомые нам основные племена массагетской конфедерации, соседи и союзники Хорезма.

Разведки 1946 г. в бассейне Куван-Дарьи приоткрывают часть завесы, скрывавшей от нас прошлое этих племен, известных нам из литературных памятников только по именам. Здесь нами был исследован интереснейший комплекс раннеантичных развалин, известный сейчас под названием Джеты-асар («Семь памятников» — на деле их гораздо больше).

Позволю себе привести выдержку из дневника наших работ.

«10 октября в 10 ч. 34 м. утра по местному поясному времени самолеты поднялись с площадки Джан-кала и взяли курс на северо-восток. В 10 ч. 48 м. мы пересекли старое русло, идущее основным направлением с севера на юг, внутри которого местами поблескивали дождевые лужи. Под острым углом от этого русла отходит на юго-юго-запад несколько старых каналов. В 10 ч. 50 м. под нами появляются местами засыпанные подвижными песками земли старого каракалпакского орошения. Повсюду видны следы оросительной сети, планировки полей, круги от некогда стоявших здесь юрт, глинобитные изгороди, ограничивающие причудливые неправильные планировки дворов, развалины небольших глинобитных построек, многочисленные группы мазаров. В 10 ч. 58 м. пересекли старое русло южного истока Куван-дарьи, вокруг которого следы ирригации и селений особенно сконцентрированы. В 11 ч. 05 м. оставляем позади последнюю группу мазаров. Перед нами, за полосой песков и саксаульников, открылась плоская равнина Джеты-асара. Идем бреющим полетом. На горизонте резко вырисовываются силуэты нескольких крупных развалин, совершенно

¹¹ См. также «Древний Хорезм», экскурс I, там же — источники и литература вопроса.

отличных от только что пройденных. В 11 ч. 10 м. проходим над первым из памятников (Джеты-асар № 1). Делаем круг. Под нами сильно размытый бугор огромного здания, окруженного террасовидно возвышающейся над внешней равниной площадкой двора неправильных очертаний. Сделав несколько широких кругов для ориентации в окружающих памятниках, в 11 ч. 33 м. садимся близ Джеты-асара № 1.

Уже первое ознакомление сразу подтвердило наше первоначальное предположение об античном возрасте развалин Джеты-асара. На развалинах и вокруг них лежали многочисленные фрагменты керамики с черной и красной, ангобированной и лощеной поверхностью. Среди них были знакомые нам по Хорезму формы, но в целом облик керамики нес печать значительного своеобразия, позволяющего говорить о том, что перед нами культура, одновременная и родственная античной хорезмской, но вместе с тем самостоятельная.

Это подтверждалось и наблюдениями над архитектурой: центральное здание Джеты-асара № 1 было воздвигнуто из крупного «античного» сырцового кирпича, но иных, чем хорезмийские, пропорций: вместо квадратного хорезмийского здесь был прямоугольный кирпич, размерами колеблющийся от $38 \times 28 \times 9$ до $43 \times 30 \times 10$ сантиметров. С вершины бугра перед нами на север, северо-восток и восток открылась панорама безжизненной глинистой равнины Джеты-асара, над которой поднимались мощные силуэты широко разбросанных развалин. Определив направления на видимые памятники с целью взаимной их привязки в дальнейшем, в 12 ч. 56 м. мы вылетели на север и, пройдя над развалинами Джеты-асар № 2, по внешнему виду однотипными с первым памятником, сделали в 13 ч. 18 м. посадку близ огромного городища Джеты-асар № 3 (Алтын-асар), самого крупного и сложного из всех обследованных в этом районе памятников. В 15 ч. 45 м. мы двинулись дальше и вышли на развалины Джеты-асар № 4 (Рабенсай), на южном берегу северного истока Куван-дарьи. Пройдя его без посадки, взяли, согласно намеченному плану, курс на Джусалы, где и сели в 16 ч. 45 м., завершив таким образом первую разведку джеты-асарского комплекса.

11 и 12 октября были посвящены нами полету на развалины района к югу от Казалинска, где была обнаружена своеобразная, новая культура восточноаральских гунно-тюркских «болотных городищ» (см. ниже, гл. VIII, 2).

По возвращении в Джусалы, 12 же числа, в 13 ч. 57 м. мы вылетели вновь на Джеты-асар, выйдя с северо-востока на развалины Джеты-асар № 5. После облета окружающих развалин № 6, 7, 8, 9 и 10 повернули на северо-запад и вышли

на центральную группу развалин № 11, 12 и 13, между которыми сделали посадку в 16 ч. 25 м.

Здесь экипажи обоих самолетов собрались на «военный совет». По первоначально намеченному плану крайним сроком возвращения на базу было намечено 13 октября. Между тем было ясно, что открытая группа памятников потребует по меньшей мере двухдневной работы и ряда посадок для тщательного наземного обследования, шурфовки и взаимной топографической привязки памятников. Продукты были на исходе, да и нельзя было держать оставшихся на базе членов экспедиции в неведении о нашей судьбе. Поэтому в 17 ч. 10 м. мы вылетели в Джан-кала и в 17 ч. 46 м. без всяких приключений приземлились на нашем «аэродроме», где были радостно встречены нашими шоферами, механиком и проводниками, успешными уже порядком поволноваться.

13 октября, в 12 ч. 40 м., мы вновь вылетели на Джеты-асар, где в течение двух дней облетели еще не обследованные, а частью и обследованные памятники, подвергнув наземному изучению Джеты-асар № 11, 12, 10, 9 (где заночевали) и № 8, 7, 4. После посадки на этом памятнике (14 октября, 14 ч. 52 м. — 15 ч. 50 м.) мы вылетели на юго-западную окраину урочища для выяснения границ древней культуры в этом направлении, где, в песках, окаймляющих джеты-асарские такыры с запада, на одном из продолжающихся здесь протоков старого русла, обнаружили еще группу развалин того же типа (Джеты-асар № 16 и 17). Продолжать дальнейшую разведку в этом направлении ввиду исчерпания лимитов горючего мы не могли, и не исключено, что среди песков далее к западу скрываются еще не открытые памятники джеты-асарской эпохи. В 16 ч. 21 м. мы легли на обратный курс и, вновь пройдя над Джеты-асаром № 1, в 17 ч. 12 м. приземлились на нашей базе, закончив цикл разведочных работ в Джеты-асаре и имея итогом 17 памятников, обследованных и заснятых с воздуха (девять из них были подвергнуты наземному обследованию и обмеру), обильный и разнообразный керамический материал и большое количество фотографий».

Урочище Джеты-асар представляет собой плоскую, почти лишенную растительности глинистую равнину, переходящую к северу в Джусалинскую степь. На западе она переходит в тяжелые грядовые пески, окаймляющие главное (южное) старое русло Куван-дарьи, несколько далее к северу сливающаяся с северной Куван-дарьей.

На юге также начинаются пески, лежащие на глинистых почвах, хранящих бесчисленные следы позднесредневековых каракалпакских ирригационных сооружений и поселений,

здесь, в междуречье Жаны- и Куван-дарьи, особенно густо сконцентрированных. В районе самого урочища Джеты-асар следов каракалпакской пригации нет.

Равнина Джеты-асара пересекается в восточной и северной частях старым руслом северного истока Куван-дарьи, от которого ответвляются многочисленные менее мощные русла старых рукавов и протоков, также в свою очередь разветвляющиеся на еще меньшие рукава. С главным руслом или с упомянутыми его ответвлениями связаны все зарегистрированные нами памятники, неизменно стоящие в непосредственной близости к берегам русла или протоков, из которых и выведена древняя оросительная сеть — небольших размеров распределительные и оросительные каналы, следы которых хорошо видны с воздуха в окрестностях большинства памятников. Крупные магистральные каналы отсутствуют. Их роль явно играют естественные русла и рукава. Каждый памятник имел один или несколько самостоятельных каналов, выведенных непосредственно из того или иного русла.

В целом вся область в период жизни памятников, несомненно, представляла собой картину древней внутренней дельты, влажной, болотистой страны, пересеченной многочисленными водными протоками, на которых базировалось земледельческое хозяйство джеты-асарцев. Памятники разбросаны на значительных расстояниях друг от друга и могут быть объединены в две значительные группы, к которым нужно добавить целый ряд изолированных памятников (см. карту 8).

По своему характеру памятники делятся на три основных типа. Первый, наиболее обычный из них, — укрепленная усадьба с большим, также укрепленным зданием внутри нее, состоящим из многочисленных сводчатых помещений, в некоторых случаях явно расположенных в два, если не в три, этажа.

Второй тип — это большая крепость с сильно развитой системой фортификации (башни, укрепленные ворота) и без всяких следов построек внутри стен.

Наконец, третий, представленный только одним, наиболее значительным во всем комплексе памятником (Джеты-асар № 3, или Алтын-асар), представляет большую крепость со столь же развитой фортификационной системой, но с многочисленными и разнообразными остатками крупных жилых сооружений внутри.

Характерным подтипом первой группы может служить уже описанный отчасти выше Джеты-асар № 1 (рис. 31). Это большое, неправильных округленных очертаний, сильно оплывшее зда-

ние, поднимающееся сейчас на высоту около 8 метров над окружающей равниной. Размер здания — 45 × 30 метров, ориен-

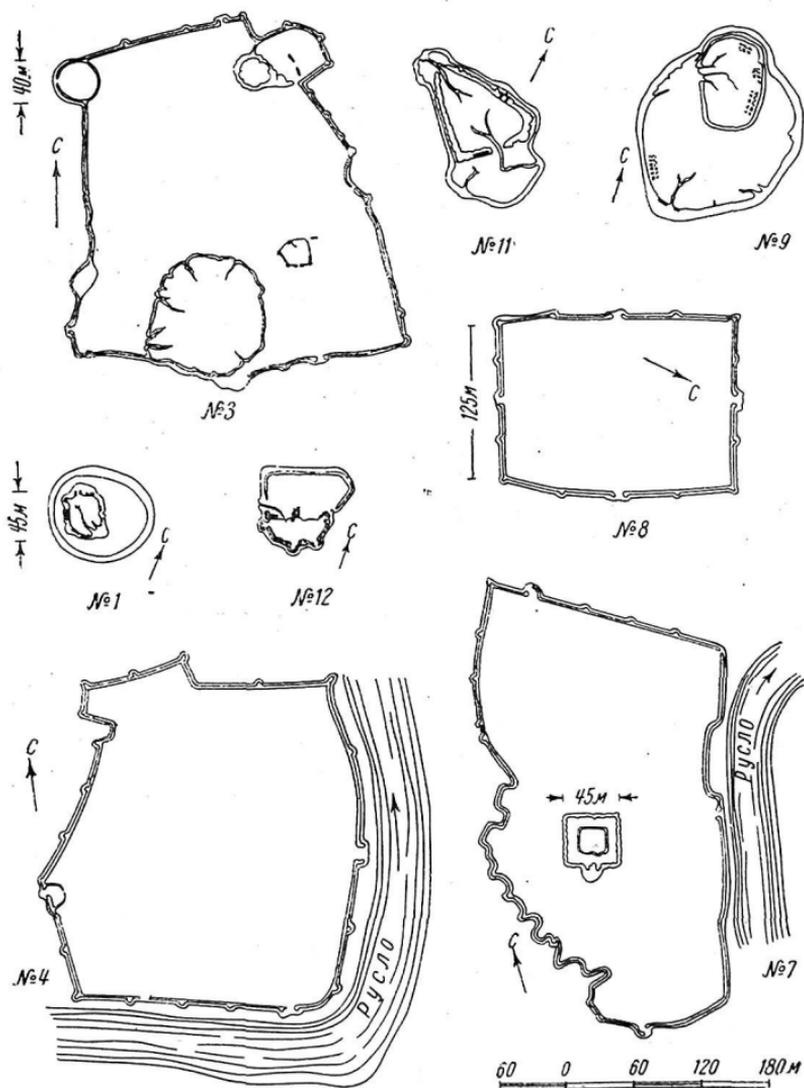

Рис. 30. Таблица памятников джеты-асарской культуры

тировка — углами по странам света. На размытой поверхности бугра видны, хотя и не особенно четко, следы внутренней

планировки в виде ряда длинных комнат. Лучше сохранились следы кладки внешней стены здания, сложенной из кирпича крупных размеров, с сильной примесью самана, в размерах довольно сильно варьирующего ($38 \times 28 \times 9$, $40 \times 30 \times 9$, $40 \times 30 \times 10$, $38 \times 28 \times 10$ сантиметров). На нижней стороне кирпичей сохранились отпечатки положенного в ряд, перпендикулярно к поверхности стены, слоя камыша — черта, как будто показывающая, что, во-первых, кирпич клался в сыром виде, а во-вторых, уже широко применялись пр о-

Рис. 31. Джеты-асар № 1 с воздуха

с л о й к и к а м ы ш а, предохраняющие конструкции от проникновения снизу влаги и солей, — прием, не известный античному Хорезму и впервые зарегистрированный нами в Хорезме в памятнике XII—XIII вв. (дворец в Джангык-кала)¹² и широко распространенный в современной местной хорезмской архитектуре.

Снаружи здание окружено почти круглой площадкой двора, на которой дом расположен несколько эксцентрически, ближе к северо-западному краю. Площадка приблизительно на 1.5 метра выше окружающей равнины; по краю заметны следы плохо сохранившейся, обвалованной внешней стены.

Второй подтип того же первого типа — укрепленный общинный дом-усадыба с квадратно-концентрическим планом. Здание обычно имеет квадратные, реже прямоугольные очертания, причем часто с квадратной же возвышенной средней частью, в результате чего оно образует иногда в схеме нечто вроде ступенчатой пирамиды.

¹² «Древний Хорезм», стр. 160.

Таковы усадьбы Джеты-асар № 2, 5 и 6, большая усадьба № 7 (рис. 32) с особенно правильным квадратно-ступенчатым зданием, № 13, 15, 16. Видимо, эта планировка относится к несколько более позднему времени, чем планировка первого подтипа.

Второй тип — большая крепость без построек внутри — представлен крупными городищами Джеты-асар № 4 (Кабенсай, рис. 33) и 8.

Рис. 32. Джеты-асар № 7 с воздуха

Третий тип, как отмечено, представлен большим городищем Дж е т ы - а с а р № 3 (рис. 30). Городище неправильно трапециевидной формы, суживающееся к северу, размером с севера на юг около 350 метров. Длина южной стены около 300 метров, северной — 150. Внешние стены, в основании около 1.5—2 метров толщины, сохранившиеся на высоту около 3.5 метров, сложены из слоев пахсы высотой 1.25 метра с прокладками из крупного сырцового кирпича с саманом отмеченных выше размеров и пропорций. В стенах, на расстоянии 2.5 метра друг от друга, расположены низкие прямоугольные бойницы размером 60 × 20 сантиметров. Вдоль стен, на различных расстояниях друг от друга выделяются небольшие оплывшие башни, сложенные из пахсы с кирпичными прокладками: сырец-кирпич — 8 сантиметров, пахса — 15, снова кирпич и т. д. Выступание башен — около 2 метров.

В северо-западном углу — круглое сооружение 40 метров в диаметре, окруженное пахсовой стеной, толщиной в основании около 2.5 метра и высотой 4.5 метра.

Близ северо-восточного угла расположен включенный в стену укрепленный дом обычного джеты-асарского типа и размеров, с примыкающим к нему с востока двором. Размеры жилого массива около 30×30 метров, высота — 8 метров. В размытых скатах выходят стены и полы жилых помещений, расположенных по меньшей мере в два этажа, с обильной керамикой. Неправильной формы двор, примерно 60×60 метров, обнесенный стеной с башнями того же типа, что и внешняя. Площадка двора поднимается на 1.5—2 метра над окружающей равниной.

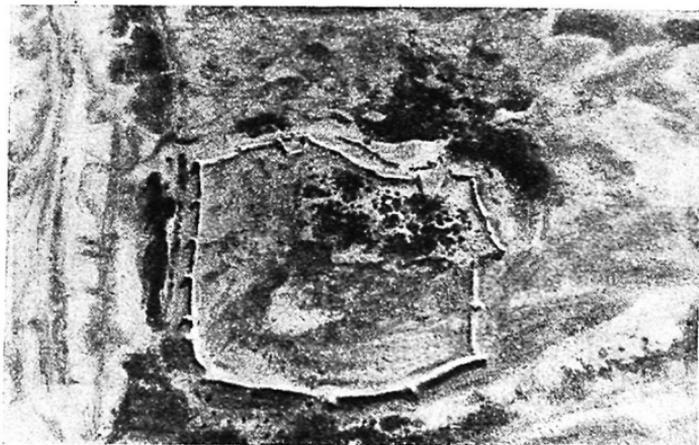

Рис. 33. Джеты-асар № 4 с воздуха

К середине южной стены примыкает бугор огромного здания, площадью примерно 100×80 метров и свыше 12 метров в высоту — самое крупное сооружение такого рода во всем комплексе памятников.

Керамика Джеты-асара может быть разделена прежде всего на две большие группы. Первую, наиболее многочисленную, составляют разнообразные сосуды, сделанные без круга и имеющие в большинстве случаев серый, различных оттенков, излом и поверхность (у горшков, кувшинов и хумов — внешнюю, у котелков — обе), покрытую черным или черновато-коричневым ангобом, с лощением. Все сосуды этой группы отличаются формами, ничего общего не имеющими с хорезмскими. Значительная часть сосудов имеет по фону черного лощения прочерченный и часто инкрустированный белой пастой угловато-ленточный орнамент (см. рис. 34, фиг. 10—29). Вторая

группа дает более плотный черепок розового, розовато-желтого или кирпичного цвета в изломе и имеет поверхность, покрытую черным, шоколадно-коричневым, красновато-коричневым или красным, реже зеленовато-белым ангобом. Большая часть этих сосудов сделана также без круга, но небольшой процент обнаруживает следы изготовления на круге. К этой же группе примыкает небольшое количество фрагментов сосудов светложелтого цвета, без ангоба, но с росписью красновато-коричневых тонов. Среди сосудов второй группы попадаются отдельные формы, близкие к античным хорезмийским. Однако в массе и здесь преобладают специфические формы. Значительная часть черно-серой и красной керамики принадлежит однотипным по форме сосудам, но некоторые особенности формы и орнамента свойственны каждой группе: так, прочерченный угловато-линейный орнамент встречается только среди черно-серой керамики.

Хотя керамика обеих групп встречается постоянно вместе и, несомненно, обе они длительно сосуществовали, необходимо считать первую группу в целом более архаичной и хронологически более древней (отсутствие круга и общих с Хорезмом форм, прочерченный и инкрустированный орнамент).

Эта последняя группа сосудов (рис. 34, фиг. 10—29) заслуживает особого рассмотрения.

Здесь не могут не броситься в глаза значительные черты сходства с архаической керамикой Бельского городища на Полтавщине и сходных с ним «доскифских» или «раннескифских» памятников других районов Украины, вплоть до Харьковщины и Изюмщины на востоке.

А. А. Потапов обратил внимание на сходство этой черной, инкрустированной белой пастой, угловато-ленточной керамики Украины с керамикой памятников классического галлыштата из бассейна Дуная, а В. А. Городцов был склонен видеть в ней отражение влияний древних, восходящих еще ко II тысячелетию до н. э., традиций керамического искусства народов Кавказа.¹³

Если оставить в стороне несколько большую грубость бельской керамики по сравнению с джеты-асарской, то и форма, и фактура, и технологические особенности, и система орнаментации сосудов джеты-асара, Украины и галлыштатских памятников поражают крайней технологической и стилистической бли-

¹³ В. А. Городцов. Труды XIV АС, 1911, т. III, стр. 154; А. Ротаров. Inkrustierte Keramik von Blesk. ESA IV, 1929, стр. 162—168; И. И. Ляпушкин. Археологические памятники эпохи железа в бассейне р. Ворсклы. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 127.

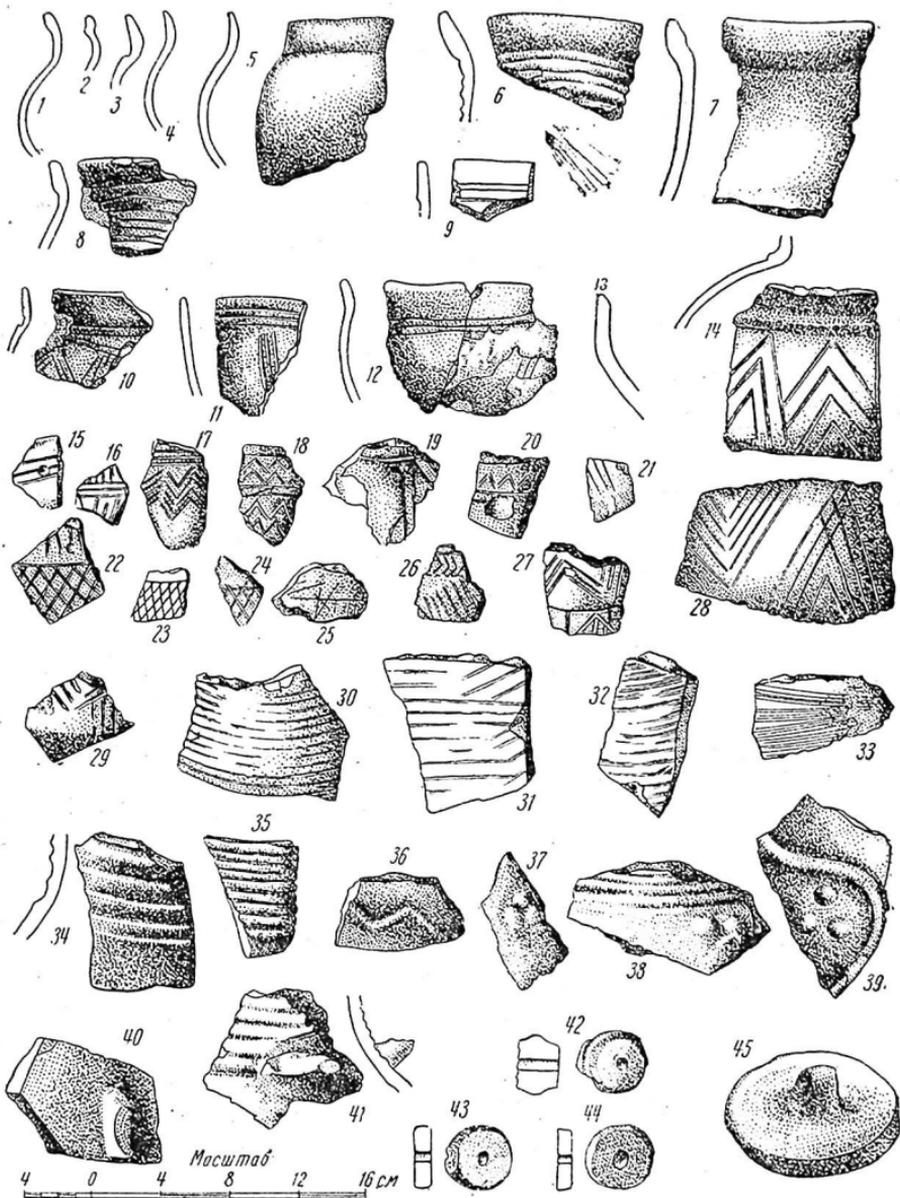

Рис. 34. Таблица керамики джеты-асарской культуры

зостью, вопреки огромному расстоянию.¹⁴ Эта связь джеты-асарской керамики с предскифской керамикой Украины и керамикой дунайского галлыштата весьма примечательна. К ней нам еще придется вернуться.

Подводя итоги, мы можем, хотя и очень приблизительно, наметить хронологические рамки исследуемого комплекса. При всем его своеобразии он укладывается в рамки вариаций античных памятников прежде всего Хорезма, а также и других районов Средней Азии.

Полное отсутствие раннеафригидских форм (часто встречающихся на казалинских гунно-тюркских городищах) позволяет сразу отнести верхнюю хронологическую грань этих памятников в эпоху, предшествующую середине I тысячелетия н. э. Но и свойственные Хорезму позднеантичные формы представлены в таком незначительном проценте, что вряд ли эти памятники намного пережили начало нашей эры. Наличие нескольких черепков с росписью позволяет полагать, что проникновение хорезмийских типов краснолаковой и ангобированной белой посуды должно быть отнесено к первым векам до н. э. К этому времени, видимо, и относится основная масса нашей керамики. Общий архаический облик керамического материала, значительно более архаический, чем облик керамики хорезмийских памятников, восходящих к IV в. до н. э., как и «доскифские» и галлыштатские ассоциации как будто бы ведет нас глубже, но может быть объяснен и провинциализмом и периферичностью всей культуры, испытывавшей лишь незначительные влияния со стороны передовых ремесленных центров Хорезма и долго сохранявшей древние традиции.

Думаю, что наиболее осторожным будет пока полагать, что наши памятники охватывают вторую половину I тысячелетия до н. э., возможно с некоторыми отклонениями за этот предел в ту или другую или в ту и другую стороны.

В пользу более ранних дат говорит не только керамика, но и весь облик поселений. Это большие общинно-родовые укрепленные дома-замки, параллельно которым в известной мере могут служить памятники типа Кюнерли-кала близ Замахшара и Ак-тепе близ Кават-кала.¹⁵

Однако джеты-асарские дома и усадьбы гораздо больше размерами и характеризуются крайней нерегулярностью планировки, видимо свидетельствующей о естественном разраста-

¹⁴ Ср., например, систему орнаментации сосуда на рис. 12 статьи Потапова и аналогичную композицию на нашем рис. 34, 14. Ср. также Потапов, рис. 4, 5, 9 и наш 34, 28; П о т а п о в, 24, 29, 23, 25, 26, Тяпушкин 53, 13, 54, 13 и наш 34, 22—24 и т. д.

¹⁵ «Древний Хорезм», стр. 101.

нии родовых укреплений. В пользу ранних дат говорит и архаический характер ирригации, еще не знающей магистральных каналов и привязанной к естественным протокам, весьма ненадежному, как мы знаем, источнику водоснабжения.

Как отдельные усадьбы, так и «города» джеты-асарцев рисуют нам ту же глубоко архаическую картину общественного быта. Городища № 4 и 8, лишённые всяких признаков застройки и дающие ничтожное количество подъемного материала, могут рассматриваться только как городища-убежища. Довольно густая оросительная сеть в окрестностях первого из них и изолированное его положение по отношению к родовым укрепленным домам позволяют думать, что население из удаленных укрепленных усадеб проводило здесь в легких временных жилищах часть года около своих полей. Земледелие, в условиях отсутствия магистральной системы ирригации и изменчивости режима протоков Куван-дарьи, неизбежно должно было носить «полукочевой» характер, что не могло не порождать потребности, наряду с мощными укрепленными жилищами, рассчитанными на зимние холода и на нужды обороны, в более легких, портативных жилищах, вероятно — типа шалашей, а может быть и юрт.

Что касается Алтын-асара (Джеты-асар № 3) — этого центра всего древнего джеты-асарского населенного района, то это также очень своеобразный «город». В сущности это две усадьбы первого подтипа нашей классификации, меньшая из которых, по размерам соответствующая Джеты-асару № 1, включена в систему внешней стены большей, примерно равной по размеру огромной усадьбе Джеты-асар № 7. Производящее очень странное впечатление круглое сооружение в северо-западном углу крепости и трапециевидное — близ главного жилого массива, к северо-востоку от него, могли быть сооружениями общественного и, может быть, культового характера. Будем надеяться, что раскопки позволят выяснить их функцию, — во всяком случае это не жилища и не оборонительные сооружения.

Я склонен, пока без полной уверенности, относить оборонительные сооружения Джеты-асар № 7, 4, 8 и 3 к позднему периоду существования джеты-асарского комплекса. Об этом говорят, в частности, характер и расположение башен — одиночные угловые башни, в Хорезме, как мы знаем, появляющиеся довольно поздно. Наиболее древними мне представляются памятники типа Джеты-асар № 1, 9 и 11, а также, вероятно, основные сооружения «города» Джеты-асар № 3, оборона которого в последний период его существования была, по-видимому, модернизирована. Если это так, то может быть намечена и некоторая общая тенденция видоизменения типа посе-

лений на протяжении полутысячелетней истории джеты-асарской культуры: 1) подтягивание основных центров расселения к берегу Куван-дарьи, видимо связанное со стремлением обеспечить более надежное водоснабжение; 2) строительство городищ-убежищ, свидетельствующее одновременно о повышении роли временных жилищ; 3) создание более совершенной, надежной, по всей видимости, хорезмскими и мавераннахрскими образцами системы фортификации.

Было бы весьма существенно выяснить, какому народу принадлежали эти памятники, что дало бы возможность попытаться увязать наши данные с материалами письменных исторических источников.

Сравнительный анализ текстов Птолемея (IV, 12; VI, 14), Плиния (III, 42), Полибия (X, 48), посвященных перечням народов Оксо-Яксартского междуречья, заставляет прийти к выводу, что бассейн Куван-дарьи составлял область расселения народности *т о х а р о в*, локализуемых Птолемеем «в северном отрезке Яксарта», рядом с пасиками (апасиаками аральского Поморья), с одной стороны, и ятиями (асиями, асианами, *у с у н я м и* правобережья Средней Сыр-Дарьи и более восточных районов) — с другой.

Как известно, тохары в течение последних десятилетий оказались объектом широкой научной дискуссии в связи с открытием в восточном Туркестане раннесредневековых буддийских документов, написанных на неизвестном дотоле языке. Этот язык, этническая принадлежность которого в самих документах не указана, был рядом ученых сопоставлен с часто упоминающимся в текстах на уйгурском языке «языком *т о х р и*», т. е. тохарским (иначе «язык I» или «кучарско-карашарский»).

Интерес к этому языку был усугублен тем, что по своим фонетическим особенностям он обнаружил черты соприкосновения с *з а п а д н ы м и* индоевропейскими языками (кельтскими, германскими, италийскими и греческим), обычно объединяемыми в «группу кентум» (условный термин, определяемый характером произношения древнеиндоевропейского *k* в слове «сто», в восточных индоевропейских языках, славяно-балтийских, индоиранских и армянском переходящего в *s*, откуда эти последние языки получили название «сатем» от санскритского «сто»; ср. тохарск. *kandh* — «сто», *okadh* — «восемь», *yakwe* — «лошадь» и т. д.).

В последнее время ряд ученых (в том числе, из советских исследователей, И. Умняков¹⁶ и А. Бернштам)¹⁷ склонны

¹⁶ ВДИ, 1940, № 3—4.

¹⁷ СЭ, 1947, № 3.

отрицать право связывать «тохарский язык» с историческим народом тохаров, принимавшим участие в юечжийско-массагетском завоевании Бактрии, предпочитая искать подлинный язык тохаров в том или ином из иранских по типу языков восточнотуркестанских документов.

Я не думаю, что аргументация этих авторов основательна. Попытка Линквиста, а за ним Бернштама видеть в «языке тохри» уйгурских документов согдийский — неубедительна. Подлинное название согдийцев было хорошо известно тюркам. Видимо, первое определение остается по существу непоколебленным: «язык тохри» — это язык тохаров, массагетского племени из бассейна Куван-дарьи, которое приняло участие в завоевании Бактрии, откуда впоследствии, вместе с бактрийской колонизацией и буддийской пропагандой, этот язык попал в города восточного Туркестана.

Вместе с тем отнесение этого языка к «западным индоевропейским» и попытка видеть в нем чуть ли не кельтский язык, совершенно неосновательна. Сохранение древнеиндоевропейского *k*, роднящее тохарский не только с «языками кентум» Запада, но и с древнейшим палеоиндоевропейским хеттским языком, — просто архаическая особенность фонетики, независимо сохранившаяся в различных частях периферии и расселения народов индоевропейской речи, в то время как в центральных областях произошел закономерный для тенденций развития индоевропейской фонетики переход *k* в *s*.

Исторически гораздо важнее давно подмеченные связи тохарского с хеттским, а также с фрако-фригийскими. Известный хеттолог Покорный в 1923 г. прямо утверждает, что «мы должны рассматривать тохаров как фрако-фригийских киммерийцев»,¹⁸ а французский лингвист Бенвенист (1936) приходит к выводу, что «тохарский язык — древний член доисторической группы языков (к которой относится, вероятно, также хеттский), которая сближается, с одной стороны, с балтийской и славянской, а с другой — с греческой, армянской и фрако-фригийской».¹⁹ Сходным образом определяет положение тохарского среди индоевропейских и А. Мейе,²⁰ который пишет: «Мы не намного ошибемся, отведя тохарскому место между итало-кельтским, с одной стороны, и славянским и армянским — с другой».

Все эти ассоциации бесспорно ведут нас в лингвистически мало известный круг илиро-фрако-фригийских языков, на-

¹⁸ P o c o r n y. Die Stellung des Tocharischen... BFIOOW, III, 1923.

¹⁹ B e n v e n i s t e. Tokharien et Indo-Européen. Festschrift für H. Hirt. 1936, II. стр. 237.

²⁰ I n d o g e r m. Jahrbuch I. 1913 (Strassburg, 1914). стр. 17.

правления лингвистических и исторических связей которых полностью соответствуют охарактеризованному цитированными авторами положению тохарского. В частности, в иллирийских (как и в хеттском) обнаруживаются сохранение архаического *k*,²¹ столь долго вводившего в заблуждение исследователей тохарского, а во фрако-фригийских судьба этой фонемы еще недостаточно определилась (ср. различие в произношении имени фрако-фригийской богини земли — Семела || Кибела). Нельзя не отметить вместе с тем, что в тохарском выступают, как в словаре, так и особенно в области флексий, несомненные доиндоевропейские черты, ведущие нас в мир яфетических языков Кавказа и Малой Азии. Так, именная парадигма тохарского языка обнаруживает поразительные соприкосновения с хетто-урарто-картвельским лингвистическим миром (ср. тох. комитат. суффикс *-aš-šäl* и аналогичный хеттский *-šil*, тох. суфф. генетива *-is* — в груз. *-is*, мегр., чанск., урарт. *-iš*, тох. суфф. дат. и отложит. *-ac, as* — урартск. дат. *-aš*, отложит. *aš-te* и т. д.). Это увязывается с установленным Н. Я. Марром и Н. С. Державиным переходным яфетидо-индоевропейским характером иллиро-фрако-фригийских языков и их реликта в современной Европе — албанского (как и армянского).²²

Вместе с тем нельзя не вспомнить, что лучший знаток южно-русских древностей В. А. Городцов считал черную инкрустированную керамику Бельского и аналогичных ему городищ Украины, рассмотренную нами выше и обнаруживающую значительную близость с керамикой древнейшего слоя Джеты-асара, памятника сыр-дарьинских тохаров, — памятником культуры киммерийцев,²³ с которыми, как мы видели, основательно связывает тохаров Покорный. А иллиро-фрако-фригийские связи киммерийцев вряд ли у кого-нибудь возбуждают сомнение.

Мы уже видели в предшествующей главе те многочисленные и разнообразные линии культурных связей, которые ведут из хорезмийско-массагетского мира в мир хеттский, с одной стороны, и фрако-фригийский, а через него и в славянский — с другой. Вероятно, в тохарском языке, потомке древнего дахского, надо видеть единственного пережившего до V—X вв.

²¹ E. Philippon. Les peuples primitifs de l'Europe méridionale. Paris. 1925.

²² Н. Я. Марр. К вопросу об яфетидизмах в албанском. ЯС, 1, 1922, стр. 57 сл.; Н. С. Державин. История Болгарии 1. 1945, стр. 71—88, а также его статьи в ЯЛ 1, 1926, 171 сл. СЭ III, 1940 и др.

²³ В. А. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре. ТСА II, М., 1928, стр. 59; его же. Бытовая археология. М., 1910, стр. 344.

(правда, уже на чужой территории) представителя восточной, массагетской ветви иллиро-фрако-киммерийской группы языков (к ней, видимо, принадлежал и древнейший хорезмийский). Большинство массагетских языков, по всей видимости, уже к V в. до н. э. подверглось сильному влиянию языков саков-скифов, древних восточных соседей массагетов.

4

Вернемся, однако, к обзору политических событий, связанных с падением Греко-Бактрийского государства.

Сейчас мы можем в общих чертах восстановить предпосылки и ход этих событий.²⁴

После греко-македонского завоевания, на рубеже IV и III вв. до н. э., мы замечаем признаки широко развивающегося процесса политической экспансии хорезмийско-массагетской конфедерации не только на запад, о чем мы говорили выше, но и на восток, в восточный Туркестан, вплоть до границ Монголии. Во всяком случае во второй половине III в. до н. э. «большие юечжи» — массагеты оказываются соседями обитающих здесь гуннских племен и пытаются подчинить их своему влиянию. Об этом говорит не только появление племени массагетов далеко на востоке, но и ряд археологических свидетельств.

В конце III в. до н. э., как показали исследования Б. Лауфера, правитель гуннов Модэ-Шаньюй производит военную реформу, сменяя традиционную легкую конницу конницей тяжело вооруженной. Лауфер считает это вооружение «иранским». На деле оно было совершенно не типично для древнего Ирана, в войске которого преобладала легко вооруженная пехота и легкая конница, сочетавшаяся с боевыми колесницами. Тяжелая конница характерна в первую очередь для массагетов, где ее впервые отмечает Геродот.

Характерно, что впоследствии из того же Приаралья (как показал Ростовцев) она распространяется с сармато-аланами в Восточную Европу, а в I в. до н. э. ее впервые широко применяют против римлян парфяне в бою при Каррах, где главную роль в парфянском войске играла тяжелая сакравакская конница Сурены, правителя Сакастана (Сеистан), одетая в броню, сделанную мервскими оружейниками.

Отсюда же, из страны массагетов, проникает в Монголию, Китай и Сибирь (Алтай) великолепная порода высокорослого

²⁴ Обоснование см. «Древний Хорезм», экскурс I.

боевого коня, рассчитанного на тяжело вооруженного всадника.²⁵

Наконец, большой интерес представляет вопрос о происхождении так называемого «скифско-сибирского звериного стиля» — великолепных золотых украшений, где изображены борющиеся звери, широко распространенных в первых веках до н. э. в Сибири и Монголии и оказавших влияние на китайское искусство ханьской эпохи. Уже давно отмечены связи «сибирского скифского искусства» с памятниками Амударьинского клада. Интересно отметить, что на Кувандарье, в самом сердце страны массагетов — тохаров, свыше 40 лет назад были найдены два золотых браслета с изображением: на одном — коня, на другом — «многоголового волка», выполненных в совершенно «сибирском» стиле.²⁶

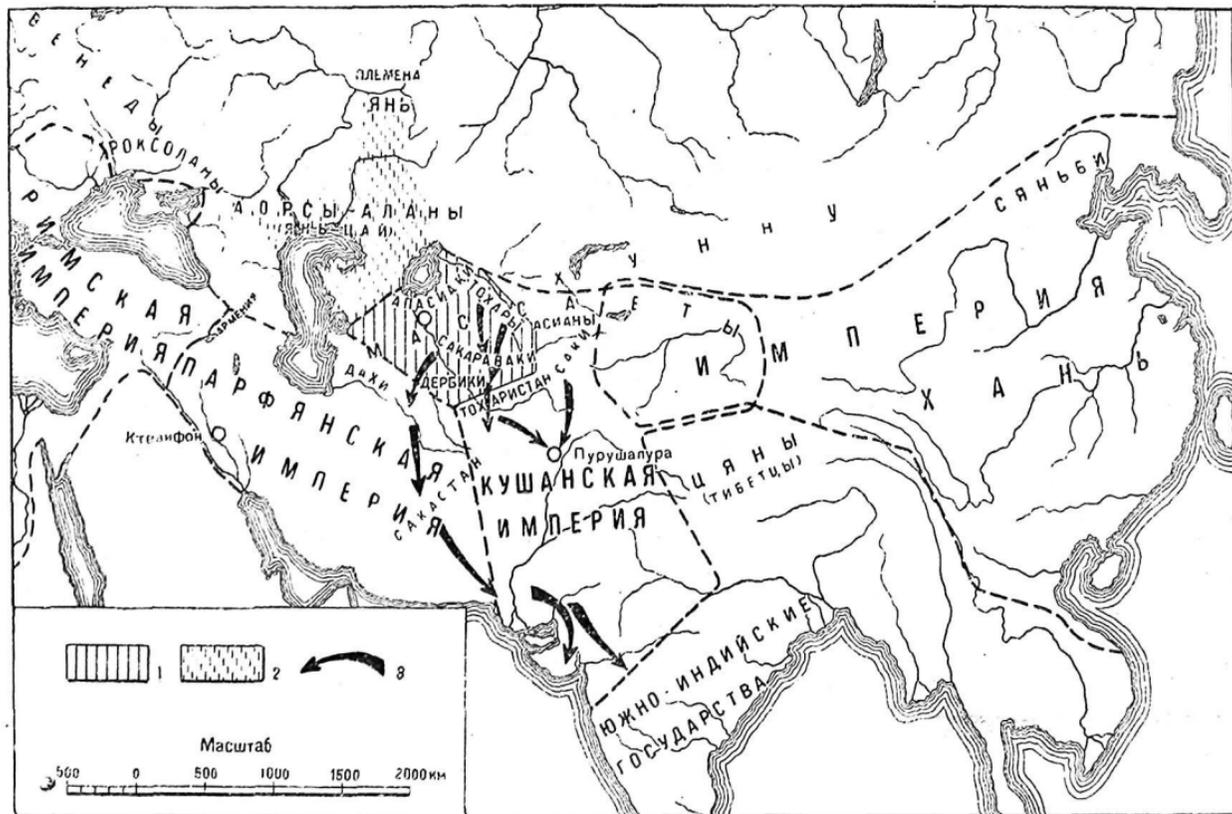
Это мощное влияние массагетской культуры на Востоке падает, видимо, в основном на III в. до н. э. Есть все основания полагать, что одной из задач восточной экспансии массагетов была задача создания единого фронта независимых среднеазиатских племен против Греко-Бактрийского царства. Последнее, в лице наиболее выдающегося своего правителя Евтидема, предпринимает контрнаступление, используя для него восточных врагов юечжи-массагетов — гуннов.

Характерно сопоставление дат: в 206 г. до н. э. Евтидем заключает мир и союз с селевкидом Антиохом III Великим выдвигая основным мотивом примирения общую угрозу со стороны «северных варваров». В том же 206 г. гуннский царевич Модэ, находившийся в качестве заложника у юечжи, бежит, на родину, низлагает и убивает своего отца и открывает военные действия против юечжи. Второй этап борьбы между гуннами и юечжи падает на 176 г. до н. э. — время, совпадающее с периодом максимальной внешнеполитической активности Греко-Бактрийского царства, когда, по словам Страбона, оно расширило свои пределы «до серов и фаунов», т. е. «до китайцев и гуннов».

Третий, финальный этап гунно-юечжийской борьбы падает на 165 г., когда шаньюй гуннов Лаошань разбивает юечжи и отбрасывает их на запад, за Тянь-шань, а из черепа убитого юечжийского царя делает чашу для питья. Эти события совпадают с новым, последним подъемом могущества греко-бактрийцев под властью узурпатора Эвкратида.

²⁵ Детальное обоснование этого положения см. «Древний Хорезм», глава IV, раздел III.

²⁶ ОАК, 1907, 124; Ростовцев. Animal Style. 1929, табл. XVIII, 1, 3.

Карта 2. Хорезм и окружающие страны во II в. до н. э.—II в. н. э.

1 — Качга — Хорезм во II—I вв. до н. э.; 2 — сфера влияния Хорезма около начала н. э.; 3 — движение сакско-массагетских племен около 140 г. до н. э.

В дальнейших событиях гунны уже не принимают прямого участия: друг другу противостоят две военные коалиции — массагето (юечжийско)-парфянская, с одной стороны, и бактрийско-селевкидская — с другой. И в 140 г. до н. э. власть греко-бактрийских царей рушится окончательно. Все их владения к северу от Гиндукуша, а позднее и на юг от него, за исключением оккупированной парфянами Маргианы (бассейн Мургаба), оказываются во власти массагетов.

Повидимому, центральный участок наступления занимали сыр-дарьинские тохары, оккупировавшие собственно Бактрию, бассейн верхней Аму-дарьи, получивший впоследствии название Тохаристана (китайское Тухоло). С ними вместе двигались, очевидно, и их восточные соседи асианы (ятти). Помпей Трог лаконично сообщает о том, что «асианы сделались царями тохаров», т. е., видимо, во главе коалиции стоял асианский предводитель.

Правый, западный фланг движения составляли сакараваки и апазиаки, продвинувшиеся в Ариану и Сеистан, где они столкнулись со своими недавними союзниками — парфянами. Притяньшанские племена саков составили левый фланг, пройдя через Памир и вторгнувшись в долину Кабула.

Какую роль во всех этих событиях играл Хорезм?

Для выяснения этого обратимся к свидетельству наиболее осведомленного наблюдателя, лично посетившего Среднюю Азию через полтора десятилетия после падения Греко-Бактрийского царства.

В 126 г. до н. э. с чрезвычайным посольством императора Ву-ди, после долгих и трудных скитаний по суровым степям и горам Центральной Азии, в Фергану прибыл китайский сановник Чжан-цзянь. Целью его дипломатической миссии было заключение союза между Китайской империей и недавними победоносными завоевателями Греко-Бактрийского царства, народом «больших юечжи», против общего врага — государства гуннов, центр которого лежал в нынешней Монголии. Гунны после вытеснения юечжи из восточного Туркестана контролировали все пространство степей на север от Тибета, угрожая Китаю. Из миссии Чжан-цзяня ничего не вышло, но мы обязаны ему первым китайским описанием среднеазиатских стран, освещающим многое оставшееся неотмеченным греко-римскими источниками. В частности, от него мы впервые узнаем о существовании в Средней Азии обширного государства Кангюй, о котором нам ничего не говорят греки.

Это государство на востоке граничило с Ферганой, на юге — с Парфией и Бактрией, на западе включало в свои пределы Хорезмийский и Бухарский оазисы. По данным «Истории старшей

династии Хань», «Кангюй имеет под собою пять малых владетелей, которые суть: Сусе, Фуму, Юни, Ги, Юегянь. Все упомянутые пять владетелей зависят от Кангюя».

Как показывают данные позднейших китайских источников, под этими именами скрываются Кеш-Шахрисябз на Кашкадарье, Кушания на Зеравшане, Ташкент, Бухара и Ургенч.

По сообщению Чжан-цзя, Кангюй «в обыкновениях совершенно сходствует с юечжийцами; имеет до 90 тысяч войска». «История старших Хань» увеличивает размер кангюйского войска до 120 тысяч.

Всматриваясь в контуры этого государства, мы не можем не заметить сходства с восстановленными Марквартом очертаниями древнего, доахеменидского Хорезмского царства. Разница лишь в юго-западных границах: Хорасан во II в. до н. э. прочно входит в состав Парфянской империи аршакидов.

По словам Чжан-цзя, Кангюй «по малосилию своему признает над собою на юге власть юечжи, на востоке власть гуннов».

Центр юечжийской конфедерации в это время, по словам того же путешественника, находился где-то к северу от верхней Аму-дарьи, вероятно на территории правобережной Бактрии, в нынешнем Таджикистане или южном Узбекистане, а может быть и на кангюйской территории, в бассейне Зеравшана. Напомню, что Кушания на Зеравшане, причисляемая историей старших Хань к «малым кангюйским владениям», получила впоследствии свое имя от одного из влиятельных юечжийских родов — кушанов (китайское Гуйшуань), выдвинувших династию правителей Кушанской империи I—III вв. н. э. Это заставляет полагать, что включение Согдианы (бассейнов Зеравшана и Кашкадарьи) в состав Кангюйского царства падает на время, предшествующее 140 г., когда эта территория, номинально кангюйская, оказалась под фактической властью массагетских племен. Между тем при Эвтидеме и его сыне Деметрии Согд, несомненно, входил в состав Греко-Бактрийского царства.

Повидимому, вхождение Согда в Кангюйское царство надо относить ко времени восстания Эвкратиды, узурпировавшего около 175 г. до н. э. власть в Бактрии, использовав отсутствие Деметрия, занятого в это время военной экспедицией в Индии.

Помпей Трог (XII, 5) сообщает, что Эвкратид вел войны «с согдийцами, арахозийцами, дрангами, ариями, индами», истощившие силы Бактрийского государства. Это сообщение, несомненно, надо понимать как указание на отложение Согда, видимо тогда и вошедшего в состав Кангюйской монархии.

Характерно, что греко-латинские источники ничего не знают о Кангюе, — факт необъяснимый, если не предположить, что он известен им под другим именем.

В свою очередь, китайцы нигде, до путешествия Сюаньцзана и «Истории династии Тан», не упоминают Хорезма (Ургенч, по данным Авесты и позднейшим источникам, был центром самостоятельного владения).

Авеста, как и позднейшая зороастрийская литература, знает Кангюй под именем «Кангхи, высокой и священной» (Ардвисур-яшт, V, XIV, 4), знает и Хорезм (упомянутый под этим именем только один раз, в гимне богу солнца Митре), но упоминает их в разных текстах (Кангха — в гимне богине Аму-дарьи, Ардвисуре Анахите; текст помещает Кангху в непосредственном соседстве с Ургенчем). Шах-намэ делает Кангху (Кангдиз, Канг-и Сиявахш) ареной деятельности Сиявуша, каковой по Бируни, является Хорезм.

Все вышеизложенное, как и ряд других соображений более детального характера,²⁷ приводит нас к заключению, что под именем Кангюй, тождественным с Кангхой Авесты, скрывается Хорезм. Самый термин «Кангха», связанный с иранской (и общиндоевропейской) основой «кан», откуда узбекское и таджикское «кан» — канал, да и самое слово «канал» может быть переведен как «страна арыков» или «страна протоков», дельта; характерно, что дельта Гильменда в Сеистане носит название Миян-и-Канг; на юго-западе Хорезма крайний к югу проток Сарыкамьшской древней дельты Аму-дарьи носит до сих пор имя Канга-дарьи, а смежная с ним возвышенность — имя Канга-гыра. Возможно, Кангха — несколько более широкое понятие, чем Хорезм. В то время как последнее первоначально включало только верхнюю часть дельты Аму-дарьи, основное ядро страны, — под именем Кангха выступает вся дельта этой реки, а может быть и сливавшаяся тогда с ней в единую общую систему дельта Сыр-дарьи. Однако Хорезм является в эту эпоху и географическим и политическим средоточием Кангхи, наиболее передовой и могущественной областью дельты.

Идентификация Кангхи и Хорезма дает нам в руки ценнейшие материалы для восстановления политической истории исследуемой страны в интересующий нас период (в нашей классификации памятников хорезмская культура от времени IV в. до н. э. — до I в. н. э., время расцвета Джанбас-кала, именуется «кангюйской культурой»).

²⁷ См. «Древний Хорезм», стр. 20—24 и др.

Мы можем прийти к выводу, что, как и во времена Александра и Аршака I, во II в. Хорезм выступает как руководитель и инициатор наступления на владения греческих завоевателей Средней Азии. Уже около 175 г. Хорезм успешно выступает против Эвкратида и восстанавливает свою традиционную власть над Согдом и Средней Сыр-дарьей. Правда, между 140 и 120 гг., в разгар движения массагетских племен на юг, Хорезму не удается сохранить свою роль гегемона массагетской конфедерации. Как сакараваки в Сеистане, так тохары и асианы в Бактрии создают свои самостоятельные государства, причем бактрийские массагеты, видимо, хозяйничают и в согдийских владениях Хорезма. Он остается, однако, настолько могущественной державой, что в 101 г. до н. э. вмешивается в фергано-китайскую войну: приближение союзных с Ферганой кангюйских войск вынуждает китайцев снять осаду ферганской столицы и удалиться восвояси. В I в. до н. э., который, как и начало I в. н. э., надо рассматривать как время высшего подъема могущества Хорезмо-Кангюйского государства, международное положение Кангюя меняется. Созданное в период завоевания политическое объединение бактрийских массагетов распадается на свои составные элементы. «История младшей династии Хань» пишет: «Когда дом юечжи был уничтожен гуннами (речь идет о событиях 206—165 гг. до н. э.), то он переселился в Дахя (Бактрию) и разделился на пять княжеских домов: Хюми, Шуанми, Гуйшуань, Хисе и Думи».

Меняется соотношение военных сил Кангюя и бактрийских юечжи: если Чжан-цзянь определяет количество войск первого в 90 тысяч человек, а вторых — в 100—200 тысяч, то «История старших Хань» дает соответственно цифры 120 и 100 тысяч.

После распада гуннской державы (48 г. до н. э.) и разгрома китайцами шаньюя западных гуннов — Чжичжи (36 г. до н. э.) изменилось положение и на восточных границах Кангюя, где, как мы видели, во времена Чжан-цзянь Хорезму приходилось делить свою власть с гуннами. Кангюй в последней трети I в. до н. э. выступает как могущественный союзник западных гуннов; в этом союзе китайский посол Го-шун видит залог силы последних в их борьбе с Китаем.

Власть Кангюя распространяется в это время далеко на северо-запад, по путям, проложенным еще современником Александра Македонского — Фарасманом. По сведениям «Истории младшей династии Хань», восходящим к самому началу н. э., Кангюй подчиняет свой власти страну аланов (Яньцай, Аланья), простиравшуюся в то время от северного Приаралья до восточного Приазовья, и даже северных соседей аланов — лесные племена янь, обложенные Кангюем данью пушниной, повиди-

тому племени лесного Приуралья. Время около начала нашей эры характеризуется в северном Причерноморье широким движением аланских племен на запад. Видимо, это движение не было стихийным переселенческим движением варваров, а являлось составной частью активной внешней политики Кангюя-Хорезма. Характерно, что пришедшая к власти около этого времени в Боспорском царстве (Пантикапея — Керчь) «варварская» династия аспургианов имеет тамгу (родовой знак), представляющую вариант тамги хорезмийских сиявушидов (см. ниже). Эта тамга и ее многочисленные варианты широко представлены на разнообразных памятниках начала нашей эры по всему северному Причерноморью, являясь наглядным документом политических связей восточноевропейских аланов с Хорезмом.²⁸

К этому времени относится древнейшая известная нам монета хорезмийских сиявушидов.²⁹ Это найденная в 1940 г. в Топрак-кала серебряная монета (см. рис. 35) достоинством в 4 драхмы (9,32 г). На лицевой стороне она имеет изящно выполненное изображение головы бородатого царя в круглой, украшенной бусами или бляшками короне с наушниками и назатыльником, обернутой орнаментированным тюрбаном. Позади головы — схематическая фигурка венчающей царя богини победы — Ники (образ, характерный для парфянских монет I в. до н. э.). На другой стороне — всадник на торжественно шагающем коне, позади него — тамга сиявушидов . Вокруг — надпись искаженными греческими буквами, в которой надо признать имитацию надписей упоминавшегося нами выше греко-бактрийского царя Эвкратида: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΕΥΚΡΑΤΙΔΟΥ («царя великого Эвкратида»). И эта надпись, и фактура монеты, и детали ее типа (ободок из ромбических бус) заставляют видеть в этой монете (как и в позднейших хорезмийских монетах, о которых см. ниже) прямое продолжение греко-бактрийской чеканки II в. до н. э.

Это явно не случайно. Могущественные повелители Кангюя, завладев значительной частью греко-бактрийского наследства, видимо считали себя законными преемниками греко-бактрийских царей, стремясь подчеркнуть это на своих монетах. Но эти монеты — не рабское подражание греко-бактрийским образцам, как древнейшие монеты бактрийских массагетов. Конных близнецов — Диоскуров монет Эвкратида — заменила художественно выполненная фигура божественного пред-

²⁸ «Древний Хорезм», стр. 184.

²⁹ С. П. Толстов. К истории хорезмийских сиявушидов (новые данные по нумизматике древнего Хорезма). ИОНФ, 1945, № 4, стр. 275 сл.

ка династии — Сиявуша. Появилась тамга. Самый стиль изображений иной: они выдержаны в древневосточной художественной традиции и свидетельствуют о зрелости и самостоятельности мастерства хорезмийских медальеров.

Весьма вероятно, что сходство древнейших хорезмийских монет с монетами именно Эвкратиды (бактрийские массагеты в своих варварских имитациях подражают преимущественно монетам Евтидема) отражает и какие-то династические связи, как это постоянно бывает в античной чеканке. Может быть «война с согдийцами», упоминаемая Трогом, закончилась установлением мира между Кангюем и Эвкратидом, закрепленного, по тогдашнему обычаю, браком между членами договаривающихся домов, вероятнее всего — выдачей дочери Эвкратиды за хорезмийского царя или его сына, что, особенно при учете матриархальных традиций массагетов, давало последующим правителям Хорезма юридическое право считать себя легитимными эвкратидидами. Мы вряд ли ошибемся, если предположим, что монета из Топрак-кала принадлежит тому остающемуся неизвестным по имени могущественному царю Кангюю, о котором китайский посол Го-шун пишет в своем отчете: «Кангюй горд, дерзок и никак не соглашается делать поклонение перед нашими посланниками; чиновников, посылаемых к нему от наместника, сажает ниже усуньских послов».

Нумизматический материал позволяет нам выяснить некоторые существенные детали тех политических событий, которые разворачиваются в I веке н. э. и приводят к решительному изменению в международном положении Хорезма — превращению его из центра могущественного независимого царства в одно из вассальных государств в системе грандиозной Среднеазиатско-Индийской империи кушанов.

В различных районах Средней Азии, вплоть до Ташкента на севере, в Афганистане и в северной Индии найдено немало монет, вошедших в нумизматическую литературу под именем «монет Герая» (или «монет Мная»).³⁰ Это тетрадрахмы, на одной стороне которых изображен бюст царя с характерными резкими чертами лица и искусственно деформированным черепом (обычай, широко распространенный в степях в сарматскую эпоху). Головной убор — простая повязка-диадема, перехватывающая длинные волосы.

На обороте монеты — всадник, трактованный чрезвычайно близко к нашим монетам «неизвестного кангюйца». Однако фигурка Ники, у нас венчающая изображение царя на лицевой стороне монеты, здесь венчает всадника на реверсе.

³⁰ См. А. Н. Зограф. Монеты «Герая», Ташкент, 1937.

Вокруг всадника греческая надпись: сверху ΤΥΡΑΝΝΟΥΝΤΟΣ ΗΡΑΟΥ (часть исследователей предпочитает читать ΜΙΑΟΥ), между ногами коня — ΣΑΝΑΒ, под ногами ΚΟΡΡΑΝΟΥ (или ΚΟΡΣΑΝΟΥ).

В целом легенда (надпись монеты) может быть прочтена: «[Монета] правящего Герая [Мияя], Санаба,³¹ Кушана».³²

Монеты Герая, датируемые концом I в. до н. э., т. е. почти одновременные с монетой из Топрак-кала, являются самыми ранними монетами, где мы встречаем имя кушанов. Наша монета и монеты Герая бесспорно тесно связаны друг с другом и вместе с тем, как отмечено в отношении Герая всеми исследователями, восходят к монетам Эвкратида. А так как монеты из Топрак-кала значительно ближе к общему прототипу, есть все основания полагать, что чеканка Герая является имитацией не непосредственно чеканки Эвкратида, а хорезмско-кангюйской чеканки I в. до н. э. Скромный титул — вместо «великого царя» — «правлящий Герай» (видимо, какой-то местный титул) в свою очередь объясняет взаимное отношение чеканок: Герай чеканит монеты как вассал кангюйского царя. Вероятнее всего, что древним центром кушанского дома была Кушания на Зеравшане. Здесь в период событий 140 г. осталась какая-то часть завоевавших Бактрию тохаров (или асианов), в I в. до н. э., в связи с восстановлением поколебленного было суверенитета Кангхи-Хорезма над Согдом, признавшим верховную власть кангюйского царя, закрепив, вероятно, эту связь перекрестными браками между династиями.

Рис. 35. Монета безымянного царя

Однако кушаны одновременно входят, по китайским источникам, в конфедерацию пяти массагетских ябгу (массагетский титул вождя, впоследствии царя, в китайском начертании хи-хэу — древнее произношение яп-хэу, в индийских надписях на кушанских монетах — явуга) и принимают активное участие в политической жизни Бактрии, где в начале I в. н. э.

³¹ Видимо, окончание имени опущено.

³² *p* в кушанской графике употреблялось для написания как собственно *p*, так и особого звука, сливающего *p* и *m*, впоследствии превратившегося в *m*. Ср. судьбу *r* для *rus*, впоследствии *es* в польском.

развивается новый процесс политической консолидации. Кушанские ягбу становятся во главе этого процесса.

По мнению большинства исследователей, приход к власти первого из «великих кушанов», Кузулы Кадфиза, падает на 15 г. н. э. (по Смитю — 45 г. н. э.). Тарн считает Кадфиза сыном Герая — это весьма правдоподобно. Если прав М. Е. Массон, в своем докладе на этнографической конференции 1943 г. в Ташкенте выдвинувший гипотезу, что Кадфизу принадлежат монеты так называемого «сотера мегаса» («великого спасителя»), то можно наметить важные вехи последовательности событий.

Кузула Кадфиз, объединив под своей властью область бактрийских массагетов-тохаров и порвав вассальные связи с Хорезмом, принимает титул «царя царей, великого спасителя». Он вдвойне «великий спаситель» — спасая свои собственные владения от зависимости и «спасая» массагетские племена, в результате политического распада утратившие свою былую военную мощь.

На монетах своих он, однако, сохраняет еще традиции чеканки Герая, герм. хорезмской чеканки, — образ всадника, начиная, вместе с тем, в части своих особенно золотых монет имитировать римскую золотую чеканку Августа, произведения которой в изобилии проникают в это время в Индию.

Объединив Согд и Бактрию, Кадфиз I наносит поражения парфянским и сакским правителям к югу от Гиндукуша, подчиняет Кашмир и бассейн Кабул-дарьи, раздвигая границы своего царства от Согда на севере до верхнего Инда на юге и от Памира на востоке до границ Парфии на западе.

Его сын и преемник — Вима Кадфиз (Кадфиз II), правивший по мнению большинства авторов, в 45—78 гг. н. э., продолжает расширение пределов своей державы, раздвигая наступление на индо-парфянские и индо-греческие государства бассейна Инда. Индо-парфянские князья сохраняют до конца I в. лишь остатки своих владений на нижнем Инде. На юге территория Кушанского царства достигает Бенареса.

Монеты Кадфиза II резко рвут с традицией предшествующей кушанской чеканки. На реверсе появляются индийские божества (Шива с его атрибутом — быком Нанди). Царь трактуется совершенно иначе, чем на монетах Кузулы Кадфиза, — место античного бюста занимает сидящая или стоящая в полный рост фигура царя, бородатого, в варварском одеянии — высоком скифском клобуке и длинном кафтани. Эти образы прочно устанавливаются и для последующих кушанских царей, все более становящихся индийскими монархами. Столицей их становится Пешавар.

Время и обстоятельства вхождения Кангюя-Хорезма в Кушанское царство остаются неясными. В источниках нет указаний на завоевание кушанами северной части Средней Азии. В то же время монеты Вимы Кадфиза и его преемников — Канишки, Хувишки и Васудевы вытесняют в I—II вв. н. э. из обращения в Хорезме местную монету — явный документ вхождения Хорезма в систему Кушанского царства.

Характерно, что китайская история «младшего дома Хань» (I—III вв. н. э.) не выделяет Кангюй в самостоятельную главу при описании царств «Западного края» и в то же время сообщает, как мы видели, о политической активности Кангюя на севере, в северо-восточном Причерноморье и южном Приуралье. Я думаю, что разгадка здесь в том, что Кангюй, сохранив свое основное ядро в Хорезме и северную часть владений и продолжая активную политику на севере, в то же время формально вошел в систему Кушанской империи как член древней массагетской конфедерации, гегемония в которой перешла к другому центру.

Таким образом, с середины I века н. э. и, видимо, до конца II в. мы можем говорить о кушанском периоде истории Хорезма. В III в. судя по тем же монетам, Хорезм восстанавливает свой политический суверенитет.

При преемнике Кадфиза II — Канишке (78—123 гг. по наиболее распространенной хронологии) Кушанская империя достигает зенита своего могущества и занимает место одной из четырех великих держав эпохи наряду с Римом, Парфией и Китаем. Канишка расширяет и укрепляет свою власть в северной Индии, ведет успешную войну с Парфией, активно вмешивается в дела восточного Туркестана.

Первая попытка Канишки распространить свою гегемонию на северо-восток была неудачной. Когда он в 90 г. обратился к китайскому двору, добываясь руки китайской царевны, китайский наместник «Западного края» арестовал кушанское посольство. Ответом на это было появление в восточном Туркестане 70-тысячной кушанской армии. Однако знаменитый китайский полководец Баньчао наголову разбил кушанов, вторгся в их среднеазиатские владения — Фергану и Кангюй и заставил Канишку признать (конечно, номинально) верховную власть китайского императора. «С тех пор, — пишет китайский хронист, — юечжи каждый год присылали дань и дары». Однако на деле обстоятельства складывались совершенно иначе. После блестящих побед Баньчао власть Китая в восточном Туркестане приходит в полный упадок. Смерть в 102 г., в возрасте 71 года, Баньчао лишила китайское правительство активнейшего защитника его интересов на западе. Внутреннее политическое

ослабление Китая и энергичная деятельность эмиссаров Канишки при дворах царьков восточнотуркестанских городских царств являются предпосылками для инспирированных кушанами восстаний восточнотуркестанских царств против Китая.

В 105 г. все эти царства провозглашают свою независимость от Китая.

В 107 г., когда восставшие осадили резиденцию китайского наместника, правительство сочло за благо вовсе упразднить эту должность.

В 123 г. только в Дуньхуане сохранялся ничтожный китайский горнизон в составе трехсот человек. К концу правления Канишки Кашгар, Яркенд и Хотан входят в состав его государства, простирающегося, таким образом, от нижнего Инда до Хотана и от Аральского моря до Бенареса.

Правление Канишки характеризуется не только завоеваниями. Он развивает энергичную строительную деятельность, основывая в северной Индии ряд городов, один из которых, Каниспор, до сих пор носит его имя. Многочисленные торжественные надписи в разных частях страны должны были закрепить политическое влияние кушанского правительства. Расширяются экономические и политические связи страны. В 99 г. кушанское посольство посещает Рим. Римские монеты в изобилии находятся на кушанской территории. Кушанские монеты проникают в далекое Прикамье — здесь, как и ранее и позднее, несомненным посредствующим звеном торговых связей служит Хорезм.

Большой интерес представляет религиозная политика Канишки. Буддийская традиция ставит его в один ряд с Ашокой — крупнейшим представителем древнеиндийской династии Маурья, сыгравшим выдающуюся роль в распространении буддизма в Индии. Канишке приписывается инициатива созыва буддийского церковного собора (по наиболее принятой хронологии около 100 г. н. э.), сыгравшего крупную роль в оформлении догматики северного буддизма.

Чрезвычайно показательны в этом отношении монеты Канишки. На их оборотной стороне мы находим изображение разнообразных божеств, сопоставление которых позволяет судить о религиозном синкретизме господствующих слоев Кушанского царства. В числе кушанских божеств мы находим Будду, индийского Шиву, греческих Гелиоса и Селену (божества солнца и луны), зороастрийских Митру (солнце), Мао (луна), Артоаспу (водное божество), семитскую богиню плодородия Нанайю. Синкретизм этот, отражающий процесс слияния местных индийских, греческих и принесенных кушанами со своей родины среднеазиатско-зороастрийских культов и как бы завершающий идеологическую историю предшествующего

периода, может рассматриваться как исходный пункт развития позднейшего, крайне синкретического, северного буддизма, так называемого «учения Большой колесницы (Магаяна)», получившего распространение в Тибете, Монголии и Китае.

Кушанское господство в восточном Туркестане определило доминирующую роль буддизма в этой стране в течение ряда столетий. Буддизм получил при кушанах и впоследствии, вплоть до арабского завоевания, широкое распространение в Средней Азии. Наконец, из Кушанской империи буддизм распространяется в самом Китае. Из китайских хроник мы узнаем, что в 147 г. н. э. из страны «больших юечжи» было доставлено в Китай одно из важнейших буддийских сочинений — Амиитаба Сутра и что при дворе императора Хуан-ди (147—167 гг.) буддизм, в результате деятельности кушанских миссионеров, впервые получил широкое распространение.

Характерно, что именно I—II вв. н. э. являются во всех четырех великих державах античного мира временем распространения «имперских религий» (христианства, т. е. реформированного, синкретического юдаизма, — в Римской империи, реформированного зороастризма в Парфии, реформированного синкретического буддизма в Кушанской империи и в Китае) — религий пытающихся противопоставить древней религиозной идеологии локальных городских царств новый культ универсальных божеств — религиозную идеологию, противостоящую локальным племенным и кастовым культам, ассимилирующую их, включая в единую синкретическую систему, освящающую религиозным авторитетом имперское объединение. С этой точки зрения, религиозные реформы Канишки должны рассматриваться как акт большого прогрессивного значения.

Кушанская эпоха в истории Среднего и Дальнего Востока является эпохой высокого подъема художественной культуры народов, входивших в состав Кушанского царства и находившихся под его влиянием. От этой эпохи до нас дошли многочисленные памятники архитектуры и скульптуры, известные на территории северной Индии, в долине р. Кабула и в Бактрии, как на афганском, так и на нашем берегу верхней Амударьи. Это искусство получило в специальной литературе название гандхарского, по имени области, где найдена большая часть его памятников и где они раньше всего подверглись изучению.

Это искусство, для которого наряду с круглой скульптурой и первоклассными изделиями прикладного искусства типично широкое применение изображений для украшения архитектурных деталей, фриз и плоскостей стен, может быть охарактеризовано как среднеазиатско-индийский вариант позднеэллинистического искусства, как результат синтеза классических

греческих и местных форм. Античный реализм изображений, широкое использование пышных коринфских капителей, листьев аканфа как одного из основных элементов скульптурного орнамента, сочетаются с восточной техникой и по преимуществу буддийской тематикой изображений. Гандхарское кушанское искусство оказало огромное влияние на художественную культуру народов Дальнего Востока — Китая, Японии, Индо-Китая, Индонезии, где традиции гандхарской школы проходят через все средневековье и доживают до нашего времени. Из памятников гандхарского стиля, найденных на советской части территории древней Бактрии, особенно должен быть отмечен великолепный скульптурный карниз первых веков нашей эры с изображением в высоком рельефе фигур музыкантов, разделенных традиционными листьями аканфа, найденный в Айртаме близ Термеза и исследованный М. Е. Массоном.

5

Хорезм кушанского периода представлен рядом памятников, из которых наиболее характерным является обширный комплекс развалин сельского поселения Аяз-кала,³³ хорошо датированный находкой в культурном слое раскопанного дома одной из земледельческих усадеб двух монет Канишки концом I и началом II в. н. э. На окружающих такырах много кушанских монет II в.; некоторые из них имеют хорезмийскую надчеканку — верхнюю часть тамги сиявушидов, в виде латинского S.

Кушанское поселение резко отличается от поселений кангюйской эпохи. Как мы помним, для сельского поселения последней характерен огромный, многокомнатный, сильно укрепленный общинный дом-массив, типа Кюнерли-кала на Чермен-ябе, и многочисленные мелкие городки, типа Джанбаскала, представляющей, в сущности, объединение двух таких же домов-массивов. Характерно, что для кангюйской эпохи мы не видим резкого обособления домов аристократии от домов рядовых свободных общинников. Дифференциация в пределах свободной общины, конечно, уже была, но в материальных памятниках она трудно уловима — слишком сильны еще традиции первобытной демократии. Средоточием города является еще не дворец царя или князя, мало выделяющийся среди грандиозных жилищ общин свободных граждан рабовладельческого государства, а общинный «дом огня».

Этот общественный уклад в какой-то мере, с оглядкой на его восточную специфику, напоминает нам рабовладельческую

³³ См. «Древний Хорезм», стр. 102—111.

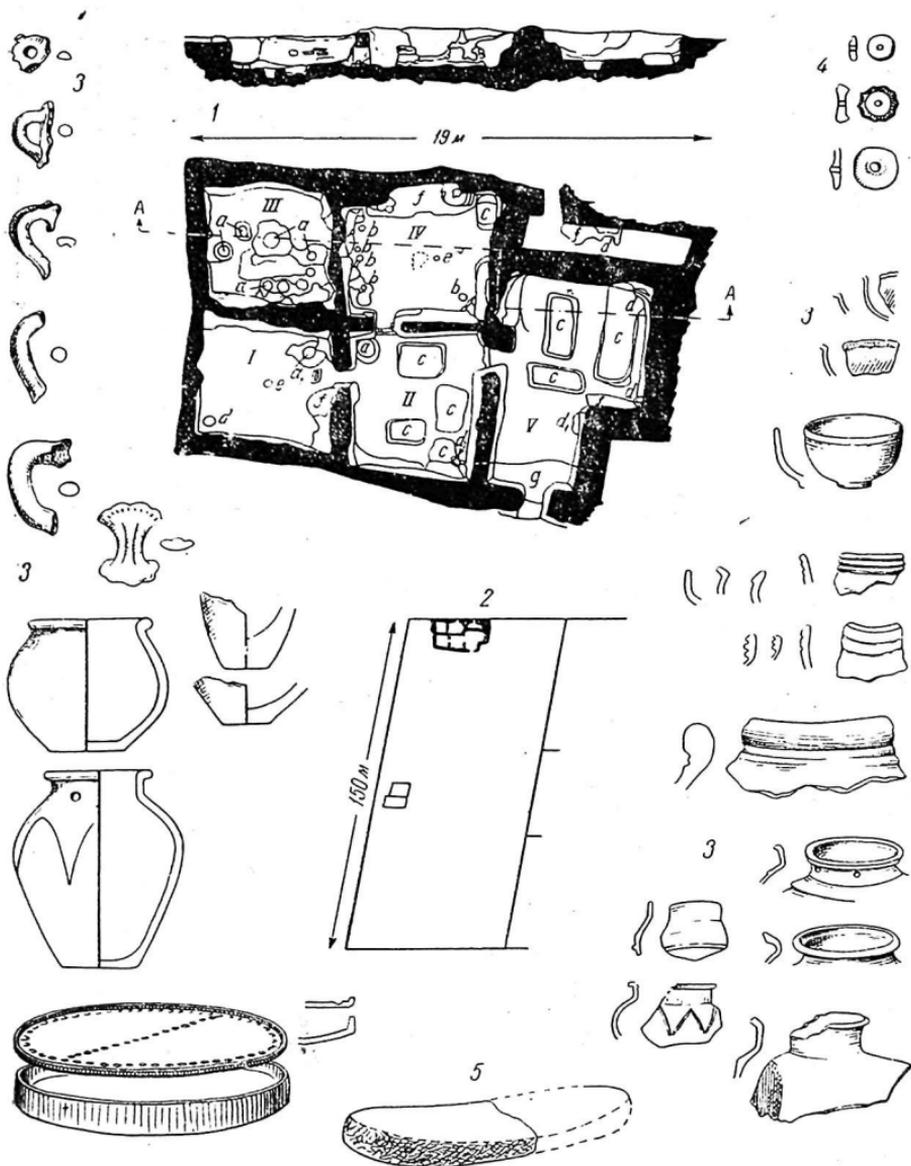

Рис. 36а. Памятники кушанской культуры Хорезма
Раскопки дома № 1 близ Аяз-кала

1 — план и разрез раскопок; 2 — план усадьбы в целом; 3 — керамика; 4 — керамические прясли; 5 — каменная зернотерка

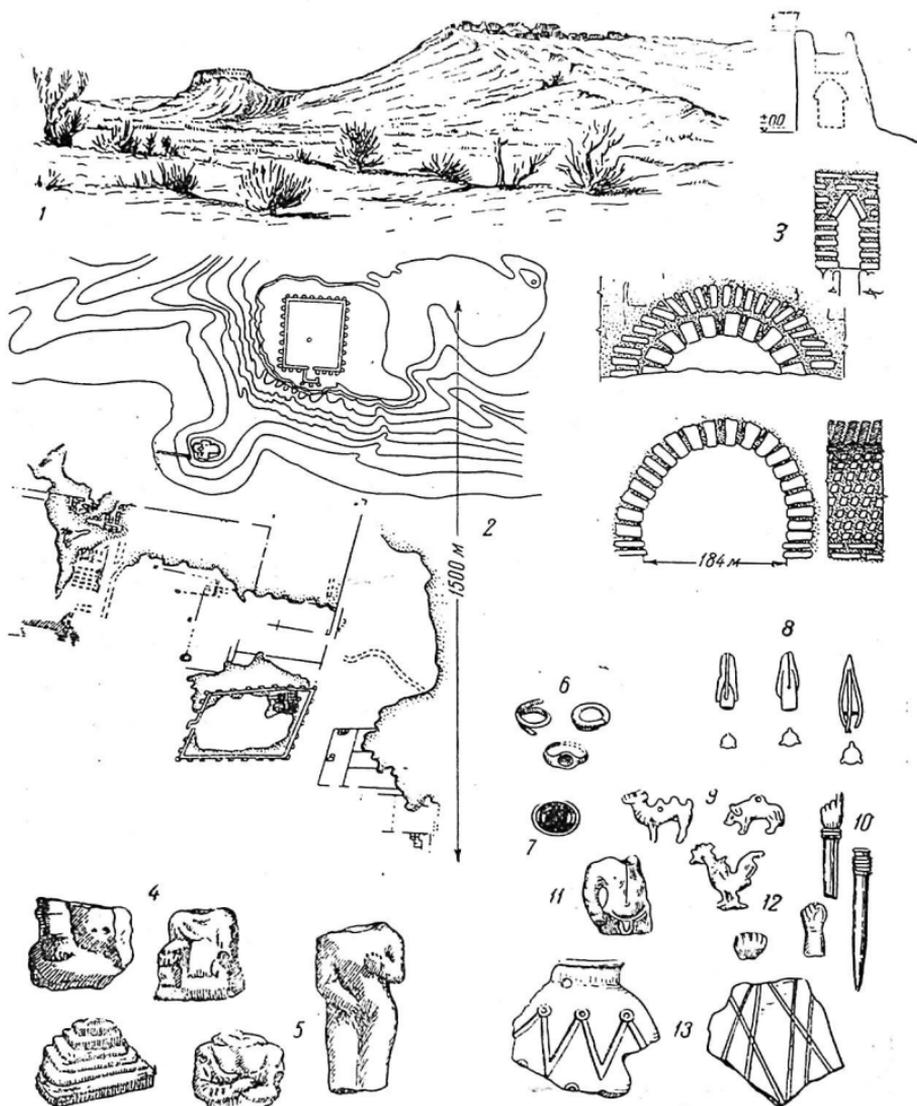

Рис. 366. Памятники кушанской культуры Хорезма Аяз-кала

1 — общий вид комплекса; 2 — план комплекса; 3 — архитектурные детали Аяз-кала № 1; 4—5 — статуэтки кушанского стиля (Джанбас-кала и Кой-Крылган-кала); 6 — бронзовые кольца; 7 — золотая бляшка с индийским альмандином; — бронзовые наконечники стрел; 9 — бронзовые подвески; 10 — костяные «сти для письма»; 11 — пастовая египетская статуэтка бога Бесса (Вазар-кал); 12 — каменные амулеты; 13 — фрагменты керамики

демократию античной Греции и, отчасти, республиканского Рима.

Резко меняется положение дел в таких грандиозных памятниках кушанского Хорезма, как сельское поселение Аяз-кала и крупный город Топрак-кала, описанию которого мы посвятим следующую главу нашей книги.

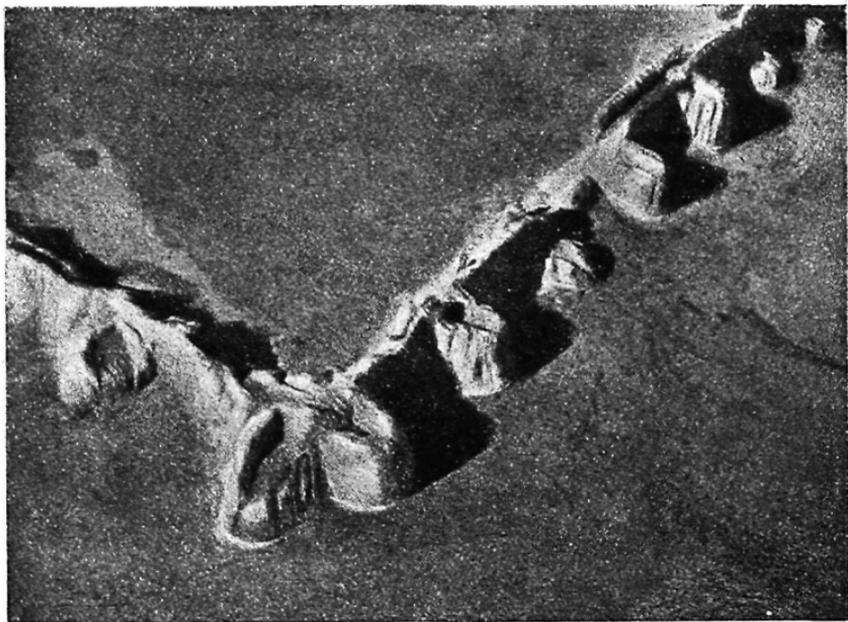

Рис. 37. Аяз-кала № 1 с воздуха (детали укреплений)

Аяз-кала — это совокупность распростертых на широкой равнине у подножия аяз-калинских скал больших и небольших крестьянских усадеб, каждая из которых состоит из огромного, обнесенного невысокой кирпичной стеной двора, лишённого следов застройки и, видимо, некогда занятого садами и огородами.

У одной из стен двора расположено небольшое здание — жилой дом, состоящий из 10—15 комнат, ни в какое сравнение не идущий с грандиозными домами-массивами кангюйской эпохи. Это место обитания уже выделившейся из родовой общины отдельной патриархальной семьи.

Среди множества, примерно, одинаковых усадеб резко выделяются три. Это, прежде всего, гигантская крепость Аяз-3,

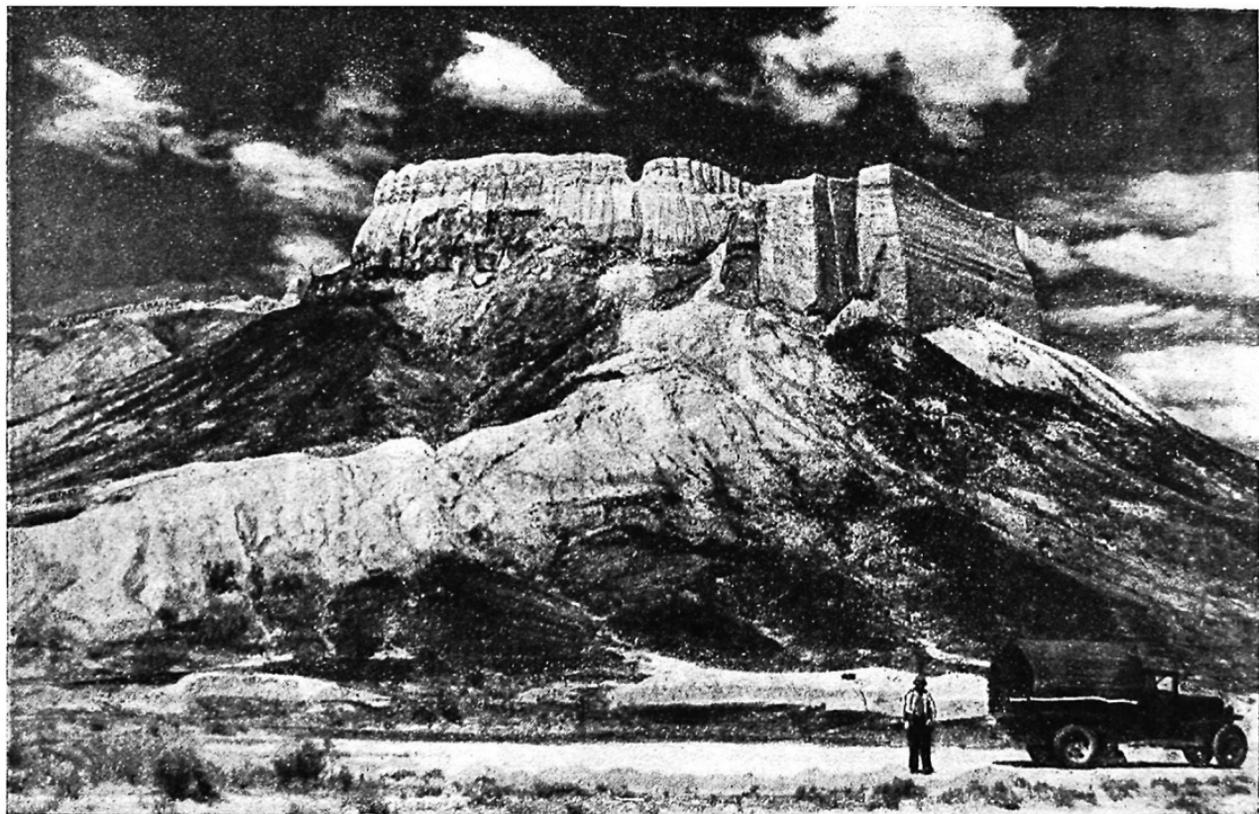

Рис. 38. Аиз-кала № 2

с обширным пустым двором, обнесенным могучей стеной с башнями и предвратным лабиринтом, не уступающей стенам античных городов Хорезма. Близ ее северо-восточного угла расположены развалины дома, крестообразно пересеченного двумя коридорами и состоящего из 40 более или менее одинаковых комнат.

Аналогичная грандиозная усадьба расположена в северо-западном углу поселения. На конусообразной скале, возвышающейся у подножия возвышенности Аяз-кала, высятся эффектные развалины замка Аяз-2, модернизированного в V—VII вв., но воздвигнутого в кушанское время.

И, наконец, выше всего, на примыкающем к поселению обрыве плато Аяз-кала, расположены величественные развалины прекрасно сохранившейся крепости Аяз-1, с многочисленными полукруглыми башнями, с укрепленными башнями предвратным лабиринтом, со сводчатой галлереей в основании стен, с огромным, высеченным в скале колодцем в центре, но без всяких следов застройки внутри стен. В нескольких сотнях метров к северо-востоку от Аяз-1 — развалины античной сторожевой башни. Перед нами не город и не усадьба, а крепость в подлинном смысле слова, занятая, очевидно, небольшим гарнизоном кушанского правительства, наблюдавшим за одним из участков северной границы империи.

Взятый в целом, комплекс Аяз-кала приоткрывает перед нами завесу над оставшейся до сих пор в тени внутренней, социально-экономической историей Кушанской империи. Мы присутствуем при распаде традиционной родовой общины свободных граждан рабовладельческого государства, разделяющейся на отдельные патриархально-рабовладельческие фамилии, из которых резко выделяется немногочисленная, но могущественная землевладельческая аристократия. Суверенитет городской общины уступает место имперскому суверенитету: уже не укрепленные, полунезависимые города, а воздвигнутые центральным правительством и занятые гарнизонами постоянной армии империи крепости охраняют границы оазиса от степных племен и враждебных государств (мы помним, что войска Баньчао глубоко вторглись на территорию Кангюя и, если верить китайским хроникам, дошли до Аральского моря).

Аналогичный процесс характерен и для хорезмского города кушанской эпохи. Центром Топрак-кала является уже не городской храм огня. Этот храм теряется у подножия грандиозного трехбашенного замка-дворца. Правда, в городе старые традиции живее — он попрежнему состоит из огромных домов-массивов свободных граждан общины, но мы знаем, что и в античном Средиземноморье, в Римской империи, носительни-

цей зародышей нового общественного строя выступает деревня, отодвигающая консервативную городскую общину на второй план. Архаический восточно-рабовладельческий строй Хорезма доживает последние века.

Отмеченные выше для Кушанской империи процессы в области идеологической истории, в религии и в искусстве находят широкое отражение в кушанских памятниках Хорезма.

Статуэтки меняют свой характер. Позднеантичные статуэтки I—II вв. н. э. дают нам обильный ассортимент женских фигурок — уже не одетых в торжественные длинные одежды, а обнаженных, с характерным жестом Венеры Медицейской, с индийскими браслетами на запястьях. Часть статуэток одета, но это не длинные платья кангюйской богини, а свободные античные драпировки ганхарских скульптур. Сидячие обнаженные мужские статуэтки также вводят нас в круг буддийских образов. Индобуддийское влияние отражено в появлении миниатюрных изображений индийских санктуариев — «ступ», в чуждых хорезмийской традиции изображениях обезьян.

Греческое влияние пришло в Хорезм, но не непосредственно от греко-македонских завоевателей, как в Согд. Только в начале нашей эры, вместе с индийскими художественными традициями и миром буддийских религиозных образов, проникают в древнюю метрополию Кангюйского царства элементы эллинистического искусства.

Мы знаем, что Кушанская империя была сравнительно недолговечной.

После правления преемников Канишки — Хувишки и Васудевы, правивших в третьей четверти II в., средневосточная античная империя вступает в полосу глубокого упадка. Хронология дальнейших правителей и самый их список остаются совершенно не ясными и вызывают резкие расхождения во мнениях специалистов, имеющих в своем распоряжении лишь плохо датированный нумизматический материал.

В III в. кушанские правители теряют значительную часть индийских владений, сохраняя бесспорную власть только в бассейне Кабул-дарьи. Нумизматический материал Хорезма позволяет утверждать, что уже на рубеже II и III вв. н. э. хорезмские цари возобновляют чеканку своей монеты по древнему кангюйскому образцу, подчеркивая этим восстановление суверенитета «Священной Кангхи», а также преемственность и непрерывность династической традиции древней династии Сявшидов.

Как мы отметили выше, уже во II в. хорезмские цари выбивают свою S-образную тамгу на обеих сторонах кушанских монет. К концу II в. и, может быть, началу III в. относится появ-

ление монет царя Арсамуха I и его жены, чеканившей монеты с именем своего супруга. Это первые монеты с хорезмийской надписью, древнейший памятник хорезмийской письменности.³⁴

Хорезмийский алфавит, впервые ставший известным благодаря работам нашей экспедиции, очень близок к древнесирийскому арамейскому письму, широко распространившемуся по всей территории Ахеменидской империи как обычное письмо ахеменидских канцелярий, обслуживавшихся сирийскими писцами. Персидская клинопись употреблялась лишь для торжественных надписей. От арамейского письма ведут свою родословную разнообразные алфавиты Ирана и Средней Азии — аршакидский пехлеви, сасанидский пехлеви (или парси), авестийский алфавит, алфавит согдийский и его поздние потомки в Центральной Азии и на Дальнем Востоке — уйгурский, монгольский и маньчжурский, своеобразные алфавиты Бухары и Усрушаны (район Ура-Тюбе), отличные от согдийского. Хорезмийский алфавит представляет самостоятельную ветвь, восходящую непосредственно к классическому арамейскому ахеменидской эпохи и, пожалуй, из всех перечисленных алфавитов в наибольшей мере сохраняющую древнеарамейские традиции.

На монетах (тетрадрахмы, 11.75 г) Арсамуха изображен бородатый царь в высоком головном уборе. На реверсе — традиционный «Хорезмийский всадник», позади него — S-образная тамга. В верхней части — следы совершенно искаженной греческой надписи, где с трудом можно усмотреть остатки испорченного слова ΒΑΣΙΛΕΩΣ — «царь».

Внизу — надпись хорезмийскими знаками, читаемая wḡwṡhMLK' — царь Арс[a]мух.

Имя Арсамуха представляет большой интерес. Оно очень близко к Урузмаг — имени одного из старейших героев нартовского эпоса у осетин. Как известно, тот хорезмийский язык, остатки которого сохранились в южном Хорезме до XIII—XIV вв.,³⁵ обнаруживает исключительную близость к осетинскому. Входя вместе с осетинским и согдийским в так называемую «северно-иранскую», вернее — сакско-сарматскую группу индоевропейских языков, сложившуюся на основе скрещенния древних массагетских и скифских (сакских), хорезмийский язык, по заключению Хенинга, гораздо ближе к осетинскому,

³⁴ См. С. П. Толстов, Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит, ВДИ, 1938, № 4.

³⁵ См. А. А. Фрейман. Хорезмийский язык. ЗИВ АН VII, 1939, стр. 306 сл.; С. Л. Болон. Новый источник для изучения хорезмийского языка. Там же, стр. 79 сл.

чем к согдийскому.³⁶ Ономастическое соприкосновение между нартовским эпосом и династийной историей Хорезма представляет в связи с этим большой интерес и требует своего исследования.

Одним из преемников Арсамуха является Вазамар, оставивший изящные серебряные монеты с изображением на лицевой стороне длиннородого царя в своеобразном шлеме в виде орла и правивший, вероятно, в первой половине III в. Орлиный шлем носил и другой правитель, с не прочитанным еще именем. На их монетах появляется уже характерное для всех позднейших хорезмийских сиявушидов до рубежа VIII и IX вв. н. э. начертание сиявушидской тамги в форме S. Видимо, подставка ✠ как-то ассоциировалась с представлением о политическом суверенитете; она характерна и для тамги кушанов. По всей вероятности, Вазамар окончательно порывает с формальной уже в это время зависимостью от кабульских наследников кушанов.

Середина III в. — время больших политических перемен на всем Среднем Востоке. Рушится не только Кушанская империя; одновременно падает власть и парфянских аршакидов. В Иране к власти приходит новая персидская династия потомков князей-жрецов Стахра в Фарсе — сасаниды. В 224—226 гг. сасанид Ардашир, сын Папака, после разгрома и гибели последнего аршакида — Артабана V, становится хозяином всех владений Парфии.

Персидская историческая традиция (апокрифическое «Письмо Тансара», Табари) приписывает Ардаширу широкую экспансионистскую политику на Востоке. По Табари, «Ардашир предпринимает поход против Балха и Хорезма, до крайних пределов Хорасана». «К нему пришли послы от царя кушанского, царя туранского (?) и мекранского с выражением покорности».³⁷

«Письмо Тансара» прямо включает Хорезм в состав владений сасанидов.

Надпись сасанида Нарсе (293—302) в Пайкули рассказывает о том, что ему выразили покорность «царь кушанов, и римский цезарь (!), и царь Хорезма»,³⁸ — контекст, сам по себе достаточно ясный, чтобы видеть здесь по меньшей мере гиперболу, и скорее свидетельствующий о том, что Хорезм рассматривается автором надписи, как одна из великих держав эпохи.

³⁶ ZDMG, 1936, B. 90, 3/4, стр. 28.

³⁷ Nöldcke. Tabari, стр. 17—18.

³⁸ E. Herzfeld. Paikuli, стр. 117—119.

Видимо, какой-то частью кушанских владений первым сасанидам все же удалось овладеть; не исключено, что их власть простиралась до Балха, — ранние сасанидские монеты широко распространяются в Согде, достигая Ташкента. Поздние кушан-шахи Кабула и бухар-худаты на своих монетах изображают сасанидские символы.

Но Хорезм, бесспорно, был не в большей мере зависим от сасанидов, чем владения «римского цезаря».

Из многих сотен найденных нами в Хорезме монет нам попала только одна медная сасанидская. Монеты хорезмийских царей до VIII в. удерживают свою древнюю символику. Жертвенник огня, основной символ сасанидских монет, проникший в чеканку различных областей Согда, Афганистана, Индии, не сумел вытеснить «хорезмийского всадника». До VIII в. хорезмийские монеты доносят свой архаический греко-бактрийский тип и сиявушидские символы. Политические потрясения III в., разрушившие две средневосточные античные империи (на это же столетие падает крушение античного Китая), не привели к крушению Хорезмийского государства. Наоборот, как мы увидим ниже, есть все основания полагать, что в III в., используя ослабление своих соперников, оно претендует на роль мировой державы. Но и здесь мы присутствуем при крупных социально-экономических и политических переменных, к которым мы вернемся в главе VIII нашей книги.

Глава VII

СОКРОВИЩА ТРЕХБАШЕННОГО ЗАМКА

1

В ясный октябрьский вечер 1938 г., когда наша маленькая разведочная группа поднялась на стены кушанской крепости Аяз-кала № 1, с шестидесятиметровой высоты перед нами открылась широкая панорама пройденного и предстоящего пути. И наряду со знакомыми силуэтами развалин на юге и на востоке, далеко на западе, за гладкой равниной бесплодных такыров, песков и солончаков, на горизонте возник контур огромных развалин, увенчанных на северном крае могучими очертаниями трехбашенной цитадели. «Что это за крепость?» — спросил я нашего проводника. — «Это Топрак-кала. Там нет ничего интересного», был лаконичный ответ. На следующий день наш караван подходил к «неинтересной крепости».

После зеркальной, лишенной всякой растительности поверхности аяз-калиных такыров, на полдороге к Топрак-кала, мы вступили в мрачную и безжизненную равнину топрак-калиных пухлых солончаков. Черно-серая неровная поверхность солончаковой корки скрывала рыхлый слой разведенной солью почвы, в которой ноги верблюдов проваливались по щиколотку, оставляя крупные, неровные пятна следов. Мертвую картину черной солончаковой пустыни делали еще более мрачной конические всхолмления бугристых песков, покрытые солончаковой коркой и увенчанные пучками высушенных кустарников.

Солнце садилось, когда мы подошли к северной стене крепости, повернутой к близким здесь Султан-Уиздагским горам, поднимавшимся выше и выше, рядами параллельных, то серых, то черно-зеленых обрывов и хребтов, увенчанных зазубренны-

ми скалистыми вершинами. Наскоро выбрав место для ночлега и предоставив проводникам развьючивать верблюдов и готовить ужин, мы отправились на развалины. Вблизи вздымающаяся на двадцатиметровую высоту серая громада трехбашенного замка производила подавляющее впечатление. Мы вскарабкались вверх по осыпи. Справа от нас, в южном срезе северо-восточной башни, зиял ряд раскрытых сводчатых помещений, могучие, полуразрушенные арки, угрожающе нависающие над головой громадные античные кирпичи разрушенных торцовых стен сводчатых комнат.

В северо-восточном углу центральной площадки замка мы увидели ведущий вниз провал сводчатого помещения. Рядом с ним, на откосе осыпи северо-западной башни, рисовались контуры замков других, разрушенных, засыпанных песком и замкнутых глиной сводов.

Весь огромный массив замка состоял из бесчисленных сводчатых помещений, расположенных в различных ярусах, частью разрушенных, частью целиком скрывающихся в глубине массива. С южной башни, грозно нависающей вертикальным срывом рухнувшей южной стены, открывалась панорама города: прямоугольник грандиозных, поднимающихся на высоту 10—15 метров стен, превращенных временем в вал, со следами многочисленных башен. Как стены, так и пространство внутри них было покрыто той же безжизненной черноватосерой коркой пухлого солончака.

Как и на окружающей городище местности, местами на внутреннем пространстве крепости торчали странные конические бугры, увенчанные султанами корявых сухих сучьев. И вдруг в косых лучах заходящего солнца, на серой поверхности городища четко выступил рисунок древней планировки: от ворот в южной стене протянулась узкая темная полоса главной улицы; в стороны от нее разошлись симметричные переулки, очертившие четким контуром огромные дома-квартилы, распадающиеся на бесчисленные прямоугольники комнат. Перед нами в причудливой игре вечернего света предстал нарисованный на поверхности солончака план античного хорезмийского города.

Мы спустились вниз. Ноги проваливались через хрустящую корку соли в рыхлую массу разрушенного солончаком культурного слоя городища. Повсюду сквозь корку торчали куски покрытой беловатым налетом, расслоенной солью керамики. А вот зеленое пятнышко медной монеты. За ним другое, третье. Мы разбрелись по городищу, гонимые охотничьим инстинктом. Удача шла в наши руки. Если Джанбас-кала — целый музей терракотовых статуэток, то Топрак-кала — гигантский нуми-

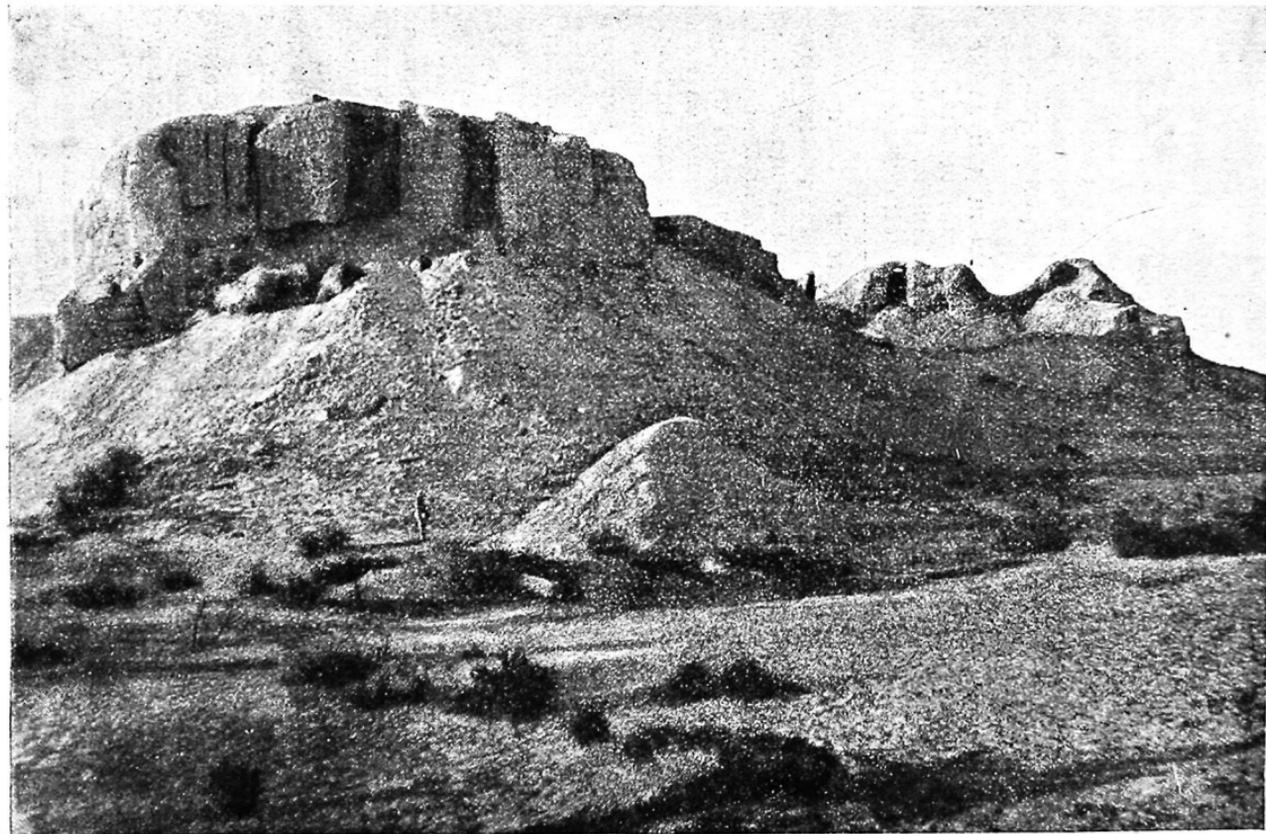

Рис. 39. Вид на дворец Топрак-кала с юга

зматический кабинет! За первый вечер и за следующее утро мы собрали на городище десятки монет. Здесь было много кушанских, но еще больше ранних хорезмийских III—V вв. н. э. — плотные медные кружки, с тамгами на одной стороне и с изображениями то Арсамуха, то Вазамара, то других еще не знакомых нам правителей древнего Хорезма.

У ворот южной стены мы обнаружили целые груды обломков глиняных оссуариев — погребальных ящичков на ножках,

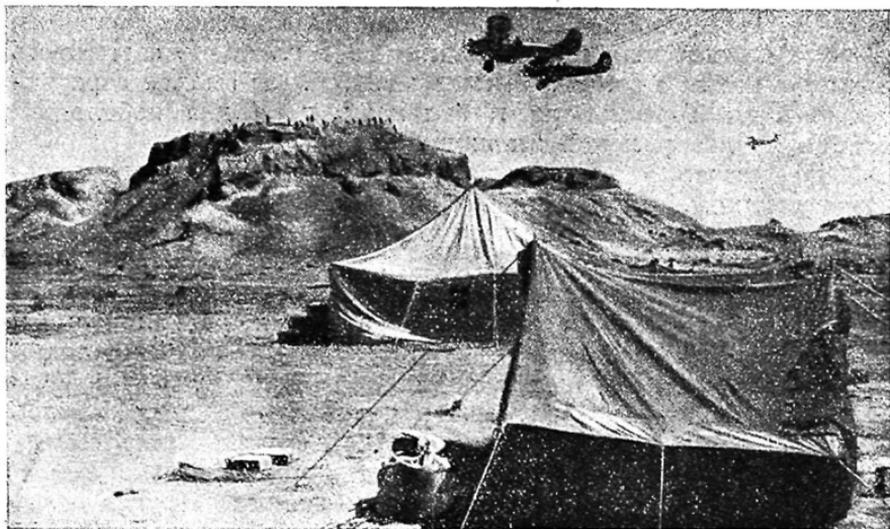

Рис. 40. Работа самолетов над дворцом Топрак-кала (вид с запада)

куда складывались кости умерших, после того как ветры и птицы очистят кости от мяса. В одном из них — полуразрушенный череп; на поверхности — часть другого человеческого черепа, белая, разъеденная солью бедренная кость человека. Да это целый некрополь! Совсем смеркалось. Кладбищенские находки еще более усиливали мрачность обстановки. Мы вышли через южные ворота и вдоль рва восточной стены двинулись в лагерь. Стена рисовалась величественным черным контуром, зубренным временем, на затухающем закатном небе. На башнях, как тени часовых, перекликались сычи. Впереди, в сгущившемся мраке безлунной ночи, ярким пламенем горел наш лагерный костер.

Можно было быть довольными разведкой! Уже первого ознакомления было достаточно, чтобы убедиться, что перед

нами первоклассный памятник античной культуры Хорезма, сулящий исследователям поистине неисчерпаемые перспективы.

И это впечатление нас не обмануло.

Мы вернулись на Топрак-кала в 1940 г. Тогда нами был снят детальный план городища, заложен стратиграфический шурф на площади города, давший возможность определить его время периодом между I веком до н. э. и V, может быть началом VI в. н. э. Нумизматическая коллекция пополнилась многими десятками монет, в том числе описанной выше монетой «гордого кангюйца».

Стало ясно, что здесь нужно ставить большие раскопки. Они были намечены на следующий, 1941 г., но не состоялись в связи с началом войны. Только в 1945 г. мы смогли вернуться вновь на Топрак-кала и заложить пока два небольших раскопа на центральной площадке замка.

Надо сказать, что к этим раскопкам мы приступали с некоторым страхом. Сводчатые помещения, — а из них состоял замок, вещь предательская именно в силу своей долговечности.

Мы уже имели случаи убедиться, что прекрасно сохранившиеся античные сводчатые здания использовались в средние века. Такая судьба постигла, в частности, расположенный недалеко от Топрак-кала, укрепленный дом-замок кушанской эпохи Кзыл-кала. Он был модернизирован дважды — в VI—VIII вв. и XII—XIII вв., трижды, таким образом, являясь местом обитания людей. Трудно в таком случае ждать сохранения в сколько-нибудь удовлетворительном виде того, что оставили строители и первые обитатели здания! Другое дело, когда перекрытие плоское, балочное, как было в замке VIII в. Тешик-кала, первом объекте наших раскопок 1938 г. Замок пал в результате осады и штурма. Пожар разрушил балки потолков — они рухнули, своей глиняной массой погасив огонь, и под этой массой сохранилось нетронутым все, что было в комнатах замка в последний день его жизни.

А в Топрак-кала, около упомянутого выше пролома свода в северо-западном углу центральной площадки, мы нашли большие куски двух богато украшенных кувшинов XII—XIII вв.! Не был ли замок Топрак-кала сделан в XII в. вновь обиталищем людей и не уничтожили ли они все, что было оставлено их предшественниками?

Раскопки 1945 г. показали, что наши опасения были напрасны. Правда, замок Топрак-кала в XII в., в дни «великих хорезмшахов», был освоен людьми, но этих людей было мало и освоили они уже разрушенные здания, древний культурный слой которых уже тогда был погребен под мощным слоем песка и глиняных натеков.

В раскопанной нами комнате № 1 в северо-западном углу центральной площадки, на глубине 1 метра под замком свода, мы обнаружили два наклонно врытых в кирпичный завал средневековых пифоса-хума. А на несколько метров глубже их, под глиной и песком, обнаружился нетронутый культурный слой на древнем полу помещения, содержащий большое количество прекрасной тонкостенной кушанской керамики с красной ангобированной поверхностью. Анализ наслоений показал, что уже в древности рухнула южная часть свода, через которую летом хлестал приносимый непрерывно бушующими над замком ветрами песок пустыни, а зимой дожди намывали слой глины — результат размывания разрушенных сырцовых конструкций. Но северная часть свода стояла открытой, как стоят сейчас своды северо-восточной башни, образуя нечто вроде гротов, где большую часть дня царит тень.

Здесь-то, в тени этих своеобразных гротов, разместилось в XII—XIII в. небольшое число людей. Они врыли в завал хумы для хранения воды и продуктов и оставили немало разбитой и целой посуды. Кто были эти люди? Все данные заставляют полагать, что здесь, на высокой двадцатипятиметровой древней башне, с которой открываются далекие горизонты пустыни и ясно видны развалины, расположенные на 15—20 километров на восток, находился наблюдательный пункт пограничного отряда армии «великих хорезмшахов». Самый отряд, повидимому, был размещен гарнизоном в соседней Кзыл-кала, также античном в основе, но перестроенном в средние века замке.

Итак, кушанский культурный слой был нетронут. Уже это обещало нам успех раскопок. Но это было не все. На полу комнаты № 1 мы обнаружили многочисленные фрагменты глиняной штукатурки с многоцветной росписью по белому грунту. А над сохранившимся участком свода этой комнаты мы нашли сохранившийся уголок комнаты второго этажа, где расписная штукатурка сохранилась непосредственно на стене. Перед нами были еще очень незначительные, но многообещающие остатки памятника нового для нас вида художественной культуры античного Хорезма — монументальных стеновых росписей. А это сулило широкие перспективы разнообразных открытий, ибо стенная живопись, являясь интереснейшим памятником искусства, вместе с тем проливает свет на самые разнообразные стороны материальной культуры создавшего ее народа.

Мы знаем, какую роль сыграли для разработки вопросов истории культуры городов восточного Туркестана замечатель-

Рис. 41. Общий вид раскопок восточного двора замка Топрак-кала

ные фрески буддийских пещерных монастырей последних веков I тысячелетия нашей эры.

На территории советской Средней Азии античная стенная живопись была почти не известна. Единственным ее памятником, да и то относительно очень поздним (около V в. н. э.), оставались фрагменты росписи в одной из комнат царского дворца в Варахше, близ Бухары, открытые и опубликованные В. А. Шишкиным в 1938 г. Перед нами возникала увлекательная задача открытия хорезмийской монументальной живописи. И в новом полевом сезоне 1946 г. замок Топрак-кала стал основным объектом наших раскопок, продолженных в еще более широком масштабе в 1947 г.

Топрак-кала — правильный прямоугольник, размером 500 × 350 метров, вытянутый с севера на юг, с мощными, обвалованными стенами из крупного античного кирпича, с многочисленными квадратными башнями. Угловые башни (лучше других сохранилась северо-восточная) — типичного для позднеантичных памятников Хорезма плана, охватывающие угол с обеих сторон. На северо-восточной башне сохранились остатки декоративных пилястров, в промежутках между которыми расположены высокие стреловидные бойницы античного типа.

В основании стены, как показали раскопки у юго-восточного угла, идет узкий сводчатый коридор, местами полностью сохранившийся. Своды — типичной для античных памятников конструкции, из наклонных полуколец трапециевидного сырцового кирпича.

Весь северо-западный угол города занимает огромный замок правителя, состоящий из двора (180 × 180 м) со сложной планировкой и величественного трехбашенного замка, сохранившегося на высоту около 25 метров (северо-западная и южная башни).

К юго-восточному углу замка примыкают остатки обширного комплекса сооружений, центром которого являлось огромное прямоугольное помещение (35 × 50 м), обнесенное двойной сырцовой стеной с обходным коридором внутри, в которой с юга проложен коридор, ведущий по направлению к воротам, открывающимся на главную улицу города. Центральное помещение этого здания характеризуется большим количеством выходящей на поверхность белой золы. Этот признак (белая зола, результат полного сгорания топлива, характерна для остатков святилища огня в Джанбас-кала и для неугасимого очага общинного дома стоянки Джанбас-4), как и общая планировка здания (обходный коридор), очень похожая на планировку раскопанного Р. Гиршманом сасанид-

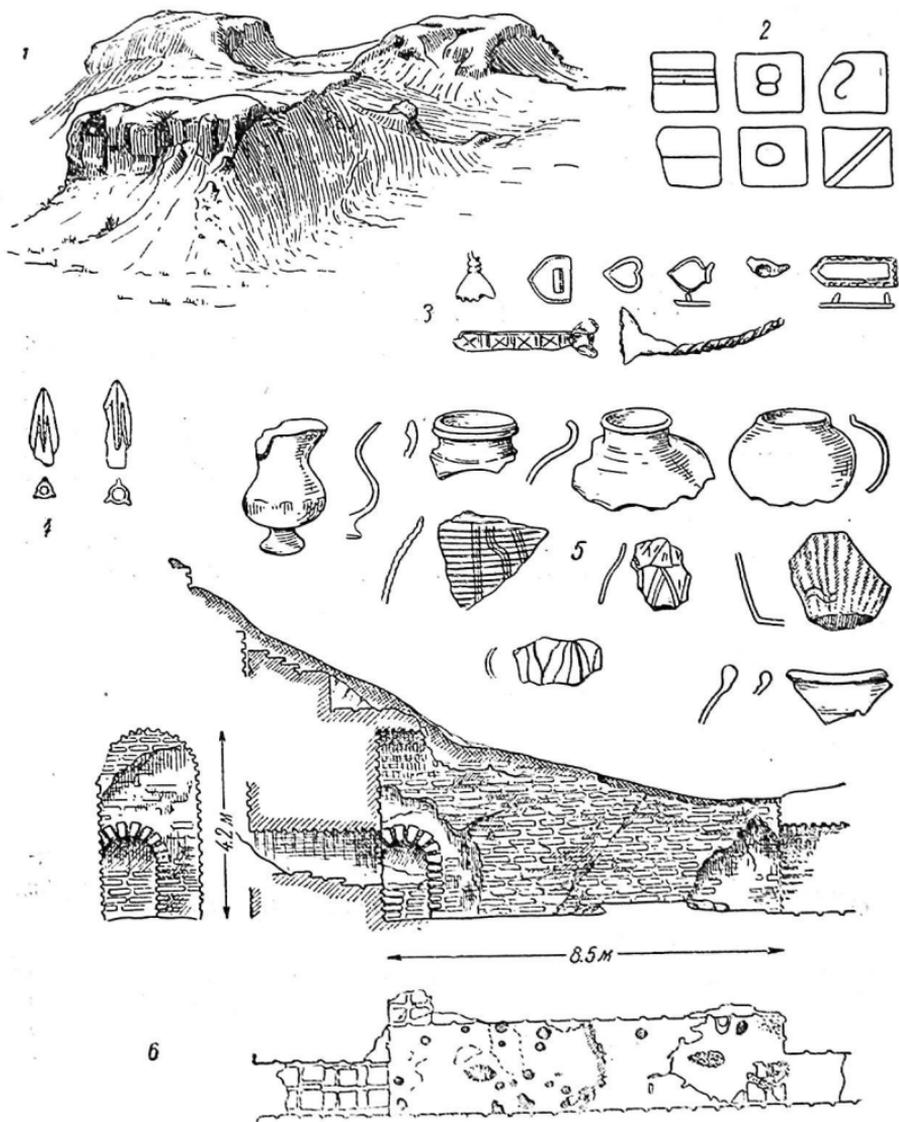

Рис. 42. Памятники Топрак-кала

1 — перспектива дворца до раскопок (вид с юга); 2 — тамги на кирпичях; 3 — бронзовые изделия; 4 — бронзовые наконечники стрел; 5 — керамика; 6 — план и разрез комнаты № 1 дворца

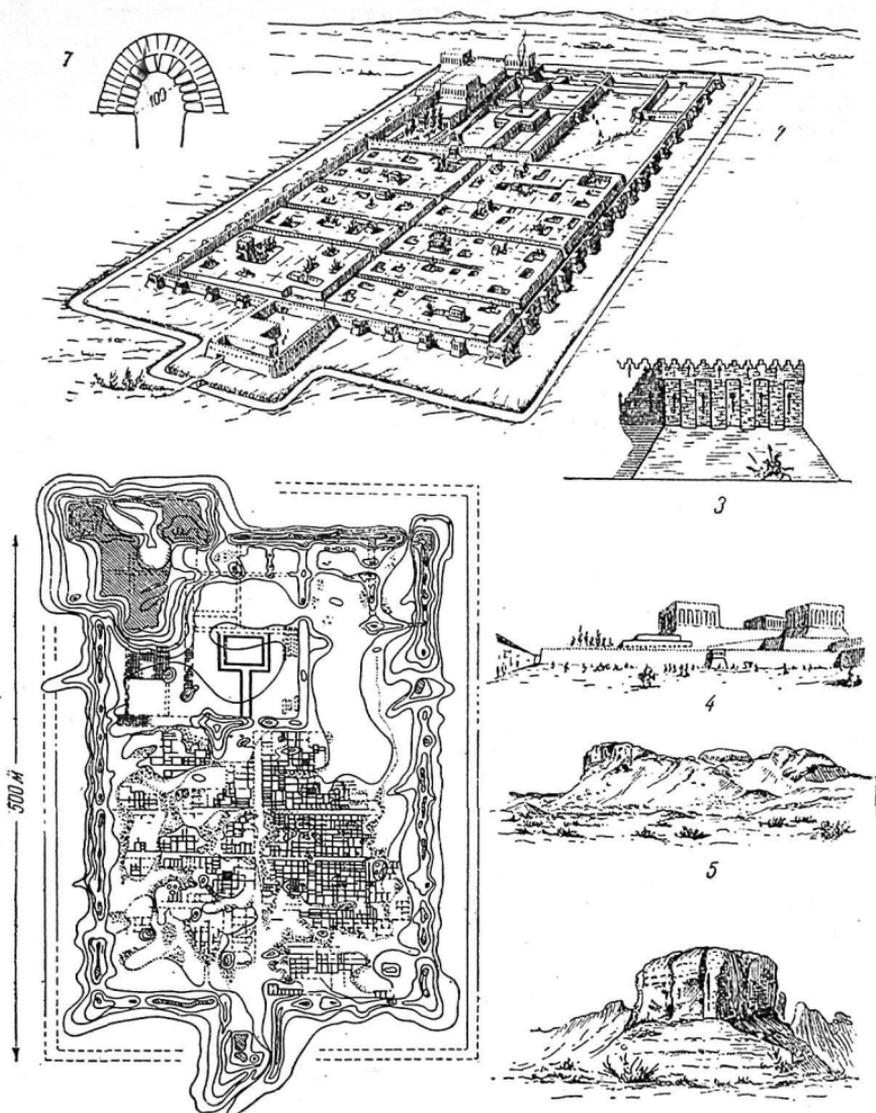

Рис. 43. План и реконструкция Топрак-кала

1 — план; 2 — реконструкция; 3 — реконструкция угловой башни; 4 — реконструкция дворца (предполагаемый вид с базарной площади); 5 — общий вид дворца с востока; 6 — северо-восточная угловая башня; 7 — разрез арки входа в одном из помещений северо-восточной башни дворца

ского храма огня в Шапуре, позволяет предполагать в этом здании городской храм огня.

Снаружи замковый и храмовый комплексы были обнесены мощной стеной с башнями по середине южной и восточной стен и двумя воротами — на юг и на восток. Общая площадь замкового и храмового комплекса — 200×200 метров, не считая выступающих за его пределы северных башен замка вместе с лежащим между ними двором, занимающим 160×50 метров.

К востоку от замка и храма располагалась обширная, лишенная признаков построек площадь 200×130 метров (видимо, базарная), занимавшая северо-восточный угол города.

Южная часть города, 310×280 метров, была застроена жилыми домами граждан и характеризовалась весьма типической планировкой. Точно посередине, от южных главных ворот города, шла с юга на север прямая главная улица шириной около 10 метров, от которой под прямыми углами отходили более или менее симметричные переулки, шириной 5—7 метров, разделявшие всю застроенную площадь города на 9 или 10 грандиозных домов-массивов площадью от 50×150 до 90×150 метров, каждый из которых состоял из десятков квадратных и прямоугольных комнат.

Некоторые из массивов с восточной стороны сливаются по два. Узкий, разделяющий такую пару переулков не доходит до конца, образуя тупик, за которым массивы соединяются поперечной перемычкой (каждый из таких двойных массивов — их всего два — мы в приведенном выше подсчете считаем за один; если их считать отдельно, то число домов должно быть увеличено до одиннадцати). Число прослеживаемых комнат в каждом из таких массивов — от 150 до 200, т. е. каждый массив, примерно, равен одному из двух домов-массивов Джанбас-кала.

Почти каждый массив имеет один или несколько возвышающихся над общим уровнем бугров, представляющих сплошную массу кирпичной кладки, — явные остатки поднимавшихся над домами башен.

Крайний северо-западный массив выходит на главную улицу расположенной близ храмовых ворот прямоугольной площадкой некогда обнесенной портиком с колоннами, каменные базы которых, в виде усеченных ступенчатых пирамид, сохранились до сих пор.

Грандиозный замок-дворец подавляет своим суровым величием. Карликами перед ним кажутся огромные большесемейные жилые комплексы города. Сейчас центральный массив замка, площадью 80×80 метров, поднимается на 16 метров над уровнем земли, а три башни, каждая 40×40 метров, вздымают

свои плоские вершины на 25 метров. Первоначальную высоту того и другого нужно считать по крайней мере на 5 метров больше. Стены замка, как показали раскопки, были отвесны до самой земли, резко отличаясь этим от стен позднейших, ранне-средневековых сооружений, цоколи которых имели вид усеченных пирамид. Этим еще более подчеркивается высотность сооружения.

Архитектурная композиция Топрак-кала в целом характеризуется выдвиганием на первый план вертикального членения объемов — башни домов-кварталов, башни замка-дворца и высотное решение центрального здания, подавляющего человека своей колоссальной массой, тесно ассоциируется с формами архитектуры классического Востока.

Сейчас раскопана уже значительная часть замка. Северная половина центрального массива и все три башни, всего около 100 помещений, расположенных в трех этажах, занимают около 6000 метров из примерно 11 тысяч метров общей площади громадного здания. То, что сделано, позволяет уже составить себе представление о характере памятника, хотя, конечно, дальнейшие раскопки могут принести много новых неожиданных открытий. Помещения центрального массива замка были подняты над землей на мощный двенадцатиметровый цоколь, представляющий систему перекрещивающихся глинобитных стен, пространство между которыми было заполнено кладкой из сырцового кирпича без раствора, свободно положенного в песок, разделяющий отдельные кирпичи. Эта песчано-кирпичная кладка цоколей сооружений — характернейшая черта строительного дела античного Хорезма. Песчаные или песчано-кирпичные цоколи, одетые снаружи глиняным панцирем, имеют уже «городища с жилыми стенами». Таков же цоколь дома огня в Джанбас-кала, большого дома в Аяз-кала-3, огромного поздне-античного дома-замка Джильдык-кала и других памятников.

Впоследствии, с V—VI вв., этот прием исчезает: на смену песчано-кирпичным приходят сплошные глинобитные цоколи. Этот своеобразный способ возведения фундаментов, видимо, восходит еще к первобытным традициям строительства домов на песчаных дюнах, как в Джанбас-4 и Джанбас-7, где мы видим уже глиняный дом на песчаном бугре. Строго говоря, цоколи античных зданий — это искусственно воздвигнутые и закрепленные барханы, обеспечивающие безопасность здания от действия почвенной влаги и несомых ею солей. Эластичная масса песка и глины, закованная в прочный панцирь, оказалась в состоянии противостоять тысячелетиям, и поныне такие грандиозные здания, как Джильдык- и Топрак-кала, гордо поднимают к небу свои «построенные на песке» башни.

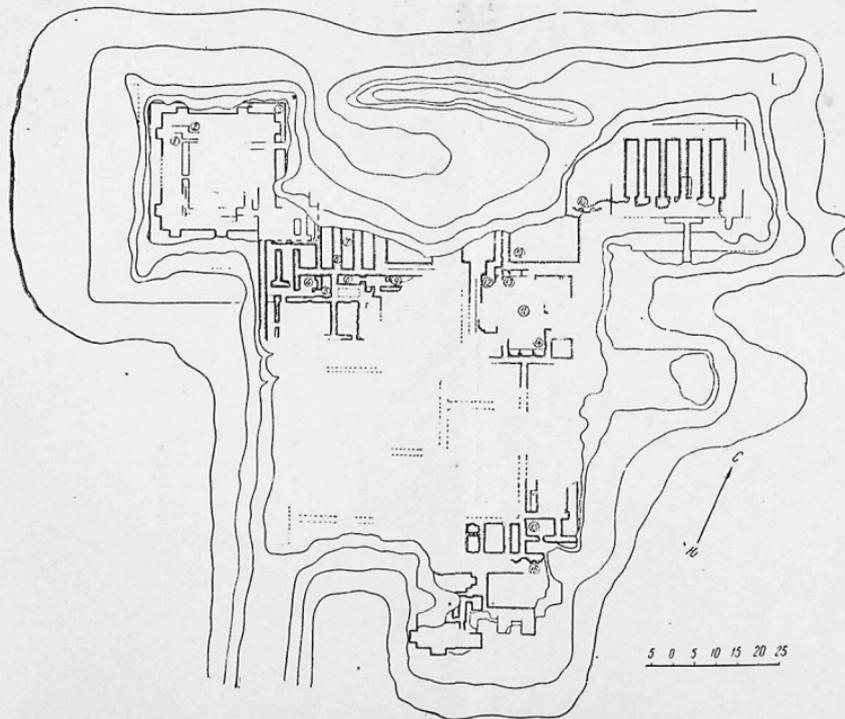
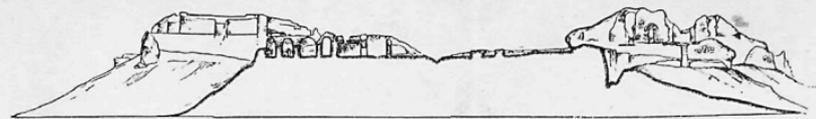

Рис. 44. План и разрез дворца Топрак-кала (раскопки)

1—коридор с панелью «красных рыб»; 2—«красная комната»; 3—«комната тигровых лав»; 4—комната с двухфигурной композицией в входе; 5—«комната соборшвы плодов»; 6—«комната арфистин» (по П. Гитине); 7—место находки «красной головы»; 8—«комната тигра и фавана»; 9—стена с двухфигурной композицией; 10—место находки группы статуи; «исп.»

«пина в белом» и торс Анахиты; 11—«зал хорезмийских царей»; 12—ноги «статуи «стража»; 13—статуи «ирсеца»; 14—«пина «царя Визамада»; 15—комната, где найдены фрагменты новра и цветных стрел; 16—замурованные пристройкой башни пилестры наружных стен основного массива цитадели

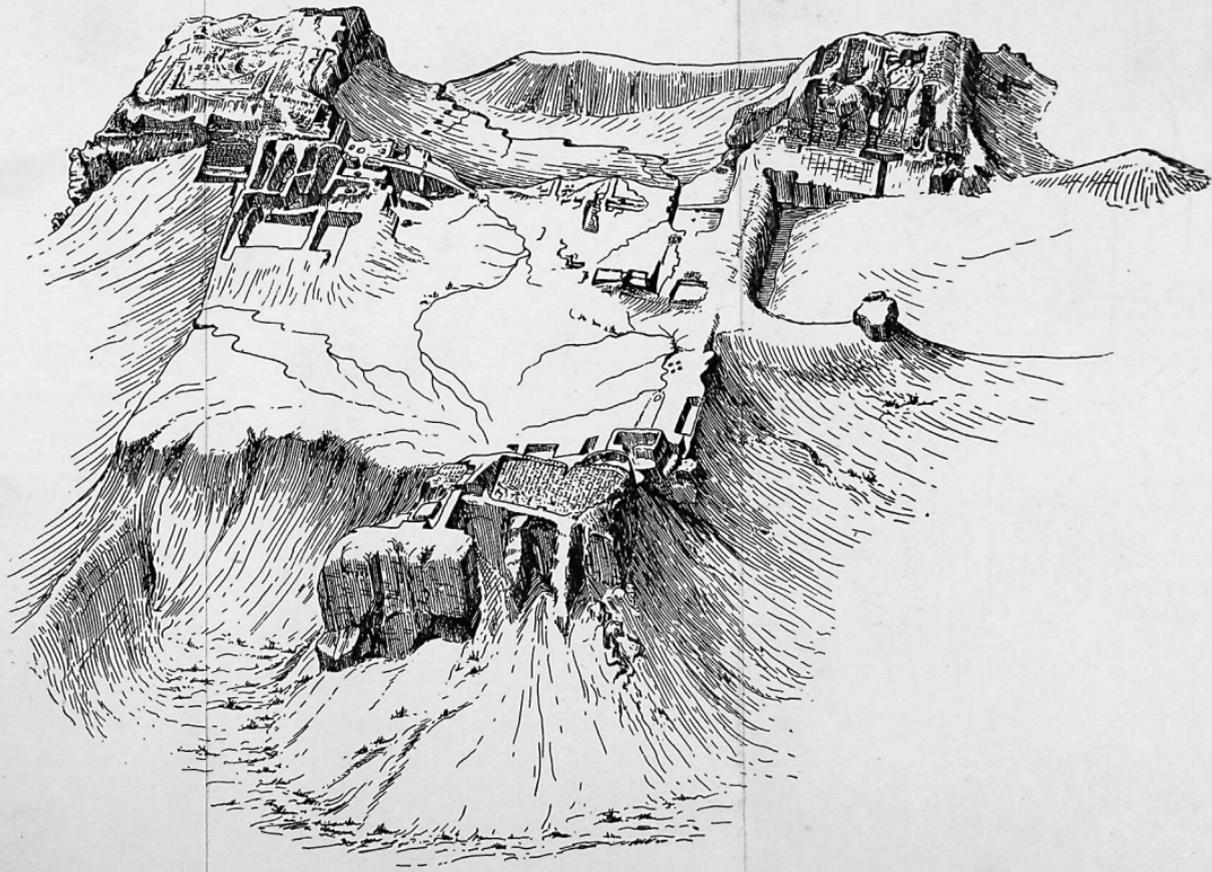

Рис. 45, Панорама раскопок Топрак-кала (худ. Н. П. Толстов)

Рис. 46. Арфистка (комп. 11,5)

Рис. 47. Двухфигурная композиция в нише (ком. I, 5)

Рис. 48. Сборщица фруктов

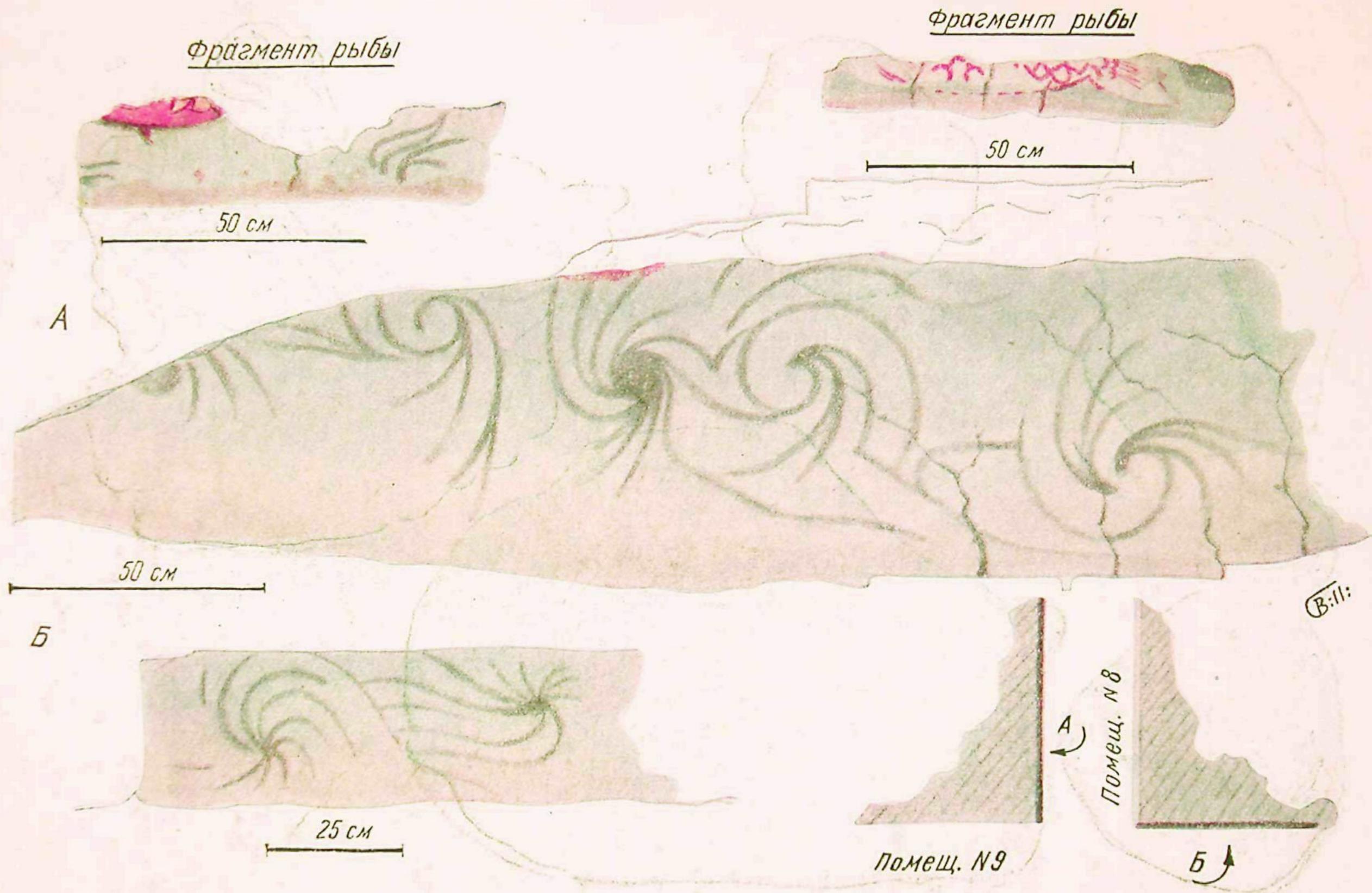

Рис. 48а. Панель с волнами

Рис. 49 а, б, в, г, д — роспись из «комнаты тигра и фазана»

a

b

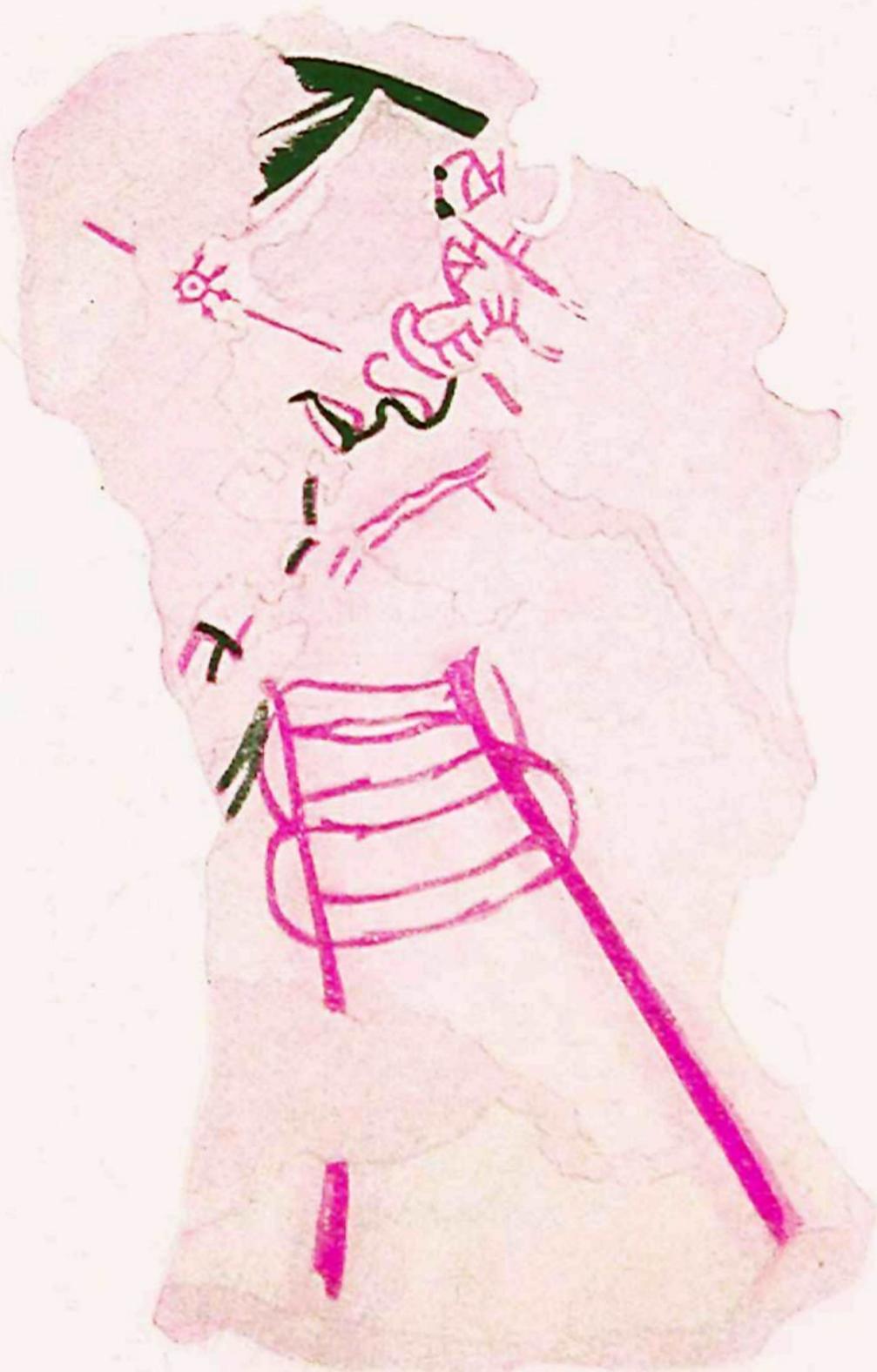
Рис. 50а. Нога лошади из «красной комнаты»
Рис. 50б. Лапа тигра

a

b

в

Рис. 51 а, б, в — фрагменты человеческих изображений

a

б

в

Рис. 52 *a* — *б* — лилии из росписей скульптурного дворика;
в — цветок из росписей северо-западной башни

На площадке цоколя были возведены два этажа сводчатых помещений, идущих то параллельно, то перпендикулярно друг к другу. По некоторым признакам можно полагать, что над крышей второго этажа поднимался еще этаж помещений с легкими решетчатыми стенами, выложенными из фигурных сырцовых кирпичей, — нечто подобное «балаханам» позднейших среднеазиатских домов. Впрочем, возможно, что фигурная решетка огораживала парпетом открытое пространство крыши. Сейчас еще трудно составить полное представление о планировке центральной части замка. Похоже на то, что каждый из его секторов имел внутренний дворик, на который открывалась часть окружающих его комнат. В остальные комнаты можно было попасть через арочные проходы, ведущие из одной комнаты в другую. Комнаты освещались через световые колодцы. Часть комнат нижнего этажа, видимо имевших хозяйственное назначение, лишена была естественного освещения.

В комнатах было сделано много находок. Помимо остатков пищи — косточек плодовых растений (урюка, персиков, винограда), семян пшеницы, ячменя, проса, дыни, многочисленных костей животных, главным образом кзы, затем овцы, свиньи, крупного рогатого скота, лошади, верблюда, а также диких животных — дикого барана, оленя и джейрана, были найдены многочисленные фрагменты, а частью целые сосуды позднеантичного типа, характеризующиеся особой тонкостью выделки и изящно ангобированной красным поверхностью. Фрагменты бумажных, шерстяных и шелковых тканей, части кожаной обуви, железный наконечник копья, три трехгранных железных наконечника стрел и около двадцати составных из дерева и камыша раскрашенных древков стрел, вызолоченные пластинки пояса со стеклянными вставками и несколько миниатюрных хорезмийских и более крупных кушанских медных монет III в. н. э. дополняют ассортимент находок. К ним надо добавить найденную при раскопках хода в основании городской стены у юго-восточного угла города крупную алебастровую статуэтку обнаженной женщины — первый для Хорезма пример алебастровой скульптуры.

Среди фрагментов обработанного дерева была обнаружена небольшая деревянная бирка с надписью черной тушью из четырех слов, написанных знаками древнехорезмийского алфавита, — видимо хозяйственный документ, первый хорезмийский документ такого рода.

Но самым главным сокровищем Топрак-кала оказались открытые в 1945 г. монументальные росписи и найденная в 1947 г. монументальная глиняная скульптура.

Живопись выполнена минеральными красками на клеящем веществе по глиняной штукатурке, покрытой большей частью

тонким слоем алебастровой подгрунтовки. Основу почти везде составляет белый фон, на который наносятся остальные краски, иногда совершенно его скрывающие. Изображение всегда оконтурено четкой черной линией, пространство внутри которой заполняется надлежащим тоном пятнами и мазками различной густоты, то тонкими и осторожными, то широкими и смелыми, передающими рельеф форм и световые блики.

Росписи оказались в большей части комнат, видимо во всех жилых и парадных помещениях. Из раскрытых в 1946 г. помещений особенно богато украшена была комната № 5 второго этажа, выходящая на северный дворик замка. Это был громадный зал с плоским, опиравшимся на четыре колонны перекрытием, носивший, видимо, парадно-торжественный характер. Его стены были расписаны пышным орнаментом, представлявшим систему перекрещивающихся полос черно-желтых тонов, орнаментированных сердечками, розетками и листьями аканфа и образующих ромбические поля, использованные для живописных изображений музыкантов. Одно из них сохранилось почти целиком: это изящное изображение арфистки, выполненное в желтоватых тонах. Пальцы несколько манерно решенных рук в браслетах лежат на струнах большой треугольной арфы, напоминающей ассирийские. Округлость плеч и овала лица, все графическое решение образа ведет нас в мир кушано-гандхарских художественных традиций: арфистка Топрак-када — живописная реплика музыкантам Айртамского фриза. Два других найденных в этой же комнате фрагмента изображений женских лиц, особенно один из них — верхняя часть лица, повернутого в фас, со смелым решением прямо смотрящих, широко прорезанных глаз и сросшихся бровей — уводит нас в мир иных художественных ассоциаций. Параллели здесь нужно искать в сиро-египетском, отчасти северо-черноморском изобразительном искусстве римского времени. Второй из фрагментов — часть профиля женской головки с горделивым поворотом шеи, окаймленной богато орнаментированным воротом, с тяжелым узлом черных волос, схваченных красной повязкой — также ближе к образам искусства античного Средиземноморья. Так в росписях одной комнаты скрещиваются две художественные школы, две традиции, получившие, однако, на хорезмской почве совершенно своеобразное преломление.

Среди найденных фрагментов росписи этой комнаты музыкальные инструменты представлены изображением небольшого двустороннего барабана-тамтама в форме песочных часов. В 1947 г. в завале помещения под «комнатой арфистки» был найден упавший сверху из этой комнаты фрагмент росписи с изображением руки, держащей гриф двуструнного инструмен-

та типа домбры. Видимо, в целом роспись комнаты отвечала содержанию айртамского фриза, живописными средствами решая ту же задачу.

Комната имела и иные украшения. У ее западной стены были найдены многочисленные обломки лепных глиняных (с примесью шерсти) гирлянд из листьев и плодов, окрашенных в зеленый, шафранный и красный цвет, а также огромная, в полтора раза превосходящая нормальную величину кисть руки горельефного изображения человека, опирающегося концами пальцев на какой-то предмет прямоугольно-округленной формы — жест, хорошо знакомый по изображениям на монетах кушанских царей Вимы Кадфиза и Канишки.

В одной из комнат нижнего этажа была открыта арочная ниша с заключенной в ней картиной — изображением в натуральную величину двух сидящих друг против друга в торжественных позах фигур — мужской (сохранилась плохо) и женской. В смежной комнате раскрыта живописная композиция, выполненная в теплых багряно-красных тонах, — изображение женщины, собирающей в фартук виноград и персики. Над нею — висящие кисти винограда и часть плетеной из прутьев садовой беседки.

В одной из раскопанных в 1946 г. комнат северо-западной башни был открыт фрагмент композиции, дающей новое, крайне своеобразное, художественное разрешение темы. В противоположность широкой живописной манере, в которой решена «сборщица фруктов», здесь перед нами строгое графическое решение: на белом поле красным и черным контуром изображен силуэт склоненной мужской головы, в раздумье опирающейся лбом на согнутые пальцы украшенной широкими браслетами руки.

Работы 1947 г. позволили с большей полнотой восстановить принципы монументальных живописных композиций древнего Хорезма.

В ряде помещений были открыты сохранившиеся на стенах нижние части росписей — орнаментальные панели шириной 0.5—0.75 метра. Особенно эффектная найденная в одном из помещений западной башни дворца голубая панель с изображением темной краской по голубому фону волн, в которых плавают белые с красным рыбы. Волна выполнена в свободной и динамической манере, игра завихряющихся отрезков спирали создает действительное впечатление движения. Над этой панелью шла живописная композиция с изображением людей, животных, виноградных гроздьев и листьев по черному и красному фону.

Блестящий материал дала смежная комната, где над панелью с изображением по серо-сизому фону черной чешуи, на алом фоне, были изображены люди и лошади, окруженные рамкой

растительного орнамента. Алый фон преобладал и в северных угловых комнатах той же башни, видимо расписанных тем же мастером.

В росписях растительные орнаменты сочетаются с изобразительными сюжетами. В разных комнатах найдены фрагменты трех изображений тигров (голова, задняя часть спины с хвостом, две лапы), четырех изображений лошадей, в том числе одной серой в яблоках, целиком сохранившееся изображение птицы

Рис. 53. Ниши «зала хорезмийских царей»

(фазан), выполненной в серо-сиреневом тоне по красному фону, ряд фрагментов человеческих изображений—два профиля, верхняя часть головы, половина лица в фас, глаз, голень и т. д. В одной из комнат центральной площадью дворца открыта на стене многофигурная композиция, из которой довольно удовлетворительно сохранились стоящая женская фигура в белой одежде и мужская фигура в черном кафтани.

Открытия 1947 г. позволяют значительно обогатить наши представления о стилистических особенностях древнехорезмийской живописи. Как показывает анализ массового материала, влияние индубуддийской художественной школы, так ярко выступающее в открытом в 1946 г. изображении арфистки, было значительно более ограничено, чем можно было предпо-

лагать по материалам 1946 г. К этому стилистическому направлению из находок 1947 г. может быть отнесено, пожалуй, только одно поясное изображение женщины в белых и охристых тонах, открытое в одной из комнат южной башни.

Остальная масса росписей стилистически примыкает к открытому в 1946 г. изображению сборщицы фруктов и характеризуется крайним своеобразием, позволяющим говорить о

Рис. 54. Ниши «зала хорезмийских царей»

существовании вполне самостоятельного хорезмийского художественного центра, который должен занять особое место среди художественных центров позднеантичного Средиземноморья и Среднего Востока.

В области колористики эта школа характеризуется необычайным богатством палитры. Здесь представлены чуть ли не все возможные цвета: разнообразные оттенки красного, малинового, розового, синего, голубого, зеленого, оранжевого, желтого, фиолетового, белого, черного, серого. Сочетания цветов поражают смелостью и разнообразием: изображения даются на алом, темносинем, черном, белом фоне, образуя поразительные цветовые комбинации. Особенно запоминаются выполненные в сиренево-серых и охристо-желтых тонах сцены охоты на интенсивно алом фоне, изящные белые и красные лилии, разбросанные по темно-инему фону, изображенное в розоватых тонах лицо человека на синем фоне, белые с красным растительные узоры и изображение человеческого лица на черном фоне и т. п.

Изображения характеризуются большой свободой и реалистичностью, своеобразными, лаконичными и убедительными приемами в передаче рельефа штрихами и цветовыми бликами. Особенно хороши светлозеленые блики на желтоватой поверх-

ности обнаженного человеческого тела — в «красной комнате» западной башни и уверенные красные штрихи на розоватом фоне, передающие выпуклость подбородка женского изображения отмеченной выше многофигурной композиции.

Богат и разнообразен ассортимент орнаментальных мотивов, отраженных на найденных в различных комнатах фрагментах росписи. Здесь и растительные и геометрические сюжеты — гирлянды, цветы и листья, розетки, сердечки, кресты с разветвляющимися и загнутыми в разные стороны в виде бараньих рогов концами, круги и спирали, полосы овальных фиолетовых бус на черном фоне, прямые и волнистые цветные линии.

Орнамент весьма своеобразен, как своеобразна и живопись. В композиционном решении росписей (например, членение пространства стены на ромбические поля) он имеет много точек соприкосновения с «сарматскими» росписями керченских катакомб. Но больше всего он ассоциируется с миром образов народного текстильного орнамента современных народов Средней Азии — узбеков, таджиков, каракалпаков, казахов. Мы много общего найдем здесь с рисунком хивинских набоек, узбекских и таджикских узане, каракалпакских узорных кошеш. Это соприкосновение стеной росписи и декоративных тканей вряд ли случайно. Они выполняют одну и ту же функцию, и весьма закономерен перенос рисунка ткани, служащий для

Рис. 55. Статуя «жреца»

орнаментации стены, на самую стену, как, впрочем, и обратное влияние живописи на орнамент ткани. Так в глубокую древность уходят корни современного народного искусства наследников

античной цивилизации Средней Азии — современных среднеазиатских народов.

Совершенно новой страницей в истории древнехорезмийского искусства явилась открытая раскопками 1947 г. монументальная скульптура, представленная исключительно обильным материалом. Статуи из необожженной глины были открыты в

Рис. 56. Фрагмент сидящей статуи

деяти комнатах. Общее число статуй во фрагментах превышает 30, из них две почти целые статуи (без голов), четыре головы (одна в высоком головном уборе), два головных убора, пять целых торсов, до 15 оснований стоящих статуй, сохранившихся на месте (ноги), нижние части двух сидящих статуй и бесчисленные фрагменты торсов, рук, ног, частей одежды и т. д. В числе фрагментов надо отметить крупный фрагмент рельефного изображения всадника (в натуральную величину), бок лошади с богато орнаментированной подпругой и складки плаща всадника.

Большая часть статуй была выполнена в натуральную величину, некоторые — в меньшем масштабе, несколько статуй были в полтора-два раза больше человеческого роста. Статуи

были раскрашены: лица в телесный цвет, одежды в разнообразные тона — белый, зеленый, розовый, голубой, красный, черный и т. д. Орнаменты одежд, видимо вышивки, даны многоцветной раскраской. Прекрасно передана темногнедая масть лошади.

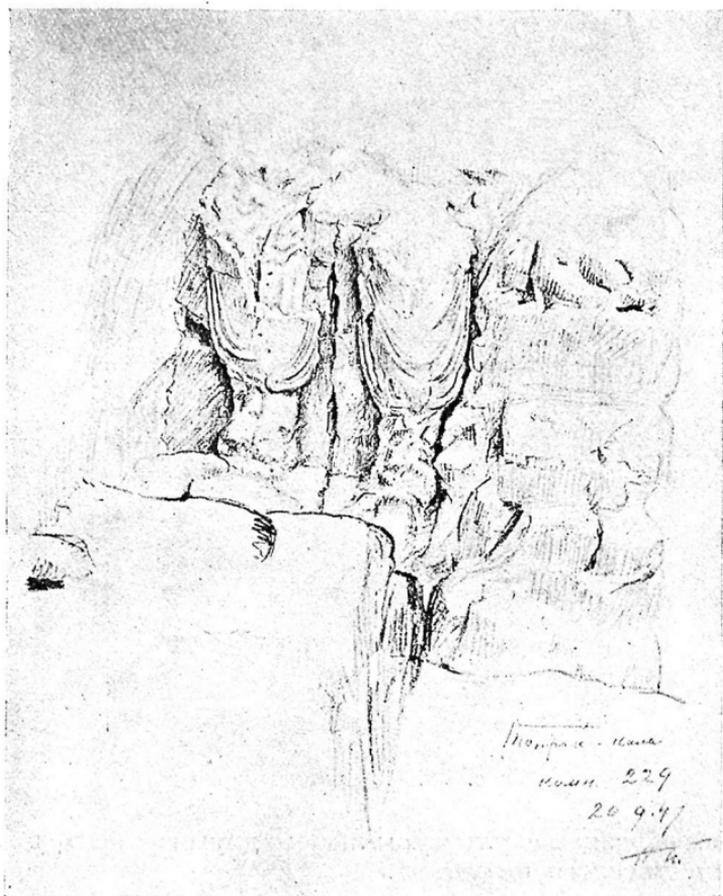

Рис. 57. Ноги «стража»

Выполнение статуй не в меньшей, если не в большей мере, чем живопись, свидетельствует о высоком мастерстве хорезмийских художников, о зрелости и самостоятельности хорезмийского искусства, хотя и связанного с гандхарской индобрддийской художественной школой, но творчески преобра-

жившей ее влияния и подчинившей их своим художественным традициям.

Лица статуй переданы с исключительным реализмом, несомненно портретны и не уступают по тонкости исполнения

Рис. 58. «Красная голова»

лучшим образцам скульптуры любого другого центра позднеэллинистического искусства.

В передаче фигур, складок одежды, узлов драпировок выступает то же зрелое мастерство, что и в изображениях лиц.

Большая часть найденных статуй была сосредоточена в так называемом «зале царей» — обширном (20 × 20 м) зале в северо-восточной части дворца, по стенам которого шло уступом широкое возвышение, разделенное поперечными стенками-решетками из фигурного кирпича на отдельные ниши, в каждой из которых была расположена группа статуй. В двух из этих ниш сохранились первоначально, видимо, сидевшие на упомянутом возвышении огромные (примерно, вдвое больше натурального

размера) сидячие мужские статуи, вокруг которых группировалось по 3—5 стоящих мужских, женских и детских статуй. Стены позади сидящих статуй были украшены росписью упомянутыми выше белыми и красными лилиями

Рис. 59. Голова «супруги Вазамара»

на темносинем фоне, над розовато-оранжевой монохромной панелью. находка двух головных уборов позволила определить сюжет этих скульптурных групп: уборы оказались тождественными с индивидуальными коронами двух хорезмийских царей III в. н. э., известными нам по изображениям на монетах. Особенно интересна тяжелая скульптурная корона в виде белого орла, известная нам по наиболее ранним монетам III в., чеканенным одним из первых освободившихся от кушанской зависимости хорезмийских царей, имя которого читается на монетах как Вазамар. Любопытно, что она найдена в крайней из упомянутого ряда ниш.

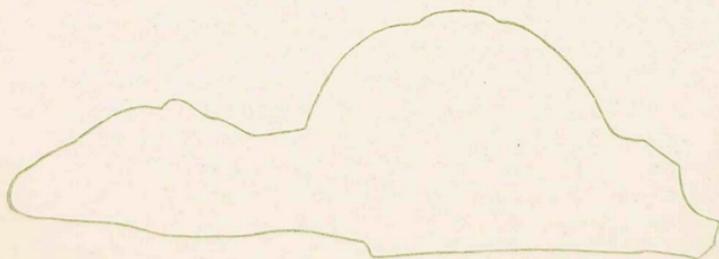

Рис. 61. Бюст Амахиты из комнаты (I, 20)

Изложенное не оставляет сомнения в том, что перед нами своеобразная портретная галерея династии хорезмийских сиявушидов, охватывающая правителей III в.

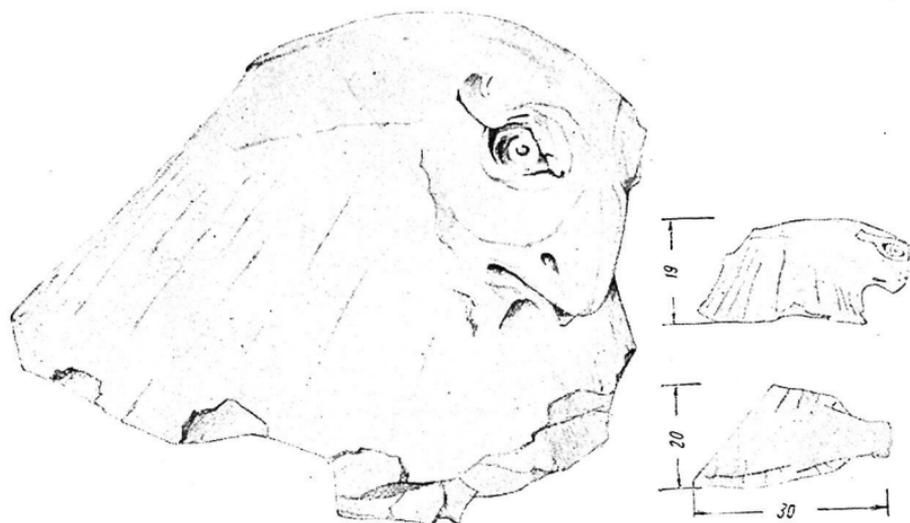

Рис. 60. Корона Вазамара

Видимо, сидящие огромные фигуры изображали царей, а окружающие их — членов их семей и, возможно, богов-покровителей, о чем свидетельствует находка в одной из ниш торса

Рис. 60а. Монета Вазамара

женщины с гранатовым яблоком в руке — характерный атрибут богини плодородия Анахиты.

Открытие «портретной галереи» сиявушидов убеждает нас в том, что дворец Топрак-кала был дворцом не местных князей, а шахов всего Хорезма, а Топрак-кала — их древней резиден-

даже к закладке кирпичом целых помещений. Это невольно заставляет вспомнить теорию Б. Н. Засыпкина о причине недолговечности сооружений, построенных при Тимуре: заказ завоевателя, требовавшего создания в крайне короткие сроки небывалых по размерам зданий, долженствовал подчеркнуть величие новой мировой империи; столкнулся с отсутствием необходимых для этого решения инженерно-строительных навыков. Здания были созданы, но ни одно из них не дожило до нас в неразрушенном виде. Задача была решена лишь при внуках Тимура.

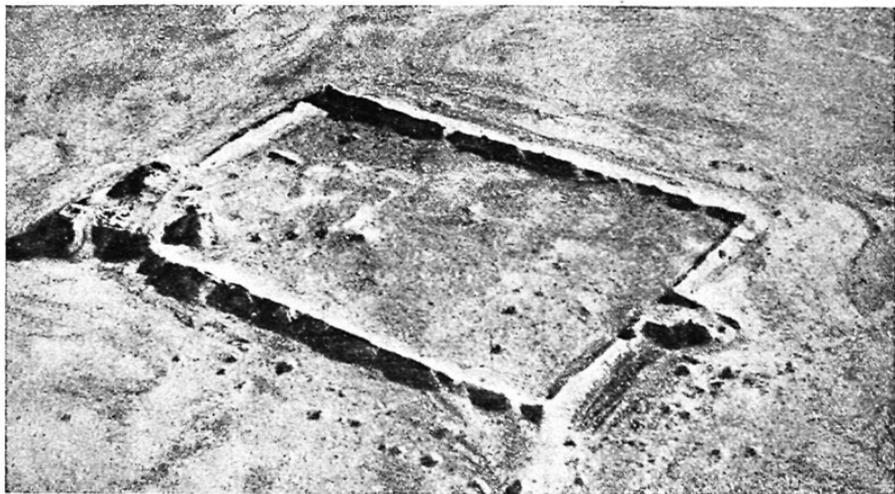

Рис. 63. Общий вид Топрак-кала с самолета

Дворец Вазамара, видимо, создавался при сходных условиях. Освободившись от кушанской зависимости, Хорезм становится могущественным государством, претензии которого на роль мировой державы отражены в надписи в Пайкуле, где шахи Хорезма стоят между царями кушанов и римскими кесарями. Величию царства должно было соответствовать величие дворца его правителя.

Дворец, несомненно, строился в рекордно короткие сроки, причем в процессе постройки перед строителями выдвигались новые и новые задачи. Характерно, что дворец первоначально был задуман в более скромных размерах: при расчистке южной башни было обнаружено, что она была пристроена к стене, у ж е о ф о р м л е н н о й ступенчатыми пилястрами и покрытой

ровной, несомненно не пережившей в открытом виде ни одной зимы, глиняной обмазкой. Другими словами, сейчас же после того как было воздвигнуто первоначальное задуманное квадратное здание, план был изменен в сторону придания сооружению большей величественности путем пристройки трех гигантских башен.

Рис. 64. Вид раскопок цитадели с самолета

Так в архитектуре отразились политические события, связанные с возвращением Хорезму в III в. н. э. роли первостепенной державы.

Античный Хорезм создал высокую и своеобразную художественную культуру. Монументальная архитектура, поражающая горделивой величественностью своих форм, великолепная пластика монументальных глиняных статуй, терракотовых статуэток и рельефов, тонкое искусство античных хорезмийских медальеров и, наконец, богатая гамма графических живописных образов росписей составляют в целом глубоко оригинальный и целостный комплекс, свидетельствующий о самостоятельности, силе и зрелости образного мышления и художественного мастерства создателей древнехорезмийской

цивилизации. Арфистка и ее спутницы приоткрывают нам дверь и в наиболее трудно доступный исследователю мир древнего искусства — в мир музыки. Мы знаем ту роль, которую в позднем средневековье и в новое время играла классическая хорезмийская музыкальная школа в истории музыкальной культуры народов Средней Азии. И изящный образ арфистки с «ассирийским» инструментом в руках — новое звено в прослеживаемой нами выше цепи связей древнехорезмийской цивилизации у ее истоков с переднеазиатским миром и, вместе с тем, драгоценный памятник предистории высокой музыкальной культуры позднейшего, средневекового и современного Хорезма.

Глава VIII

Э Р А А Ф Р И Г А

1

«Так было до царя Африга, и был он один из этой династии. И заслужил он дурную славу, как заслужил ее у персов Ездежерд [Ездегерд I, 399—420 гг.]...

И построил [Африг] свой замок внутри ал-Фира в 660 г. после Александра [Македонского]. И ведут летоисчисление от него [Африга] и потомков его. И был ал-Фир крепостью близ города Хорезма с построенными из глины и сырцового кирпича тремя стенами, одна внутри другой, следуя друг за другом по высоте, и превосходил все их замок царей, так же как Гумдан в Йемене, когда был резиденцией Тоббов... И был ал-Фир виден с расстояния десяти миль и более».

Так излагает ал-Бируни обстоятельства, сопровождавшие установление третьей по счету и последней домусульманской хорезмийской эры.

За этим сжатым текстом чувствуется дыхание больших общественных событий, сделавших принятие хорезмийцами новой эры отнюдь не случайным актом. Установление новой династии, хотя и считающейся продолжением (или ответвлением?) древних сиявушидов, врезавшийся в народную память образ жестокого царя-деспота, создание им грандиозного укрепленного замка, стоявшего грозным символом власти афригидов вплоть до дней их падения, когда, вслед за смертью последнего афригида, башня Африга рухнула в волны Аму-дарьи, — все это нельзя не рассматривать как звенья одной цепи.

На хорезмийских монетах сохранился портрет Африга (рис. 65). Перед нами хищный профиль горбоносого человека с острой конечной жидкой бородкой, с напряженным взглядом крупных, выпуклых глаз. Двойная линия бус охватывает его шею. Полу-

сферическая тиара, покрытая чешуей бляшек и с назатыльником, украшенная полумесяцем на лбу, увенчивает голову царя. На реверсе — традиционный всадник с тамгой позади него, следы греческой надписи сверху и хорезмийская надпись под ногами коня, гласящая 'rwrg MLK' — «царь Африга».

В окрестностях Шаббаза — городка, возникшего в позднем средневековье на месте дофеодалной столицы Хорезма, до сих пор стоят развалины грандиозной поздантичной крепости, известной в народе под названием Пиль-кала. Имя «Пиль» — закономерное современное произношение древней формы «Фир», наряду с которой в арабских источниках (Табари) встречается и начертание «Филь».

Пиль-кала — не замок Африга. Ал-Бируни, современник гибели замка, не мог, конечно, ошибиться. Да и описание ал-Бируни не соответствует планировке и конструкции Пиль-кала. Однако этот замок относится к эпохе Африга и высится до на-

Рис. 65. Монета Африга

ших дней как единственный памятник афригидской столицы, имя которой он носит до сих пор.

Развалины окружены болотом, через которое ведет единственная тропа. Городище обнесено обращенной временем в низкий вал мощной сырцовою стеной из кирпича античных размеров, с многочисленными, часто расположенными круглыми башнями вдоль стен, образующими на углах знакомую нам по Аяз-кала фигуру «ласточкина хвоста». Крепость вообще ближе всего напоминает Аяз-1 и, видимо, близка к нему по времени — постройка ее может быть датирована II—III вв. н. э. Но у одного из углов крепости возвышаются мрачные развалины огромного здания, 54 × 54 метра, не похожего уже на античные постройки. Мощные стены его возведены из глинобитной кладки, причем решены крайне своеобразно: блоки пахсы расположены перпендикулярно к поверхности стены, обеспечивая этим возможность придать ей небывалую толщину — около 6 метров при высоте 10—11 метров. Это придает зданию своеобразный вид, напоминающий о циклопических сооружениях. Время Африга — время большого исторического перелома. И сейчас, пожалуй, мы можем вскрыть сущность этого перелома, скрытую за скупыми словами ал-Бируни.

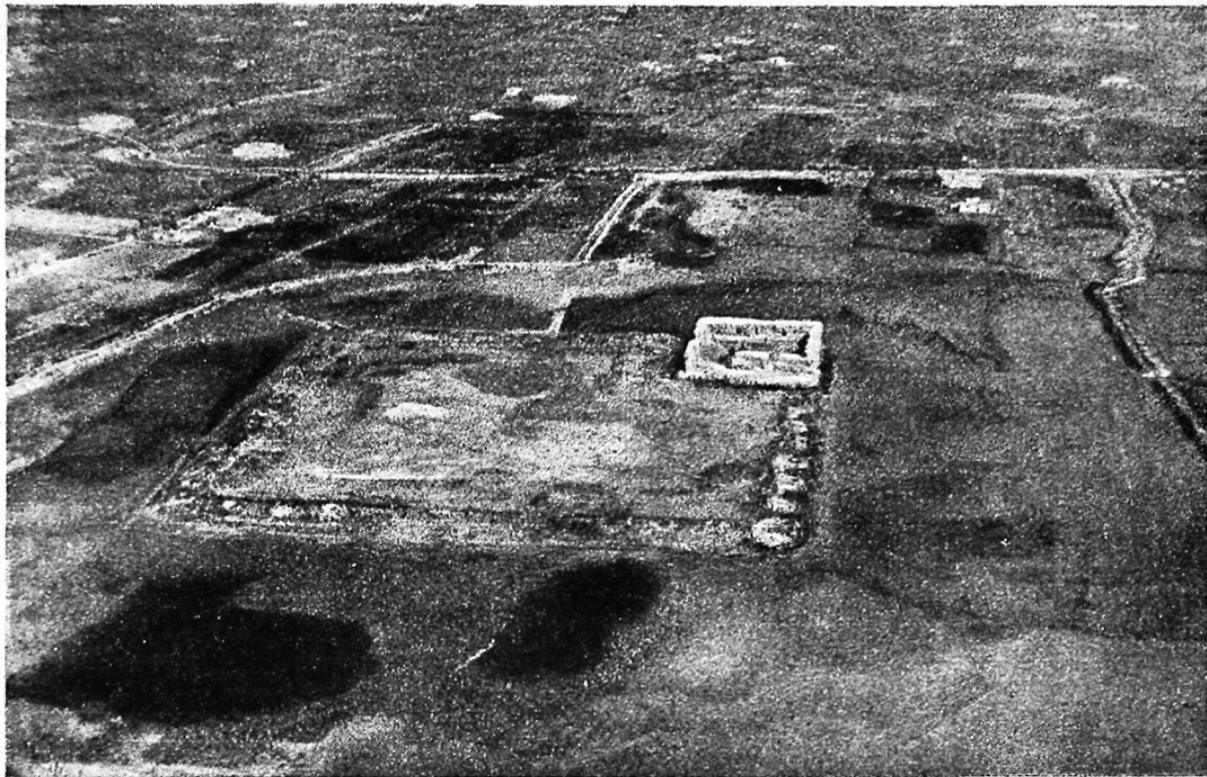

Рис. 66. Пиль-кала с самолета

Начиная с IV в. мы действительно наблюдаем все более и более быстрое развитие процессов, приведших к резкому изменению всего хозяйства, общественного устройства, быта и политической жизни Хорезма. И наиболее ярко это изменение отражено в возникновении совершенно нового типа поселений и жилищ, основной формой которого становится, в полном соответствии с рассказом Бируни, **з а м о к**.

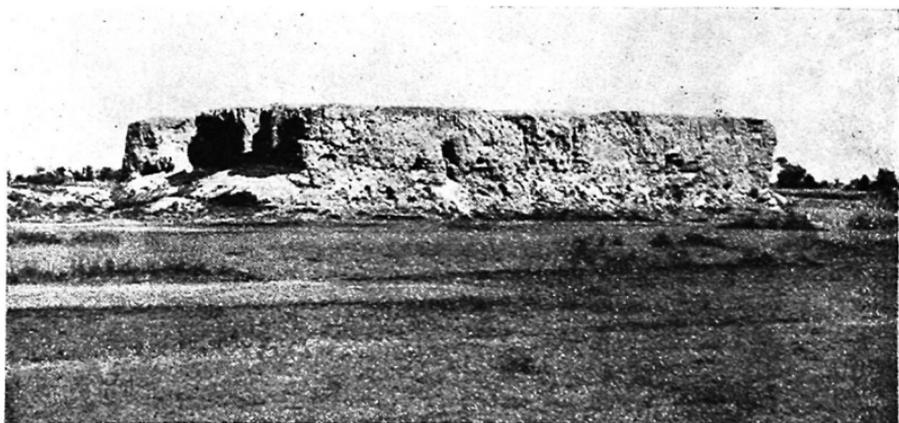

Рис. 67. Пиль-кала, цитадель

Процессы, которые мы наблюдали выше, знакомясь с памятниками III в., здесь находят свое полное развитие.

На смену неукрепленным поселениям типа Аяз-кала, широко раскинутым под защитой могучих крепостей, воздвигнутых и содержащихся государством, приходит сильно укрепленная, лежащая изолированно среди полей усадьба земледельца, миниатюрный замок. И над этими крестьянскими «замками» гордо возвышаются грозные укрепления замков аристократии. Античные крепости, замыкавшие оазис со стороны пустыни, приходят в упадок. «Археологическим заповедником» этой эпохи, периода, непосредственно предшествовавшего арабскому завоеванию, является грандиозный комплекс развалин — мертвый оазис Беркут-кала (основная масса его памятников относится к VII—VIII вв. н. э.).

На протяжении около 17 километров, полосой в 2—3 километра по обеим сторонам идущего с юга на север мощного арыка, дающего ряд ответвлений, было разбросано около ста сильно укрепленных усадеб-замков. Если Джанбас-кала помогла нам решить вопрос о «тысяче городов» древней и Средней Азии, о которой рассказывают Помпей Трог и позднейшие

китайские источники, то беркут-калинский оазис помогает решить вопрос о десятках тысяч замков, о которых рассказывают источники эпохи арабского завоевания.

Здесь представлены замки самой разнообразной величины — от больших крепостей, как Беркут-кала, Тешик-кала, Уй-кала, Кум-Баскан-кала, каждая из которых занимает площадь не менее гектара, до совершенно незначительных построек, занимающих лишь по несколько сот квадратных метров. Но все они построены по одному принципу. Мы во всех случаях имеем усадьбы, укрепленные мощными оборонительными сооружениями. Они обнесены высокими глинобитными стенами, имеют, как правило, «донжон» — жилую башню на высоком цоколе — массивном или заключающем внутри сводчатые помещения. Меняется и строительная техника: сырцовый кирпич употребляется реже и уменьшается в размерах (афригидский стандарт $35 \times 35 \times 8$). Преобладает сплошная глинобитная кладка («пахса»). Исчезают специфические формы античной фортификации: паховые стены лишены бойниц, башни сохраняются только по углам или по середине пролетов стен и приобретают характерную для средневековья круглую или овальную планировку. Раскопанные нами одна большая (Тешик-кала) и три малые усадьбы (замки № 4, 34 и 36) позволяют нам довольно подробно охарактеризовать бытовое содержание этих памятников.

Большая усадьба рисует нам быт крупного представителя хорезмийской аристократии. Об этом свидетельствует эффектная декорировка внешних стен массивными полуколоннами, соединенными наверху перспективными арочками, богатая отделка внутренних помещений, в частности фризы из сырой глины, украшавшие верхнюю часть комнат жилой башни, с орнаментом чрезвычайно архаическим по своим мотивам, состоящим из чередующихся восьмилучевых розеток (восходящим генетически к ахеменидским прототипам) и восьмилучевых пальметок, мощные размеры жилых башен — все говорит о том, что перед нами жилище семьи представителей могущественных хорезмийских землевладельцев, дихканов. Наоборот, маленькие замки свидетельствуют о заурядном быте обычной крестьянской семьи. Но эта крестьянская семья имела свой «замок», жилую башню с бойницами, мощные оборонительные стены, и планировка такого крестьянского «замка» в сущности ничем принципиально не отличалась, кроме размеров и богатства отделки, от аристократической усадьбы. Перед нами, несомненно, еще не крепостное крестьянство, а такой общественный слой земледельцев, которым аристократия не противостояла еще как класс-антагонист. Каждый владелец такого малень-

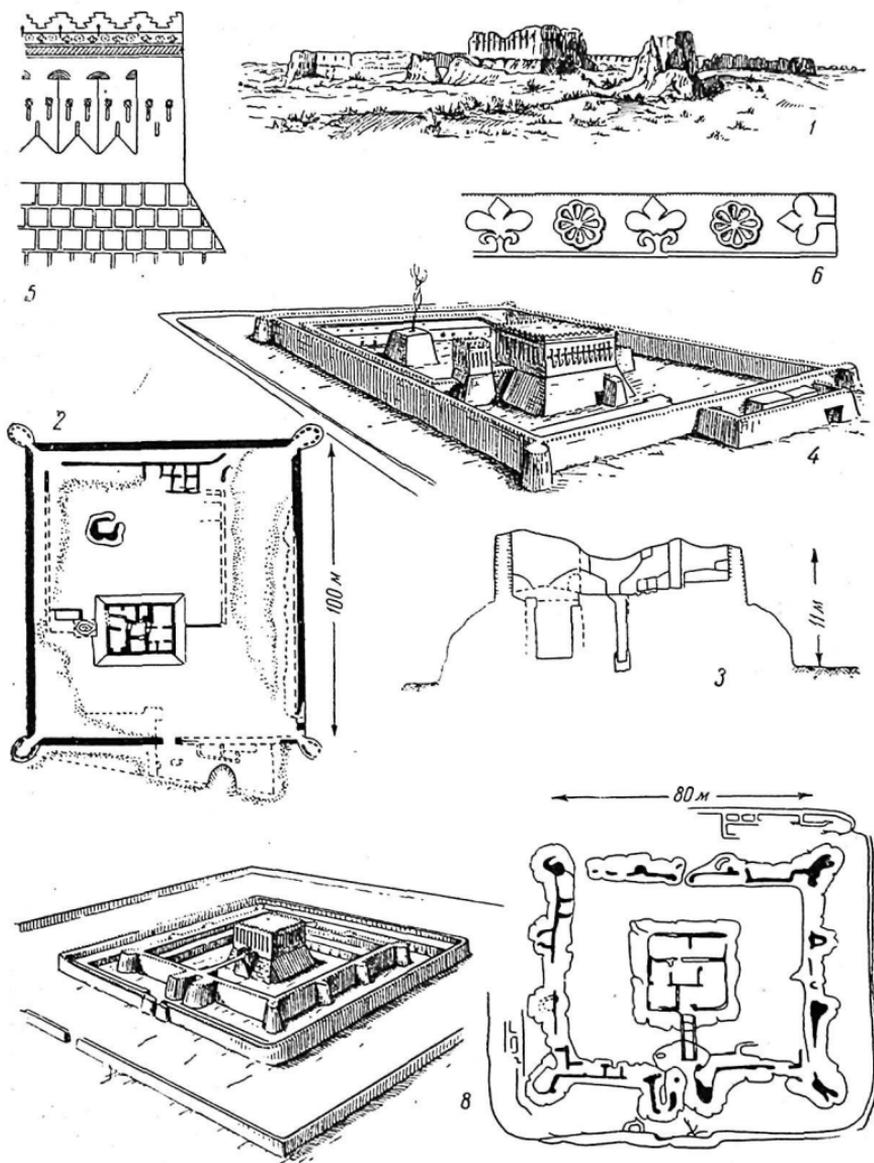

Рис. 68. Памятники афригидской культуры. Тешик-кала
 1 — общий вид; 2 — план; 3 — разрез; 4 — реконструкция; 5 — реконструкция
 фрагмента стены доджона; 6 — фриз одной из комнат доджона;
 Я к к е - л а р с а — реконструкция; 8 — план

кого замка — также своеобразный «дихкан», и не случайно в настоящее время это слово означает «крестьянин», в то время как раньше оно обозначало представителя аристократии, было иногда титулом царей.

Никаких открытых деревень среди памятников этого времени мы не встречаем. В «замках» жило все без исключения сельское население. Мы как бы видим, что аязкалинский комплекс больших семейных усадеб, еще объединенных общими рамками поселения, распался, и вместо того, чтобы быть сосредоточенными на площади в несколько гектаров, поселение разбросалось вдоль канала на площади свыше 30 квадратных километров. Каждая усадьба была отделена несколькими сотнями метров от другой и окружена, как можно видеть при изучении поверхности окружающих замки такыров, полями и садами. Обитатели такой усадьбы, несомненно, представляли собой ту большую семью, которую источники арабского времени хорошо знают. Это «кед», большесемейная патриархальная домовая община, во главе которой стоит «кедхуда» и в которую входят многочисленные члены семьи, клиенты — «кедиверы» и рабы, описанные Наршахи и другими мусульманскими авторами.

Весь культурный ландшафт в целом носит мрачный и суровый характер. Перед нами страна укрепленных замков, за глиняными стенами которых обитатели всегда готовы были отразить нападение неприятеля. Перед нами ландшафт, говорящий о бурной эпохе непрерывных войн, о людях, живших в постоянном страхе перед нападением врага, в неизменной готовности оборонять с оружием в руках свою жизнь и имущество.

Феодализм еще не восторжествовал, но признаки его наступления чувствуются всюду. Грозные замки аристократии запирают головы ответвлений крупных каналов, командуя над усадьбами крестьян. Самая укрепленность последних явно свидетельствует не только о постоянной угрозе внешнего нападения. Крестьянин вынужден отстаивать свою свободу от гораздо более серьезной угрозы со стороны хозяев больших замков. И действительно, как только на страницах источников появляются сведения о внутренней жизни Хорезма, мы попадаем в самую гущу жестокой и кровавой гражданской войны, завершаемой арабской интервенцией. Еще резче, чем в деревне, новые исторические условия проявляются в жизни города.

Города приходят в упадок. Топрак-кала с запустевшим замком-дворцом доживает, самое большее, до VI в. К этому же времени прекращает свое существование Кырк-кыз-кала.

Этот процесс неразрывно связан с прогрессирующим упадком городского ремесла. Если в IV в. еще продолжают жить традиции великолепной античной керамики, то V в. приносит

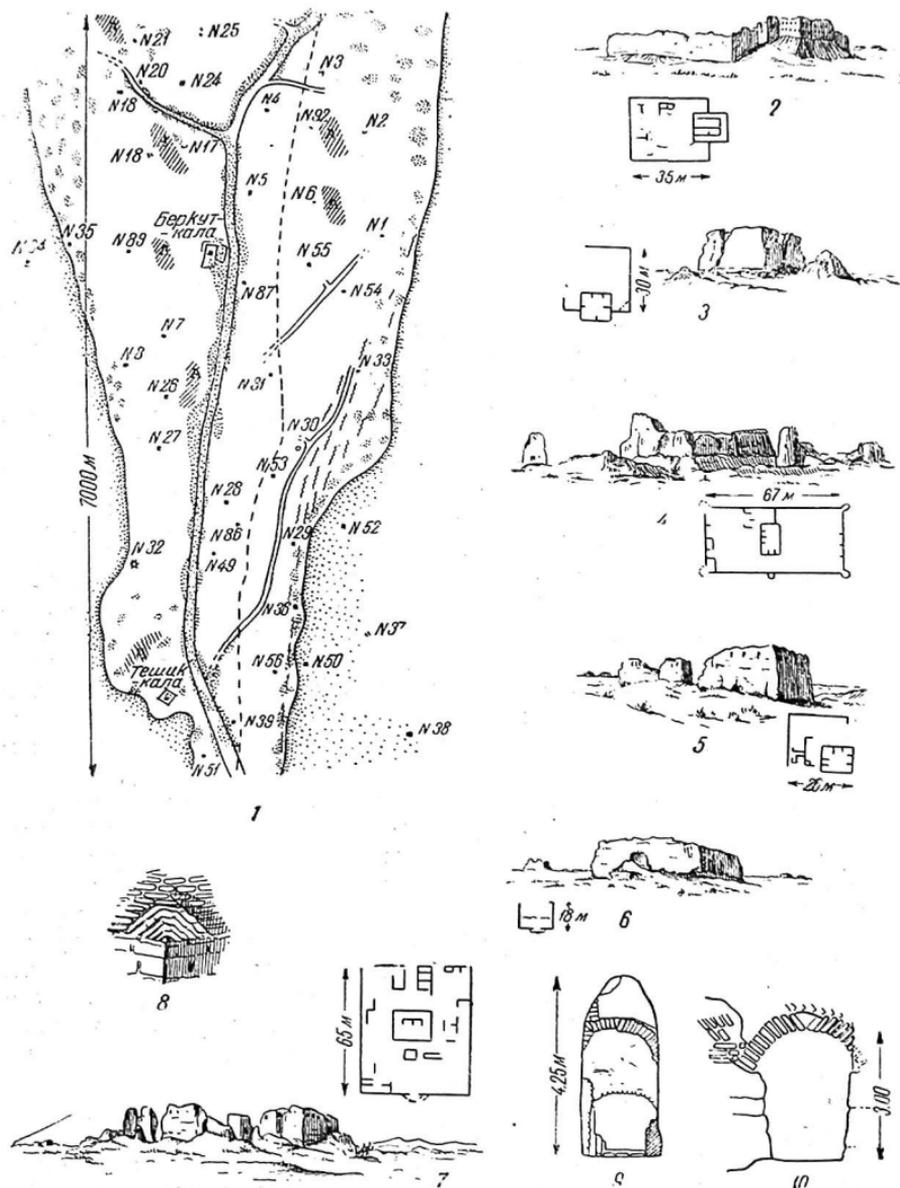

Рис. 69. Памятники афригидской культуры. Мертвый оазис Беркут-кала
 1 — часть плана оазиса; 2 — 7 — малые замки; 8 — тропи купольного помещения
 дожджона замка № 36; 9 — разрез сводчатого помещения дожджона замка № 36; 10 — ароч-
 ный ход между двумя помещениями дожджона замка № 34

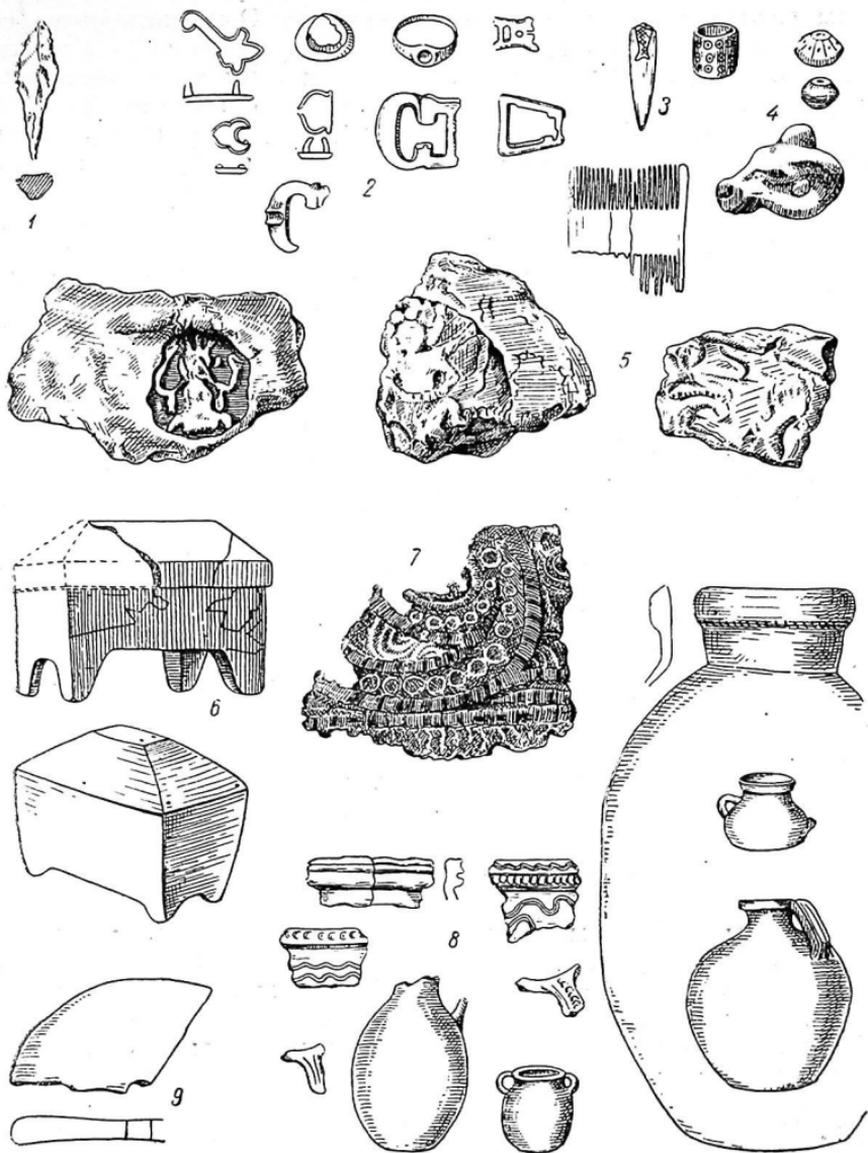

Рис. 70. Памятники афригидской культуры. Тешик-кала и замок № 36

1 — железный наконечник стрелы; 2 — бронзовые предметы; 3 — костяной предмет из замка № 36 с изображением рыбы; 4 — прыслице, глиняная головка барана и деревянный гребень из Тешик-кала; 5 — оттиски печати на комьях сырой глины; 6 — алебастровый (вверху) и глиняный оссуарий из замка № 36; 7 — фрагмент вышитой кошмы из замка № 36; 8 — керамика из Тешик-кала; 9 — фрагмент жернова из Тешик-кала

нам резкое ухудшение качества изделий. Основная масса сосудов среднеафригидского периода — домашнего изготовления. Это сделанные без круга, грубые, плохо обожженные горшки и котелки, напоминающие те, что и сейчас изготавливаются той же примитивной техникой женщинами отдаленных селений горного Таджикистана. Водоносные кувшины и пи-

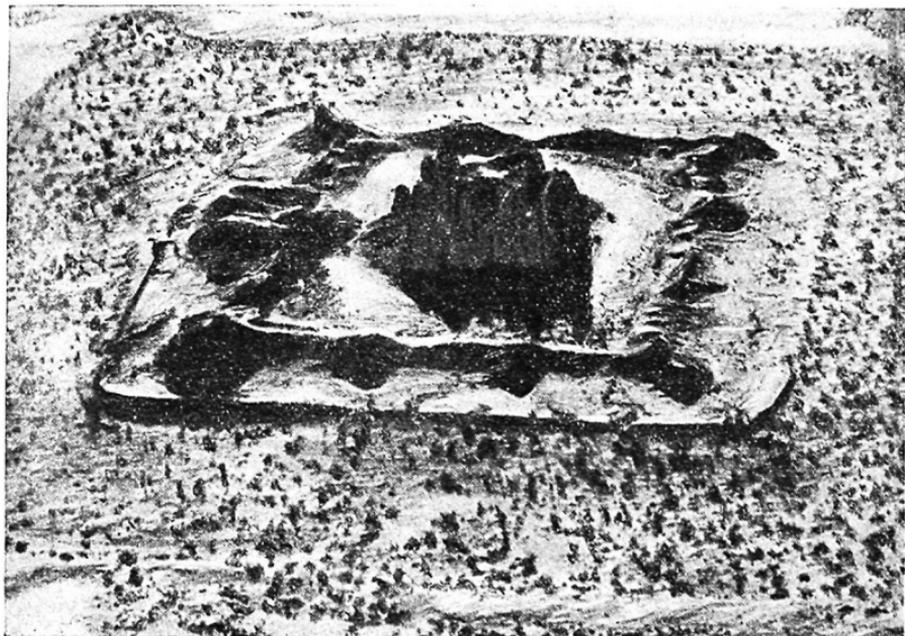

Рис. 71. Якке-парсан с самолета

фосы-хумы, сделанные ремесленниками-кустарями, также несут на себе все признаки упадка техники: тесто становится грубее, в нем появляются примеси, кувшины изготавливаются на ручном гончарном круге. Резко сокращается количество форм керамических изделий. Грубыми и бедными становятся украшения сосудов, исчезают лак, ангоб, лощение.

Искусство эпохи афригидов представлено рядом памятников. Помимо суровой и строгой архитектуры и богатой серии афригидских монет нельзя не отметить образцов хорезмийской глиптики — ряд оттисков печатей VIII в., добытых нами при раскопках в замке Тешик-кала. На одной из них изображен всадник, стреляющий из лука, на двух других — сидящее на троне четверорукое божество (рис. 70, 5). Этот образ оказывается

тождественным с серией изображений на серебряных чашах, найденных в основном в Прикамье и хранящихся в Эрмитаже и в Британском музее; на чашах имеются надписи, алфавит которых тождествен с алфавитом хорезмийских монет, что дало нам возможность еще в 1938 г. определить хорезмийское происхождение этих памятников прикладного искусства. Четверо-

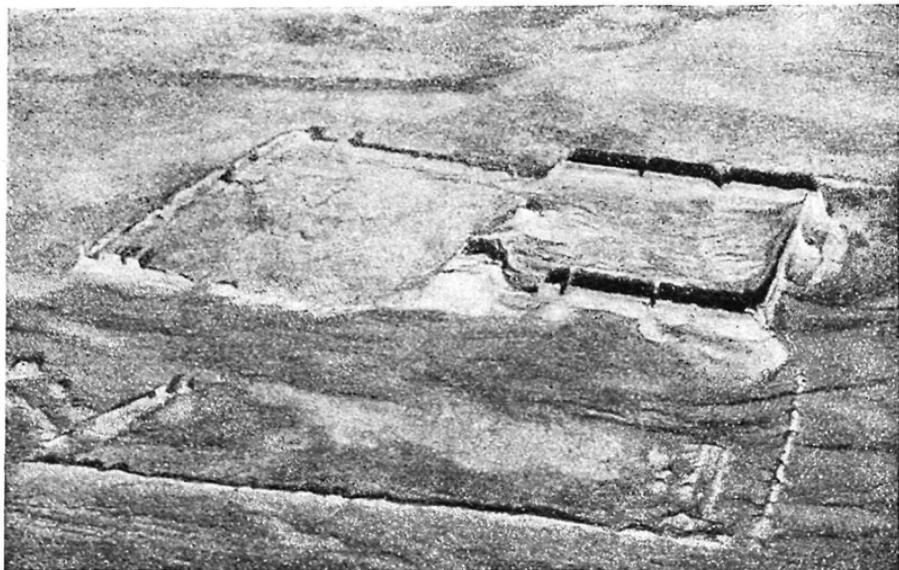

Рис. 72. Беркут-кала с самолета

рукое изображение женского божества, сидящего на троне, на поверженном льве или леопарде, — образ, характерный для афригидской иконографии, — бесспорно испытало на себе влияние индо-буддийских художественных традиций, восходящих к кушанской эпохе. Мы вряд ли ошибемся, если увидим в этой богине уже знакомую нам хорезмийскую Анахиту, прошедшую путь синкретизации с божествами индо-буддийского круга.

Эти прекрасные образцы народной бытовой утвари хорезмийской знати VII—VIII вв. находятся в резком контрасте с грубой и бедной повседневной утварью населения замков Беркут-калинского оазиса. Прикладное искусство не умирает, но оно утрачивает свою массовость, столь характерную для античной эпохи Хорезма, и становится достоянием узкого круга аристократии.

Ослабляются внешние торговые связи. Мы не найдем уже в афригидских памятниках богатого ассортимента средиземно-

морских сиро-египетских и северночерноморских стеклянных, пастовых и каменных бус. Простые сердоликовые и халцедоновые шаровидные бусы импортируются из Ирана или изготавливаются на месте.

Итог упадка городов к концу афригидского периода нашел яркое выражение в рассказах арабских писателей о завоева-

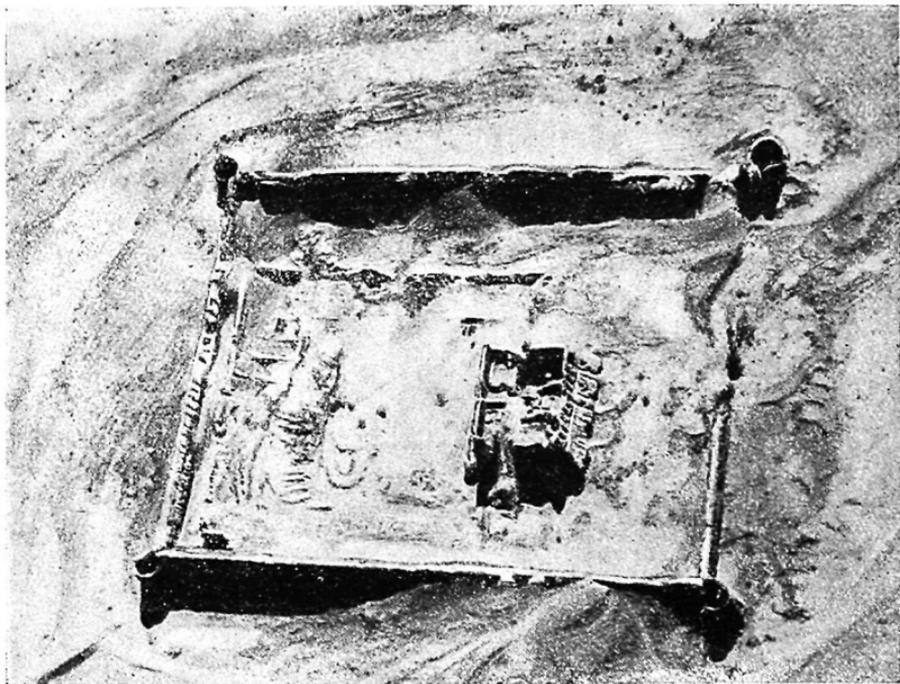

Рис. 73. Тешик-кала с самолета

нии Хорезма в начале VIII в.: по показанию ал-Табари, в Хорезме 712 г. было всего три города: столица Кят (Филь), Хазарасп и, видимо, Ургенч. Цифра, вероятно, преуменьшена, но показательна отраженная в ней тенденция, которая подтверждается и археологическим материалом. Место «тысячи городов» занимают десятки тысяч замков. Еще в X в., накануне окончательного крушения афригидов, на заре нового подъема Хорезма, по словам ал-Макдиси, в окрестностях одного только города Маздахкана (ныне городище Гяуркала близ Ходжейли) было 12 тысяч замков!

Центр общественной жизни уходит из умирающего города в деревню. Но и в деревне мы наблюдаем признаки упадка

производительных сил, выраженного прежде всего в сокращении ирригационной системы. Более чем наполовину выходит из эксплуатации восточное ответвление Гавхора. Замирает жизнь на такырах Ангка-кала, Кой-Кырылган-кала и Джанбаскала, расположенных на ответвлениях этого канала. Выбывает из эксплуатации северо-восточный отрезок Беркут-калинского (Кырк-кызского) канала, орошавший окрестности Кур-

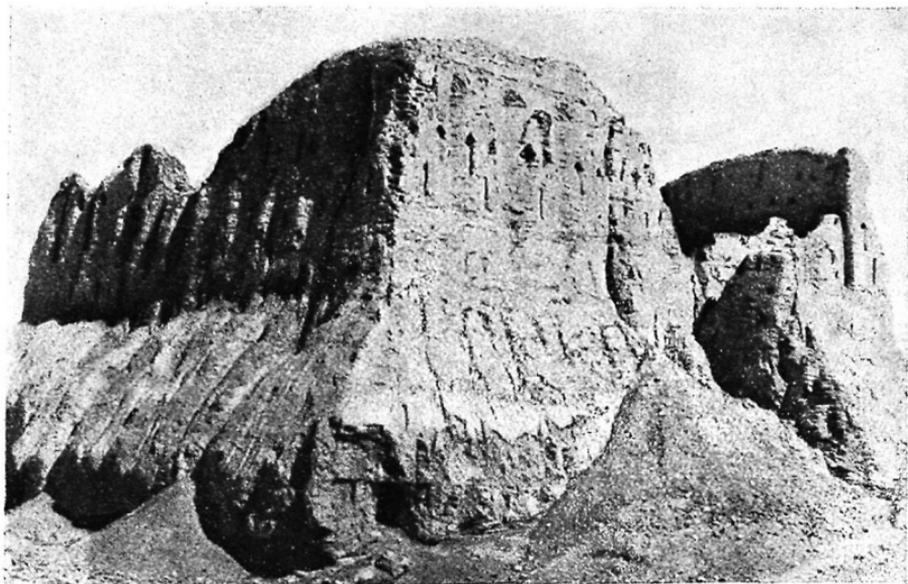

Рис. 74. Тешик-кала. Общий вид донжона

гашин-кала. Сокращается большая правая ветвь главного русла Гавхора, орошавшая селения у подножия Аяз-кала.

Еще более резким оказывается упадок ирригационной сети на левом берегу, где прекращает свое существование вся система грандиозного канала Чермен-яб, на берегах которого к западу от Змухшира полностью отсутствуют памятники афригидской эпохи.

Эти процессы могут быть отмечены не только для Хорезма, но и для согдийских поселений Семиречья и других, менее изученных областей Средней Азии. И археологические памятники и (для VII—VIII вв.) данные арабских источников говорят нам то же в отношении Мерва, и Согда, и Тохаристана, Ферганы, Шаша.

И там основным видом поселения становится укрепленный изолированный замок; по конструкции сходный с хорезмийским, — будь это многочисленные исследованные А. Н. Бернштамом замки согдийских колоний Семиречья или замок на горе Муг в верховьях Зеравшана, раскопанный А. А. Фрейманом и давший блестящее собрание согдийских документов.

Рис. 75. Комната с фризом в Тешик-кала

И там мы наблюдаем около V в. резкое сокращение культурной полосы. В. А. Шишкин отмечает это для западной части Бухарского оазиса.¹

И там наблюдается упадок городской жизни и, на рубеже тех же V—VI вв., такое же резкое изменение всего облика материальной культуры — факт, особо подчеркнутый М. Е. Массоном для района Термеза.²

В то время как для античности характерно относительное однообразие многих фактов материальной культуры на всей территории Средней Азии, для периода после V в. мы наблюдаем резкую областную обособленность культурных типов.

¹ В. А. Шишкин. Археологические работы 1937 г., стр. 42—43.

² М. Е. Массон. Городища Старого Термеза. Труды УзФАН, серия 1, вып. 2, стр. 102, 103.

Особенно ярко это видно в керамике. Не только Согд и Семиречье с их своеобразными раннесредневековыми сосудами, возрождающими местные традиции ручной керамики, глубокими корнями уходящей к прототипам бронзового века Ирана и даже Малой Азии, но и сравнительно близко расположенная Бухара дает для этого времени керамику, ничем не похожую на афригидскую. Даже в северо-западных районах Хорезма керамика

Рис. 76. Замок № 7

афригидского времени отлична от классической южнохорезмской.

В общесреднеазиатском масштабе мы можем наблюдать яркие проявления политической стороны этого процесса. Если античные и китайские источники для докушанского и кушанского времени говорят нам об обширных царствах, то арабы застают Среднюю Азию разделенной на множество мелких государств, независимых друг от друга. Каждое такое государство — это город с его округой, порою окруженный кольцом «длинных стен». Иногда эти царства объединены в небольшие и неустойчивые конфедерации, тяготеющие к какому-либо крупному центру.

Тохаристан, древняя Бактрия, распадается ко времени арабского завоевания на ряд мелких, захолустных княжеств, царьки которых носят разнообразные пышные титулы. Это

Балх на левом берегу Верхней Аму-дарьи, Чаганиан (во главе с «чаган-худатом») — на правом; между ними самостоятельное Термезское владение, управляемое «тармизшахом»; в Верхнем Тохаристане — княжества Вашгирд, Кувадиан и Хуталаян (между Пянджем и Вахшем). Вверх по Пянджу лежали горные княжества Керран, Шахинам (Шугнан) и Вахан, занимавшие территорию нынешней Горно-Бадахшанской автономной об-

Рис. 77. Замок № 13

ласти. В глубь страны к северу, в верховьях Вахша, находились области Рашт и Кумед, нынешний Каратегин, населенный горным народом кумиджиев, который ал-Макдиси считает тюркским. Горная область верховьев Зеравшана образовала княжество Буттам. Согд распадался на три конфедерации небольших городских княжеств. Собственно Согд, с центром в Самарканде, охватывал лишь бассейн Зеравшана от Пянджикента до Кермине. Западная часть долины Зеравшана составляла другую конфедерацию с Бухарой во главе. Долина Кашка-дарьи с центром в городе Кеше также образует самостоятельную конфедерацию, иногда, впрочем, входившую в Согдийский союз. Отдельные княжества, входившие в состав этих конфедераций, были фактически вполне самостоятельны. Так, например, правитель Маймурга, лежавшего всего в 8—9 километрах на юг от

Самарканд, в 451 г. посылает самостоятельное посольство в Китай. Вниз от Самарканд по Зеравшану лежали маленькие государства Иштихан и Кушания.

Рядом с Бухарой, в пределах Бухарского оазиса лежало княжество Вардана, правитель которого носил претенциозный титул «варданшах».

Напоминающее эти конфедерации объединение нескольких

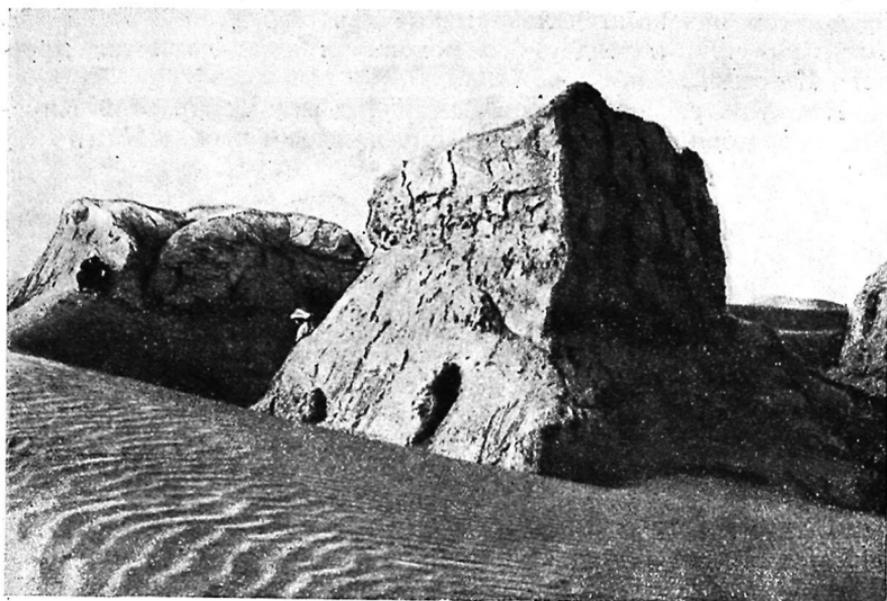

Рис. 78. Пилоны ворот Кум-Баскан-кала

княжеств представляла Фергана. Цари Ферганы и Согда носили титул «ихшид». Самостоятельным государством был округ Ходжента, царек которого именовался «дихкан». Район Ура-тюбе составил самостоятельную область Осрушану, во главе с князем, носившим титул «афшин».

Мы не имеем сведений о политическом делении Хорезма в эту эпоху. Он, повидимому, составлял единое владение, занимая несколько особое место в общей политической картине. Однако ослабление внутренних политических связей заметно и там: наряду с хорезмшахом, ал-Табари упоминает подчиненных ему «царей» (арабское «мулюк»).

Однако какие-то традиции древнего, более широкого политического объединения продолжают существовать еще в VII—VIII вв.

История китайской династии Тан — памятник, одновременный с ранними арабскими источниками — говорит о стране Кан, включающей в свой состав девять княжеств: Самарканд (Кан, Самокянь), Бухару (Ань), Кабудан (Цао), Шаш (Ташкент — Ше), Маймург (Ми), Кушанию (Хо), Вардану (Моди — по идентификации Маркварта), Кеш (Ше) и Хорезм (Хосюнь), правители которых («девять семей») принадлежат к одной династии, именуемой китайцами Чжаоу.

В этом названии нельзя не видеть (вслед за Томашеком) имя Сиявуша, легендарного родоначальника династии древнего Кангюя.

Китайцы рассматривают Самарканд как центр этой широкой конфедерации, присваивая ему общее ее имя — Кан.

Рис. 79. Монета Шаушафара

И территория и имя конфедерации не оставляют сомнения в том, что перед нами не что иное, как традиционно сохраняющееся, хотя и не имеющее фактически почти никакого политического значения, древнее Кангюйское царство.

В противоположность Тан-шу, арабские источники ничего не говорят нам о преобладающем политическом положении Самарканда в системе этого традиционного объединения. Напротив, ал-Табари и ал-Якуби согласно свидетельствуют, что цари Мавераннахра, составлявшего нечто вроде конфедерации, собирались в чрезвычайных случаях на съезд в городе Кандакин близ Хорезма. Вероятнее всего в последнем видеть не имя страны, а имя ее столицы (Кята — Фира), как мы это часто встречаем в раннемусульманских источниках. Это позволяет предполагать, что Кандакин лежал в пределах Хорезма, т. е. и в этом отношении сохранялась старая кангюйская традиция.

Китайская же информация должна быть отнесена за счет не формальной, а фактической гегемонии Самарканда в Кангюйском союзе, определяющей его ролью как крупнейшего экономического центра Мавераннахра.

Внешнеполитическая история Средней Азии между IV и VIII вв., между падением Кушанского царства и арабским завоеванием, наполнена бурными событиями.

Мы помним, что достигшее зенита политического могущества во II в. н. э. Кушанское царство вступает в полосу упадка и распада. Мы мало знаем о причинах этого кризиса — слишком скудны сведения о событиях этого времени в Кушанской империи, даже внешняя схема истории которой, даже хронология отдельных царствований и самое число правивших после Канишки царей являются в современной науке предметом бесконечных дискуссий. Однако бесспорно одно: в III в., когда в Иране приходит к власти, на смену парфянским аршакидам, новая, персидская династия сасанидов, Кушанское царство не в состоянии оказать им серьезного сопротивления в их энергичном напоре на Восток.

Видимо, Бактрия, а может быть и Согд, испытали в какой-то мере политическое влияние Сасанидской империи.

Хорезм, однако, не только сохранил свою независимость, вероятно уже на рубеже II и III вв. освободившись от ставшей формальной гегемонии ослабленных кушанов, но, судя и по нумизматическим данным, и по материалам, доставленным нам раскопками в Топрак-кала, укрепляет в III в. свое политическое положение и продолжает восходящую линию развития античной культуры.

Но начало IV в. — время Аффрига — ознаменовано и в Хорезме признаками намечающегося кризиса. К этому времени относится появление разнообразных мелких медных монет хорезмийских типов, но с разными тамгами, свидетельствующее о каких-то остающихся пока темными сдвигах в политической жизни страны, сигнализируя о намечающихся тенденциях политического распада.

Не против этих ли тенденций и была направлена суровая тирания Аффрига, снискавшая ему мрачную славу у потомков?

2

С начала V в. в Средней Азии разворачиваются события, приведшие к окончательному крушению сасанидской экспансии и поставившие под серьезную угрозу само Сасанидское государство. Я имею в виду широкое движение среднеазиатских степных варварских племен, объединяемых именем «белых гуннов», или эфталитов.

Повидимому, первоначальным очагом эфталитского объединения были северо-восточные окраины Хорезма, район еще существовавшей, как мы видели выше, в эту эпоху древней

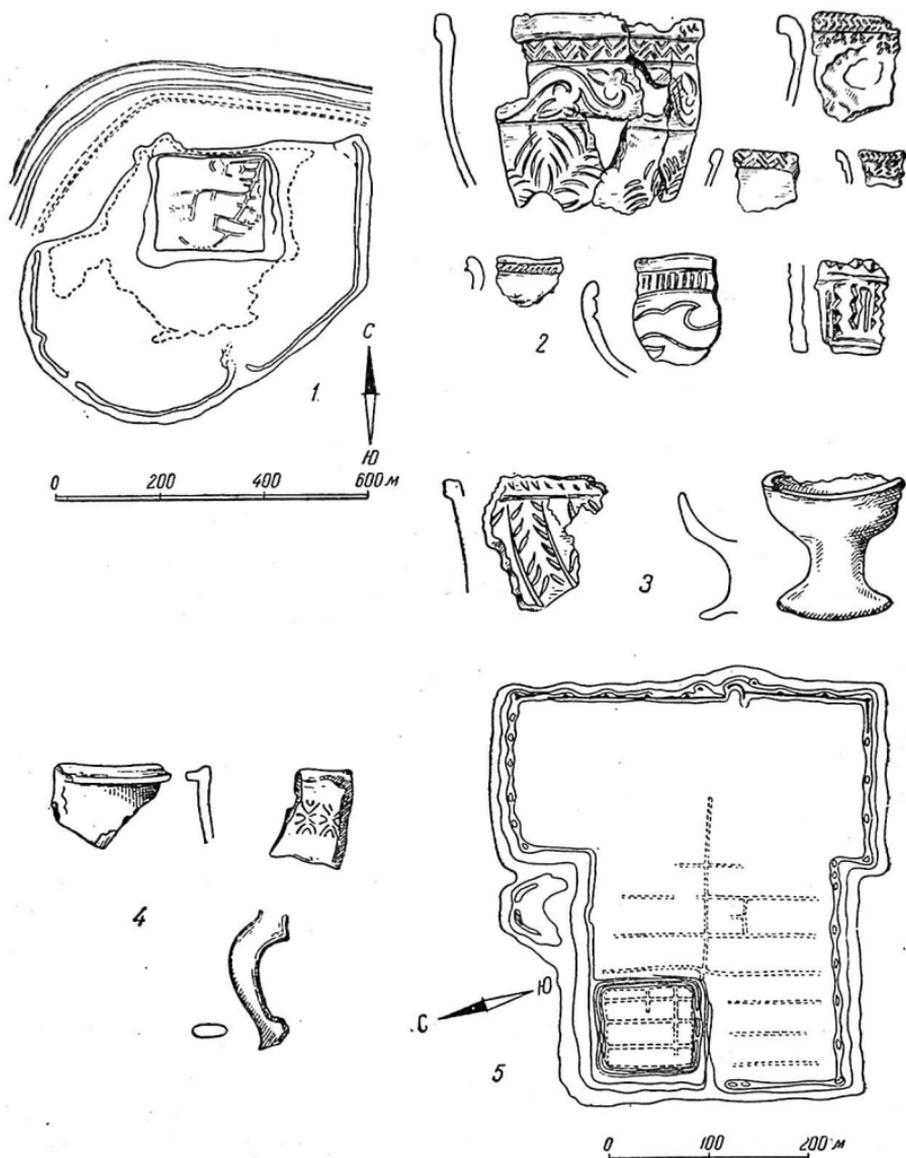

Рис. 80. Памятники восточноаральских «болотных городищ»

- 1 — план Кескен-Куюк-кала; 2 — керамика Кескен-Куюк-кала;
 3 — керамика из Куюк-кала; 4 — керамика из Джанкент-кала;
 5 — план Джанкент-кала (Ягикент)

общей дельты Аму-дарьи и Сыр-дарьи. С этой областью в раннем средневековье было связано имя Кердер, или Курдер, откуда Лерх с большим основанием выводит имя гуннов-кидаритов, под которым на первом этапе своего движения выступают «белые гунны». Самое имя эфталитов, повидимому, представляет собой искажение тюркизированной формы имени массагетов (Gweta-äli, «народ Гвета»), т. е. в их лице мы видим оставшихся на своей древней приаральской родине потомков массагетов.

Здесь, во время наших работ 1946 г., нами было открыто несколько весьма своеобразных городищ, которые есть все основания рассматривать как памятник культуры эфталитов до их завоевательного движения на юг.³

Эти городища расположены на болотистом плоском треугольном полуострове, или, вернее, острове, лежащем к югу от Казалинска и ограниченном с севера Сыр-дарьей, с запада Аральским морем и с юго-востока болотистыми камышевыми плавнями, в которые впадает староречье Куван-дарья. Остров этот пересечен многочисленными старыми руслами протоков древней дельты.

На берегах этих протоков, в нескольких километрах от моря, и расположены эти памятники.

Самым крупным из них является Кескен-Куюк-кала. Она расположена на южном берегу ныне сухого, густо заросшего кустарником протока древней дельты. Это обширное городище, неправильно округленных очертаний, размером 500 × 700 метров, вытянутое с востока на запад. Площадь городища, окруженная валом, являющимся результатом размыва стен из сырцового кирпича, поднимается над окружающей местностью на высоту около 2 метров.

По середине городища, несколько ближе к северной стене, расположен бугор цитадели квадратной формы, 210 × 210 метров, поднимающийся на 3 метра над общим уровнем городища, т. е. на 5 метров над окружающей местностью. Цитадель сплошь застроена хорошо прослеживаемыми в плане помещениями. Стены их сложены из квадратного сырцового кирпича, размеры которого колеблются между 28 × 28 и 40 × 40 сантиметров. Преобладающие размеры 33 × 33 и 35 × 35 сантиметров, т. е. те, которые характерны для Хорезма афригидского периода.

Цитадель имеет крайне своеобразную, поражающую своей нерегулярностью планировку. По периферии квадрата идет опоясывающий коридор шириной около 1.5 метра. Квадрат

³ См. С. П. Толстов. Города гузов. СЭ, 1947, № 3.

внутри разделен идущей наискось (ближе к восточному краю) улицей шириной около 3 метров. От нее в разных направлениях и под разными углами отходят кривые переулки, делящие всю площадь цитадели на неправильной формы и разного размера здания, в свою очередь разбитые стенками, обычно в два кирпича, на квадратные комнаты, размером от 4×4 до 23×23 метра. На поверхность внутри помещений как на городище,

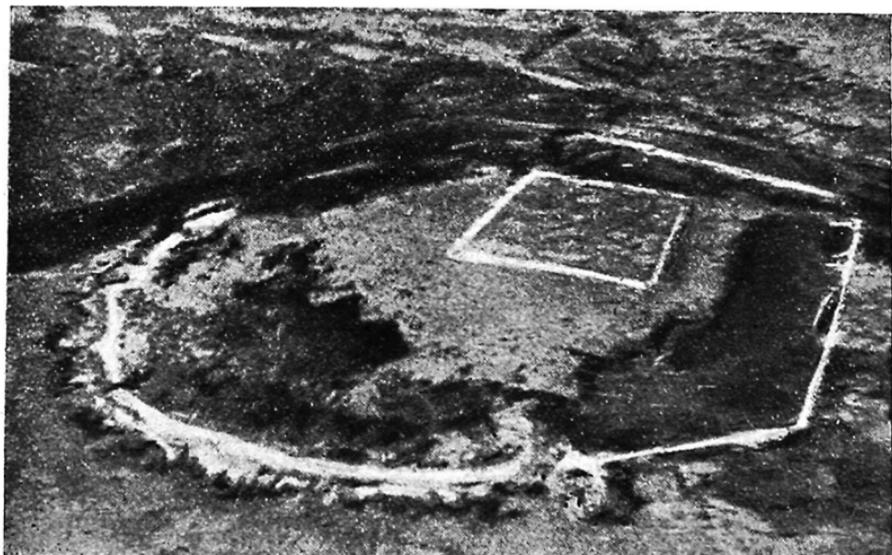

Рис. 81. Кескен-Куюк-кала с воздуха

так и в цитадели выходит золистый культурный слой, изобилующий разнообразной керамикой, фрагментами медных изделий и костями животных плохой сохранности, главным образом мелкого рогатого скота, но попадаются также кости и черепа лошадей и верблюдов.

Обильный керамический материал, добытый на городище, дает очень яркую и своеобразную картину. Наличие небольшого процента сосудов джеты-асарских и хорезмийских античных и афригидских типов позволяет определить время жизни городища, возникшего не позднее начала н. э. и просуществовавшего до раннего средневековья.

Преобладающая керамика, однако, чисто местных форм. Это грубая лепная керамика, богато украшенная рельефным орнаментом, частью известным по придонским городищам середины I тысячелетия н. э., видимо оставленным аланскими

племенами — геометрическим, состоящим преимущественно из опоясывающего венчик сосуда елочного рисунка, частью пышным растительным, близко напоминающим раннесредневековые орнаменты тюркских племен Монголии и Средней Азии, известные по изделиям из кости, металла и камня, а также по текстильным узорам.

Прототипы этих орнаментов мы встречаем еще в гуннских памятниках Монголии и Семиречья, датируемых I в. до н. э. и I в. н. э.

Сходные материалы дали два других обследованных городища — Куюк-кала и Джанкент, с той разницей, что последнее, дожившее до X—XI вв. н. э., содержит наряду с только что охарактеризованным комплексом также и более поздний материал, в том числе раннесредневековую поливную керамику, и характеризуется большей регулярностью планировки, несколько напоминающей планировку Топрак-кала. К этому городищу мы вернемся ниже, в главе X нашей книги.

Анализ материала «болотных городищ» восточного Приаралья заставляет прийти к выводу, что эти памятники созданы народом, по происхождению тесно связанным с сармато-аланскими и массагетскими племенами, однако около IV—V вв. н. э. подвергшимся сильному влиянию восточных племен тюрко-монгольского круга, вероятно всего — гуннов. Китайская «История Северных Дворов» сообщает нам, что локализуемая большинством исследователей в северо-восточном Приаралье, т. е. как раз в исследуемом нами районе, страна Яньцай (китайская транскрипция имени аорсов — аланов), или Судэ, около середины IV в. была завоевана гуннами, и правитель этой страны, по имени Хуни, около 440 г. посылал посольство в Китай.

Видимо, Хуни китайской хроники — не кто иной, как Кунгха, царь среднеазиатских гуннов-кидаритов, который, по византийским данным, в 468 г. вел упорную войну с сасанидами и был разбит шахом Ирана Перозом. Под именами кидаритов и хионитов, как известно, впервые выступают на историческую арену эфталиты, причем первое из этих имен тесно связано с именем Кердер, которым еще в X и даже XIII в. именуется северо-восточная, приаральская окраина Хорезма.

Таким образом, у нас есть все основания полагать, что «болотные городища» Приаралья являются памятниками именно эфталитской культуры, рисующими нам историю ее формирования из местных, массагето-аланских и пришлых гуннских элементов и позволяющими восстановить основные черты хозяйственного и общественно-бытового уклада «белых гуннов».

Это народ, характеризующийся комплексным скотоводчески-рыболовчески-земледельческим хозяйством, с ведущей ролью скотоводства, не имеющего, однако, кочевого характера и сочетающегося с оседлым или по меньшей мере полuosедлым бытом, с обитанием в укрепленных общинных поселениях — «городах» (о «городском быте» эфталитов упорно говорят византийские авторы — Прокопий Кесарийский и Меландр).

Характер планировки поселений позволяет говорить, что, впрочем, подтверждается и письменными памятниками, о жизни общинно-родовых традиций.

Китайские хроники, в частности, сообщают о многожестве у эфталитов — несомненный пережиток массагетского группового брака. Об архаическом, варварском укладе, оживляющем в нашей памяти древние скифо-массагетские традиции, говорит сообщаемый Прокопием Кесарийским эфталитский обычай, согласно которому эфталитские вожди окружали себя так называемыми «соумирающими» — людьми, которые являлись их сотоварищами по трапезе, в быту, в сражении и которые, после смерти вождя, должны были сопровождать его в загробный мир.

Выступление эфталитов на историческую арену и подчинение ими городских царств Мавераннахра пока остается не освещенным историческими источниками. Оно, несомненно, падает на IV в. и связано с охарактеризованным нами выше распадом Кушанской империи и экспансией сасанидов в Среднюю Азию, что явилось стимулом для попытки нового объединения среднеазиатских государств под гегемонией степных варваров, близких сородичей основателей Кушанской империи, сохранивших в своих приаральских поселениях нетронутыми традиции военно-племенной демократии, явившейся источником их силы в борьбе против могущественных иранских завоевателей.

Первое вторжение эфталитов в Хорасан падает на 427 г. Против них вели упорную борьбу Варахран V («Бахрам Гур», 420—438 гг.) и Ездегерд II (438—457 гг.). Варахран V разбил наголову эфталитов возле Мерва, убил их царя и украсил его короной храм огня в Азербайджане.

Ездегерду II также еще удавалось сдерживать напор эфталитов и сохранять владения сасанидов в восточном Хорасане и Тохаристане. Однако после его смерти в 457 г. эфталиты, во главе со своим царем Акшунваром, оккупировали Чаганиан, Бадахшан, Балх, Тохаристан и Гарджистан. Кампании преемника Ездегерда, Пероза, против эфталитов в 459 и 479 гг. были неудачны.

Во время кампании 479 г. иранское войско потерпело решительное поражение. Сам Пероз был разбит эфталитами в бою и убит в 484 г. Иранское правительство, чтоб спастись от окончательного разгрома, было вынуждено платить «белым гуннам» дань.

Выступление эфталитов составляет одно из звеньев широкого наступления варварских племен на доживающий последние столетия рабовладельческий мир. На западе, на границах Римской империи, это — наметенное еще «маркоманской войной» 60-х годов II в. н. э. наступление германцев, фракийцев и сармато-алан, достигшее своей кульминации в V в., когда фронт обороны империи был прорван гуннами Атилы, западными сородичами и тезками «белых гуннов» — эфталитов. На востоке — это выступление «южных гуннов» (318 г. н. э.) и последовавших за ними других варварских центральноазиатских племен — сянбийцев-тоба и жуань-жуаней, завоевавших и варваризировавших северный Китай. Но предпосылкой и условием успеха наступления варваров на северные границы древних рабовладельческих империй на всем огромном протяжении рабовладельческого *limes'a* от Британских островов до берегов Тихого океана был глубокий внутренний кризис самой рабовладельческой системы, проявившийся в небывалом обострении внутренней классовой борьбы — восстаний рабов, полурабов-колонов и разоряемого и закабаляемого свободного населения городов и деревень.

Пятый век на Среднем Востоке — период крайнего обострения классовых противоречий, приведшего в Сасанидском государстве к взрыву открытой гражданской войны, предопределившей успех эфталитского наступления и имевшей широкий отклик в Средней Азии. Я имею в виду мощное антифеодалное движение разрушаемых и закрепощаемых крестьянских общин, вошедшее в историю под названием движения маздакитов.

Это было широкое движение закабаляемых феодализирующей иранской аристократией сельских общин, шедшее под лозунгами возвращения общинам земли и восстановления общинных семейно-бытовых традиций. В идеологическом отношении это движение представляло собой левое крыло манихейского дуалистического сектантства, мобилизовавшего народные массы на беспощадную вооруженную борьбу с «мировым злом», воплощенным в ненавистной народу землевладельческой аристократии и поддерживающем ее ортодоксальном зороастрийском жречестве.

При преемнике Пероза шахе Каваде проповедь вождя движения — Маздака достигает значительных успехов. Ка-

вад, прошедший много лет в качестве заложника у эфталитов, идет на соглашение с маздакитами, видя в них опору в борьбе с сепаратистскими тенденциями феодализирующейся знати. Весьма вероятно, что этот политический ход Кавада был определен его знакомством с эфталитскими порядками: общинно-родовые традиции эфталитского общественного уклада перекликаются с лозунгами маздакитского движения, и Кавад мог видеть в реализации этих лозунгов путь к укреплению слабеющего единства Сасанидской империи по образцу молодой варварской державы «белых гуннов», вышедшей победительницей из многолетней борьбы с могущественными «шахами Ирана и не-Ирана», как титуловали себя сасаниды.⁴

Однако эта попытка потерпела крушение. Кавад в 497 г. был низложен восставшей знатью, бежал к эфталитам и с их помощью вернул себе престол. Но продолжение маздакитской политики было уже невозможно — Кавад и его сын и соправитель, а впоследствии преемник, Хорсров Ануширван, пошли на сговор со знатью, жестоко расправившись с маздакитами и осуществив ряд политических реформ, направленных на укрепление государственной власти в условиях торжества феодальных отношений в экономическом укладе страны.

В Средней Азии эфталиты остаются хозяевами положения. К началу VI в. твердо устанавливается граница между Ираном и сасанидскими владениями по р. Гюргену и между Мерверрудом и Талеканом.

Балх, Тохаристан, Гарджистан, Бадгис, Герат, т. е. вся территория нынешнего Афганистана, входят в систему Эфталитского государства.

В середине V в. эфталиты начинают наступление в бассейн Инда. Подчинив себе владения кушанских шахов долины Кабула, они несколько раз вторгаются в Индию.

В конце V в. один из эфталитских вождей, Торамана, захватывает область Малава в центральной Индии. Его сын Михиракула, вступивший на престол около 510 г., делает своей столицей город Сакала в Пенджабе. Индийская ветвь эфталитов образовала полусамостоятельное государство, находившееся в известной зависимости от верховных правителей эфталитов, резиденция которых, по мнению Маркварта, находилась в городе Пейкенде, близ Бухары.

Китайские хроники говорят о значительном расширении эфталитских владений также и на восток. В них входили, по данным этих хроник, Кашмир, Гандхара, Вахан, Согд, Бухара.

⁴ См. по этому вопросу «Древний Хорезм», экскурс II, раздел V.

Эфталиты вытеснили из восточного Туркестана жуань-жуаней и включили в свое государство Кашгар, Хотан и ряд других городских царств.

Эфталиты, таким образом, почти полностью восстановили Кушанскую империю, в некоторых частях территории даже выйдя за ее пределы. Их выступление, как покажут и дальнейшие события, несомненно, замедлило процесс феодализации Средней Азии, укрепив общинно-родовые и военно-рабовладельческие традиции и задержав процессы феодального распада.

Эфталитский период роднит с кушанским и культурно-идеологическая политика эфталитских правителей. Китайские источники и художественные памятники Афганистана и Мавераннахра позволяют говорить о возрождении и укреплении в эфталитских владениях буддийской религии.

По словам Вэй-ши, в резиденции эфталитских царей «множество буддийских храмов и обелисков, и все украшены золотом».

Мы склонны датировать эфталитским временем примерно V в., великолепные памятники монументального искусства из развалин дворца в Варахше, близ Бухары, на которые мы ссылались выше. Видимо, Варахша была одной из резиденций верховных правителей эфталитов.

Стилистические особенности этого искусства и тематика изображений позволяют видеть в нем позднее ответвление индобуддийской художественной школы, возрождение кушанских художественных традиций.

Однако государство эфталитов было непрочным. Над его разрушением работали и внутренние и внешние силы. Мы знаем, что согдийская землевладельческая и торговая аристократия тяготилась эфталитской гегемонией и вела тайные сношения с внешними врагами Эфталитского государства. Уже около 528 г. Михиракула, в результате объединенного наступления индийских князей, теряет Пенджаб и сохраняет на некоторое время господство только над Кашмиром. А в 60-х годах VI в., — когда в Центральной Азии на арену выступает новая могущественная варварская держава орхонских тюрков, недавних данников жуань-жуаней, разгромивших Жуань-жуанский каганат и развернувших широкую экспансию на восток, против переживавшего глубокий социально-политический кризис Китая, и на запад, в восточный Туркестан и Семиречье, — пробил последний час Эфталитской империи. Между 563 и 567 гг. она пала под ударами тюрков, заключивших союз с преемником Кавада — Хосровом Ануширваном и согдийской аристократией.

Тюрки — варвары, как и эфталиты, — в своем внутреннем общественно-политическом строе также сочетали военно-рабовладельческие и общинно-родовые элементы. Однако их историческая роль была существенно иной, что определялось прежде всего тем, что в самом тюркском обществе процессы разложения военно-демократического уклада продвинулись уже значительно дальше. Тюркские каганы явно блокируются с феодализирующейся аристократией среднеазиатских царств, поддерживая ее в борьбе против народа и опираясь на нее в борьбе против демократических движений в самом каганате. Эта роль тюрков особенно ярко выступает в событиях, происходивших в Бухаре в 80-х годах VI в. и тесно связанных с внутренней социальной борьбой в Каганате.⁵

В 583 г. каганат, терпя неудачи в экспансии против окрепшего Китая, вступает в полосу хозяйственного и политического кризиса.

Рядовые тюрки, общинники-воины, восстают против кагана Шаболио, выдвинув в противовес ему неравноправного члена династии, Далобяня Аброя (Або китайских источников), сына кагана Муханя от рабыни. Потерпев поражение, Абрый бежит в западную часть владений каганата, в Бухару, где, объединившись с «бедняками и нищими» Бухарского оазиса, тюркские изгнанники осуществляют политику, вынуждающую аристократию Бухары — «дихканов и богатых купцов» эмигрировать в Семиречье, под защиту Тюркского каганата.

Однако правительство каганата, ослабленное переживаемым кризисом, оказывается не в силах подавить демократическое движение объединенных плебейских масс тюрков и согдийцев и вынуждено прибегнуть к интервенции своих недавних врагов — китайцев.

Около 586 г. наместник кагана, Ябгу Кара-чурин (Шеху Чулохэу), во главе тюркских и китайских войск появляется под стенами древней столицы эфталитов — Пейкенда, избранной (вряд ли случайно) Аброем в качестве резиденции. Восстание было подавлено, Абрый взят в плен и подвергнут жестокой казни.

«Большой мешок наполнили красными пчелами и опустили туда Аброя, отчего он и умер», рассказывает Нершахи.

Подавление восстания дало возможность бухарской знати вернуться из эмиграции, а поддерживавший Аброя городской плебс «стал слугами и кедиверами (клиентами) возвратившихся».

⁵ См. С. П. Толстов. Тирания Аброя, ИЗ, III, 1938, а также «Древний Хорезм», экскурс II.

Хорезм сохраняет как в эфталитский, так и в тюркский период свой политический суверенитет. Для эфталитского периода мы можем говорить даже о большем: как и Кушанское царство, Эфталитская империя на первых порах развивается под несомненным хорезмийским влиянием. Монеты индийских эфталитов, как в свое время монеты «кушана Герая», отражают несомненное влияние хорезмийской чеканки: головные уборы царей — шапочка с полумесяцем и тамга в поле аверса монет — очень близки к хорезмийским, характеризуюсь лишь большей грубостью исполнения.

К 60-м годам VI в. относится отрывочное свидетельство византийского историка Менаандра о дипломатических отношениях Хорезма с Византией и тюрками.

Что касается 60-х — 80-х годов, то они характеризуются настойчивыми попытками со стороны византийской дипломатии создать обширную антисасанидскую коалицию, охватить территорию старого врага Византии — Иранской империи — сплошным фронтом союзных с Византией держав, на юго-западном, правом фланге которого выступают абиссинцы и арабы, на левом, юго-восточном, — центральноазиатские тюрки и народы Средней Азии.

Маршрут византийского посла Земарха, в 569 г. посетившего ставку западнотюркского кагана, лежал через Хорезм (страна холиатов, или хоалитов, по Менаандру). При возвращении Земарха (вместе с ответным тюркским посольством) некоторые правители среднеазиатских государств изъявили желание присоединить к посольству кагана также и своих послов. Однако каган разрешил это сделать только правителю хоалитов (хорезмийцев) — явное свидетельство того, что он рассматривал Хорезм, в противоположность непосредственно вошедшим в состав каганата государствам Мавераннахра, как равноправную суверенную союзную державу.

Конец VI и VII в. в масштабе всей Средней Азии (специально о Хорезме источники нам почти ничего не говорят) — период нарастания и углубления социально-политического кризиса, проявлениями которого являются маздакитское движение и его отклик на среднеазиатской почве — восстание Абурая. Распад Тюркского каганата на западный и восточный, последующее падение политической мощи обоих, обусловленное гражданскими войнами и усобицами, ведет к интервенции Китая, подчиняющего себе остатки каганата и пытающегося наложить руку также и на среднеазиатские царства.

В 60-х годах VII в. китайцы делают попытку включения Средней Азии в административную систему Китайской империи: в Семиречье создаются две китайские префектуры, в Сог-

де — семь, в Тохаристане — 16. Хорезм, как и в тюркский период, сохраняет свой суверенитет.

Однако, повидимому, и вся эта организация почти целиком остается на бумаге. Дальнейшие события развиваются неблагоприятно для китайцев.

В 670 г. в восточный Туркестан вторгаются полчища новых варваров — тибетцев, в 661—663 и 679 гг. разражаются восстания восточных тюрков, завершающиеся восстановлением каганата, вновь вступающего на путь активной внешней политики. Китай оказывается отрезанным от Средней Азии и надолго, вплоть до середины VIII в., лишенным возможности вмешиваться в среднеазиатские дела.

На среднеазиатской политической арене появляется новая внешняя сила в лице юго-западных варваров-завоевателей — арабов, вторжение которых явилось решающим, переломным моментом в истории народов всего Ближнего и Среднего Востока.

Глава IX

МЯТЕЖ ХУРЗАДА¹

1

История образования огромной полуварварской Арабской империи неотделима от истории кризиса рабовладельческой системы в восточном Средиземноморье, в Византийской и Иранской империях, как история образования Эфталитского и Тюркского государств не может быть понята вне изучения кризиса рабовладельческого общества в Китае, среднеазиатских государствах и том же Иране.

В этот кризис оказались втянутыми и далекие племена и примитивные городские общины западной Аравии, остро затронутые губительными последствиями экономического упадка Византии, в частности — упадка ее восточной торговли, из которой торгово-ростовщическая и рабовладельческая знать арабских городских общин извлекала в прошлом немалые выгоды. Попытка со стороны этой знати переложить тяжесть кризиса на плебейские массы городов и бедуинские племена, быстро оказавшиеся в сетях ростовщической кабалы, вызвала острый взрыв социальной борьбы, завершившийся созданием сильного военно-рабовладельческого государства, ставшего на путь поисков выхода из внутреннего социального кризиса за счет внешней экспансии, завоеваний и грабежа, вдохновляемого фанатической идеологией ислама, представляющего хаотическое смешение элементов христианского и иудейского сектант-

¹ Детальный анализ описываемых в этой главе событий см. в наших работах «Новогодний праздник «каландас» у хорезмийских христиан XI в.», СЭ, 1946, № 2 и «Хорезмийская генеалогия Самуила Абы», СЭ, 1947, № 1.

ства с древнеарабским шаманством и традициями мекканского городского культа.

На протяжении 30-х годов VII в. Мекканско-Мединская военно-разбойничья политическая община подчиняет себе всю Аравию и начинает набеги на территорию азиатских владений Византии и на Иран. Эти набеги закончились изгнанием византийских войск из Сирии и Палестины, а в 642 г. генеральная битва при Нихавенде решила судьбу Сасанидской державы. Последний «шахиншах Ирана и не-Ирана» Ездегерд III повторил путь, который за 1000 лет до него проделал последний ахеменид Дарий III, спасаясь от Александра. Он во главе 1000 всадников и такого же количества дворцовой челяди, кондитеров, парикмахеров и т. п. бежал в Мерв. Однако правители города, как некогда восточные сатрапы ахеменидской Персии, оказались мало расположенными жертвовать собой для спасения владыки Ирана и его державы. При известии о приближении арабов (651 г.) они призвали на помощь старых врагов сасанидов — тюрков, а покинутый всеми Ездегерд был вынужден скитаться в окрестностях города, где и погиб от руки случайного убийцы, польстившегося на пышные одежды последнего сасанидского царя.

В том же 651 г. арабы впервые появились на границах Средней Азии — под стенами Мерва, Герата и Балха, ограничившись на первых порах лишь заключением договоров и наложением значительных контрибуций. Мерв и Балх становятся оперативными базами для дальнейших грабительских набегов в глубь Средней Азии. Вооруженным грабежом и взиманием контрибуций ограничиваются арабы и во время набега на Согдиану в 654 г. Однако уже в 655 г. вспыхивает мощное восстание населения только что покоренных хорасанских областей, которое едва не привело к крушению молодого Арабского государства. Во главе восстания становится сын Ездегерда III Пероз, получающий вооруженную поддержку китайцев, которые, как мы видели, в это время особенно активно вмешивались в среднеазиатские дела.

Надо сказать, что еще Ездегерд III после битвы при Нихавенде входит в сношения с Китаем, пытаясь опереться на его помощь. Однако эти переговоры не привели ни к чему. Перозу удается достигнуть большего. После смерти отца он бежит в Китай, входит в непосредственные сношения с китайским двором и добивается просимой помощи, платя за нее признанием вассальной зависимости от Китая. Пероз наносит арабам ряд серьезных поражений и полностью освобождает от них Хорасан. Мы присутствуем здесь при любопытном историческом эпизоде — при создании китайской провинции Босы (Персия),

с центром в городе Зерендже (на нынешней границе Ирана и Афганистана), во главе которой оказывается в качестве префекта китайского императора последний представитель династии сасанидов.

Разгром арабов в Хорасане привел к острому политическому кризису и вспышке гражданской войны в халифате, стоившей жизни халифу Осману, убитому восставшими воинами в 656 г. Лишь в начале 60-х годов арабской аристократии удается подавить вооруженную оппозицию народных масс арабских племен и возвести на престол представителя самого знатного и богатого мекканского аристократического рода омайядов — Моавию I. Арабы вновь начинают наступление на Хорасан, открывая новую полосу грабительских набегов в глубь Средней Азии. Пероз, разбитый окончательно в 667 г., бежит обратно в китайскую столицу и там, после безуспешной попытки в 675 г. вновь вернуться в Хорасан, заканчивает свою жизнь в качестве «генерала гвардии правого крыла» китайского императора.

Арабы прочно закрепляются в Хорасане, откуда на протяжении 70-х и 80-х годов организуют ряд крупных грабительских набегов на Мавераннахр и Хорезм.

Арабские источники говорят о двукратном «покорении» Хорезма арабскими полководцами Сальмой ибн-Зиядом и Умайей ибн-Абдаллахом. Однако практически здесь имели место лишь такие же грабительские набеги, как и в отношении городов Мавераннахра.

Лишь с началом VIII в. и с именем наместника Хорасана — Кутейбы ибн-Муслима связано прочное завоевание внутренних среднеазиатских областей. Падение независимости державы хорезмшахов, устоявшей на протяжении полных политических бурями предшествующих столетий, падает на 712 г. Обстоятельства завоевания Хорезма Кутейбой чрезвычайно существенны — мы впервые узнаем здесь из непосредственного свидетельства письменных источников о тех событиях внутренней социально-политической истории Хорезма, на которые намекают нам археологические памятники.

2

Арабский историк Табари рассказывает нам, что накануне арабского завоевания власть в Хорезме фактически захватил брат хорезмшаха Хурзад (или Хурразад), который, опираясь на своих приверженцев, оттеснил законного царя от управления и жестоко расправился с хорезмийской знатью, отнимая у нее имущество, скот, дев ушек, дочерей, сестер и

красивых жен. Эта, на первый взгляд анекдотическая, деталь очень важна: дело в том, что одним из очень существенных пунктов социальной программы антифеодалных движений маздакитского типа является лозунг уничтожения гаремов аристократии и восстановления древних форм группового брака, традиции которого были еще очень сильны как в земледельческих деревенских общинах, так и у скотоводческих племен не только в массагетское, но и в эфталитское время. Важность этого лозунга была определена тем, что, по отчетливому свидетельству таких документов, как сасанидский судебник Matikan-i-Hazar Datestan, процесс концентрации отрывааемых от общины женщин в гаремах аристократии в виде младших жен, жен-рабынь (zan-i-šakar), наложниц и «приемных дочерей» являлся одной из существенных форм закабаления свободных общинников и превращения их в полурабов феодализирующейся знати, в «дворовых» формирующегося поместья.

От апроприации женщин общины помещиками община жестоко страдала. Помимо того, что в этих условиях значительная часть общинников, в первую очередь беднота, была осуждена на безбрачие, а соответственно на невозможность создать свое хозяйство, община в целом испытывала острую нужду в женской рабочей силе.

Этим объясняется тот факт, что в числе «преступлений», вменяемых апологетами аристократии антифеодалным движениям и сектам, непременно фигурирует обвинение в «свальном грехе», «развратном поведении», «захвате женщин». Это одинаково характерно для исходящих от аристократии обвинений по адресу самого Маздака и его сподвижников и по адресу позднейших движений того же типа — Муканны в Согде и Бабка в Азербайджане в VIII в., карматов в IX—XI вв.

Аналогичный «грех» вменяется и эфталитам: якобы и поход Пероза и завоевание тюрков имели своей задачей защиту согдийской аристократии от развратных посягательств эфталитских правителей, а на связь эфталитов с маздакитами мы указывали выше.

Все это позволяет нам с уверенностью утверждать, что восстание Хурзада было антифеодалным движением маздакитского типа, движением сельских общин и городского плебса против обитателей больших замков, могущественной феодализирующейся знати.

Большой интерес представляет вопрос об идеологии движения Хурзада — мы знаем, что антифеодалные движения раннего средневековья неизменно выступают в оболочке религиозных сект.

Есть все основания полагать, что в данном случае мы имеем дело со своеобразным синкретическим юдаизмом. Хорезмское духовенство, те самые ученые, над которыми, как мы видели в начале нашей книги, Кутейба учинил варварскую расправу, у Табари фигурируют под именем х а б р (множ. а х б а р), а это имя и в древнем и в современном арабском имеет только одно значение — еврейский ученый, ученый раввин. История последующих событий дает, как мы увидим, прочные доказательства сформулированному выше положению.

В лице Х у р з а д а (букв. «сын солнца»), «имя» которого, видимо, является титулом, вернее переводом хорезмийского титула б а г п у р (арабское ф а г ф у р) — титула светского царя, соправителя священной особы х о р е з м ш а х а, или х о р е з м с к о г о Х о с р о в а,² мы имеем, несомненно, одного из тех представителей дофеодальных царских династий, которые в блоке с общинными движениями искали опоры для борьбы с сепаратистскими тенденциями могущественной поземельной знати, как это мы имеем в отношении Кавада, эфталитских царей, Абура и ряда других деятелей последующих столетий.

Видимо, «священной особе» хорезмшаха сектанты противопоставили своего «священного царя», которого Табари упоминает под именем Хамджерда — искажение собственного имени Хангири, которое читается на одной из серий открытых нами хорезмийских монет VIII в., где отсутствует изображение Сиявуша и тамга сиявушидов заменена своеобразным знаком в виде тройной развилки, поставленной на горизонтальную черту, а надпись выполнена хорезмийскими буквами, видоизмененными под явным влиянием еврейского квадратного письма.

Хорезмшах входит в тайные сношения с Кутейбой и призывает его на помощь против собственного народа. Кутейба устраивает ложную диверсию в сторону Согда, о чем предатель хорезмшах немедленно доводит до сведения своего войска и народа, этой дезинформацией обеспечивая неожиданность удара интервентов.

Арабы появляются под Хазараспом. Кутейба берет в плен Хурзада. Брат Кутейбы Абдуррахман разбивает и убивает Хамджерда. Арабы заключают договор с шахом, уплачи-

² Как и в других среднеазиатских царствах, особа царей Хорезма считалась священной. Они рассматривались в качестве воплощенных божеств. Как мы пытаемся доказать в нашей цитированной выше работе в СЭ, 1946, № 2, наряду с воплощенным божеством — хорезмшахом, или «хорезмским Хосровом», в Хорезме в VIII в. существовали светские царь-соправители, которые и носили титул «багнур».

вающим дань из 10 000 голов скота; 4000 пленных повстанцев во главе с Хурзадом предаются смерти.

По свидетельству Белязури, немедленно после ухода арабских войск хорезмийцы восстали против шаха-предателя и убили его, что было причиной вторичного похода Кутейбы, о котором упоминают и Бируни и Ибн-ал-Асир. На престол был возведен Аскаджамук, сын предателя, а в качестве его соправителя — в а л и я (арабский термин для передачи хорезмийского титула царя-соправителя б а г п у р). Кутейба назначил своего брата Абдаллаха, закрепившего связь с династией афригидов браком с дочерью хорезмшаха.

Как мы видели в начале нашей книги, не удовлетворившись истреблением 4000 пленных — явление беспрецедентное в истории завоевания Средней Азии арабами и бесспорно свидетельствующее о том, что перед нами акт классового террора, Кутейба уничтожает историческую литературу хорезмийцев и истребляет и изгоняет их ученых, что было бы также необъяснимо (напомню союз Кутейбы с остающимся язычником хорезмшахом), если бы не учесть отмеченной нами выше роли хорезмийских «хабров» как идеологов движения Хурзада.

Последствием этих событий было одно из интереснейших явлений раннесредневековой истории Восточной Европы — юдаизация Хазарии.

Хазарский каганат, возникший в конце VI в. н. э. в процессе распада Западнотюркской империи и воспринявший и развивший на юго-востоке Европы древнетюркскую политическую традицию, в это время ведет жестокую борьбу с арабскими завоевателями, выступая в качестве союзника Византии.

Именно сюда, в Хазарию, бегут остатки хорезмийских повстанцев-юдаистов, во главе с «новым б а г п у р о м», сменившим убитого Кутейбой Хурзада и известным из еврейско-хазарских источников под именем Булана.

Хорезмийские изгнанники быстро выдвигаются в Хазарию на первый план, становятся во главе хазарских войск, и в конечном итоге их вождь становится фактическим правителем Хазарии, родоначальником династии хазарских беков, отесняя на второй план кагана, превращаемого, по хорезмийскому образцу, в бесправного сакрального царя.

Синкретический хорезмийский юдаизм становится государственной религией Хазарии.

Эти события происходят между 712 и 730 гг., когда уже «обращенный» хазарский царь Булан во главе своей армии вторгается в арабские владения в Закавказье.

Дальнейшие события позволяют восстановить сопоставление хазарских, арабских и китайских источников и нумизматических данных. Арабы почти ничего не сообщают нам о Хорезме на протяжении всего VIII в. — период напряженной борьбы, связанной с окончательным завоеванием Средней Азии арабами и упорными восстаниями среднеазиатских царств.

Видимо, Хорезм продолжал жить своей обособленной жизнью, оставаясь в стороне от этих бурных событий, ограничиваясь формальным признанием вассальной зависимости от арабов и, время от времени, посылкой вспомогательных военных контингентов.

Археологические памятники Хорезма VIII в. не говорят нам ни о каких сколько-нибудь заметных переменах в социальном укладе, быту и культуре хорезмийцев. Напомню, что Тешик-кала, классический памятник афригидской культуры, относится ко второй половине VIII в. Однако к середине VIII в. относятся два важных свидетельства о политической активности Хорезма. На это время падает последняя попытка Китая восстановить свои позиции в Средней Азии. И в том же самом 751 г., когда на Таласе происходит решающая битва между войсками полководцев Гао-Сянь-чжи и Зияда ибн-Салиха, решившая спор окончательно в пользу арабов, в Китай прибывает посольство хорезмшаха Шаушафара — акт, явно враждебный по отношению к арабам, свидетельствующий о стремлении Хорезма вновь выступить в качестве самостоятельной силы в арабо-китайской борьбе.

А монеты Шаушафара доказывают, что его выступление имело и иные предпосылки, кроме благоприятной международной ситуации.

Царский титул на этих монетах читается MR'MLK'rg'r xzgn — «господин царь благословенный хазарский». Видимо, незадолго до 751 г. произошло объединение двух ветвей афригидов — хазарской и хорезмийской, создание огромной империи, простиравшейся от Крыма и Приазовья до Хорезма. Важным документом этого единства является так называемый *Noticia Episcoporum*, документ VIII в., содержащий список христианских епископских кафедр. Хазарская христианская церковь, образующая в это время самостоятельную митрополию с центром в Крыму, в Доросе, включает семь епископских кафедр. На третьем месте в этом списке, после Крымской и Итильской, идет Х а з а р с к а я, т. е. Хорезмская (в аланско-хазарском произношении) кафедра, а далее следуют четыре северокавказские. Этот факт объясним только в свете политического единства Хорезма и Хазарии. Любопытно, что даже в X в. хазарский царь Иосиф в своем знаменитом письме

испанскому еврею Хасдаи ибн-Шапругу включает Хорезм в состав хазарских владений — для этого времени уже без всяких оснований, кроме исторической традиции (см. карту 3).

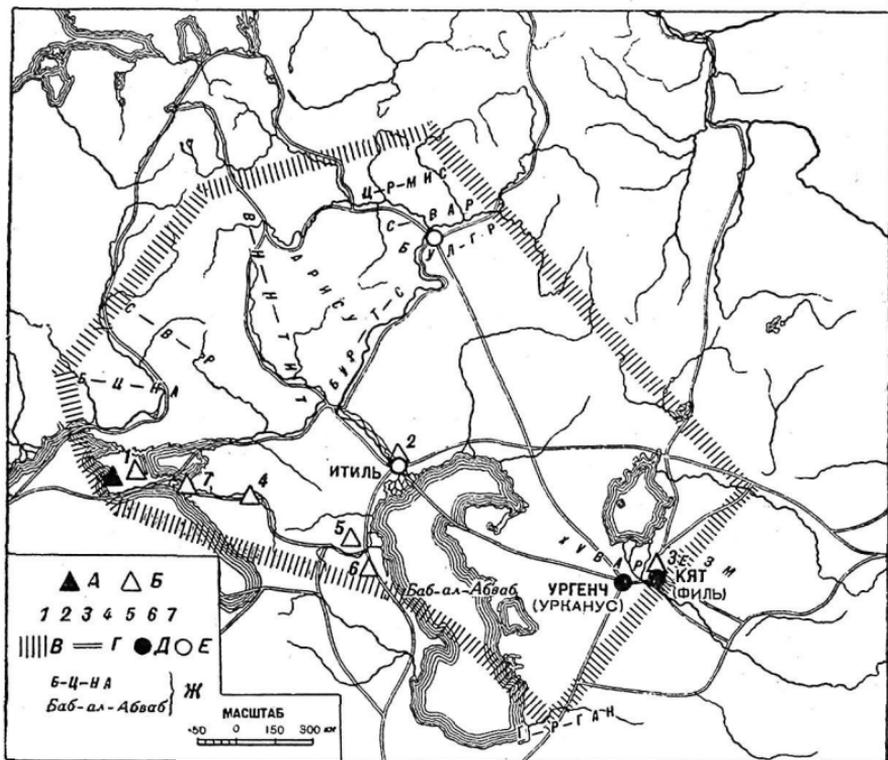
Видимо, к этому времени относится образование в Хорезме значительной христианской колонии, о наличии которой свидетельствуют в начале XI в. ал-Бируни и в середине XIII в. Плано Карпини. Характерно, что первый из этих авторов описывает бытовавший в его время у хорезмийских христиан-яковитов (православных, а не несториан, являвшихся наиболее распространенной сектой христиан Ирана и Средней Азии) новгородный обряд «каландас», и по имени и по содержанию тождественный со славянским обрядом колядования. Плано Карпини, в свою очередь, прямо указывает, что христианская колония в Ургенче состояла из х а з а р, р у с с к и х и а л а н о в. Видимо, как с событиями VIII в., так и в особенности с событиями X в., когда, как мы увидим ниже (см. гл. X), в Хорезм эмигрируют значительные группы хазарского населения, и на рубеже X и XI вв. вновь устанавливается политическое объединение Хазарии и Хорезма, связана эта инфильтрация в Хорезм различных этнических элементов, входивших в состав каганата, в том числе и русских славян.

Интересно, что известный арабский генеалогист конца VIII — начала IX в. ибн-ал-Кальби (умер в 819 г.) дает любопытную генеалогию хазар и хорезмийцев, тесно увязывая их друг с другом: «Родил Исхак (Исаак), сын Ибрагима ал-Халилия (Авраама), Хазара и Б-з-ра и Бурсуля и Хорезма и Филя».

Здесь в качестве «братьев» фигурируют рядом с Хазаром, Бурсулем (близко родственное хазарам и соседнее с ними племя) и Б-з-ром (видимо, У-з-р хазарской генеалогии Иегуды бен-Барзиллая) также эпонимы Хорезма и Филя (как мы помним, название одного из древнейших городов Хорезма), с возведением их к Исааку, т. е. со включением их в е в р е й с к у ю г е н е а л о г и ю. Правда, в X в. хазары (по письму Иосифу) воспринимают уже ортодоксальную еврейскую родословную, возводя свой род к Тогарме и Иафету. Но в VIII в. и в Хорезме и в Хазарии явно была распространена апокрифическая генеалогия, которая могла возникнуть только на базе политического единства этих стран.

Видимо, с деятельностью хорезмийских эмигрантов связано и имевшее место около середины того же VIII в. перенесение столицы Хазарии из Дагестана в Итиль на Нижней Волге — на важнейший из узловых пунктов торговых связей Хорезма с Восточной Европой, где скрещивалось несколько сухопутных и водных путей.

Политическое объединение Хазарии и Хорезма продолжается вплоть до 60-х годов VIII в. Когда в 764 г. хазарские войска берут Тбилиси, во главе их стоит хорезмийский военачальник

К а р т а 3. Центры хазарско-хорезмийской митрополии середины VIII в. по Notitia Episcopatum

А — Доросская митрополия; Б — епископские нафедры:

1 — Хоцирская (Карасубазар); 2 — Астельская (Итиль); 3 — Хвалисская (Хорезм); 4 — Оногурская (Прикубанье); 5 — Ретегская (Терек?, Тария?); 6 — Гунская (Варачан-Семендер); 7 — Таматархская (Тамань); В — схема границ хазарских владений по письму царя Иосифа; Г — основные торговые пути; Д — важнейшие экономические центры Хорезма; Е — отмеченные источниками хорезмские колонии в Европе; Ж — названия племен, областей и географических пунктов по письму царя Иосифа

Рас-тархан (или, как предлагает читать Маркварт, Ас-тархан). Есть все данные полагать, однако, что это объединение было недолговечным.

По данным письма царя Иосифа, внук Булана Обадия, правивший в 60—70-х годах VIII в., произвел

крупные политические и религиозные реформы: «...обновил царство и укрепил веру согласно закону и правилу», опираясь на еврейское талмудистское духовенство, пришедшее «из Багдада, Хорасана и земли Греческой» и впервые введшее в Хазарию «24 книги, Мишну, Талмуд и весь порядок молитв, принятых у хаззанов».

К этому же времени относится свидетельство Константина Багрянородного о гражданской войне в Хазарии, завершившейся изгнанием из каганата и бегством на запад, сначала в северно-черноморские степи, а затем, в союзе с венграми, в Паннонию, некоей народности, называемой Константином к а в а р а м и .

К а в а р — западнохазарское произношение имени х в а р , х о в а р — самоназвание хорезмийцев, в аланском произношении х в а л , х о в а л , х а л . В этом последнем произношении, в форме х а л и с и и , потомки к а в а р о в зарегистрированы в XI в. в Венгрии в качестве особого народа, о котором, с одной стороны, сообщается Иоанном Киннамом, что «они одного исповедания с персами», а с другой — что они «управлялись законами моисеевыми, да и то не совсем правильно понимаемыми».

Видимо, противоречие источника отражает противоречивый характер причудливого зороастрийско-иудейского синкретизма религии потомков хорезмийских изгнанников.

Потомки каваров еще в XIII в. сохранили смутное предание о своем хорезмийском происхождении. В венгерских хрониках XIII в. сохранилось предание о хорезмийской генеалогии короля Самуила Абы (1041—1044), выходца из каварской аристократии. Род его возводится к братьям Еду и Едумеру, сыновьям сына Аттилы — Хабы от матери-хорезмийки, причем Едумер возвращается в Венгрию вместе с многочисленным родом своего отца и матери.

Любопытно, что книжная традиция об Аттиле, наслоившись здесь на хронологическую схему действительной генеалогии каварских вождей, привела наиболее раннего из наших информаторов — венгерского хрониста XIII в. Симона Кезай к грубому хронологическому противоречию: события времен Аттилы отнесены к 700 г. н. э., а последовавшее за его смертью изгнание гуннов из Паннонии — ко времени, совпадающему с временем изгнания иудействующих хорезмийцев из Хорезма.

События правления Обадии нельзя не рассматривать как хазарскую реакцию против господства хорезмийских эмигрантов и подчинения — в правление Шаушафара и его преемника Турксаната (видимо, не случайно получившего имя основателя династии хазарских каганов, тюркского вождя конца VI в., изве-

стного в византийской информации под именем Турксанта) — самой Хазарии Хорезму.

Обадия, сам потомок хорезмийцев по происхождению, становится здесь на сторону туземной знати и, опираясь на авторитет ученого еврейского духовенства, привлеченного из разных стран, совершает переворот, завершившийся вторичной эмиграцией иудействующих хорезмийцев еще далее на запад.

Бегство на старую родину вряд ли было возможно. Там быстрые успехи делает ислам, и современник и дальний родственник Обадии принимает мусульманское имя Абдаллаха.

Хорезм прочно входит в систему халифата. На монетах Абдаллаха, над крупом коня Сиявуша, вычеканены миниатюрными куфическими буквами имена арабских наместников Хорасана — Джа'фара (ибн-Мухаммеда, 787—789), ал-Фадла (ибн-Яхья, 794—803).³

Монеты эти, на которых обрывается традиционная хорезмийская чеканка, резко падают в весе: уже монеты Шаушафара неполновесны (нижний вес сасанидской драхмы 3.69 г), колеблясь между 3.06 и 3.26 г. Монеты Абдаллаха без и мен наместников весят 1.97—2.44 г, а с именами Джа'фара и Фадла всего 1.32—2.05 г, падая в весе более чем вдвое по сравнению с драхмами Шаушафара и более чем втрое — с полновесными хорезмийскими драхмами VII — начала VIII в. (4.36—4.67 г), значительно превосходящими максимальный вес сасанидской драхмы (4.06 г). Резко падает качество металла — некоторые монеты Абдаллаха имеют ничтожную долю серебра в лигатуре, превращаясь чуть ли не в медные монеты.⁴

Так, в истории головокружительного падения веса и качества монет хорезмшахов VIII в. как в зеркале отразилась внутренняя экономическая история страны под властью арабских завоевателей, в условиях глубокого внутреннего социального кризиса.

Еще более ярко отразился этот упадок в исторической динамике орошенных земель. На рубеж VIII и IX вв. и на последний падает их новое резкое сокращение: целиком выпадает из эксплуатации главное восточное ответвление Гавхорэ — от Гульдурсуна до Кырк-кыза. Более сотни замков превращаются в руины, стоящие в пустыне до наших дней.

Резко сокращается и другое ответвление — древний Кельтеминар. Тысячи гектаров земли становятся достоянием пустыни. Этот процесс, несомненно, сопровождается острой клас-

³ ВДИ, 1938, № 4, стр. 129—131.

⁴ Там же, стр. 138—139.

совой борьбой. За ее счет прежде всего нужно отнести и самую гибель бесчисленных замков и укрепленных крестьянских усадеб, где мы повсюду встречаемся со следами военного разгрома и пожара.

Хорезм IX в. не испытал крупных внешних нашествий, которые могли бы объяснить эту мрачную картину опустошения.

Свидетельством этой борьбы является продолжающаяся вплоть до X в. массовая эмиграция хорезмийцев — теперь уже мусульман — в Хазарию, где наемная хорезмийская гвардия становится главной опорой власти кагана и бега. Несомненно, эта гвардия комплектуется, в первую очередь, за счет разоряющихся мелких свободных земледельцев, перед которыми открываются только две перспективы — превращение в «слуг и кедиверов» феодалов или эмиграция.

3

На протяжении IX—X вв. Хорезм попеременно входит в состав сменяющих друг друга, возникающих на восточных окраинах вступившего в полосу политического распада халифата крупных раннефеодальных объединений восточного Ирана и Средней Азии — государств тахиридов, саффаридов, саманидов.

Мы имеем очень мало данных по внутренней истории Хорезма этого времени, но эти данные говорят, что в Хорезме развивались в основном те же процессы, какие характерны и для других областей халифата; из них наиболее существенным является процесс распада старых патриархально-рабовладельческих традиций, сковывавших развитие феодальной экономики. Одним из важнейших моментов этого процесса являлся разрыв традиционных патриархальных связей между аристократией и народом, на первых порах маскировавших и, соответственно, облегчавших феодальную эксплуатацию остающегося формально свободным населения, но на рассматриваемом этапе превратившихся уже в тормоз для растущих appetitов феодалов.

Бурная обстановка арабского завоевания и последующих десятилетий как нельзя более благоприятствовала изменению этого положения. Часть старой пслупатриархальной-полуфеодальной дикканской знати была уничтожена в ходе бесконечных войн, восстаний, военного террора завоевателей. Другая часть поступила на службу арабам и в качестве военачальников и чиновников халифа и его наместников порвала связь с родиной. Оказавшись в новых местах, где не нужно было уже считаться с традициями многовековой патриархальной

связи с общинами, эта новая знать, в состав которой влились также арабские и тюркские элементы, открыто противопоставляет себя народу. Уже с первых десятилетий истории Арабской империи, и с особой силой в IX—X вв., широко развивается практика земельных пожалований в вознаграждение за военные и гражданские заслуги полководцев и чиновников, щедро наделяемых ленами в виде деревень и целых сельских районов. Столь же широко развивается практика раздачи земель и селений в вакф, т. е. пожалование их различным религиозным учреждениям.

Есть данные о том, что и Хорезм не составлял здесь исключения. Так, из «Рисале» ибн-Фадлана мы узнаем, что селение Артахушмитан (в XIII в. Якут описывает его как большой город) составляло владение визиря халифа Муктадира ибн-ал-Фурата, причем в 921 г., когда ал-Фурат попадает в опалу, халиф отбирает это имение и передает некоему Ахмаду ибн-Муса ал-Хорезми.

Однако, находясь на окраине халифата и владений его могущественных хорасанских вассалов, Хорезм, видимо, переживал эти процессы в несколько замедленном темпе. Характерно, что, если в Мавераннахре и Хорасане уже к X в. масса населения как городского, так и сельского уже не участвует в войнах и войско комплектуется из наемных отрядов тюркских кочевников и преторианской гвардии вооруженных рабов («гулямов»), хорезмийцы, как согласно подтверждают все источники X в., остаются воинами, доблесть и воинское мастерство которых настойчиво подчеркивают источники (см. ниже, гл. X). Это бесспорный признак сохранения здесь еще достаточно мощной прослойки лично свободных и граждански полноправных земледельцев и ремесленников, — факт, немало важный для понимания источников военной мощи Хорезма в период его нового подъема, падающего на вторую половину X в.

Глава X

ВРЕМЯ БИРУНИ

1

Ал-Бируни родился в 972/973 г., в пригороде («бирун» — «внешний город») древней столицы Хорезма — Кята (Фира). В 995 г. молодой еще, двадцатитрехлетний ученый вынужден был покинуть свою родину и искать пристанища у владетеля Гургана — Кабуса ибн-Вашмгира.

Этот факт ранней биографии ал-Бируни был связан с крупными политическими событиями в Хорезме. В 995 г. последний афригид Абу-Абдаллах Мухаммед был взят в плен и убит своим соперником эмиром Ургенча — Мамуном ибн-Мухаммедом. Хорезм был объединен под властью Ургенча. Мамун принял древний титул хорезмшаха.

Видимо, сторонники Абу-Абдаллаха, люди его придворного окружения, также сделались жертвой этого политического изменения. Вероятно, — как было обычно для того времени, — Бируни также был в числе этих лиц, вынужденных искать спасения в изгнании. Во всяком случае, лишь при втором преемнике Мамуна ибн-Мухаммеда, Мамуне II ибн-Мамуне, около 1010 г. Бируни возвратился на родину, чтобы стать, наряду с привлеченным хорезмшахом к своему двору великим согдийским ученым Абу-Али ибн-Синой (Авиценна), украшением придворной «Академии» Мамуна II и первым советником хорезмшаха.

Возвышение Ургенча имело длительную предисторию, определяясь в значительной мере тем местом, которое этот северо-западный центр Хорезма занял в системе внешних экономических и политических связей Хорезмийского государства.

К X в. относится немало исторических и археологических свидетельств, позволяющих заключить, что страна в это время переживает быстрый процесс экономического подъема.

Это прежде всего ярко отражено в бурном процессе роста числа хорезмийских городов. Если мы сопоставим цифры городов Хорезма, которые мы можем извлечь из источников для VIII и X вв., мы увидим весьма показательную картину.

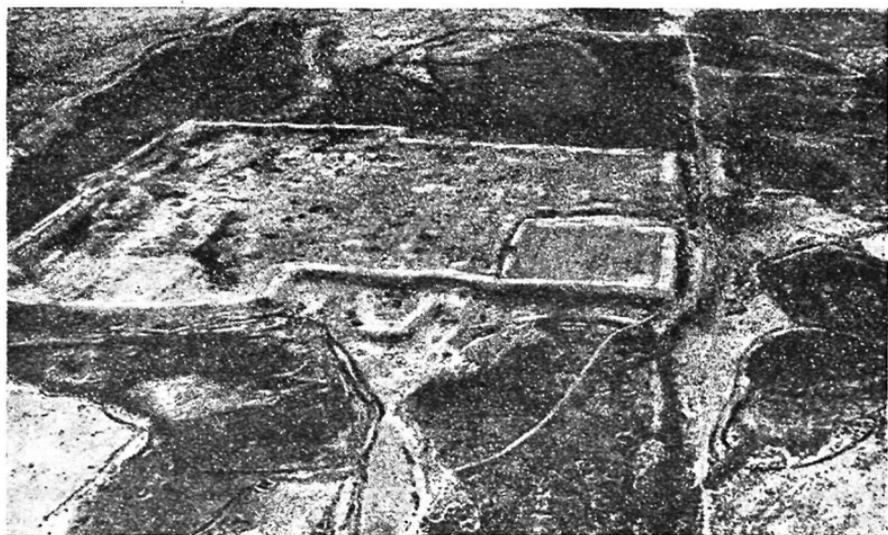

Рис. 82. Янгикент с воздуха

Табари в своем рассказе о завоевании Хорезма арабами в 712 г. говорит о том, что в Хорезме имеется всего три города — Кят (Фир), Хазарасп и, видимо, Ургенч.

Ал-Истахри (писал около 930—933 гг.) в своем перечислении городов Хорезма приводит тринадцать названий: Хорезм (Кас), Дарган, Хазарасп, Хива, Хушмисан, Ардахушмисан, Сафардаз, Нузбар, Кардаранхош, Кардар, Баратегин, Мазминия, Джурджания.

Автор Худуд ал-Алам перечисляет девять названий городов Хорезма (Кас, Хушмисан, Нужабан, Гургандж, Кардназхас, Бадминия, Дех-и-Каратегин, Кардар, Хива), опуская такие значительные центры, как Дарган и Хазарасп, т. е., если внести это дополнение, дает хотя и преуменьшенную, но все же близкую к Истахри цифру.

И, наконец, писавший около 985 г. ал-Макдиси перечисляет уже тридцать два хорезмских города: на правом берегу Кас, Гардман, Айхан, Арзахива, Нукфаг, Кардар, Маздахкан, Джашира, Садвар, Зардух, Баратегин, Мадкаминия; на левом — Джурджания, Нузвар, Замахшар, Рузунд, Вазарманд, Васкаханхас, Рахушмисан, Мадамисан, Хива, Кардаранхас, Хазарасп, Джигирбенд, Джаз, Дарган, Джит, Малая Джурджания, второй Джит, Садфар, Масасан, Кардар, Андарастан. Кроме того, в маршруте по Хорезму упоминаются пункты Шурахан, Хас, Нузкат, Дарсан, Джувикан, Амир, Барбасар, Вардара.

Если мы учтем, что по крайней мере Шурахан в это время, по всем данным (в том числе археологическим, см. рис. 83), уже являлся городом, возможно, что цифру ал-Макдиси надо поднять до сорока городов.

Хотя трудно рассматривать все эти списки (особенно Табари) как исчерпывающие, однако отраженная в них тенденция не вызывает сомнений и подтверждается археологическими данными: если на протяжении VIII—IX вв. мы имеем, с учетом неполноты известия Табари, очень незначительное увеличение числа городов, то X в. дает весьма резкий скачок, в котором нельзя не видеть отражения глубокого сдвига в хозяйственной структуре страны. Если для античного времени, до III—IV вв. н. э., мы на территории «земель древнего орошения» южной Каракалпакии имеем девять поселений городского типа (Базар-кала, Жанбас-кала, Кургашин-кала, Кырк-кыз, М. Кырк-кыз, Топрак-кала, Б. Гульдурсун, Кават-кала, Думан-кала, Эрес-кала), то в раннеафригидское время, V—VI вв., жизнь сохраняется только в двух из них (Топрак-кала и Кырк-кыз), а в позднеафригидское, т. е. как раз во время арабского завоевания, мы не имеем здесь ни одного города, если не считать незначительного зачатка городка, в виде посада, у подножия замка Беркут-кала. К X—XI вв. относится возобновление жизни в Кават-кала, Гульдурсуне и Наринджане, т. е. мы имеем три новых города в области, совсем лишенной городов в VIII—IX вв.

Археологический материал дает нам и ключ к пониманию причин этого процесса: керамические данные свидетельствуют о новом расцвете городской ремесленной промышленности. Девятый век не дает нам скольнибудь достоверных данных о распространении в Хорезме поливной керамики (в VIII в. ее в Хорезме заведомо нет: ни в Тешик-кала, ни в еще более позднем замке № 36 не найдено ни одного черепка). Напротив, в X в. мы имеем ее массовое появление.

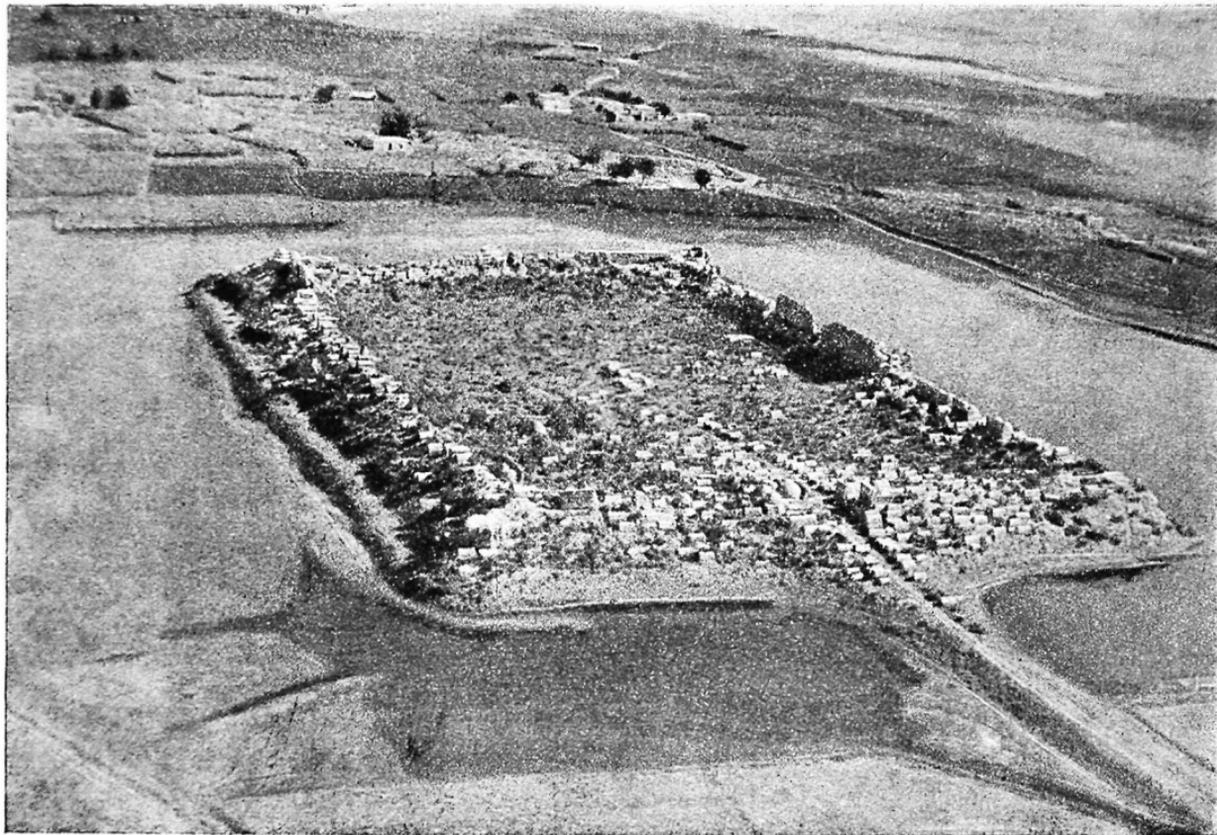

Рис. 83. Развалины Шурахана с воздуха

Наиболее характерной для этой эпохи становится, как и Мавераннахре, Иране и Азербайджане, поливная керамика с подглазурной росписью в теплой гамме, коричневыми, красными, желтыми тонами по белому или желтоватому фону. Особенно типичны в изобилии находимые на памятниках этого времени широкие плоские поливные чаши с дисковидным поддоном и богато орнаментированной растительными и геометрическими узорами внутренней поверхностью.

Неполивная керамика также характеризуется богатством форм и орнаментацией. Для X в. особенно характерны большие светлоглиняные хумы с прямым венчиком, без выраженной шейки и с богатым волнистым орнаментом, разнообразных форм и размеров высокогорлые кувшины с плоскими ручками, кринки и кухонные котлы из серой глины и др. Особенно богатый керамический материал X—XI вв. дали нам раскопки М. В. Воеводского в Змухшире в 1934 г., а также сборы А. И. Тереножкина и наши в развалинах «старого города» Наринджана («Новый город» Наринджана относится к XIII—XIV вв.).

Этот город интересен по своей планировке, рисуя нам процесс возникновения одного из типов раннесредневековых городов Хорезма. Он представляет довольно правильную прямоугольную планировку, окруженную развалинами занесенных песком стен с башнями и расположенную у подножия высокого холма, где ныне высятся развалины мазара и ханака (общежитие дервишей) Наринджан-баба, восходящие в своей древнейшей части к XIV в. Холм этот, по всем признакам, представляет собой остатки крупного замка афригидского времени, у подножия которого и возникает в X в. небольшой городок.

Характеристику остальных раннесредневековых городов Хорезма мы дадим ниже, ибо и их внешний облик и основная масса находок ведут нас в XII—XIII вв. Но в ряде этих городов: Кават-кала и Гульдурсуне на правом берегу, в Змухшире и Пульджае — на левом, мы неизменно сталкиваемся и с наличием более раннего материала, прежде всего керамики, ведущей нас в X—XI вв. Важно, однако, отметить одно существенное обстоятельство: некоторые города (мы это с достоверностью установили для Гульдурсуна, Кават-кала и Змухшира) были в X—XI вв. воздвигнуты на месте запустевших античных городов, с широким использованием древних, хорошо сохранившихся укреплений как основы для средневековой оборонительной системы. В Змухшире и Кават-кала в ряде мест в основе стен лежит античная кладка из крупного квадратного сырцового кирпича $40 \times 40 \times 10$ сантиметров,

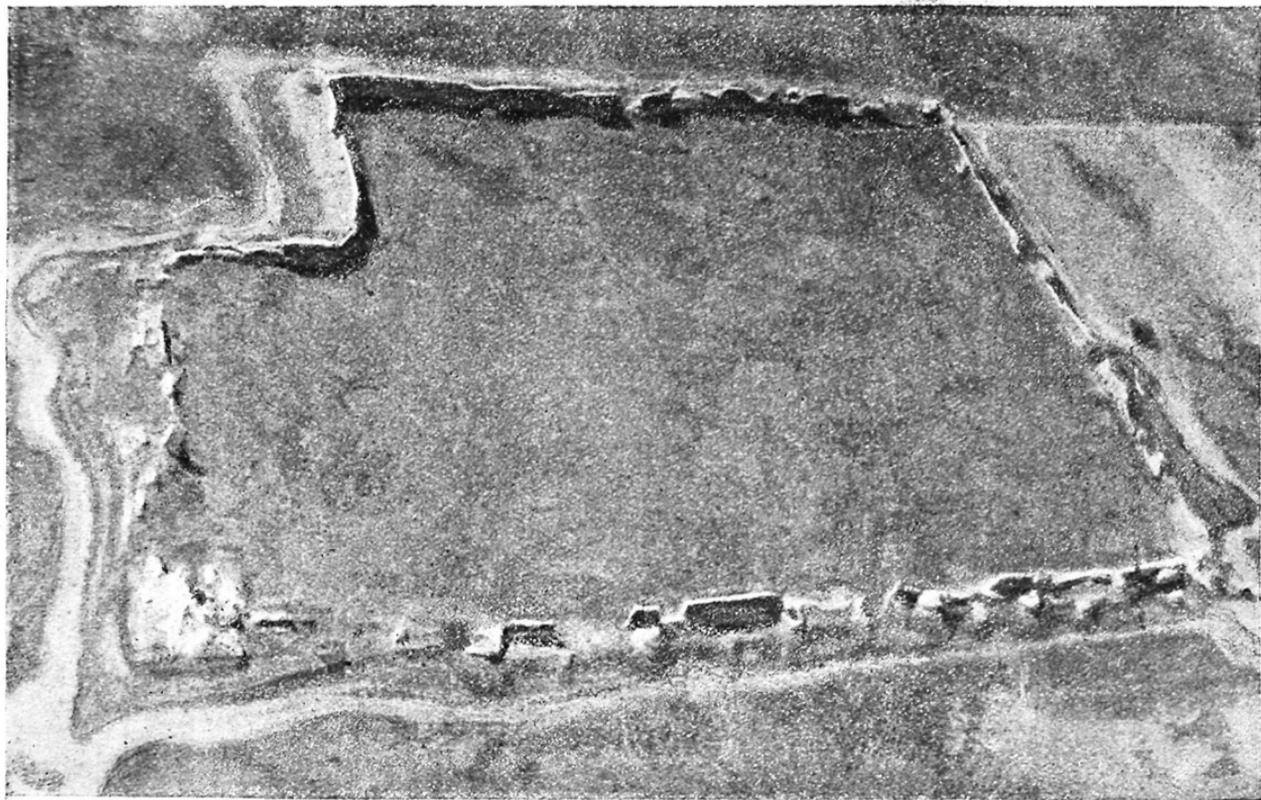

Рис. 84. Развалины Бадеркент с воздуха

сохранившаяся на разную высоту. Выше идет типичная для средневековья пахсовая кладка стен.

Еще интереснее обстоит дело с Гульдурсуном. Античные стены с характерными высокими и узкими бойницами сохранились здесь на полную высоту и до сих пор составляют основной массив крепостной стены. Однако внутренняя стенка стрелковой галлерей, видимо (как это имеет место и в других памятниках) разрушившаяся раньше, была снесена, бойницы замазаны, а снаружи стена была покрыта толстым слоем пахсы. Теперь, когда внутренняя обмазка обвалилась, двор крепости представляет весьма своеобразное зрелище: многочисленные античные бойницы смотрят в н у т р ь крепости, в то время как снаружи стены имеют гладкую, ровную пахсовую поверхность.

Сравнительный анализ планировки раннесредневековых городов Хорезма заставляет внести серьезный корректив в известную концепцию Жуковского—Бартольда—Якубовского¹ о развитии средневекового среднеазиатского города. Согласно этой концепции, город развивается вокруг замка (кухендиз, арк), причем сначала формируется так называемый ш а х р и с т а н, т. е. город в собственном смысле слова, а затем, по мере роста окружающих город предместий — р а б а д о в, к XI в. н. э. пульс экономической и общественной жизни города переходит в последние, а шахристаны приходят в упадок.

На деле положение обстоит гораздо сложнее, и указанная закономерность может быть отнесена в полном своем объеме лишь к некоторым городам Средней Азии. Мы можем сейчас наметить несколько других линий развития городов, линий, гораздо более характерных, чем вышеотмеченная.

Города, возникшие в VIII—IX вв., развиваются как посады, или укрепленные рабады, у подножия з а м к а, — мы можем видеть это на примере зародыша городка Беркут-кала и особенно «старого города» Наринджана.

Города, возникшие в X в. и позднее, как Гульдурсун, Кават-кала, Джанпык-кала, Даудан-кала и др., не имеют никакого а р к а, состоя из одного ш а х р и с т а н а, вокруг которого иногда расположены неукрепленные, реже (Гульдурсун) укрепленные предместья. Никаких признаков упадка шахристанов и переноса их функций на рабады нам нигде уловить не удалось. Характерно, что даже такой город, как Хива, лишь в XVIII—XIX вв. вышел за пределы средневекового шахристана, сохранившего и до сих пор характерную

¹ А. Ю. Я к у б о в с к и й. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. МИУТТ, I, стр. 4—5.

раннесредневековую крестообразную планировку и остававшегося до начала XX в. средоточием экономической жизни города.²

Рост городов является, несомненно, одним из важных проявлений общего экономического подъема страны и укрепления и расширения экономических связей возрождающейся, на новой основе, городской цивилизации Хорезма с окружающей степью и более отдаленными странами.

Арабские источники ярко рисуют нам картину исключительной экономической активности Хорезма в X в., причем ареной деятельности хорезмийских купцов, как и в древности, становятся, во-первых, окружающие степи нынешней Туркмении и западного Казахстана и, во-вторых, Поволжье — Хазария и Булгария, а далее — обширный славянский мир Восточной Европы.

Истахри сообщает нам уже для начала X в.: «Хорезм—город (мадина) плодородный, обильный пищей и фруктами, в нем нет только орехов; в нем производятся многие предметы из хлопка и шерсти, которые вывозятся в отдаленные места. Среди свойств его жителей — богатство и стремление проявить свое мужество. Они более всех жителей Хорасана рассеяны [по чужим местам] и более всех путешествуют; в Хорасане нет большого города, в котором не было бы большого числа жителей Хорезма... В стране их нет золота и серебряных рудников и никаких драгоценных камней; большая часть богатства их — от торговли с тюрками и разведения скота. К ним попадает большая часть рабов славян, хазар и соседних с ними, равно как и рабов тюркских, и большая часть мехов степных лисиц, соболей, лисиц, бобров и других».³

О торговле Хорезма с тюрками интересные сведения сообщает нам ибн-Фадлан.

Анонимный персидский автор сочинения конца X в. «Худуд ал-Алем» пишет:

«Кят — главный город Хорезма, ворота в Туркестан гузский, складочное место товаров тюрков, Туркестана, Мавераннахра и области хазаров, место стечения купцов... Город имеет большое богатство. Оттуда вывозятся покрывала для подушек, стеганые одежды, бумажные материи, войлок, снег (?), рухбин (род сыра)».⁴

² Я. Гулямов. Памятники города Хивы. Ташкент, 1941, стр. 7.

³ МИТТ, I, 180; ВГА, I, 305.

⁴ МИТТ, I, 216; Худуд ал-Алем, 256.

Особенно интересные сведения мы находим у ал-Макдиси.

При описании предметов, вывозящихся в страны халифата из областей Хорасана, наиболее длинный список им дается для Хорезма:

«Из Хорезма — соболя, серые белки, горностаи, степные лисицы, куницы, лисицы, бобры, крашенные зайцы, козы, воск, стрелы, белая кора тополя, колпаки, рыбий клей и рыбьи зубы, бобровая струя, амбра, кимухт (сорт кожи), мед, лесные орехи, соколы, мечи, кольчуги, береза, рабы из славян, бараны и коровы — все это от булгар. И в нем производится виноград, много изюма, печенье, кунжут, полосатые одежды, ковры, одеяла, прекрасная парча, покрывала «мульхам», замки, цветные одежды, луки, которые могут натянуть только самые сильные люди, особый сыр, сыворотка, рыба. Суда там строятся и отделываются».⁵

Этот список вдвойне интересен. Во-первых, он дает нам значительное расширение ассортимента экспортируемых из Хорезма произведений хорезмийской ремесленной промышленности. По Истахри и Худуд ал-Алем, Хорезм рисуется страной преимущественно аграрно-скотоводческой и вместе с тем центром посреднической торговли между странами Востока, тюрками и Поволжьем, в частности крупнейшим рынком работорговли. В состав экспорта входят, наряду с северным сырьем и местной продукцией сельского хозяйства, произведения местной текстильной промышленности. У ал-Макдиси мы видим появление в составе экспорта предметов металлообрабатывающей (замки), оружейной (луки), судостроительной промышленности.

С другой стороны, поражают обилие и многообразие предметов, ввозимых в конце X в. «от булгар», т. е. из стран Восточной Европы, свидетельствующие о том, что и эта сторона экономической активности хорезмийцев развивается быстрыми темпами.

Рост роли торговли с Восточной Европой выдвигал на первое место в Хорезме город, сделавшийся естественным центром этой торговли, — Ургенч, крайний северо-западный форпост хорезмийской цивилизации, выдвинутый к началу разветвления путей, идущих через пустынный Устурт на запад — к пристаням Мангышлака, на северо-запад — к нижней Эмбе и далее на Волгу и на юг, через Кара-кумы, в Джурджан и, таким образом, находящийся на кратчайшем пути из Ирака и Ирана в Восточную Европу.

⁵ МИТТ, I, 202; BGA, II, 325.

«Это самый большой город в Хорезме после столицы; он — место торговли с гузами, и отсюда отправляются караваны в Джурджан, к хазарам, в Хорасан», — пишет ал-Истахри.⁶

«Гургандж, — пишет автор Худуд ал-Алем, — город, который в древности принадлежал к владениям хорезмшаха, а теперь у него отдельный царь. Его царя называют «миром Гурганским». Город очень богатый, ворота в Туркестан, место стечения купцов».

Ни Истахри, ни ибн-Фадлан, долго проживший в Ургенче, готовясь к трудному путешествию через Устюрт, ни слова не говорят о самостоятельном правителе этого города. Это же мы наблюдаем и в исторической литературе этой эпохи. Первым самостоятельным правителем Ургенча выступает тот же Мамун-ибн-Мухаммед, который в 995 г. вновь объединяет Хорезм, но уже под гегемонией западной его столицы.

Есть все основания полагать, что обособление Ургенча нельзя относить глубже середины того же X в., связывая его с бурным экономическим подъемом страны и энергичным развитием торговых связей с Поволжьем.

Подъем Ургенча не может быть равным образом понят вне общего историко-политического контекста. Укрепившиеся, как мы видели в VIII в., связи с Хазарией, на некоторое время составившей с Хорезмом единое политическое целое, не оборвались и тогда, когда между Хорезмом и Хазарией вновь легла политическая и религиозно-культурная граница. После изгнания юдаистов-каваров их место в Хазарии прочно занимают мусульмане-хорезмийцы, прежде всего выступающие в виде наемников на службе хазарского кагана.

В начале X в. в столице Хазарии Итиле-Хазаране существует многолюдная мусульманская хорезмийская колония, основное ядро которой составляет десятитысячный корпус хорезмийских наемников-мусульман, так называемых ал-Арсия, цвет тяжело вооруженной конницы хазарского кагана.

Не только в Итиле, но и в Булгаре была, видимо, довольно значительная хорезмийская колония, на что указывает одно место ибн-Фадлана, где он, описывая погребальные обряды болгар, описывает также и обряд, который справляется в Булгаре, «когда умирает мусульманин или женщина-хорезмийка».

К середине X в. относятся сведения, говорящие о том, что, наряду с колонизационной и экономической активностью Хорезма на Волге, Хорезм выступает здесь и в качестве активной политической силы. Ибн-Хаукаль рассказывает нам о походах

⁶ МИТТ, I, 178, BGA, I, 299.

хорезмийцев на границы Булгарского царства, откуда они возвращаются с добычей и рабами.

Походы хорезмийцев на отдаленный Булгар не удивят нас, если мы учтем, что источники X в. единодушно рисуют нам хорезмийцев не только как смелых путешественников и купцов, но и как неустрашимых и закаленных в боях воинов, успешно сражающихся с соседями — тюрками-огузами.

«Они, — пишет ал-Истахри, — храбро воюют с гузами и недоступны для них».

«Они, — рассказывает ал-Макдиси, — люди гостеприимные, любители поесть, храбрые и крепкие в бою; у них есть особенности и удивительные свойства».

«Люди его — борцы за веру и воинственны», — говорит автор Худуд ал-Алем о жителях Кята.

«Население его славится воинственностью и искусством метать стрелы», — сообщает тот же автор об Ургенче.

Война с огузами — это явление повседневного быта хорезмийцев X в. — закрепляется традиционными обычаями и даже обрядами. Бируни описывает хорезмийский праздник Фагбурия — «выход царя», справлявшийся с наступлением осенних холодов, когда царь Хорезма выступал из своей резиденции в традиционную зимнюю кампанию против огузов, отбрасывая их от своих границ.⁷

В этой суровой обстановке, конечно, и выросли те кадры хорезмийских воинов-профессионалов, которые в начале X в. становятся вершителями судеб в Хазарском каганате.

2

Но борьба эта была не легкой. Торговые, колонизационные и политические успехи в Поволжье достигались жестоким напряжением сил в непрерывных войнах с сильными соперниками — северными соседями Хорезма, тюрками-огузами, территория которых лежала на пути из Хорезма на Волгу и которые сами переживали в том же X в. этап политической консолидации и подъема и, как мы увидим, были сами непрочь предъявить претензии на гегемонию в приволжских областях.

Когда ибн-Фадлан в 922 г. остановился у военачальника западных огузов (где-то в районе между северным Чинком Устюрта и Эмбой) Атрака, сына Катана, этот последний надолго задержал его у себя, видимо для того, чтобы снестись с правителем огузов, причем в среде огузских предводителей высказывалось подозрение, что посольство халифа имеет за-

⁷ Ал-Бируни, текст, стр. 236.

дачей установление союза с хазарами с целью совместного нападения на огузов. Характерно, что болгарского царя Алмуша, сына Шилки, к которому в действительности направлялось посольство, Атрак именуется своим сватом (или зятем),⁸ что не может не намекать на известные политические связи огузов и Булгарии в этот период.

Мы оставили выше тюркские племена в период, когда происходит еще процесс их этнической консолидации под эгидой могущественных каганов Тюркской империи. Ее окончательный распад в середине VIII в. влечет за собой формирование ряда локальных политических объединений степных племен, самым западным из которых становится, пожалуй, дольше всех других сохраняющийся осколок Западнотюркского каганата варварское государство огузских ябгу; центром его в X в. становится город Янгикент в низовьях Сыр-дарьи, одно из знакомых нам уже гунно-тюркских городищ древней дельты этой реки, заново укрепленное и перестроенное в X столетии.⁹

Этнически огузы X в. — результат дальнейшего развития скрещения туземных приаральских племен массагетско-аланского происхождения с внедряющимися с востока элементами. Если эфталиты — продукт скрещения массагето-алан с гуннами, то в лице сыр-дарьинских огузов мы можем видеть этническое переоформление тех же эфталитов, смешавшихся с собственно тюркскими элементами, внедрившимися сюда из Семиречья в VI—VIII вв.

Никакого перерыва в культурной истории сыр-дарьинских городов между эфталитским и огузским периодом их истории усмотреть невозможно. Огузская культура X в. — прямое развитие эфталитской культуры V—VI вв.

Огузы X—XI столетий отнюдь не представляют однородного этнографического массива. В состав их входят племена, названия которых в списке, приводимом Махмудом Кашгарским, сохраняют память об их различном происхождении. Так, огузские племена д ю к е р и я з ы р являются, видимо, осколками древнего индоевропейского населения Приаралья — тохаров и ясов (асов, асианов, ятиев); огузские племена баят (баят), баяндур, кай — по всем данным племена монгольского происхождения, вместе с гуннами и тюрками в IV—VIII вв. проникшие на территорию Средней Азии. В состав огузов входит также племя печенегов; хорошо известное из русской истории, хотя и тюркское, но первоначально не связанное с собственно огузами и говорившее на языке, близком (по свиде-

⁸ И б н-Ф а д л а н, 65.

⁹ См. наши «Города гузов», СЭ, 1947, № 3. См. также выше, рис. 82.

тельству Махмуда Кашгарского) к языку волжских булгар, т. е. принадлежавшем к той архаической ветви тюркских языков, остатком которых является чувашский и которые, видимо, и являются пережитками гуннского периода исторического становления тюркской системы языков.

Самое имя огузов имеет ротацирующую форму *о г о р*, засвидетельствованную византийскими источниками для VI в., что позволяет предполагать наличие в составе огузов и еще одного этнического компонента, давшего имя всему огузскому союзу племен, — *у г р о в* — племен восточной ветви финно-угорской группы, современными представителями которых являются, с одной стороны, ханты и маньси (остяки и вогулы) Зауралья, с другой — венгры (мадьяры). Имя мадьяр засвидетельствовано для северо-восточного Приаралья в IX в., когда они ведут здесь борьбу с печенегами и загадочным народом наукерде — имя, которое явно может быть расшифровано как аланский эквивалент тюркского «янгикентцы». Потомки этих восточных мадьяр принимают впоследствии участие в этногенезе башкир, самое имя которых является закономерным вариантом имени мадьяр, и в этногенезе узбеков, в составе которых доныне сохранилось племя «маджар».

Огузов X—XI вв. мы можем охарактеризовать довольно подробно, так как к достаточно обильным, хотя и разбросанным историческим свидетельствам мы можем сейчас прибавить данные археологии, — правда, касающиеся только части огузской территории X—XI вв., но зато самой важной — их политического центра.

Огузы X — начала XI в. выступают перед нами как народ, сохранивший старые оседлые традиции и комплексное, скотоводчески-земледельчески-рыболовное хозяйство своих предков, близкое по типу к хозяйству хазар, как оно выступает в письме царя Иосифа — интереснейшем хазарском документе середины X в., кануна падения Хазарии. Ал-Идриси¹⁰ и наиболее осведомленный писатель конца XI в. Махмуд Кашгарский подчеркивают обилие городов в земле огузов.

«Города гузов многочисленны, они тянутся друг за другом на север и восток», — говорит ал-Идриси. Махмуд Кашгарский, не ограничиваясь перечислением ряда огузских городов на Сыр-дарье, на своей карте обозначает бассейн Нижней Сыр-дарьи как область «городов гузов».

Правитель государства резидирует в городе Янгикенте, известном в арабских источниках под названием Карьят-ал-Хадиса, а в персидских Дех-и-Нау, все три названия со зна-

¹⁰ МИТТ, I, стр. 220.

чением «новое селение», — видимо перевод древнего сармато-аланского имени *Н а у к е р д е*, которое мы встречаем у ал-Масуди при описании событий конца IX в.

Однако в X в. перед нами выступают несомненные признаки крупных экономических перемен в огузском укладе: ибн-Фадлан говорит о наличии в составе огузов, по крайней мере западных, сильной кочующей скотовладельческой аристократии, стада представителей которой достигают иногда десятка тысяч лошадей и сотни тысяч голов овец.

Видимо, быстрый рост поголовья скота, сконцентрированного в руках родовой знати, далеко превышающий потребности натурально-хозяйственного уклада, находит свое объяснение в тех экономических процессах, которые мы попытались вскрыть выше для Хорезма и которые в большей или меньшей степени характерны и для остальных областей Средней Азии, — бурное развитие городской ремесленной промышленности и торгового обмена, далеко выходящего за рамки локальных районных рынков.

Старые отношения разделения труда между степью и оазисом, развивавшиеся в предшествующие века на путях военной гегемонии степных держав над своими оседлыми данниками («татами») и выразившиеся в широком развитии прямого военного грабежа и массового обращения в рабство и увода в глубь степи ремесленного и земледельческого населения оазиса,¹¹ после IX в., когда стабилизируется северный рубеж Саманидского государства, получают новое развитие: степной аристократ должен являться в города не в качестве завоевателя, а в качестве мирного купца, что не могло не стимулировать развития скотоводства, рассчитанного уже на обмен.

Это не могло не вести за собой глубокого внутреннего расслоения самих степных племен: кочевая скотоводческая аристократия противопоставляет себя оседлому населению огузских городов — «ятукам», термин, впервые упоминаемый Махмудом Кашгарским, но доживший до XX в. в казахском «джатак» — «оседлый бедняк, не имеющий скота для кочевания».

Заинтересованность в расширении кочевий, а соответственно и в завоевании новых баз для зимовок в привычных условиях дельтового озерно-болотного ландшафта толкает огузскую аристократию к широкой внешнеполитической активности. Полтора столетия между 80-ми годами IX в. и 30-ми годами XI в. являются периодом непрерывного роста Огузского варварского государства, включавшего в себя, на правах союзников, новые и новые племена и племенные союзы.

¹¹ См. нашу «Тиранию Абура», ИЗ, III, 1938.

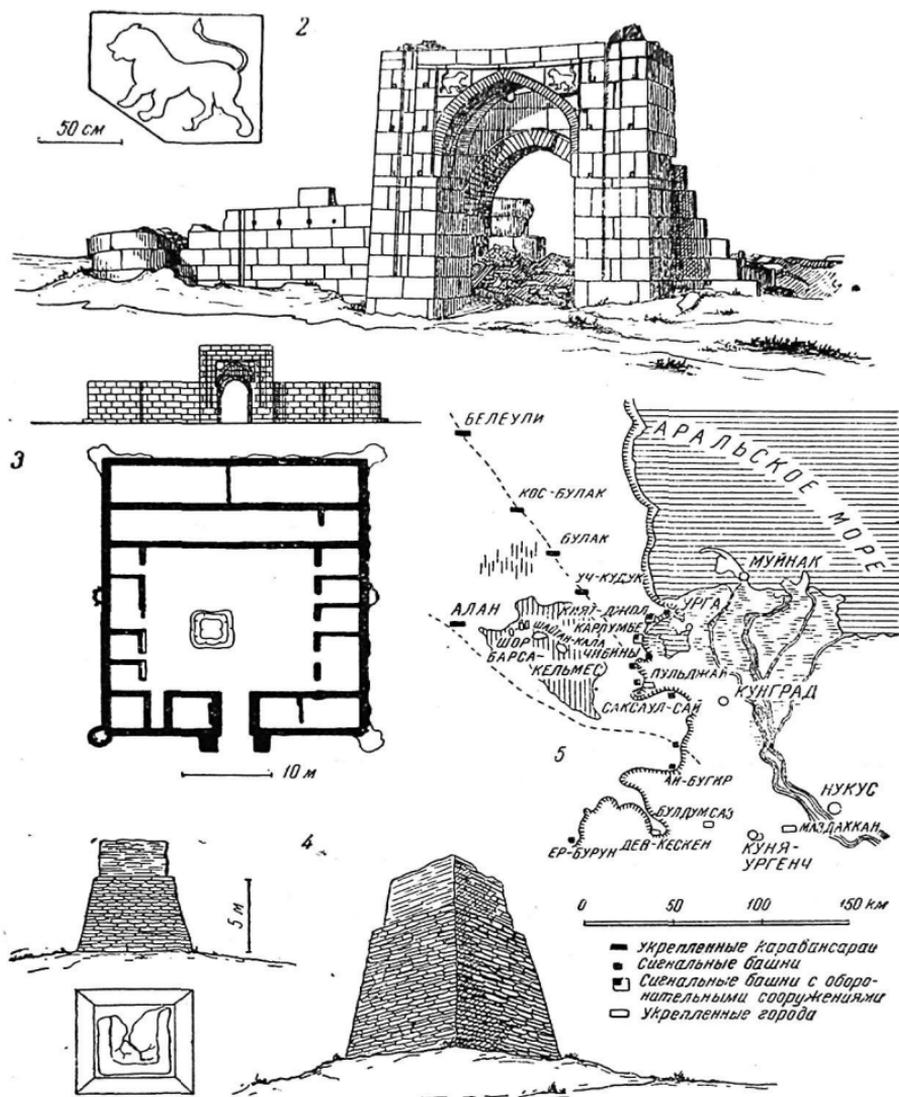

Рис. 85. Укрепления с.-з. рубежа Хорезма X—начала XI в.

1 — развалины укрепленного каравансарая Белеули; 2 — изображение льва на тимпане портала Белеули; 3 — план и реконструкция фасада Белеули; 4 — развалины сигнальной башни Саксаул-сай; 5 — схема системы укреплений и сигнальных башен северо-западной границы раннесредневекового Хорезма и торговые пути в Восточную Европу и каравансарай того же времени

Наиболее длительной и упорной является борьба между огузами и сильным племенным союзом печенегов.

На протяжении X в. восточные группы печенегов входят, однако, как внутренний элемент в состав огузского союза, завершая его этническую консолидацию. Входит в него и одна из групп прииртышских кимаков — племя баяндур, которое Гардизи числит, по данным X в., еще в составе кимаков, а Махмуд Кашгарский относит уже к числу основных огузских племен.

Ко второй половине X столетия государство огузов достигает огромных размеров: на юго-востоке оно граничит с областями Тараза (ныне г. Джамбул на р. Талас) и Шаша (Ташкент); на юге охватывает бассейн Куван-дарьи и Жаны-дарьи; на севере, видимо, включает бассейны Сары-су, Челкара и Иргиза, на северо-западе достигает предгорий Урала, где граничит с башкирами; на западе вплотную примыкает к поволжским владениям хазар. На юго-западе владения огузов охватывают, видимо, значительную часть Устюрта. Эта примитивная варварская империя нависает серьезной угрозой над жизненными экономическими коммуникациями Хорезма и обуславливает переход его от оборонительной к наступательной политике, от дипломатической к военной активности на северо-западе.

В обстановку напряженной борьбы с огузами вводят нас археологические памятники северо-западной окраины Хорезма, открытые и обследованные нами в 1946 г. Вдоль всей окаймляющей долину нижней Аму-дарьи с запада могучей пятидесятиметровой стены Чинка (обрыва) плато Устюрта расположена цепь хорезмийских укреплений, выстроенных в X в. и закрывающих все спуски с Устюрта в долину. Эти укрепления сочетаются со своеобразной системой сигнальных башен-маяков, видимо пунктов световой сигнализации. Каждая такая башня, сложенная из тесаного камня, стоит на краю Устюрта, над спуском. Все башни взаимно хорошо проглядываются, являясь и сейчас великолепными ориентирами в этой местности. Цепь их начинается от мыса Урга; далее они тянутся вдоль Чинка на юг с дистанцией около 20 километров одна от другой, составляя единую систему, по которой световой сигнал о появлении враждебных степняков на плато мог бы быть передан в Ургенч с любого пункта Чинка в течение какого-нибудь получаса.

Небольшие каменные форты расположены на равнине или на скалах, фланкирующих спуск со стороны долины. Спускающаяся конница оказывалась зажатой в узком пространстве между отвесным обрывом и фортами и могла быть задержана

небольшим гарнизоном на время, потребное для поднятия тревоги по всей стране.

Так складывается международная ситуация Хорезма на севере, когда в Нижнем Поволжье разыгрываются грандиозные события, имевшие широкий отклик далеко на востоке. Закаленная в боях пехота русского князя Святослава наносит в 965 г. под Белой Вежей (Саркелом)¹² решающее поражение хазарским войскам. В битве гибнет сам каган, «священный царь» Хазарии. Видимо, разгром был настолько сокрушительным, что организовать дальнейшую оборону хазары были уже не в состоянии.

Захватив Волго-Донской волок, по старому пути, проторенному еще дружинами Игоря, русские войска проходят вниз и вверх по Волге, громя и подчиняя себе лишённые сил сопротивления города как самой Хазарии, так и весьма еще слабой в этот период Волжской Булгарии.

Однако этот поход не являлся конечной целью политических планов Святослава. Уничтожив Хазарию и укрепив за собой важнейший стратегический ее пункт на западе — Саркел, обеспечив себя, таким образом, от неожиданностей со стороны хазар и господствуя над Волго-Донским путем, Святослав приступил к осуществлению своего основного плана — похода на Дунай.

Грандиозная попытка создания огромного Славянского государства с центром в Переяславце-на-Дунае, как мы знаем, потерпела крушение. Незакрепленными остались и плоды побед на Востоке.

Хорезм не мог, конечно, спокойно отнестись к изменению политической ситуации в Поволжье. Судьба находившейся под сильным хорезмским влиянием Хазарии и с принятием ислама попавшей в русло хорезмской политики Булгарии была далеко не безразлична для правителей Хорезма и, в первую очередь, для эмиров Ургенча, положение которого в значительной мере определялось его экономическими связями с Поволжьем.

Положение обострялось тем, что огузские авангарды стояли на Волге и на границах Булгарии, а включение хазарско-булгарского наследия в состав новой варварской империи янгикентских ябгу ставило под угрозу не только все веками завоеванные позиции Хорезма на Волге, но и самое существование Хорезма как независимого государства.

¹² В локализации Саркела я склонен следовать за К. В. Кудряшовым (О местонахождении хазарского города Саркела. ИАН, СИФ, 1947, № 6, стр. 536, ср. карту на стр. 542).

Рис. 86.

Рис. 87.

Рис. 86—87. Каменные башни на чинке Устюрта (с воздуха и с земли)

И мы видим, что Хорезм активно вступает в войну «за хазарское наследство».

Сопоставляя отрывочные, но многозначительные свидетельства арабских авторов, мы можем в следующих чертах восстановить общую последовательность событий.

Ибн-Мискавейх и ибн-ал-Асир сообщают нам, что в 965 г. каган Хазарии, подвергшийся нападению какого-то тюркского народа, обратился за помощью к Хорезму. Условием этой помощи было принятие хазарами ислама. Хазары, за исключением кагана, обратились в ислам, а после того как хорезмийцы отразили тюрков, принял ислам и сам каган.

Дата события совершенно точно совпадает с датой похода Святослава. Но, поскольку невероятно здесь предполагать смешение русских с тюрками, смысл известия, видимо, надо толковать так: одновременно или непосредственно вслед за войсками Святослава в Хазарию с востока вторгаются огузы, выступающие под древним политическим именем тюрков, под которым они (в форме «торк») впервые и становятся известными русским. Древние тексты не говорят, был ли здесь результат союзного соглашения между западными и восточными врагами хазар. Однако бесспорная одновременность выступления говорит скорее в пользу этого предположения, а так как для событий, связанных с волжским походом Владимира (985 г.), в данном случае продолжавшего политику своего отца, русская летопись прямо свидетельствует о русско-огузском союзе, то есть все основания считать, что союз с огузами был одним из элементов большой восточной политики Святослава.

Появляющиеся, по ибн-Хаукалю, на Мангышлаке беглецы из Хазарии, среди которых мог находиться наследник или претендент на каганский престол, прибегают к помощи Хорезма именно против этих тюрков, ибо в это время войска Святослава двинулись в свой юго-западный поход, судя по контексту летописи, акцентирующей взятие Саркела, оставив гарнизон лишь в последнем.

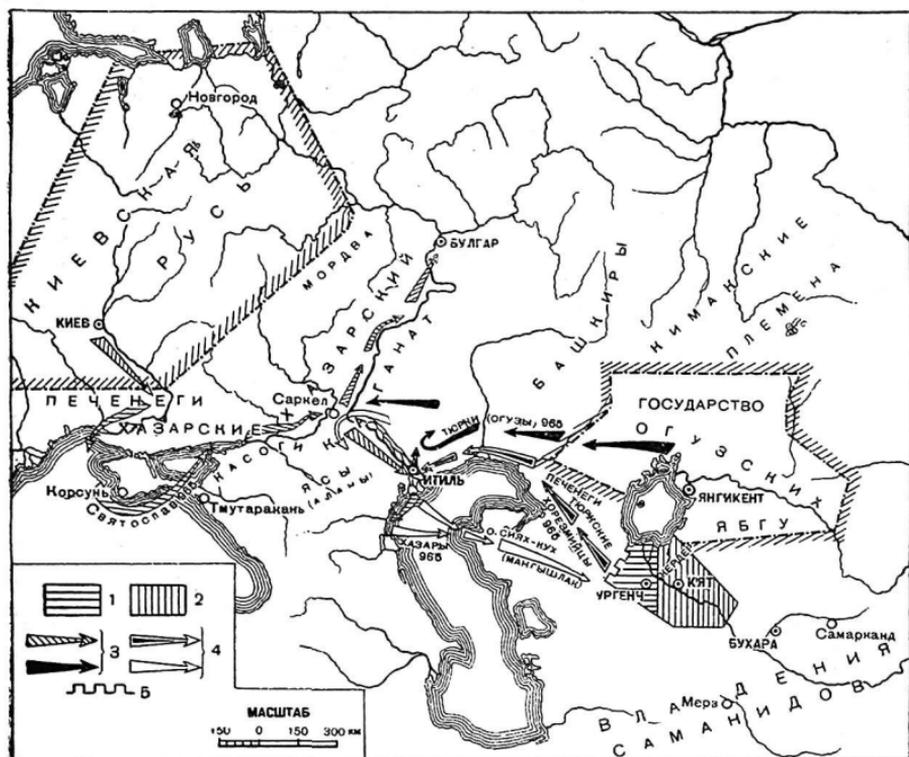
Помощь пришла со стороны ургенчского эмира; здесь можно с уверенностью говорить о первом достоверном его военном выступлении.

Ал-Макдиси прямо сообщает нам (рукопись С): «Городами Хазарии иногда завладевает владетель Джурджании».¹³

Это сообщение показывает, что борьба была не легкой и возобновлять походы приходилось неоднократно.

¹³ МИТТ, I, 209.

Однако из сказанного ясно, что уже к началу 70-х годов X в. мы можем уверенно говорить о какой-то форме подчинения приволжской части Хазарии Хорезму — точнее Ургенчу.

Карта 4. Хорезм, Хазария и Русь в 965 г.

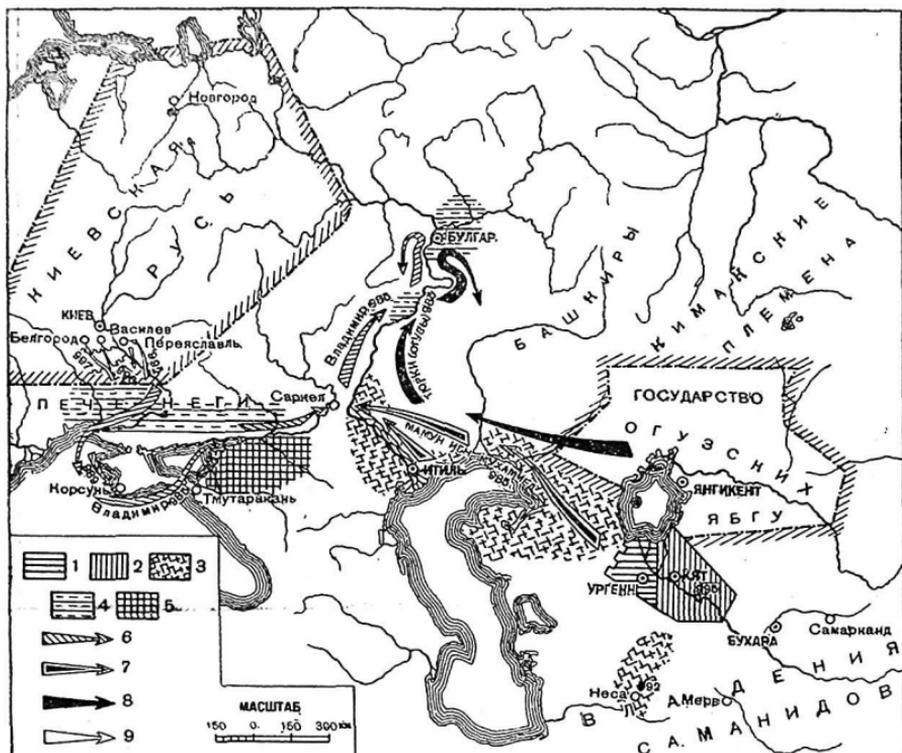
1 — царство хорезмшахов; 2 — Ургенчский эмират; 3 — движение войск русско-огузской коалиции; 4 — движение войск хорезмо-хазарской коалиции

Гораздо более разносторонним светом источников, хотя (по периферическому как для арабов, так и для русских их сюжету) также весьма отрывочных, освещены события середины 80-х годов.

Ал-Макдиси в другом месте своей книги сообщает нам: «Слышал я, что ал-Мамун нашествовал на них (хазар) из Джурджани, победил их и обратил к исламу. Затем слышал я, что племя из Рума, которое зовется Рус, нашествовало на них и овладело их страной». ¹⁴

¹⁴ Гаркави, стр. 252. Marquart, Streifzüge, стр. 3—4.

Интересна самая форма, в которой автор сообщает нам об этих событиях. Она очень напоминает рассказ ибн-Хаукаля о событиях 965 г., современником которых он был. Автор не передает сообщения об этих событиях в догматической форме,

Карта 5. Хорезм, Хазария и Русь в 985—997 гг.

1 — Ургенчский эмират; 2 — царство хорезмшахов; 3 — зависимые от Хорезма области; 4 — союзники Хорезма; 5 — зависимые от Руси области; 6 — походы русских; 7 — походы хорезмийцев; 8 — походы огузов; 9 — походы печенегов

как обычно бывает при изложении достоверных, прочно вошедших в литературную традицию фактов прошлого. Нет и ссылки на изустную традицию, как и на литературные источники, что также нередко в арабской литературе. Автор рассказывает о событиях по свежим, еще не проверенным слухам.

Вследствие этого совершенно немыслима гипотеза Гаркави и Маркварта, желавших видеть в ал-Мамуне аббасидского халифа начала IX в. Абдаллаха ал-Мамуна, тем более что арабские исторические источники, дающие достаточно богатый материал

как для истории арабско-хазарских войн, так и для биографии ал-Мамуна, нигде не упоминают об этом событии. Ал-Мамун Макдиси — это, бесспорно, эмир Ургенча ал-Мамун ибн-Мухаммед, в 995 г. объединивший под своей властью верхний и нижний Хорезм и основавший вторую династию хорезмшахов, пришедших на смену древним сиявушидам-афригидам.

События, описанные Макдисом, судя по форме, в которой он о них сообщает, непосредственно относятся ко времени написания его книги, к 985—986 гг. Они не могут относиться не только к началу IX в., но и ко времени похода Святослава.

Решающим, однако, является другое цитированное нами свидетельство Макдиси, где он сообщает в настоящем времени, что «городами хазар иногда завладевает владетель Джурджании», сразу вводящее нас в обстановку происходящей именно около 985 г. упорной, ведущейся с переменным успехом борьбы ургенчского эмира за господство над Хазарией.

Возникает вопрос: как же тогда увязать хронологическую последовательность событий в тексте Макдиси: сначала завоевание руссов?

Ответ на это дает нам Русская летопись, сообщающая именно под 985 г.: «В лето 6493. Иде Володимир на Болгары с Добрынею с уем своим в лодях, а Торьки берегом приведе на коних; и победи Болгары. Рече Добрына Володимеру: «сыглядах колодник, и суть вси в сапозех; сим дани нам не даяти, поидем искать лапотников». И створи мир Володимер с Болгары и роте заходиша межю себе, и реша Болгары: «Толи не будеть межю нами мира, оли камень начнеть плавати, а хмель почнеть тонути». И приде Володимер Киеву».

События, отраженные в этом тексте, нельзя не рассматривать в тесной связи с событиями первых лет владимирова княжения. Как и походы Владимира на ляхов, с отвоеванием исконно русских «червенских городов» (981), на вятичей (982), ятвягов (983) и радимичей (984), поход 985 г. на Камских Булгар¹⁵ — это борьба Владимира за отцовское наследство, восстановление ослабевших в результате междоусобий 973—980 гг. политических связей Киевского государства.

Трудно видеть в торках летописного текста наемные войска Владимира. Надо вспомнить, что непосредственного террито-

¹⁵ Видеть здесь, как это недавно вновь предложил М. В. Мавродин, поход на дунайских болгар — совершенно немисливо. Этому противоречат и контекст летописи, где немедленно вслед за цитированным текстом появляются «Болгаре веры Вохъмиче», и свидетельства Иакова Мниха и жития Владимира, и, наконец, невероятность для этого времени появления торков в западном походе Руси, о чем см. ниже.

риального контакта огузов-торков и Руси, после ухода войск Святослава с Волги, еще не было, — южные и юго-восточные окраины Руси были заняты резко враждебными торкам западными печенегами. После эпизодического упоминания торков под 985 г. они вновь появляются лишь под 1054 г., одновременно с первым упоминанием половцев.

В данном случае мы имеем уже полное право утверждать то, что можно только предполагать для 965 г.: военный союз между двумя могущественными государствами — Русью и варварской империей янгикентских ябгу, периферии которых почти соприкасались на Нижней Волге, в районе Волго-Донского волока, откуда, видимо, и двинулись вверх по Волге союзные войска.¹⁶

Анекдот о «пленных в сапогах», конечно, не может объяснить причины поспешного установления мира и возвращения Владимира в Киев. Русско-булгарский договор, обозначивший признание суверенитета Булгарии и отказ Владимира от претензий на эту часть наследства Святослава, был, конечно, вызван более серьезными причинами, скрытыми за этим анекдотом, маскирующим конечную политическую неудачу действий русско-огузской коалиции против булгар, несмотря на очевидный, — здесь мы не имеем оснований не верить летописи, — первоначальный военный успех.

Я думаю, что из сопоставления свидетельств Нестора и Мадиси становится очевидным, что наиболее вероятной причиной, помешавшей Владимиру развить этот первоначальный успех, было выступление хорезмийских войск, действовавших в союзе с единой Булгарией против тыловых коммуникаций Владимира в районе Волго-Донского волока.

Следующие события, связанные с новыми документами по вопросу о „пытании о вере“, на которых мы остановимся ниже и которые свидетельствуют об установлении Владимиром уже около 986 г. непосредственных дипломатических

¹⁶ Здесь мы, как и в отношении маршрута Святослава, расходимся с традиционной реконструкцией. Неоднократно выдвигавшееся противниками отнесения летописного свидетельства к Камским Булгарам соображение о малой вероятности и военной нелепости движения торкской конницы на булгар вниз по Оке и Волге, да еще по берегу, мне кажется вполне основательным. Совершенно иначе будет выглядеть движение от района Волго-Донского волока вверх по Волге, где согласованному действию флота и кавалерии открывался широкий простор. Пусть этот был испытанным и хорошо проторенным еще со времен каспийских походов руссов. Наконец, только в свете нашей реконструкции станет понятно упоминание наряду с булгарами и хазар как объекта походов Владимира, у Иакова Мпиха.

отношений с Хорезмом, а также сохранившаяся еще во времена Нестора традиция, неразрывно связывавшая булгар и хвалиссов-хорезмийцев,¹⁷ ставят, я думаю, это предположение на твердую почву.

Тогда становится ясной и форма сообщений Мақдисси об интересующих нас событиях. Завоевание Хорезма Мамуном, бывшее, видимо, уже не первым походом хорезмийцев после 965 г., предшествует походу Владимира, вновь прошедшего с русским войском по крайней мере через западную и северную части Хазарии. А сведений о втором после Святослава уходе русских с Нижней и Средней Волги Мақдисси, писавший непосредственно во время этих событий, еще не имел.

Здесь мы подходим к одному из интереснейших моментов истории международных отношений, в которых шел процесс окончательного сложения Киевского Русского государства.

Непосредственно вслед за словами о возвращении Владимира в Киев из неудачного похода на булгар летопись сообщает нам: «В лето 6494 (986) придоша Болгары веры Бохъмиче, глаголюще: «яко ты князь еси мудр и смыслен, не веси закона, но веруй в закон наш и поклонися Бохъмиту». К следующему (987) году отнесено летописцем посольство Владимира в Булгар с целью ознакомления с исламом.

Этот рассказ, входящий в состав летописного сказания о «пытании о вере», получает новое значение в связи с одним из последних открытий в области истории отношений Руси с Востоком.

Недавно открытый В. Ф. Минорским в библиотеке Министерства по делам Индии в Лондоне арабский текст книги среднеазиатского врача-естествоиспытателя XI—XII столетия Шарафа ал-Замана Тахира Марвази содержит интереснейший отрывок, посвященный описанию Руси.¹⁸ Приведем его полностью:

¹⁷ Я имею в виду сообщаемую летописцем (Лавр. 1096 г.) весьма интересную генеалогию восточных и южных соседей Руси: хвалиссы и булгары противопоставляются в этой генеалогии тюркским племенам (печенегам, торкам, половцам и туркменам), род которых возводится к библейскому Исмаилу, булгары и хвалиссы-хорезмийцы возводятся к «дщери Лотовой» и ее кровосмесительному браку с собственным отцом; прародители их—рожденные от этого брака братья: Моав у хвалиссов, Аммон у булгар.

Это оригинальное этногенетическое построение могло возникнуть только на основе представления о тесных политических и культурных связях Хорезма и Булгарии, настолько значительных, что они позволили забыть об этнических различиях.

¹⁸ Марвази, стр. 23 (текст), 36 (перевод), 118—119 (коммент.)

«IX. 15. А что касается Руси, то они живут на острове в море, и размер острова три дня [пути] во всех направлениях. И на нем деревья и леса, и окружен он озером. И они очень многочисленны и видят средство для пропитания и занятий в мече. И если умирает один из их мужчин, оставив дочерей и сыновей, передают имущество его дочерям, а сыновьям дают только меч и говорят: «Ваш отец приобрел свое имущество мечом, подражайте ему и следуйте ему в этом».

И таким образом воспитывались они до тех пор, пока не стали христианами в месяцы трехсотого года. И когда они обратились в христианство, религия притупила их мечи, и вера закрыла им двери занятия, и вернулись они к трудной жизни и бедности, и сократились у них средства существования.

Тогда захотели они стать мусульманами, чтобы позволен был им набег и священная война и возвращение к тому, что было раньше.

Тогда послали они послов к правителю Хорезма, четырех человек из приближенных их царя: потому что у них независимый царь и именуется их царь В л а д и м и р (Wlād.mīr), подобно тому как царь тюрков именуется хакан и царь болгар — b.t.lū.

И пришли послы их в Хорезм и сообщили послание их. И обрадовался хорезмшах решению их обратиться в ислам и послал к ним обучить их законам ислама. И обратились они в ислам.

И они люди сильные и могучие и идут пешком в далекие страны для набега и также путешествуют на судах по Хазарскому морю и захватывают суда и грабят имущество и путешествуют в Кустантинию [Константинополь] по морю Понтус, несмотря на цепи в заливе.

И однажды они путешествовали по Хазарскому морю и стали на время владетелями Бердаа.

И их мужество и храбрость хорошо известны, так что один из них равен нескольким из какого-либо другого народа. Если бы имели они лошадей и были всадниками, стали бы они великим бичом для людей».

За исключением вводных фраз об «острове русов» и заключения, восходящих к более ранним источникам, весь контекст является совершенно оригинальным и, судя по содержащимся в нем сведениям, восходит к концу X или самому началу XI в. Это делает очень вероятным, что первоисточником Марвази здесь является одно из не дошедших до нас сочинений ал-Бируни (от которого, как показал Минорский, Марвази вообще сильно зависит), возможно — «История Хорезма». А если

это так, то мы не можем сомневаться в высокой информированности и научной точности автора исследуемого текста.

Разберем три основных оригинальных звена рассказа: 1) об обычаях наследования у руссов; 2) об обращении Руси в христианство до Владимира; 3) о сношениях Руси с Хорезмом и принятии ею ислама.

В. Ф. Минорский¹⁹ и Б. Н. Заходер²⁰ склонны толковать первую часть рассказа как маленький трафаретный антихристианский памфлет. Я не могу здесь за ними следовать. Кроме общей тенденции, здесь нет ничего шаблонного. Описанные Марвази обычаи наследования крайне интересны с этнографической точки зрения, освещая новым светом некоторые архаические элементы общественного строя дофеодальной Руси. Форма наследования, описанная Марвази, подтверждается сравнительно-этнографическим анализом. При всей лаконичности и явной неполноте описания перед нами одна из характерных форм перехода от матриархальных к патриархальным нормам наследования.

Рассказ об антихристианских тенденциях в Киевском государстве находит свое подтверждение в некоторых данных летописи и в свою очередь позволяет уяснить существенные моменты внутренней социально-политической истории Руси накануне и в период ее христианизации.

На протяжении X в. мы можем наблюдать в политической жизни Руси две достаточно ярко выраженные тенденции политического развития, отражающие борьбу двух главных общественных укладов полуварварской Киевской империи, — военнорабовладельческую и феодально-крепостническую. Было бы крайне опасно схематизировать этот процесс, ибо нельзя в отношении этой эпохи говорить об особых классах рабовладельцев и феодалов, отличных друг от друга и противостоящих друг другу, как нельзя и слишком упрощенно противопоставлять два упомянутых классовых уклада еще очень сильному первобытно-общинному, патриархально-родовому.

Все эти уклады теснейшим образом переплетены между собой: рабовладельческие и феодальные элементы скрещиваются в хозяйстве всех представителей родоплеменной аристократии, которая еще далеко не освободилась от уз патриархально-общинных связей. Можно говорить лишь о преобладании тенденций, о группах аристократии, в большей мере заинтересованных в развитии той или другой формы

¹⁹ Марвази, 118—119 (комментарий).

²⁰ Б. Н. Заходер. Еще одно раннее мусульманское известие о славянах и руссах IX—X вв. ИВГО, 1943, № 6, стр. 39.

эксплоатации и в использовании тех или других элементов общинного уклада.

Игорь и Святослав, бесспорно, в основном возглавляют те общественные элементы, которые более заинтересованы в реализации военно-рабовладельческой тенденции развития.

В лице Ольги мы, напротив, видим яркую представительницу противоположной тенденции. Если Игорь и Святослав организуют гигантские завоевательные предприятия, сражаясь со своими дружинами в тысячах километров от родины, то «в лето 6455 (947) иде Вольга Новугороду и устави по Мьсте погосты и дани и по Лузе оброки и дани и ловища ее суть по всей земли, знамянья и места и погосты». Политика Ольги направлена, таким образом, на укрепление власти над восточнославянскими племенами, на урегулирование системы феодального обложения славянских смердов, на организацию самого великокняжеского домена. Даже в легендарно-героический период своей биографии, отраженный в кровавой саге о мести древлянам, она осуществляет по существу те же феодальные задачи — уничтожение аристократии и закрепощение земледельческого населения одного из ближайших к Киеву восточнославянских племен. А внешняя политика Ольги ярко отражена в ее путешествии в 955 г. в Царьград — не с грозным флотом, как ходил ее муж, а с мирной миссией, завершающейся крещением княгини.

Установление мирных союзнических отношений с более старыми феодальными государствами, сопровождающееся принятием их господствующей религии, типично для политики «феодальной партии» не только на Руси. Во многом аналогично протекает этот процесс в Венгрии. Параллели его мы найдем и в истории центральноазиатских варварских государств шестого и последующих веков в их отношениях с Китаем.²¹ Ниже с аналогичными фактами нам придется столкнуться при анализе хорезмско-огузских отношений в XI в.

Объяснение этому не так трудно найти: феодальный путь развития, являясь прогрессивным, был вместе с тем значительно более труден, натываясь на жестокое сопротивление общин и племен, ибо процесс нарастания классовых антагонизмов был направлен внутрь своего собственного народа, в гораздо большей степени, чем архаический военно-рабовладельческий путь развития, противопоставляя феодализирующуюся знать закрепощаемому народу. Мы уже видели на ряде примеров из истории Средней Азии VI—VIII вв.,

²¹ См. по этим вопросам нашу работу «Военная демократия и проблема «генетической революции», ПИДО, 1935, № 78, стр. 207 сл.

насколько грозным и мощным было антифеодальное движение общин и насколько закономерно обращение еще слишком слабой феодализирующейся аристократии к помощи внешней силы, нередко выступающей в виде прямой вооруженной интервенции. Противопоставление архаической родоплеменной религии развитой феодальной идеологии и могучей церковной организации, заимствованной в готовом виде, являлось важным элементом этой борьбы в период становления феодализма.

Принятием христианства Ольга укрепляет уже значительно раньше, во времена Игоря, наметившуюся тенденцию, выражающуюся в наличии в составе игоревых дружин в 945 г. «хрестяной Руси», обслуживаемой церковью заместителя Перуна — святого Ильи в Киеве.

Процесс христианизации не мог не вызывать резко враждебного отношения в среде старой, военно-рабовладельческой партии, отражением которой и является рассказ Марвази о губительных последствиях христианизации для благосостояния Руси. Это, конечно, антихристианский памфлет, но вышедший не из восточной, мусульманской, а из русской среды.

Политика Владимира сложнее и противоречивее политики его предшественников, и это понятно: время работает на «феодальную партию». Если первый период княжения Владимира — попытка продолжать в новых условиях политику Святослава, связанная с резким усилением антихристианских тенденций, то с 987 г. положение резко меняется. Один из эпизодов этого поворота и отражен в рассказе Марвази. Попытка усиления реформированного язычества, отмеченная в летописи под 980 г., гонение на христиан, отраженное в рассказе о кровавой расправе с двумя варягами-христианами, обреченными в жертву богам (983 г.), и, наконец, колебание в сторону ислама (986 г.) — звенья одной цепи.

В исламе Владимир мог искать идеологическое оружие для примирения фактически непримиримого, достигшего своей кульминации противоречия двух сфер интересов киевской аристократии: догмат борьбы за веру и перспективы союза со странами ислама сулили успешное развитие военной экспансии против старого врага — Византии; система ислама как церкви и религии могла, казалось, содействовать и решению внутренних задач, связанных с окончательной консолидацией феодально-крепостнического строя.

Неудачный поход на Булгар, приведя Владимира в непосредственный контакт с Хорезмом, был толчком, определившим этот существенный зигзаг в развитии владимировой политики. Однако он и был только зигзагом. Очень скромный и дорогой

стоивший успех похода на Корсунь, показавший практическую нереальность военного союза с Хорезмом, не мог, конечно, так содействовать смягчению внутренних противоречий в Киевском государстве, как грандиозные экспедиции Игоря и Святослава. С другой стороны, время показало нереальность и идеологической части плана — исламизации Руси. Ислам, с его чуждым культурным языком, не мог реально конкурировать с христианством, уже имевшим в это время многовековую традицию в тесно этнически и культурно связанных с Русью южнославянских странах, славянскую письменность и литературу, понятные каждому русскому, и уже глубоко пустившим корни на Руси.

И Владимиром было принято смелое и единственно правильное в этой обстановке решение: разрыв с исламом (господство которого означало бы превращение Руси в орудие мусульманских держав Востока и консервацию уже безнадежно отживающего военно-рабовладельческого уклада) и окончательный поворот в сторону христианства и, соответственно, феодализма.

Есть все основания полагать, что разразившаяся непосредственно вслед за принятием Русью христианства девятилетняя жестокая русско-печенежская война 988—997 гг. («бе бо рать велика бес перестани»), в которой печенеги выступают неизменно в качестве наступающей стороны, вынуждая Владимира спешно строить оборонительные линии под самым Киевом, стоит в тесной связи с этими событиями. Ал-Бекри указывает нам на исламизацию печенегов около этого времени под влиянием хорезмийских миссионеров. Весьма интересна дата, на которой обрываются в летописи сведения о русско-печенежской борьбе. Это — 997 г., год смерти хорезмшаха Мамуна ибн-Мухаммеда.

Это позволяет с большой долей уверенности видеть в печенежском наступлении прямую враждебную акцию Хорезма, ставившую задачей отеснить Русь от сферы хорезмийских интересов на Волге, акцию, явившуюся ответом на поворот в религиозно-дипломатической линии Владимира.

Прекращение войны преемником Мамуна более чем понятно в условиях эпохи. С одной стороны, как и всегда в те времена, смена правителя неизбежно влечет за собой выдвижение на первый план задач внутренне политических; с другой — задача, поставленная Мамуном, в сущности была уже выполнена: позиции Хорезма на Нижней Волге были обеспечены, между Русью и этими волжскими владениями был создан сильный печенежский буфер.

Археологические работы 1946 г. дали интересный материал, показывающий, насколько серьезными и длительными были военно-политические мероприятия Хорезма на Волге.

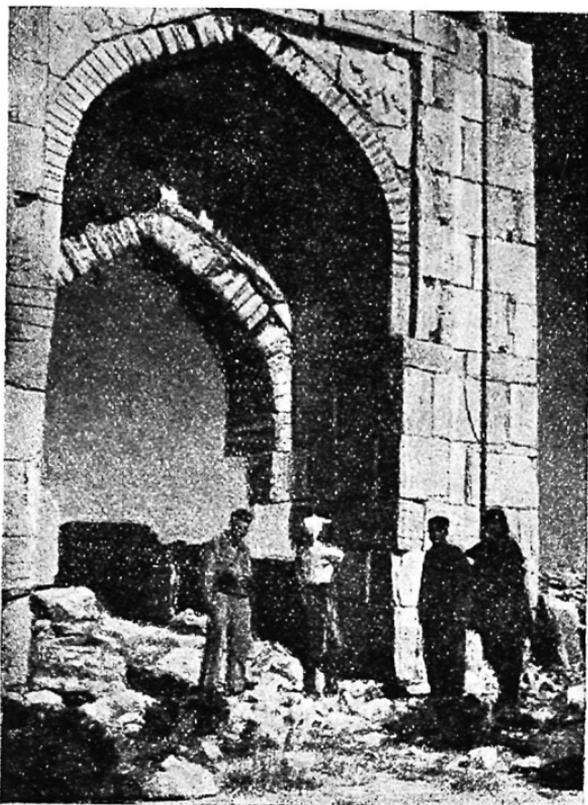

Рис. 88. Белеули (общий вид портала)

На юго-восточном Устюрте нашими авиаразведками была открыта большая, великолепно оборудованная каменными каравансараями и выложенными камнем колодцами дорога, идущая от Ургенча в направлении на Нижнюю Эмбу, примерно по той же трассе, по которой в 922 г. двигался ибн-Фадлан.

Среди каравансараяев этой «дороги хорезмшахов» особенно выделяется великолепное сооружение, известное теперь под названием Белеули, расположенное у четырех обложенных тесаным камнем колодцев, вокруг каждого из которых расположена прямоугольная ограда из каменных плит, размером 8×8 — 6×8 метров. Внутри ограды, рядом с каждым колодцем,

лежит большая водоо́йная колода, высеченная из каменного блока. Самое здание каравансарая — эффектное сооружение из тщательно обтесанного камня, желтоватого известкового туфа-ракушечника, квадратное в плане, с круглыми декоративными башенками по углам и высоким каменным порталом, с исполненными в плоском рельефе, в архаической «сасанидской» ма-

Рис. 89. Белеули. Деталь портала

нере, изваяниями львов в тимпанах по обеим сторонам стрельчатой арки.

Внутренняя планировка здания представляет прямоугольник расположенных вдоль стен, в два этажа, худжр (небольших комнат) и нескольких крупных зал в задней части здания. Против портала устроен небольшой дворик, внутри которого видны следы заплывшего колодца или хауза.

Небольшой керамический материал, собранный на развалинах, мало выразителен — это фрагменты желтовато-бурых и серых раннесредневековых неполивных сосудов, ближе всего напоминающих хорезмийскую керамику X—XI вв. Поливной керамики не найдено вовсе. Это подтверждает указанную датировку, т. е. в X—XI вв. процент глазурованных сосудов повсюду в Хорезме невелик, а с XII в. они появляются в огромном количестве.

Ближайшие архитектурные аналогии также ведут нас по меньшей мере в XI в. Хотя столь ранних каменных сооружений Средняя Азия не знает, но среди построек из жженого кирпича и по планировке, и по решению портала, и по профилю арки, пожалуй, наиболее близкой к Белеули параллелью будет знаменитый каравансарай XI в. Рабат-и-Малик близ Бухары (около 1078 г.).

Ниже мы увидим, однако, что историческая обстановка второй половины XI в. совершенно исключает возможность столь грандиозной строительной деятельности правителей Хорезма, превратившегося к тому времени в отдаленную провинцию Сельджукского государства, только что пережившую двукратный разгром. Только ко второй половине XII в. вновь воссоздаются благоприятные условия для такой деятельности, но керамический материал и формальные особенности здания исключают эту дату. Все это позволяет с большой долей уверенности относить постройку Белеули или к концу X в. — к правлению Мамуна I ибн-Мухаммеда, или к началу XI — ко временам Мамуна II ибн-Мамуна.

Помимо того, что Белеули представляет собой великолепный памятник раннесредневекового хорезмийского зодчества и монументальной декоративной скульптуры, самый древний памятник такого рода в Средней Азии — сооружение хорезмшахами «большой царской дороги» на Волгу, не уступающей по масштабам «царским дорогам» древних персов, позволяет говорить о серьезности интересов Хорезма X — начала XI в. в Поволжье, о формировании сильной Хорезмско-Хазарской империи, дальнейшая история которой была оборвана грозными событиями середины XI в., связанными с сельджукским завоеванием.

3

Победы 80-х годов X в. в Поволжье, нам думается, и определили политические события в самом Хорезме в 995 г., которые, вне учета их восточноевропейского заднего плана, выступали как незначительный эпизод междоусобной резни между двумя захолустными удельными князьями где-то на далекой окраине «мусульманского мира». Ургенч, сделавшись столицей могущественной Аральско-Поволжской державы, выступает соответственно этому и в среднеазиатских делах, где в это время империя саманидов переживает последний этап своей агонии. Далеко зашедший процесс феодального распада, самовластие наместников провинций, совершенно не считавшихся с призрачной властью последних саманидов, быстрый рост могущества государства недавнего раба-тюрка Себук-

Тегина Газнийского, глубокий социальный кризис, лишивший саманидов какой бы то ни было внутренней поддержки, подготовил успех завоевания Мавераннахра тюркским ханом из восточнотуркестанской династии карананидов, Богра-ханом. В 992 г. саманид Нух ибн-Наср, потеряв свою столицу — Бухару, бежит в Амударью (Чарджоу), откуда пытается организовать борьбу против победоносных завоевателей.

На помощь ему приходит оба правителя Хорезма. В награду за помощь Нух передает им два крупных владения в Хорасане: хорезмшах Абу-Абдаллах-Мухаммед получает Абиверд, эмиру Ургенча Мамуну ибн-Мухаммеду достается Неса. Как отметил в свое время В. В. Бартольд, этот акт был направлен против непокорного правителя Хорасана Абу-Али. Характерно, что последний беспрекословно уступает Несу Мамуну, но отказывается впустить уполномоченных Абу-Абдаллаха в Абиверд. Испытанный в политических интригах Абу-Али, явно не считаясь с волей своего номинального сюзерена, этим актом подчеркивает признание новой политической силы на севере Средней Азии, союз с которой впоследствии весьма ему пригодился.

Гардизи рассказывает, что мятежный Абу-Али, разбитый весной 995 г. войсками Себук-Тегина, выступавшего в качестве вассала и военачальника Нуха, бежал сначала в Рей, затем попытался вернуться в Нишапур, попал в руки Махмуда — сына Себук-Тегина и, наконец, бежал с небольшим отрядом в Хорезм, под покровительство Мамуна. Однако под Хазараспом он был захвачен войсками хорезмшаха и увезен в Кят, что и послужило поводом к окончательной развязке борьбы между обоими хорезмскими государствами: войска ал-Мамуна взяли Кят, освободили Абу-Али, торжественно принятого Мамуном в Ургенче, куда был привезен и пленный последний афригид. Мамун приказал умертвить своего старого врага и, объединив под своей властью обе половины Хорезма, принял древний титул хорезмшаха.

Наполненное грозными, кровавыми военными событиями, дальними походами, сложными политическими интригами царствование Мамуна I, после кратковременного правления его старшего сына Али ибн-Мамуна сменяется блестящим периодом правления другого его сына Мамуна ибн-Мамуна.

Воцарение Мамуна II связано с крупным поворотом в жизни ал-Бируни.

Шах в 1010 г. призывает изгнанника на родину, приближает его к себе, делая его своим первым политическим советником. Вместе с тем Бируни становится ведущим членом блестящего круга ученых придворной «Академии» Мамуна, украшением

которой является привлеченный хорезмшахом бухарец Абу-Али ибн-Сина (Авиценна) — гениальный естествоиспытатель, врач и философ, оказавший впоследствии огромное влияние на развитие европейского естествознания.

В «Академию» Мамуна входят также ученый врач Абу-л-Хасан Хаммар, философ Абу-Сахль Масихи и ряд других, менее известных ученых.

Возникновение «Академии» Мамуна не было случайной прихотью просвещенного хорезмшаха. Хорезмийская наука задолго до этого времени занимает выдающееся место в истории науки Востока. Мы мало знаем о науке домусульманского, античного и афригидского Хорезма. Но внимательный анализ памятников материальной культуры позволяет утверждать, что уже тогда точные и естественные науки достигли в Хорезме высокого уровня развития: точные каноны архитектурных пропорций, тщательные строительные расчеты, грандиозные иригационные сооружения, невозможные без скрупулезной нивелировки местности, описанные Бируни хорезмийский календарь и детальная астрономическая терминология, богатство и разнообразие минеральных красок в росписях Топрак-кала, великолепное античное стекло отсюда же — все это было бы невозможно без развития геометрии, тригонометрии, астрономии, топографии, химии, минералогии. Далекие путешествия хорезмийских купцов, о которых единогласно свидетельствуют арабы и китайцы, были бы невозможны без развития и накопления географических знаний. И когда позднее афригидский Хорезм входит в систему Арабского халифата, его ученые сразу занимают выдающееся, пожалуй, самое выдающееся место среди создателей так называемой «арабской науки» — арабской только по языку, ставшему своеобразной восточной латынью, а на деле созданной учеными Ирана, Закавказья, Малой Азии, Средней Азии, впоследствии Испании.

Уже к концу VIII — началу IX в. относится жизнь и деятельность признанного основателя «арабской» математики и математической географии — хорезмийца Мухаммеда ибн-Муса ал-Хорезми, искажением имени которого является математический термин «алгоритм» (общее решение любой математической задачи), а от одного из слов заглавия математического трактата которого «ал-Джабр» произошло название алгебры. Ал-Хорезми, не только математик, но и астроном, географ и историк, занимает крупный пост при дворе аббасидского халифа ал-Мамуна. Общеизвестно, что в его трудах осуществился тот синтез индийской алгебры и греческой геометрии, который лежит у истоков современной математической науки. Но было ли это только индивидуальным творчеством ал-Хо-

резми? История античной и афригидской культуры Хорезма, развернутая нами на предшествующих страницах, позволяет утверждать, что ал-Хорезми силен не только своим личным математическим гением, но и тем, что он опирался на многовековую традицию хорезмийской математики, выросшей на почве практических потребностей ирригации, путешествий, строительства и торговли, впитавшей в себя и творчески переработавшей, как росписи Топрак-кала, лучшие традиции греческой и индийской культуры. С этой-то зрелой хорезмийской математической наукой познакомил ал-Хорезми полуварваров арабов, а затем, в латинских переводах, и европейский ученый мир.

Есть сведение, что как географ ал-Хорезми принимал участие в посольстве халифа в Хазарию — роль более чем понятная для хорезмийца рубежа VIII и IX вв., и есть все основания полагать, что именно им заложен тот основной костяк географии и этнографии Восточной Европы, который впоследствии выступает в качестве неизменно повторяемого архетипа во всех позднейших арабских географических трудах по этой части мира. Его «ал-Китаб Сураат ал-Ард» — книгой «Картины мира», по авторитетному признанию В. В. Бартольда,²² было «положено начало арабской географической науке».

История хорезмийской науки достигает в творчестве ал-Бируни своего кульминационного пункта. В его лице выступает перед нами великий энциклопедист средневекового Востока, астроном, географ, минералог, этнограф, историк и поэт. Его перу принадлежит целый ряд капитальных трактатов по разным отраслям науки — и во всех он проявляет себя не только как выдающийся эрудит и первоклассный исследователь, но и как самостоятельный мыслитель, прокладывающий новые пути в науке. Признание им равноправия геоцентрической и гелиоцентрической картин мира является крупным шагом вперед по сравнению с доминировавшей среди «арабских» ученых концепцией Птолемея. Его историко-геологические теории по истории ландшафта Североиндийской низменности и по истории изменений течения Аму-дарьи далеко опережают взгляды тогдашней науки, приближаясь к современным научным концепциям. До нас дошел ранний труд Бируни «Ал-Асар ал-Бакият» — трактат о летоисчислениях народов мира, свидетельствующий о необычайной широте эрудиции хорезмийского ученого и являющийся настоящим кладом сведений по истории культуры, философии, астрономии, религии различных народов. Трактат по математической и описательной гео-

²² Худуд ал-Алем. стр. 8.

графии — «Канон Масуда» и краткое руководство по определению местоположения местностей, содержащее, кроме геодезических, также и историко-географические сведения, еще ждут своего издателя. Недавно опубликован труд Бируни по минералогии. Замечательная «История Индии» Бируни, изданная Захау, свидетельствующая о глубоком знании автором языка и обычаев страны, богатейшей санскритской научной литературы, географии и истории Индии, является блестящим образцом историко-этнографической монографии, не имеющей себе равных в средневековой литературе. «История Хорезма» Бируни до нас не дошла, она утрачена или еще не разыскана, но, судя по отрывкам из нее у Бейхаки и в монографии самого Бируни о летоисчислениях, это был труд первостепенного значения.

Специальный, не дошедший до нас, исторический труд Бируни посвящает восстанию Муканны — одному из крупнейших народных движений в Средней Азии VIII в.

Видимо, особая роль принадлежит Бируни, как и ал-Хорезми, в разработке географии и этнографии Восточной Европы, в деле ознакомления стран мусульманского Востока со славянами и другими восточноевропейскими народами. Есть все основания полагать, что именно благодаря Бируни арабам стали впервые известны варяги-норманны и народы «страны мрака» — население европейской и азиатской Арктики.

Выше мы отмечали, что именно к «Истории Хорезма» Бируни надо относить ценнейшие сведения о роли Хорезма в событиях на Руси, предшествовавших принятию христианства, сохраненные нам Марвази и Ауфи.

Бируни недолго прожил на родине. Недолговечна была и «Академия» Мамуна.

Надвигалась новая полоса грозных политических бурь. Глава пришедшей на смену государству саманидов новой раннефеодальной деспотии, выходец из тюркских рабов-гвардейцев Махмуд Газнийский, подчинивший себе всю территорию нынешних Афганистана и Ирана, пытается наложить свою руку и на Хорезм. В 1017 г. он предъявляет Мамуну II требование отправить в Газну знаменитых ученых, собранных при дворе хорезмшаха. Мамун вынужден покориться. Однако ученые не проявляют особого желания ехать ко двору невежественного тирана, а Абу-Сахль Масихи и Авиценна бегут из Хорезма. Первый гибнет в пустыне, второй скрывается в Гургане, Хамадане и Исфгане.

Судьба Бируни не ясна. По одним данным, он подчинился приказу Махмуда, по другим — не подчинился и остался в Хорезме. Однако подготовленное интригами агентов Махмуда

восстание в Хорезме приводит в том же 1017 г. к гибели Мамуна и подчинению Хорезма газнийскому завоевателю, в результате чего Бируни прибывает в столицу Махмуда уже в качестве пленного. С Газной и двором султана Махмуда связано последнее тридцатилетие жизни великого ученого.

Сменивший на ургенчском престоле Мамуна ставленник Махмуда, также бывший тюркский раб-гвардеец Алтунташ, очень скоро начинает, хотя и с большой осторожностью, как могущественный, но верный вассал Газны, проводить самостоятельную политику, продолжавшую политику его предшественников, во многом напоминающую политику Мамуна I по отношению к саманидам.

При преемнике Алтунташа Харуне Хорезм провозглашает свою независимость от Газны. Но в том же самом 1034 г., на который падает этот акт, и Хорезм и самое государство газневидов делаются жертвами грандиозной катастрофы, связанной с завоевательным движением тюркских племен, возглавленным влиятельной огузской аристократической фамилией сельджукидов.

4

Мы оставили государство огузских ябгу Янгикента в период его высшего подъема в качестве могущественного соперника Хорезма в борьбе за гегемонию над арало-каспийскими степями.

В первой половине XI в. это государство, потерпев поражение в борьбе с Хорезмом, вступает в полосу острого социально-политического кризиса.²³ Основной движущей силой событий становится противоречие между крупной скотовладельческой аристократией, заинтересованной в развитии торговых отношений с оазисами и городами Средней Азии и сохраняющей старинный комплексный уклад хозяйства оседлой народной массой — «ятуками», обитателями огузских городов. Эта борьба, только слабые отголоски которой дошли до нас, приобретает крайне острые формы. Кочевая знать и поддерживающие ее группы племен, заинтересованные в расширении пастбищ, начинают самовольно откочевывать из пределов государства ябгу в мусульманские владения — к караханидам в район Бухары, в Хорезм, под покровительство Харуна и далее — в Хорасан. Это приводит к конфликту знати с янгикентским ябгу Али и его сыном и соправителем, заместителем Дженда Шах-Меликом.

²³ См. наши «Города гузов», стр. 85 сл.

Сначала эта борьба складывается благоприятно для Шах-Мелика, и огузские повстанцы во главе с сельджукидами оказываются вынужденными бежать в Хорезм.

Однако вслед за тем наступает перелом. Сельджукиды разбивают Шах-Мелика и заставляют его отступить, центр активности переносится в Хорасан, где они захватывают власть над рядом городов, а в 1040 г., разбив наголову войска Мас'уда Газнийского в битве при Денданакане (между Мервом и Серахсом), захватывают в свои руки власть над всеми владениями газневидов и кладут основание Сельджукской империи.

Мас'уд в своей борьбе с сельджукидами ищет союза с их старым врагом Шах-Меликом и дает ему инвеституру на Хорезм. В начале 1041 г. Шах-Мелик захватывает там власть, изгнав преемника Харуна — Исмаила, и удерживает ее до 1044 г., возглавляя эфемерное Огузско-Хорезмийское царство, на короткое время становящееся столь значительной силой в разворачивающихся событиях, что сменившийся на пошатнувшемся газнийском престоле Мас'уда третий государь династии газневидов — Мадуд в 1042 г. признает Шах-Мелика своим сюзереном.

Но с этим, естественно, не могли мириться победоносные сельджукиды.

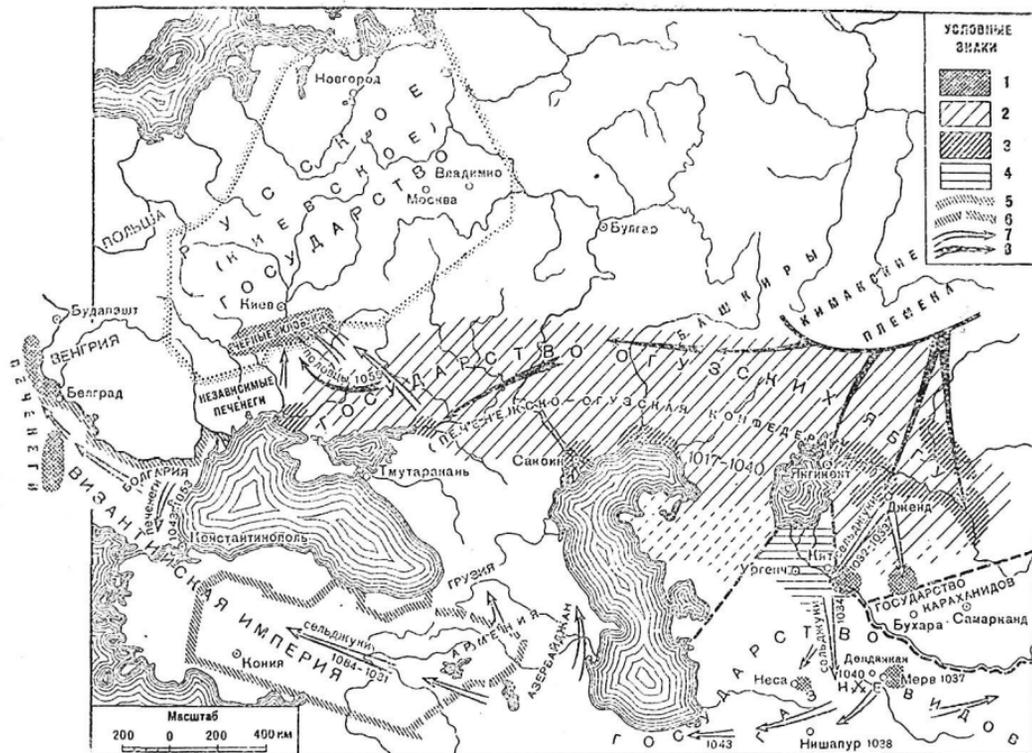
В 1044 г. сельджукские войска захватывают Хорезм, вынуждая Шах-Мелика к бегству. Он пытается перенести безнадежную уже борьбу в Иран и вскоре находит там свою гибель. Хорезмское государство перестает существовать.

Последующее пятидесятилетие — темный период в истории Хорезма. Из хроники Мирхонда мы узнаем, что около 1065 г. в Хорезме происходит крупное восстание против сельджукидов, возглавленное некими Фагфуром, Джази и ал-Кафшатом, вызвавшее карательную экспедицию сельджукского султана Алп-Арслана.

Интересно имя первого из вождей восстания: Фагфур (арабская транскрипция титула Багпур — «Сын бога [солнца]») — как мы видели, титул светского царя-военачальника при афригидах. Не исключено, что здесь мы имеем последнюю попытку реставрации старой династии.

Если к тому же мы вспомним, что в VIII в. этот титул носят вожди антифеодального движения общин, то весьма вероятно, что и в событиях 1065 г. надо видеть последнюю вспышку антифеодальных движений раннего средневековья.

Алп-Арслан подавляет мятеж и восстанавливает суверенитет сельджукидов в Хорезме. Хорезм несколько десятилетий остается отдаленной провинцией Сельджукского государства.

Карта 6. Хорезм, огузы и Русь в XI в.

1 — места поселений отточевавших огузов и печенегов; 2 — государство огузских ябгу в первой половине XI в.; 3 — центры огузско-печенежских поселений; 4 — Хорезм; 5 — граница Византийской империи; 6 — граница Византийской империи до огузского движения; 7 — отточевки и завоевательные походы огузов и печенегов; 8 — переселения и походы кимакских племен

На протяжении второй половины XI в. здесь сменяется длинный ряд наместников, в том числе сельджукских царевичей.

Однако, несмотря на могущество и блеск созданной завоевателями огромной империи, простиравшейся от Кашгара до Малой Азии, в самой ее природе таились предпосылки ее недолговечности. Отмеченные нами выше процессы консолидации феодальной экономики находят при сельджукидах свое завершение.

Если при их предшественниках военно-ленная система развивается относительно медленно, охватывая лишь верхушку общества, и общественные отношения крайне отягощены дофеодальными пережитками,— при сельджуках феодальное землевладение, построенное на системе ленных пожалований (икта'), пронизывает всю структуру общества. Иктадар или муктаи, держатель лена, становится основной фигурой господствующего класса; зависимый крестьянин, сидящий на переданных в икта' землях и обязанный нести повинности за держание земли,— основным производителем. Армия, государственный аппарат, центральная и местная администрация — все базируется на системе икта', что не может не обуславливать максимального развития центробежных тенденций в государстве. Бесчисленные сельджукидские царевичи и военачальники становятся фактически самостоятельными государями в различных частях империи, и уже к началу XII в. власть верховных сельджукских султанов становится весьма и весьма условной.

Среди поднимающихся в рамках Сельджукской империи все более и более усиливающихся вассальных государств одно из первых мест принадлежит Хорезму, правители которого, вассалы и ставленники сельджукидов, вновь принимают древний титул хорезмшахов и закрепляют за собой наследственную власть.

Глава XI

ВЕЛИЧИЕ И ПАДЕНИЕ ХОРЕЗМА

1

XII век — период медленного, но упорного подъема политического могущества Хорезма, быстро оправившегося от тяжелых последствий событий, связанных с сельджукским завоеванием. Кутбеддин Мухаммед I ибн-Ануштегин (1117—1127), как в свое время Алтунташ, выходец из рабов-гвардейцев и ставленник могущественных тюркских правителей Ирана и Средней Азии, как и Алтунташ, становится умелым и упорным продолжателем традиционной политики мамунидов.

Уже в первых действиях Мухаммеда I мы видим прообраз того, что получило полную реализацию в политике его сына, внука, правнука и праправнука. Он упорно и успешно отражает нападения соединенных тюркских племен Приаралья, осколков распавшегося государства ябгу Янгикента, организуя походы на Мангышлак по старым хорезмийским путям к Каспию.

Блестящее правление его сына Атсыза (1127—1156) наполнено бурными событиями. Он умело лавирует между грозными внешними силами — своим сюзереном, последним «великим сельджуком» султаном Санджаром — и вторгнувшимися в Среднюю Азию восточными завоевателями — каракитаями, то признавая сюзеренитет Санджара, то открыто восставая против него, нередко, если не в формальном, то в фактическом союзе с врагами Санджара — каракитаями, даннические отношения к которым он сочетает с формальным суверенитетом сельджукидов над Хорезмом.

Вместе с тем упорно и настойчиво он осуществляет политику «собирания земель», издревле экономически тяготеющих

к Хорезму: он подчиняет власти Хорезма Мангышлак; видимо, к этому времени относится создание здесь ряда упоминаемых источниками городов. Он подчиняет себе область Дженда. Суверенитет Хорезма простирается к концу его царствования на обширную территорию — от Каспия до Нижней и Средней Сыр-дарьи, объединяя всю северо-западную часть Средней Азии.

Столь же крупной фигурой является внук Атсыза, Алаэддин Текеш ибн-Иль-Арслан (1172—1200). Если Атсыз заложил основы фактической независимости и великодержавной политики Хорезма, то Текеш является подлинным основателем Хорезмийской средневековой империи. В 1194 г. войска хорезмшаха в генеральном сражении разбивают армию последнего иранского сельджукида Тогрула и утверждают суверенитет Хорезма над Ираном; в 1195 г. багдадский халиф Насир терпит поражение в бою с хорезмийцами и признает власть Текеша над восточным (персидским) Ираком. Успешные походы на восток, против каракитаев, отворяют Текешу дорогу в Бухару. Видимо, к правлению Текеша относится темное свидетельство Гарнати о сорокалетней борьбе хорезмшаха Алаэддина с гузами за город Саксин в низовьях Волги — по всей вероятности на месте старого хазарского Итиля.

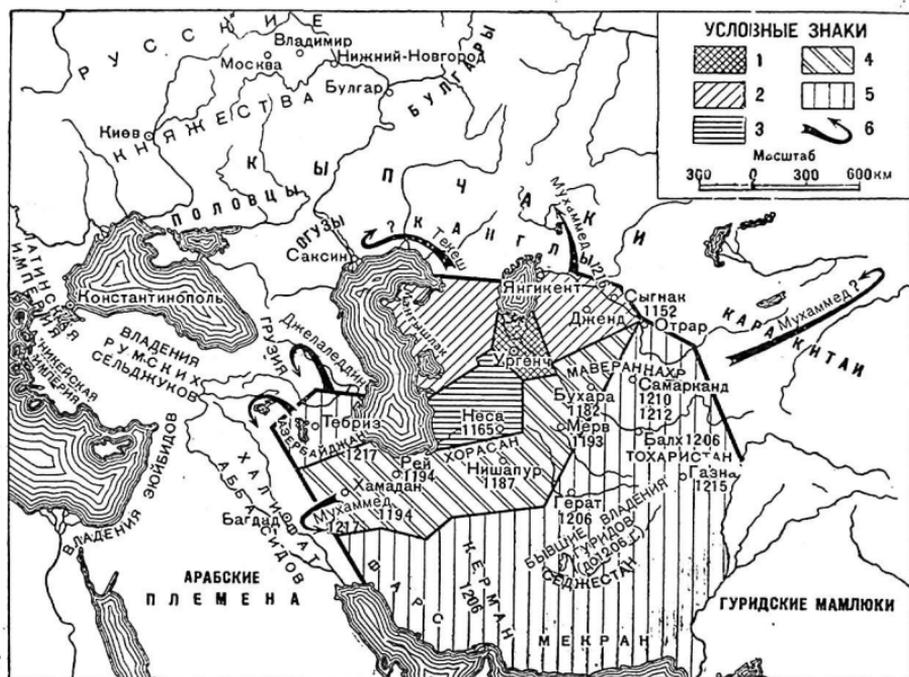
Сын и преемник Текеша Алаэддин Мухаммед II завершает дело отца (1200—1220). Он ведет упорную и успешную борьбу с каракитаями, отнимает у них Самарканд и Отрар (на Средней Сыр-дарье), простирает свою власть на далекую область Газны (на юге Афганистана), подчиняет западный Иран и Азербайджан, осуществляет смелый поход далеко в глубь степей Дешти-кыпчака (современный Казахстан).

Война с каракитаями закончилась падением Каракитайской империи. Мухаммед присваивает себе титул «второго Александра», при дворе его ежедневно 27 подчиненных правителей или их сыновей-заложников бьют зарю на золотых барабанах.

Мухаммед замышляет уничтожение остатков власти аббасидского халифа, номинального сюзерена мусульманского мира, слабого в военно-политическом отношении, но располагающего значительным традиционным идеологическим влиянием. Он противопоставляет халифу Насиру своего ставленника, выдвинутого из потомков четвертого халифа Алия, «зятя пророка», объединяясь таким образом с шиитскими группировками, древле враждебными аббасидам. Армия Мухаммеда предпринимает поход на Багдад, не удавшийся, впрочем, из-за наступления ранней зимы, закрывшей перевалы, и из-за известий о появлении на восточных границах Хорезмской империи монгольских войск.

Таковы основные контуры внешнеполитической истории Хорезмской империи Атсыза—Текеша—Мухаммеда до момента ее трагического падения под ударами монгольских полчищ.

За этими внешними событиями скрываются глубокие процессы подъема экономического могущества средневекового

Карта 7. Рост государства хорезмшахов в XII—XIII вв.

1 — территории Хорезма при Кутбеддине Мухаммеде I (до 1127 г.); 2 — то же, присоединенные Атсызом (1127—1156); 3 — то же, присоединенные Иль-Арсланом (1156—1172); 4 — то же, присоединенные Текешем (1172—1200); 5 — то же, присоединенные Мухаммедом II (1200—1220); 6 — походы хорезмшахов

Хорезма, ярким светом освещаемые археологическими памятниками.

Исследуя их, мы как бы ощупываем дошедшие до нас кости скелета этой грандиозной феодальной монархии. Перед нами проходят огромные ирригационные работы, вновь оживившие сотни тысяч гектаров плодородных земель, строительство пограничных крепостей на краю пустыни, укрепление стратегических и торговых путей в Хорасан, Мавераннахр, в глубь степей Дешти-кыпчака, новый расцвет городской жизни, ремесел, торговли, пышное и богатое развитие искусства «хорез-

ийского ренессанса», оказавшего мощное воздействие на всю дальнейшую историю художественной культуры Средней Азии, Ирана, Поволжья.

2

Накануне монгольского нашествия Хорезм посетил знаменитый арабский путешественник и географ Якут, автор много-томной географической энциклопедии, не знающей себе равной среди памятников средневековой географической литературы всего мира.

«Не думаю, — пишет Якут, — чтобы в мире были где-нибудь обширные земли шире хорезмийских и более заселенные, при том что жители приурочены к трудной жизни и довольству немногим. Большинство селений Хорезма — города, имеющие рынки, жизненные припасы и лавки. Как редкость бывают селения, в которых нет рынка. Все это при общей безопасности и полной безмятежности».¹

«Не думаю, — говорит он в другом месте, — чтобы в мире был город, подобный главному городу Хорезма по обилию богатства и величине столицы, большому количеству населения и близости к добру и исполнению религиозных предписаний и веры».²

А свидетельство Якута, объехавшего значительную часть мусульманского мира, достаточно авторитетно.

Ирригационные сооружения эпохи «великих хорезмшахов» особенно ярко могут быть прослежены в районе «земель древнего орошения» юго-западного Хорезма — в бассейне огромного мертвого канала Чермен-яб. Этот канал, являющийся продолжением современного канала Газават, в раннем средневековье, в афригидское и мамунидское время, доходил только до города Замахшара (современное городище Змухшир).

В XII в. этот канал восстанавливается далее в глубь пустыни на 70 километров, достигая развалин Шах-Сенем, вокруг которых раскинулась обширная сельскохозяйственная область с обильными памятниками того времени.

Интенсивно развивается жизнь на орошенных землях бассейна Гавхорэ. Окрестности развалин крепости Кават-кала представляют собой великолепно сохранившийся памятник этой эпохи. Это целый мертвый оазис, эффектные руины целого «рустака», тянущегося от развалин Джильдык-кала до Кават-кала и далее к северу примерно на треть расстояния между Кават-кала и Топрак-кала.

¹ Якут, II, 481; МИТТ, I, 419.

² Якут, II, 486; МИТТ, I, 421.

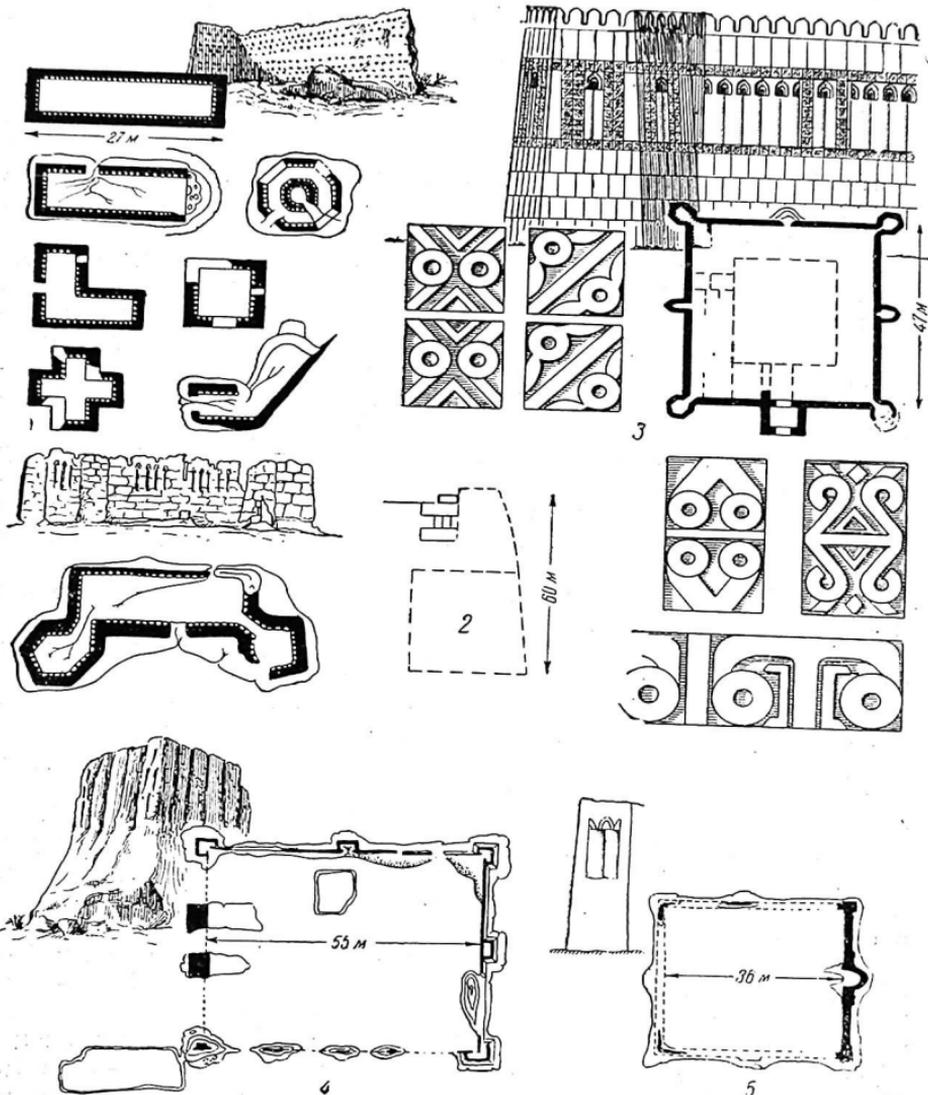

Рис. 90. Памятники хорезмийской культуры X—XIII вв.
Кават-кала и другие памятники

1 — типы наптар-хана; 2 — план одной из усадеб оазиса Кават-кала; 3 — план и украшения фасада замка № 3 (рис. 1—3—XII—XIII вв.); 4 — Наиб-кала; 5 — Буран-кала № 2 (рис. 4 и 5—X—XI вв.)

Рис. 91. Средневековые памятники хорезмийской культуры

1 — алебастровые украшения внутренних стен дворца Кават-кала; 2 — розетки резной деревянной двери дворца Кават-кала; 3 — керамика и каменные котлы из Кават-кала и других памятников оазиса; 4 — фрагменты жерновов (Кават-кала); 5 — металлические украшения (Змухшир); 6 — неполиваная керамика (Наринджан); 7 — поливаная керамика (Змухшир) (рис. 1-4—XII—XIII вв.; рис. 5-7—X—XI вв.)

Это тянущаяся на 15 километров вдоль сухого русла Гавхорэ полоса такыров, шириной в 2—3 километра, сплошь покрытая бесчисленными развалинами крепостей, замков и неукрепленных крестьянских усадеб, разбросанных среди прекрасно сохранившихся планировок средневековых полей, оконтуренных полосами каналов распределительной и оросительной сети.

На непосредственно примыкающей к Кават-кала полосе площадью в 8 кв. километров нами зарегистрировано свыше девяноста крестьянских усадеб. Если мы сравним по степени заселенности рустак крепости Кават-кала с афригидским рустак Беркут-кала, где на площади в 35 кв. километров расположено около 100 усадеб, то мы легко убедимся в том, что густота населения возросла примерно в четыре раза!

Анализ комплекса Кават-кала дает нам полное представление о структуре хорезмийского общества XII—XIII вв. Центром тяготения кават-калинского рустака является небольшой город-крепость, внутри которого обнаружены развалины богато декорированного резным шtukом дворцового здания. Вдоль канала вокруг крепости разбросаны четыре замка характерного для этой эпохи типа; это квадратные укрепления с прямоугольными выступами порталов, со стрельчатыми арками, с гранеными декоративными башенками по углам. Замки лишены донжонов, жилые помещения расположены в виде карре вдоль стен, оставляя внутри обширный двор. Стены замка тонки и не имеют серьезного оборонительного значения. В некоторых замках эти стены покрыты снаружи изысканной, нанесенной на сырую глину резьбой, образующей эффектные декоративные панели.

Вокруг замков раскинулись многочисленные усадьбы мелких землевладельцев и крестьян, ограниченные невысокими глинобитными заборами. Усадьбы тесно примыкают одна к другой и имеют неправильные очертания, определяемые расположением дорог и арыков. У одной из стен усадьбы располагается многокомнатный дом с характерной планировкой, доживающей с некоторыми видоизменениями в сельской архитектуре Хорезма до наших дней. В основе это два главных помещения или группы помещений, разделенные широким крытым ходом (в нынешней узбекской усадьбе именуемым далис), открывающимся в нишу входа, ограниченную с боков выступающими вперед торцовыми частями главных помещений. Стены выведены из пахсы.

Каждая усадьба включает своеобразное сооружение, либо примыкающее к дому, либо расположенное отдельно: это длинное узкое и высокое здание, как правило — со следами меж-

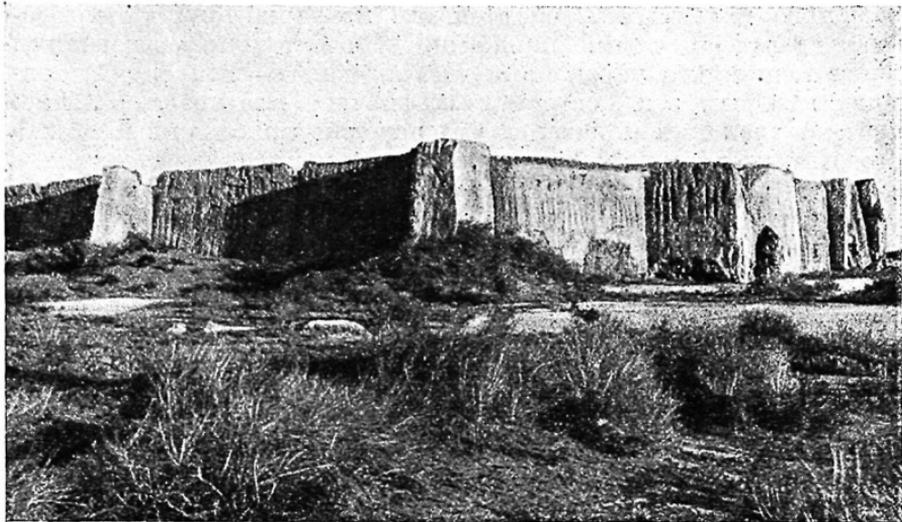

Рис. 92. Развалины замка Кават-кала № 3

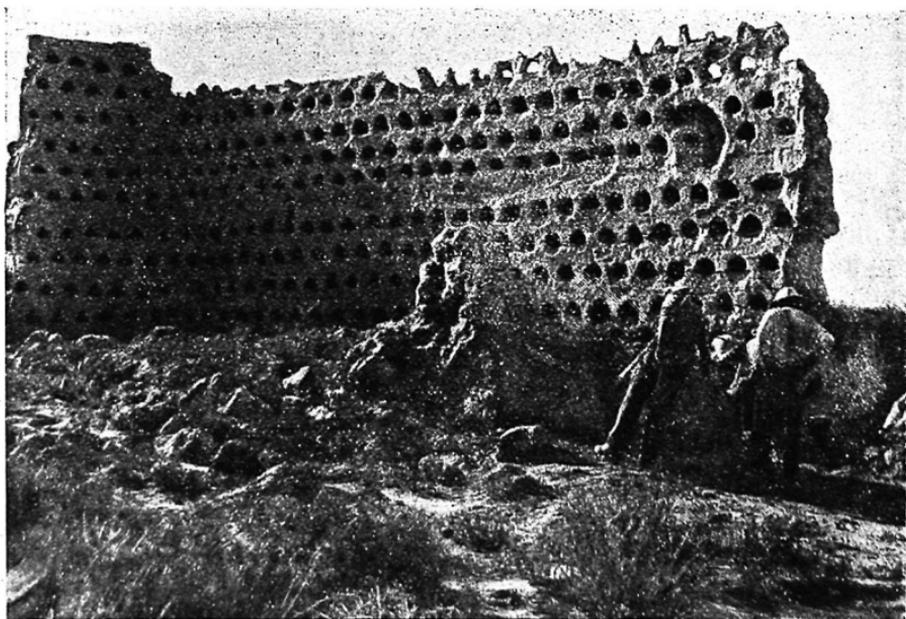

Рис. 93. «Кантар-хана» близ Кават-кала

этажного перекрытия, со стенами, изнутри покрытыми бесчисленными арочными нишками, действительно создающими впечатление, что перед нами «каптар-хана» — голубятня, термин, которым эти постройки обозначает местное население. Однако раскопки показали, что перед нами отнюдь не голубятни, а жилые и парадные помещения, видимо соответствующие «мехман-хана» — гостиним современного узбекского дома. Нишки имели чисто декоративное значение и, согласно свидетельству ибн-Батузы, описавшего такую «гостиную» в доме ургенчского казия, будучи обтянуты материей, служили местом расстановки декоративной стеклянной и металлической посуды.

Большая часть каптар-хана — прямоугольные в плане, но встречаются и иные типы: угловая каптар-хана в виде прямого или тупого угла — в том случае, когда она расположена на углу усадьбы, и каптар-хана с башенками — когда она, замыкая передний фасад усадьбы, имитирует стену маленького замка. В других районах встречены и другие планы, как, например, многогранная и крестообразная каптар-хана, зарегистрированные в окрестностях Кызылча-кала на Чермен-ябе.

Видимо, каптар-хана должна рассматриваться как отдаленный декоративный пережиток афригидской жилой башни-донжона. Высокие двухэтажные здания, поднимавшиеся над постройками усадеб, придавали сельскому архитектурному ландшафту эпохи хорезмшахов отдаленное сходство с ландшафтом бурных времен раннего средневековья.

Извне стены каптар-хана нередко покрыты резьбой по глине или рядом тонких горельефных полуколонн — дальнейшее декоративное видоизменение полуколонн афригидской архитектуры.

Перед нами картина уже вполне зрелого феодального поселения: городок-резиденция князя — правителя рустака, замки крупных феодалов и неукрепленные усадьбы мелких землевладельцев и крестьян дают нам убедительную картину феодального иерархического расчленения общества. Если в афригидскую эпоху крестьянин жил в маленьком, но похожем на замок аристократа, укрепленном замке, являясь еще, по крайней мере формально, равноправным с владельцем большого замка, то в дальнейшем между усадьбой феодала и усадьбой крестьянина уже в самых принципах их планировки пролегла непроходимая пропасть.

Характерно, однако, что и замок феодала — лишь декоративная «крепость». Мы присутствуем при глубоком декоративном вырождении частной фортификации — бесспорное свидетельство роста политической централизации, делающей ненужными грозные укрепления замков аристократии.

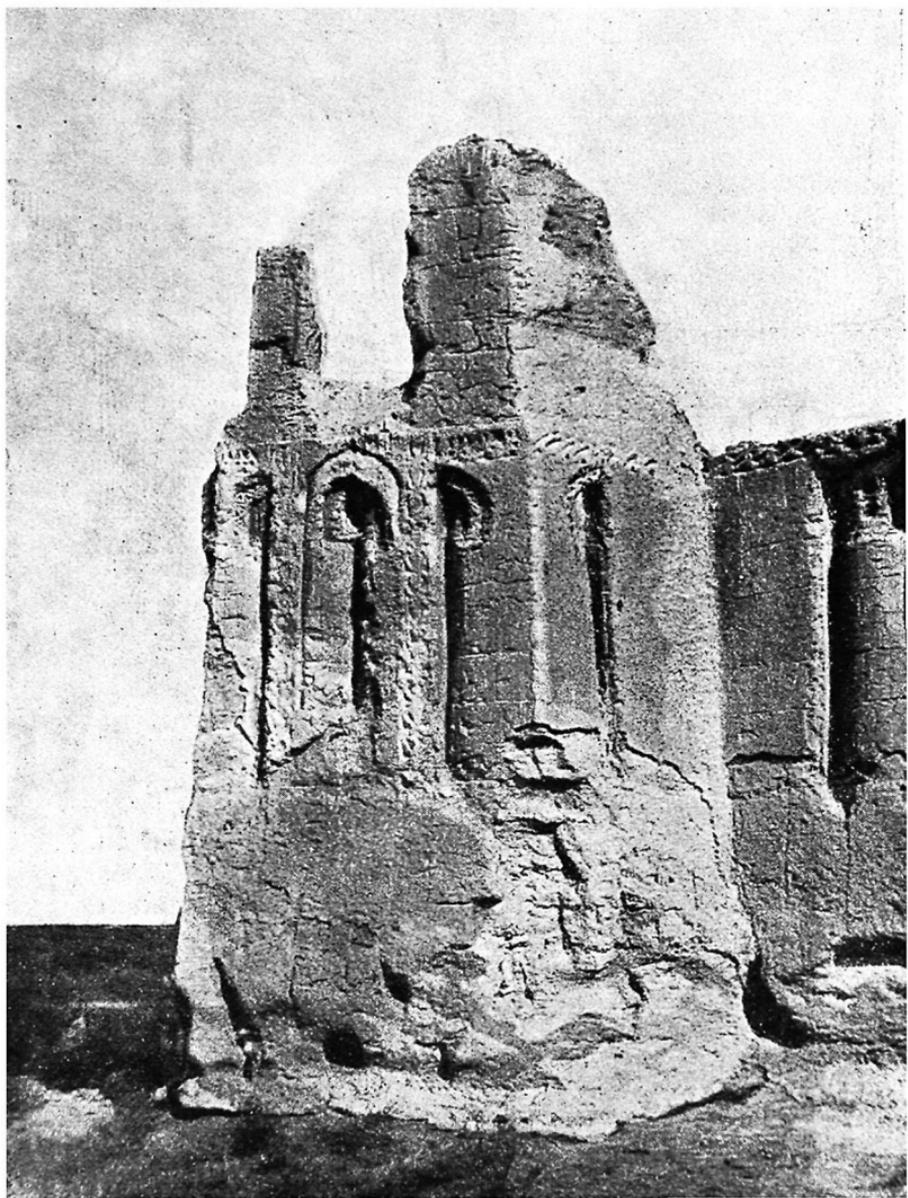

Рис. 94. Внешний вид «Каптар-ханы» близ Наринджана

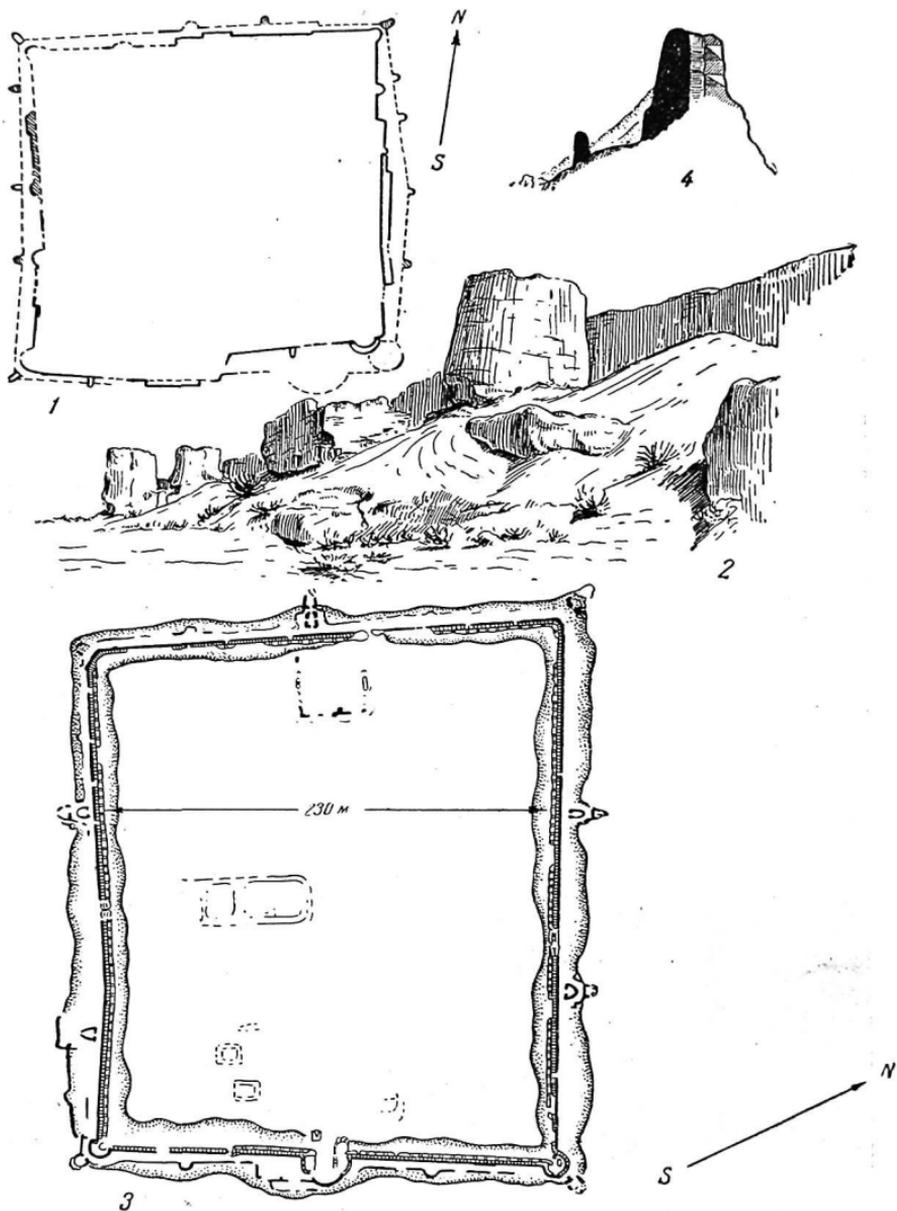

Рис. 95. Памятники средневековой хорезмийской культуры. Крепости XII—XIII вв.

1 — Кават-кала; 2 — 3 — Большой Гульдурсун

Совершенно иную картину мы наблюдаем в отношении фортификации государственной. Большие крепости типа Гульдурсуна, той же Кават-кала и Замахшара говорят нам о далеко зашедшем прогрессивном развитии принципов, в зачатке выступающих уже в фортификации крупных афригидских замков. Предстенные барьеры, двойные ряды выносных башен, фланкирующих подступы к стене, мощные предвратные сооружения, чаще всего полукруглые в плане, с входом, расположенным так, чтобы противник, штурмуя его, поворачивался правым, незакрытым щитом боком к стене,— все это свидетельствует об упорных поисках новых оборонительных средств, а грандиозные размеры крепостей, созданных правительством хорезмшахов, являются убедительным свидетельством его мощи.

Многочисленные города этой эпохи получают уже законченные черты средневекового среднеазиатского города, дожившие до XIX—XX вв.: крестообразный в основе план с расположенным на перекрестке главных улиц центрирующим зданием,— в Даудан-кала, например, соборной мечетью. В идее город имеет прямоугольные очертания, но, в противоположность античности, только в идее: планировка применяется к местности, город явно растет стихийно, а не строится по заранее заданному плану, что обуславливает значительные отступления от прямоугольной планировки.

Керамический и другой бытовой материал памятников XII—XIII вв. дает нам представление о бурном расцвете прикладных искусств.

Люстровая многоцветная керамика «рейских» и «кашанских» типов, наряду с массовой монокромной и расписной бирюзовой поливной посудой и с покрытыми богатым рельефным орнаментом серыми и черными неполивными сосудами, отражает те же стилистические тенденции, что и архитектурные памятники с их пышным декоративизмом, нишками, полуколоннами, резными глиняными и шуковыми панелями.

Далеко позади осталась суровая и бедная красками культура воинственных земледельцев афригидской эпохи,— ей на смену пришла изысканная цивилизация времен «великих хорезмшахов», расцветающая в городах и неукрепленных селениях под защитой могучих стен крепостей, воздвигнутых сосредоточившим в своих руках функции обороны государством.

Однако блестящая картина средневековой хорезмийской культуры XII—XIII вв. не должна закрывать от нас и оборотной стороны медали, без учета которой мы не сможем понять трагических событий 1218—1230 гг.

Хорезм XII—XIII вв.—поднимающаяся феодальная монархия со всеми сильными и слабыми сторонами, свойствен-

ными феодальным монархиям Запада и Востока. Путь политической централизации, глубоко прогрессивный по своему значению, это путь, ведущий через жестокую борьбу между различными прослойками класса феодалов — в первую очередь между опирающимся на поместно-служилые элементы и города носителем верховной власти и крупными феодалами, владельческими князьями, которых мало, конечно, устраивала роль барабанщиков на торжественной «заре Искандера» в ургенском дворце, хотя бы барабаны и были из чистого золота.

В Хорезме положение еще более усложнялось, по сравнению с западными монархиями, ролью кочевых племен и их феодально-родовой знати.

Военной опорой власти хорезмшахов давно уже перестала быть хорезмийская тяжелая конница, столь славная в самом Хорезме и в Хазарии X в. Если в XI в., по примеру Саманидской и Сельджукской империи, в хорезмийском войске некоторое время крупную роль играет гвардия «гулямов» (рабы-гвардейцы), то в XII—XIII вв. основную военную силу хорезмшахов составляют наемные и союзные турецкие контингенты — преимущественно канглы и туркмены, во главе со своими князьями, связанными родственными узами с правящей династией.

На протяжении XII в. хорезмшахи систематически берут себе жен из аристократии этих племен. Это становится своего рода конституционным институтом Хорезмийской империи. Существенно, что, в то время как правитель Хорезма носит древнехорезмийский титул «хорезмшах» и арабский — «султан», первая жена хорезмшаха выступает под древнетюркским титулом «хатун». Таким образом, хорезмийская императрица является как бы носительницей верховного суверенитета империи по отношению к входящим в ее состав тюркским племенам.

Хатун в некоторых случаях выступают в качестве своеобразного интеррекса и электора, после смерти хорезмшаха выдвигая из числа его сыновей кандидата на престол.

Особенно крупную и роковую для Хорезма фигуру представляет Туркан-хатун — вдовствующая императрица, вдова Текеша и мать Мухаммеда, влиятельная руководительница военно-аристократической «старохорезмийской» партии при дворе последнего. Она имеет свой двор, конкурирующий с двором хорезмшаха, распоряжается назначением высших чиновников, приостанавливает по своему усмотрению распоряжения хорезмшаха. Вокруг нее группируется многочисленная военная знать — князья тюркских племен, военачальники хорезмшаха.

Противоречия в правящей верхушке империи особенно усиливаются в царствование Мухаммеда. Завершение создания

Хорезмийской империи приводит к оттеснению на второй план первоначального ее ядра — Хорезма, оказывающегося на далекой северной окраине огромного государства, за обширными пространствами трудно преодолимых пустынь. Богатые центры Ирана и Мавераннахра, в первую очередь старая столица караканидов — Самарканд, оказываются и с экономической, и с военно-политической, и, наконец, с социальной точки зрения гораздо более подходящим центром для огромного государства, основные интересы которого лежат на Среднем и Ближнем Востоке, а основной социальной опорой царской власти становятся мусульманские военно-служилые элементы и торговые города. Этим определяется стремление Мухаммеда к перенесению столицы в Самарканд, встречающее жестокое сопротивление со стороны партии Туркан-хатун.

Наконец, если в самом Хорезме, благодаря его быстрому экономическому подъему, успешным войнам, расцвету торговли, время «великих хорезмшахов» есть время относительного подъема зажиточности народных масс и, соответственно, временного притупления классовых противоречий, то на периферии империи события этого времени не могут не вести к упадку благосостояния масс, вызванному длительными войнами и широкой раздачей хорезмшахами ленов своим сподвижникам и союзникам на вновь присоединенных землях, не говоря уже о прямом грабеже населения победоносными хорезмийскими армиями. Эти же события ведут к стремлению местной знати компенсировать внешние потери усилением эксплуатации крестьянства и ремесленников и, соответственно, к обострению классовой борьбы.

Ярким проявлением этой борьбы являются события начала XIII в. в Бухаре. Накануне присоединения к Хорезмийской империи Бухара представляет собой своеобразное, вассальное каракитайам, феодально-теократическое государство, возглавляемое наследственной династией духовных феодалов — «садров», опирающихся на городской патрициат. Против садров восстают городские ремесленники во главе с мастером по выделке щитов Синджаром, которому удается захватить власть. По словам Джувейни, Синджар держал в полном пренебрежении городскую знать — явное свидетельство проводимой им демократической политики.

Хорезмшах Мухаммед выступает в 1207 г. на помощь аристократической партии и берет Бухару. По словам Джувейни, «сын продавца щитов получил воздаяние по заслугам».

Якут (I, 296) свидетельствует об острой социальной борьбе, выступающей под религиозной оболочкой и на противоположном конце империи хорезмшахов: в Исфахане — в западном

Иране и в Рее — в северном Иране: «И уже распространилось опустошение в это время и до него в окрестностях его (Исфахана) вследствие частых смут и вероисповедной борьбы между шафиитами и ханафитами и непрерывных войн между обеими партиями, и всякий раз как одерживала верх одна группа, она разграбляла квартал другой, сжигала его и опустошала».

«И эти развалины, которые ты видишь, — рассказывали Якуту в Рее, — это кварталы шиитов и ханафитов, и остался этот квартал, известный под названием Шафиитского, а он — самый малый из кварталов Рея; и не осталось из шиитов и ханафитов никого, кроме тех, кто скрывает свое вероисповедание. И я нашел все их жилища построенными под землей; ворота их, через которые идут к их жилищам, крайне темны и трудно проходимы; они сделали это вследствие частых нападений на них войск. И если бы не это, то наверное не осталось бы в нем (Рее) никого».

Как удалось показать Бартольду и особенно Якубовскому,³ упомянутые Якутом религиозные течения опирались в эту эпоху на совершенно определенные социальные группы: шафииты объединяли феодалов и городской патрициат, ханафиты опирались на широкие слои городских ремесленников, а шиизм был широко распространен среди крестьянской массы. Мы видим, таким образом, в рассказе Якута свидетельство об открытой гражданской войне между феодально-купеческой верхушкой и городским плебсом, выступающим в союзе с крестьянством, — войне, приведшей в Рее к полному разгрому демократических группировок.

Нельзя не учитывать также исмаилитского движения, продолжающего традиции раннесредневековых карматов и переживающего в XII—XIII вв. новую вспышку. Это движение, возглавляемое остатками полуфеодальной-полупатриархальной верхушки сельских общин отсталых, преимущественно горных районов, осколками дофеодальной аристократии, черпает свои силы в недовольстве крестьянских масс. Базируясь на разбросанных в различных углах страны укрепленных замках, исмаилиты неоднократно захватывают власть в обширных районах восточного Ирана, представляя собой грозную силу, с которой не могли не считаться хорезмшахи и которая сыграла существенную роль в истории последнего трагического десятилетия Хорезмийской империи.

³ В. В. Бартольд. К истории крестьянских движений в Персии. Сб. в честь Кареева «Из далекого и близкого прошлого», стр. 61; А. Ю. Якубовский. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Европой в X—XV вв. МИУТТ, I, стр. 34.

Совокупность этих обстоятельств явилась источником военно-политической слабости Хорезма в его фатальной борьбе против монгольских завоевателей.

3

Монгольское нашествие разразилось тогда, когда процесс консолидации империи был в самом разгаре, когда результаты объединительной деятельности Мухаммеда были очень далеки от завершения, когда, в связи с этим, упомянутые противоречия выступали с особенной остротой. Еще дымились развалины Ирака, опустошенного армиями хорезмшаха и халифа, и прятались в землянках уцелевшие жители разрушенного гражданской войной Рея. Еще стоял в Бухаре дворец «малика Синджара», и били в ургенчском дворце в золотые барабаны вчерашние гордые властители, соперники «второго Александра». Еще не высохла кровь уничтоженных Мухаммедом последних самаркандских караханидов и не прошел у тюркских полководцев и солдат хорезмшаха угар победителей, державших себя на объединенных под властью Хорезма землях как победоносные завоеватели, которым все позволено. Еще не закончен был дележ каракитайского наследства между Мухаммедом и захватившим восточный Туркестан и Семиречье найманским ханом Кучлук, и в самом разгаре была смертельная борьба между хорезмшахом и багдадским «наместником пророка» — халифом Насиром, волновавшая умы мусульман во всей Хорезмийской империи, когда на восточной границе Хорезма появились первые разведочные отряды грозной армии Чингис-хана.

Здесь не место останавливаться на истории образования Монгольского государства. Отметим лишь наиболее для нас существенное, необходимое для понимания развернувшихся событий, определивших судьбу Хорезма. Мы выше видели источники военно-политической слабости Хорезмийской империи в ее столкновении с монголами. В чем был источник силы последних?

Монгольское государство сложилось в результате длительной социальной борьбы среди монгольских племен — наиболее хозяйственно и культурно отсталых племен Центральной Азии, составлявших в прошлом отдаленную периферию древних центральноазиатских полуварварских империй — Тюркской, Уйгурской, Кыргызской. Монголы были лишь очень поверхностно затронуты влиянием этих могущественных политических объединений, сохраняя варварский общественно-экономический уклад, лишь медленно и постепенно разлагавшийся под влиянием роста производительных сил.

Борьба, предшествовавшая образованию империи Чингис-хана, во многом напоминает классовую борьбу, сопровождавшую историю образования Тюркского каганата VI—VIII вв. н. э. и даже Гуннской державы III в. до н. э. Как и там, здесь друг другу противостоят могущественная родовая знать, тесно связанная узами вассальной зависимости с Китаем, и масса свободных, но все более и более закабаляемых аристократией воинов-кочевников, ищущих выхода из кризиса путем реализации военно-рабовладельческих тенденций развития, путем внешней экспансии.

Чингис-хан был выходцем из низов родовой аристократии, сыном мелкого родового вождя, к тому же после смерти отца ограбленным своими более сильными сородичами. Типичный военный авантюрист, вначале — вожак разбойничьей банды, Чингис умело использует недовольство обездоленных народных масс, выходит победителем из борьбы со своими могущественными противниками и создает сильное централизованное военно-рабовладельческое государство, сразу вступающее на путь широкой внешней экспансии, успех которой является условием самого его существования.

Чингис-хан осуществляет систему крупных военно-административных реформ, порывающих с родоплеменной раздробленностью монголов и превращающей монгольский народ в монолитное, правильно организованное войско, в котором старинный родоплеменной принцип организации сменяется милиционнотерриториальной системой с правильным делением на десятки, сотни, тысячи и туманы (10 тыс.), являющиеся одновременно и военно-мобилизационными и административными единицами. Принцип, положенный здесь в основу, не был новым, но мало кому из предшественников Чингиса удавалось осуществить его с такой железной последовательностью. Отсталость монголов в умелых руках реформатора стала источником их силы: слишком еще слабой была родоплеменная аристократия, чтобы серьезно противостоять политике Чингиса. Традиции варварской сплоченности, относительно еще очень слабое развитие классового антагонизма внутри монгольского народа были широко использованы Чингисом в его объединительной политике. А его гений полководца, с самого начала обусловивший неизменный успех его военных предприятий, закрепил результаты его внутреннеполитической деятельности, обеспечив невозможность серьезной внутренней оппозиции.

Чингис-хан в своих военных реформах прекрасно сочетал варварскую сплоченность монголов с лучшими из достижений китайской военной науки, самой передовой в ту эпоху. Бле-

стящая организация штабной работы, в особенности разведки, как собственно стратегической, так и политической, широкое использование китайской осадной артиллерии, талантливое развитие идеи тактических и стратегических резервов, — все это поставило армию Чингис-хана в военном отношении на голову выше армий его противников. Рыцарское войско хорезмшаха, с великолепными индивидуальными боевыми качествами отдельных воинов и военачальников, но организационно рыхлое, раздираемое внутренними противоречиями, столкнулось с настоящей регулярной армией, руководимой единой волей полководца, действующей безошибочно, как хорошо слаженная машина.

Огромную роль в победоносности западного похода Чингис-хана сыграл совершенно новый в практике кочевых войн стратегический принцип, сделавшийся одной из основ стратегии Чингиса. Я имею в виду то, что, в противоположность своим предшественникам, Чингис придавал особое значение осаде и взятию укрепленных городов и крепостей противника. Тот факт, что хорезмшах Мухаммед не учел этого стратегического нововведения, явился источником его основной стратегической ошибки, решившей исход войны.

Обладая значительным преимуществом в численности войск (по подсчетам современников и новейших исследователей, общее число войск Мухаммеда составляло около 300 тыс. человек, в то время как Чингис-хан вряд ли мог выставить против него более 100 тыс.), Мухаммед не решился дать генеральное сражение, — путь, который подсказывали ему некоторые его советники.

Вместо этого он рассредоточил свои силы по крепостям, отведя крупные стратегические резервы за Аму-дарью, явно рассчитывая на то, что монгольские войска, рассыпавшись по незащищенным селениям с целью грабежа, окажутся обессиленными и деморализованными, и тогда сильные гарнизоны крепостей, поддержанные главными силами из-за Аму-дарьи, легко уничтожат завоевателей. Успеха монголов в деле осады крепостей он совершенно не ожидал. План Мухаммеда, типично феодальный по своим принципам, — народ сознательно оставался в жертву завоевателям, — был неплох сам по себе, если бы дело шло о войне с привычными противниками, будь это каракитай, кыпчаки, гурцы или войска халифа Насира.

Но против Чингис-хана этот план оказался совершенно непригодным. Несмотря на поистине героическую оборону ряда городов (Ходжент, Отрар, позднее столица империи Ургенч), на многие месяцы связавших монгольские силы, один за другим эти города пали. Наступления на Отрар, Янгикент

и Ходжент, охватившие фланги фронта обороны хорезмшаха, поставив под непосредственную угрозу столицу, в соединении с решающим ударом на Бухару — Самарканд, не оказавшие серьезного сопротивления, сразу решили исход кампании.

Не случаен был выбор направления главного удара: самым слабым звеном восточной периферии империи были недавно присоединенные и еще лихорадившие политическими волнениями богатые города, традиционные еще к античному Согду, торговые связи которых с Центральной Азией и Китаем определили наличие среди торговой верхушки сильных группировок, тесно экономически связанных с монголами и заинтересованных в успехах последних, открывавших им широкую дорогу к личной наживе. Эта «пятая колонна» продажных предателей сыграла роковую роль в событиях. Послужившая в качестве *casus belli* «отрарская катастрофа» 1218 г. — казнь хорезмийским наместником Отрара Каирханом Инальчиком большой группы прибывших из Монголии с посланием от Чингиса мусульманских (преимущественно бухарских) купцов, с полным основанием заподозренных в шпионаже, показывает, что уже в подготовке событий 1220—1230 гг. эта роль была значительна и учитывалась обеими сторонами.

Удар на Бухару, изолировавший сильный гарнизон Самарканда, который вскоре постигла та же участь, разрезал владения хорезмшаха глубоким клином и поставил Мухаммеда лицом к лицу с победоносным врагом, передовые отряды которого вскоре вышли на Аму-дарью. Вместе с тем, ошеломляющий успех врага послужил сигналом к распаду не тронутой еще огромной армии Мухаммеда, к развязыванию всех противоречий в его государстве. Попытка Мухаммеда создать новую базу для обороны на западе своих владений потерпела крах: он не получил никакой поддержки от своих вассалов, а преследующий его по пятам двадцатитысячный корпус лучших полководцев Чингиса — Джебе и Субутая — вынудил его искать спасения в бегстве на один из каспийских островов, где его постигла смерть. Империя рухнула. Хорезм, по образному выражению Джувейни, «остался среди стран, как палатка с обрезанными веревками».

Десятилетняя эпопея героической, но бесплодной борьбы последнего хорезмшаха Желаледдина за спасение государства является одной из самых трагических и величественных страниц истории этой бурной эпохи. В его лице монголы встретились с достойным противником. Достигнув престола вопреки интригам бездарной придворной клики во главе с Туркан-хатун и братом Желаледдина, претендентом на трон Озлаг-шахом, поддержанным кыпчакской партией, Желаледдин делает цен-

тром сопротивления свой удел — Газну, крайний юго-восток Хорезмской империи. Он прибывает туда, вынужденный бежать из Ургенча вследствие интриг своих родственников, готовивших его убийство, уже овеянный славой побед над монголами: с его именем связан разгром в 1216 г. передового отряда монголов на Иргизе; при бегстве из Ургенча он разбивает крупный отряд монголов под Несой (близ современного Ашхабада), блокировавший дороги в Хорезм. Собрав в Газне значительные силы, он в битве при Перване одерживает новую блестящую победу над монголами, впервые в военной истории противопоставив монгольской коннице строй спешенных стрелков из лука, задолго предвосхитив тактику англичан в битве при Кресси. Чингис-хан оказался вынужденным лично выступить против Джелаледдина со своими главными силами. В ожесточенной битве на берегах Инда (ноябрь 1221 г.), во время которой военный успех не раз склонялся на сторону Джелаледдина, Чингис-хану, введением в бой тактических резервов, удалось, наконец, сломить своего противника. Нельзя не отметить при этом, что Джелаледдин вступил в бой сильно ослабленным изменой и дезертирством войск ряда кочевнических военачальников, передравшихся из-за перванской добычи.

На берегу Инда разыгралась трагическая сцена. Лишенный средств переправы, незадолго до этого потерявший попавшего в плен Чингису и варварски убитого им своего восьмилетнего сына, Джелаледдин приказывает убить свою мать и всех своих жен, чтобы избавить их от позора плена. Верхом на коне хорезмшах бросается в бурную реку и под стрелами монголов переправляется на индийский берег.

Три года длится пребывание Джелаледдина в Индии, полное битв и политических интриг. Собравшись с силами, в 1224 г. он вновь вступает в борьбу за восстановление Хорезмской державы. Он прибывает в Керман, на крайний юго-запад хорезмийских владений, куда еще не дошли монголы, и восстанавливает здесь свою власть, свой суверенитет над Фарсом, восточным Ираком и Азербайджаном. Основные владения Хорезма в Средней Азии, в Хорасане, и самый Хорезм лежат в дымящихся развалинах. На западе Джелаледдин пытается создать новую базу сопротивления. Его с восторгом встречают жители иранских городов, по которым закаленные в страшных битвах и небывалых походах через горы и пустыни хорезмийцы проходят праздничным, триумфальным шествием.

Но разрушительные силы феодальной раздробленности делают свое дело. Наместники хорезмшаха в отдаленных провинциях интригуют против него. Ассасины-исмаилиты открывают враждебные действия. Атабег Азербайджана, сельджукидские

султаны Кони, халиф Багдада, обеспокоенные соседством с прославленным полководцем, готовят удары из-за угла. На словах провозглашая Джелаледдина единственным щитом мусульманской цивилизации против варваров-язычников, на деле они готовы поразить его в спину при первом удобном случае.

Джелаледдин наносит еще несколько сокрушительных ударов монголам, снова демонстрируя свою силу и воинский гений. Но он не может закрепить своих побед. Он вынужден метаться по стране, ликвидируя новые и новые угрозы целостности государства.

В эти страшные дни со всей силой сказываются сильные и слабые стороны Джелаледдина как государственного деятеля. Талантливый полководец, самый блестящий из рыцарей Востока, он многим напоминает прославленного короля-рыцаря средневекового Запада — своего старшего современника Ричарда Львиное Сердце. Но, как и он, Джелаледдин оказывается слабым политиком и совсем бездарным дипломатом. Прекрасные политические замыслы, подсказанные ему его советниками, он, из-за непримиримой властности своего характера, не терпящего противоречий, сам разрушает, когда они, казалось бы, близки к осуществлению.

Не сумев дипломатическими мерами добиться союза с христианской державой Закавказья, он ввязывается в ненужную и вредную с точки зрения общих интересов войну с Грузией, проходит по ней огнем и мечом, оставив мрачную память среди грузинского народа о своем кратковременном владычестве. Он не умеет проявить достаточно такта в отношениях с халифом Мунтасиром и в особенности с сельджукскими и аюбидскими эмирами Сирии, Армении и Малой Азии, уже готовыми признать его гегемонию. Он открывает военные действия. Маркс пишет в своих хронологических выписках: «Сражение (под Хелатом) продолжается три дня; в нем гибнут к выгоде для монголов главные силы магометан в Азии».⁴

Потерпев поражение после нового вторжения монголов, ибо он был уже не в силах собрать достаточные войска после событий под Хелатом, — Джелаледдин с небольшим отрядом скрывается в горах Тавра и здесь, в 1231 г., находит смерть от руки убийцы-курда, руководившегося целями личной мести за брата, убитого под Хелатом.

Несмотря на все отрицательные стороны деятельности Джелаледдина, современники высоко ценили его героические усилия, направленные к освобождению родины от монгольского

⁴ Арх. МЭ, V, стр. 222.

варварства. Как передает современник событий ибн-ал-Асир, много лет после его смерти народы мусульманского Востока не верили в гибель своего героя. Возникла легенда о том, что он жив и собирает в тайном убежище новые силы для решающего удара на монголов. Но надежды были напрасны. И когда монгольские полчища Хулагу появились в Иране, Ираке, Азербайджане, Грузии, никто не был в силах противостоять варварам. Мрачная ночь кровавого монгольского рабства распростерла свои крылья над странами Среднего и Ближнего Востока.

Восходящая линия развития первой феодальной монархии Востока была прервана. Хорезм был опустошен, Ургенч и другие города сравнены с землей, жители их либо перебиты, либо уведены в плен в далекую Монголию. Тысячи гектаров плодородной земли, в особенности на правом берегу реки, пришли в запустение.

Ядро Хорезмийской империи оказалось разделенным между двумя варварскими державами — улусами Джучи (левобережье) и Джагатай (правобережье).

«Земли древнего орошения» правобережного Хорезма — живое свидетельство этих страшных событий. Рустак крепости Кават-кала, величественные развалины Гульдурсуна, стоят мрачным памятником монгольского нашествия, не тронутым столетиями, прошедшими с трагических 20-х годов XIII в. И когда, в начале XIV в., ибн-Батута ехал из Хорезма в Бухару, то восточнее Кята, в некогда цветущих рустаках Гавхорэ, он не встретил ни одного селения, как не встретил он их и в самом сердце Хорезма, между Ургенчем и Кятом.

Глава XII

ТАЙНА УЗБОЯ

(из дневника экспедиции 1947 г.)

1

Персидский географ XIV в. Хамдаллах Казвини при описании Каспийского моря рассказывает, что «Джейхун (Аму-дарья), прежде впадавший в Восточное море, расположенное против страны Яжудж и Маджудж, около времени появления монголов изменил свое течение и направился к этому [Каспийскому] морю».

В очень путанном виде такое же свидетельство мы находим у писателя XV в. Хафизы Абру, где оно сочетается с невероятными сообщениями об исчезновении к 1417 г. Аральского моря и впадении в это же время Сыр-дарьи в Аму-дарью.

Наконец, в XVII в. об этом же говорит знаменитый хорезмский хан-историк Абульгази. Повествуя о событиях начала XVI в., он рассказывает, что в это время Аму-дарья текла мимо Ургенча на юго-запад до восточного края Балханских гор, откуда поворачивала на запад и впадала в Каспий.

«По обоим берегам Аму-дарьи от Огурчи [урочище близ Красноводской бухты], — говорит Абульгази, — были пашни, виноградники и рощи... Населенности и цветущему состоянию не было пределов».

Абульгази сообщает в другом месте, что за 30 лет до его рождения, т. е. в 1573 г., река повернула в свое нынешнее русло и течение воды к Каспию прекратилось. Хивинская хроника Муниса (XIX в.) относит это событие к 1578 г.

Анализ этих свидетельств, как и более ранних материалов, привел крупнейшего русского историка-востоковеда В. В. Бар-

тогда к твердому заключению, что, — в то время как данные о древнем течении Аму-дарьи в Каспий, сохранные античными авторами и Макдиси, относятся к мифическим временам и задолго до X в. река впадала, как и сейчас, в Арал, — между XIII и XVI вв. она поворачивает в Каспий, заполняя извивающуюся вдоль восточного склона Устюрта и южных склонов Балханских гор древнее русло Узбой, тянущееся от Сарыкамышской впадины до Красноводской бухты.

Предание о недавнем впадении Аму-дарьи в Каспий, занесенное туркменскими послами в Россию; увлекло Петра Первого и было одним из мотивов посылки им экспедиции Бековича-Черкасского на восточные берега Каспия и в Хиву; на экспедицию в числе прочих задач было возложено выяснение возможности установить сплошной водный путь в Индию.

Проблема происхождения и возраста Узбоя, прекрасно выраженного древнего русла, пересекающего западную часть Кара-кумской пустыни, давно волнует исследователей. Историки и географы, геологи и ирригаторы, ученые и дилетанты посвятили этой проблеме немало страниц.

Если говорить о современном состоянии вопроса, то могут быть четко выражены две точки зрения: одна из них; принадлежащая историкам, основана на приведенных выше соображениях Бартольда; другая, разделяемая географами и геологами, нашла отражение в недавно вышедшей монографии А. С. Кесъ¹ и в сводных трудах по палеогеографии СССР, написанных И. П. Герасимовым и К. К. Марковым.²

Авторы этих работ, представляющих последнее слово современной советской географической науки и основанных на длительных и разносторонних полевых исследованиях, приходят к выводу, что нет никакого основания относить существование Узбоя как реки к историческому времени. Не говоря уже о том, что Узбой по своим размерам никогда не мог быть главным руслом Аму-дарьи, хорошо обоснованная палеонтологическая история формирования долины Узбоя показывает, что это четко выраженное речное русло образовалось после Хвалынской трансгрессии Каспия, а прекращение течения воды падает на последнюю трансгрессию Каспия, с которой связано распространение моллюска *Cardium edule* L., характерного для наиболее молодых отложений на дне Нижнего Узбоя.

¹ А. С. Кесъ. Русло Узбой и его генезис. ТИГ АН СССР. XXX, 1939.

² И. П. Герасимов и К. К. Марков. Четвертичная геология. М., 1939. И х ж е. Ледниковый период на территории СССР, М.— Л., 1939.

Время этой трансгрессии точно неопределимо. Однако большинство современных палеогеографов укладывает всю историю сарыкамыш-узбойской системы в рамки четвертичного периода. Герасимов и Марков пишут по этому вопросу: «Эпоху Хвалынской трансгрессии и время существования и функционирования арало-сарыкамыше-узбойской системы мы можем, на этом основании, считать более или менее одновременно с последним (валдайским) оледенением на севере СССР».³

А. С. Кесь более осторожна в этом вопросе. Она пишет, что «в настоящее время остался еще не разрешенным вопрос о времени прекращения течения по Узбою: существовало ли оно еще и в историческое время или нет», хотя явно склоняется в сторону отрицательного ответа.

Решающее слово в споре между историками и геологами, несомненно, принадлежит археологам.

«Изучение узбойских развалин, — пишет А. С. Кесь, — несомненно представляет огромный интерес. Очень важно было бы установить бывшее назначение этих памятников и время их сооружения. Возможно, что эти сведения дали бы много интереснейших и совершенно неожиданных результатов для разрешения интересующего нас вопроса».⁴

В начале октября 1947 г. наша экспедиция попыталась внести свою долю в решение Узбойской проблемы.

Памятники Узбая многократно описывались путешественниками, в числе их такими крупными исследователями, как Коншин, Обручев и др. Советские географы и геологи, среди которых надо особо отметить Б. А. Федоровича и А. С. Кесь, собрали на такырах в зоне Узбая значительное количество кремневых орудий, относящихся к позднему неолиту и бронзовому веку, видимо к IV—II тысячелетиям до н. э. Но ни на одном из этих памятников ни разу не был специалист-археолог.

В наших разведках мы не брали на себя задачу полностью охватить проблему: мы решили на первых порах оставить в стороне памятники первобытной культуры и поставить в центр внимания проблему истории долины Узбая в исторический период, от которого остались надземные сооружения. Это ограничение дало нам возможность опереться в нашей работе целиком на авиацию, на сочетание визуальной авиаразведки со съемкой памятников и посадками в районе наиболее интересных из них.

³ «Ледниковый период», стр. 435.

⁴ Русло Узбой, стр. 110.

Базой наших работ в Узбойско-Сарыкамышской области мы избрали уже знакомые нам развалины старого Вазира — ныне развалины Дэв-Кескен, что давало нам возможность использовать свободное от полетов время для детального археологического и архитектурного описания этих развалин и неподалеку расположенного крупного средневекового города Шемаха-кала.

3—4 октября были посвящены полетам над примыкающим к Вазиру с запада урочищем Ербурун и еще более к западу, в глубь Устюрта, до впадины Ассаке-Каудан, где нами были открыты развалины небольшой каменной крепости — современницы позднесредневекового Вазира. Вернулись на базу через северную окраину Сарыкамышской котловины.

«5 октября. Наконец, мы (я, М. А. Орлов и пилоты С. В. Гедда и М. Дубовой) вылетаем в наш решающий полет на юг, вдоль Узбоя, до Ак-Яйлинской луки. Весь предыдущий вечер мы посвятили тщательной разработке маршрута. Несколько волнует погода: солнце село в развернувшиеся веером багряные облака. На рассвете — на южном и западном горизонте — дымка, предвещающая сильный ветер. На плато пока тихо. Может быть, все будет в порядке. В 9 ч. 38 м. самолеты отрываются от земли. В 9 ч. 45 м. пересекаем Дарьялык — широкие меандры старого русла, серое дно, поросшее саксаулом, серые берега, покрытые мелким кустарником. Как и вчера — всюду следы планировок позднесредневековых полей и каналов.

9 ч. 55 м. Впереди меандры стариц Даудана — очень плоское, слабо выраженное русло, подходящее к курсу с востока и уклоняющееся на юго-запад. Вдоль берегов Даудана следов ирригации не заметно.

10 ч. 03 м. Русло то пересекает курс, то уклоняется влево. Справа, в междуречье Даудана и Дарьялыка, видны планировки полей и садов. 10 ч. 09 м. Впереди слева — очертания возвышенности Тарым-гая. Еще 5 минут — и ландшафт внизу меняется. Вместо серой глинистой равнины, поросшей редкими кустарниками — гладкие белые такыры с мелкими песчаными барханами. Следов культуры нет.

Погода явно не благоприятствует. Уже минут 20, как справа по курсу все задернуто густой дымкой, почти не видно возвышенности Бутен-тау. Теперь и спереди быстро надвигается густая желтовато-серая мгла, застилающая небо и землю. Ветер крепчает с каждой минутой, самолеты бросает вверх и вниз.

Несколько минут — и мы прорываем фронт песчаной бури и окунаемся в мятущуюся мглу. Едва виден ведомый самолет.

Земля и небо теряются. Самолеты треплет беспощадно. Еще несколько минут пытаемся прорваться на юг, — может быть, буря продлится недолго. Но вскоре становится ясно, что это бесполезно. Приходится возвращаться.

10 ч. 20 м. Самум идет вместе с нами. Запад, восток, юг — все покрыто несущимися к северо-востоку вихрями песка и пыли. Солнца не видно. Впереди, на севере, все теперь тоже затянуто песчаной мглой. Нет никаких ориентиров впереди, идем исключительно по компасу, бешеный ветер сбивает

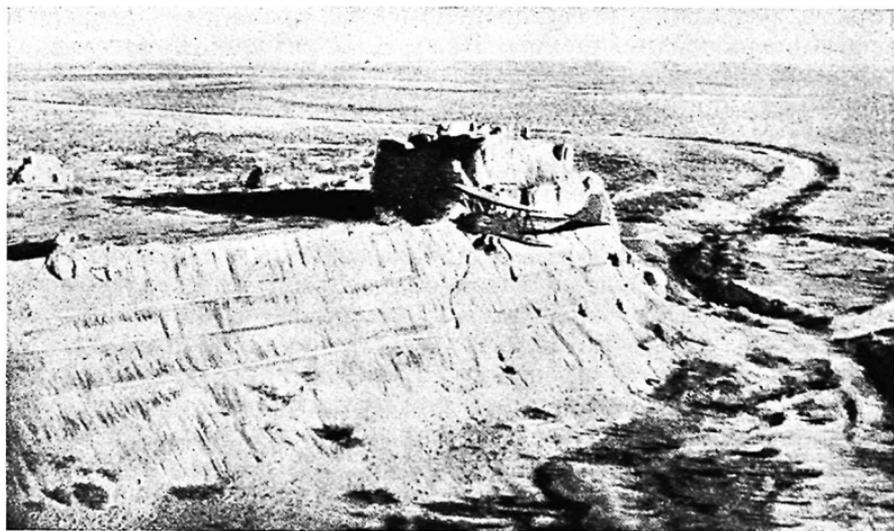

Рис. 95а. Цитадель Дэв-Кескена (Вазир)

с курса. Почти час мы летим в этом хаосе ветра и пыли, не видя ничего кругом. Наконец, совсем близко впереди из мглы вырисовываются белые рваные обрывы южного Чинка дэв-кескенского мыса Устюрта. Ветер отнес нас сильно вправо. Разворачиваемся на запад вдоль Чинка и в 11 ч. 25 м. садимся на наш аэродром. Ветер был так силен, что в лагере не слышали наше приближение, и только дежурившие на посадочной площадке механик и шофер встречают нас. Все сильно переволновались — буря давно уже бушует над Дэв-Кескеном. Ветер треплет полы палатки. Придавливаем их камнями. Пьем чай и обсуждаем итоги. Узбой явно не хочет открыть нам свою тайну. Погода не радует, и вряд ли есть надежда на улучшение ее завтра, — ведь для аэросъемки нужна не просто терпимая,

а ясная погода, но при таком ветре в песках на нее рассчитывать не приходится.

Решаем попытаться счастья завтра, а пока разбредаемся по Дэв-Кескену.

Наступает 6 октября. Погода довольно серая, но откладывать нельзя — уходит время. В 7 ч. 45 м. поднимаемся в воздух и ложимся на курс. Идем над знакомыми местами. В 8 ч. 23 м.

Рис. 96. Дэв-кала с воздуха

выходим на западный Чинк Тарым-гая. Впереди ярко сверкает освещенная солнцем вершина горы Кой-Кырлан, Чинк Тарым-гая поворачивает влево. Под нами плоская равнина, замкнутая с юга возвышенностью Зенги-баба, с севера — Тарым-гая и Гяур-кыром, с запада — Канга-кыром. С востока идут следы старых протоков, обходящих Канга-кыр с севера и с юга, вливаясь в серое мертвое пространство Сарыкамьшской низины.

Идем над Канга-кыром, выходим на просторы Заунгузских Кара-кумов. Мертвая серо-бурая равнина; чем дальше, тем

больше песков. Внизу — ниточки караванных дорог, по одной из которых тянется цепочкой караван в 15—20 верблюдов.

С каждой минутой погода проясняется. Видимость все лучше и лучше. Впереди знакомое пятно — каменный диск Дэв-кала — обследованной нами в 1939 г. круглой крепости XII—XIII вв., сложенной из циклопических каменных плит. Делаем круги над ней для аэросъемки. В 8 ч. 55 м. садимся на щебнистой рав-

Рис. 97. Караван близ Узбоя. Вид с самолета экспедиции

нине близ крепости. Бегло осматриваем ее — мои спутники не были в маршруте 1939 г.

В 9 ч. 30 м. поднимаемся снова. Идем над караванной дорогой по направлению к первым развалинам зоны Узбоя, помеченным на картах — Ярты Гумбез. Под нами тяжелые грядовые пески со слабой растительностью. Тонкая нить дороги вьется по склону. В одной из впадин среди песков открываются развалины. Это большой мавзолей с провалившимся куполом и полуразрушенной аркой портала. Здание из жженого кирпича, остатки купола покрыты бирюзовой майоликой. Насколько можно судить, нечто очень близкое к Куня-Ургенчскому комплексу; ориентировочно оно может быть датировано временем между XII и XIV вв. Делаем круг. Посадка невозможна. В 9 ч. 50 м. направляемся на колодцы Орта-кую и Узбой. Идем над все более и более мощными гривами грядовых и ячеистых песков. Проходим над одним, затем другим караваном. Снижаемся. Туркмены приветствуют самолеты, машут черными шапками. Мы машем в ответ. Внизу — Орта-кую, черные та-

кыры с рябинами колодцев, несколько отдыхающих караванов, десятки верблюдов и людей. Снова обмен приветствиями; караванчики делают жесты, явно означающие приглашение разделить с ними чаепитие. К сожалению, это невозможно. Идем над песками дальше. Впереди гора Кугунек.

10 ч. 15 м. Наконец, это Узбой! Здесь, у Кугунека, русло плоское, с хорошо выраженными меандрами. Нигде следов ирригации нет! Идем над руслом. В 10 ч. 24 м. внизу следы ирригации, но н а д н е р у с л а ! Виден четкий рисунок разбивки полей, очерченной темными линиями растительности. В 10 ч. 26 м. снова следы полей в русле, на этот раз они тянутся на значительное расстояние.

В 10 ч. 27 м. проходим над колодцами Бала-ишем. Здесь также на дне русла следы полей. Кругом, по обе стороны русла, мертвая равнина; плоская каменистая черно-серая поверхность плато справа, к западу; темные, желтовато-бурые пески с черновато-серыми пятнами такыров слева, к востоку. За пределами русла ни малейших следов орошения и древних поселений. Русло чем дальше, тем более четко выражено: обрывистые, то серовато-зеленые, то розоватые уступы береговых террас, сжимающие серую, иногда голубоватую извилистую ленту Узбоя, с блестящими пятнами такыров, окруженных цветными разводами бурых, розовых, ржаво-красных оттенков. Чем дальше, тем чаще на дне Узбоя поблескивают болотца и озера, то чистые, отражающие обрывы берегов и наши самолеты, то подернутые белой коркой солей.

10 ч. 40 м. Впереди, на левом, восточном берегу, круглое пятно знаменитых развалин Талай-хан-ата. Делаем круги. В 10 ч. 47 м. садимся на белую гладь такыра.

Уже до посадки ясно, что из двух основных старых описаний развалин ближе к истине описание Коншина. Талай-хан-ата — двойник Дэв-кала. Это круглое каменное укрепление 60 метров в диаметре с группирующимися вокруг центрального двора постройками из жженого кирпича. Керамические данные, как и архитектурные, не оставляют сомнения в том, что перед нами одно из звеньев единой цепи укрепленных фортов — караван-сараев XII—XIII вв., возведенных хорезмшахами на одном из основных торговых и стратегических путей, связывавшем Ургенч с западным Хорасаном. Никакого намека на заселенность местности, ни малейших следов ирригации.

Взлетаем в 12 ч. 15 м. Идем над Узбоем — здесь это с виду настоящая река, почти сплошь заполненная водой, местами, как льдом, затянутой соляной коркой, в которой блестят полыньи. В 12 ч. 22 м. снижаемся над Куртыш-баба. Делаем ряд кругов. Под нами группа из трех незначительных глинобитных

построек у колодцев, среди кладбища, состоящего из невысоких овальных глинобитных оград вокруг могил — типичный позднетуркменский мазар, не отличающийся от современных, может быть еще и сейчас функционирующий.

Садиться нет смысла. Пересекаем русло Узбоя. Проходим над развалинами у колодцев Бал-кую. Садимся. Беглый осмотр убеждает нас в том, что это небольшая с о в р е м е н н а я

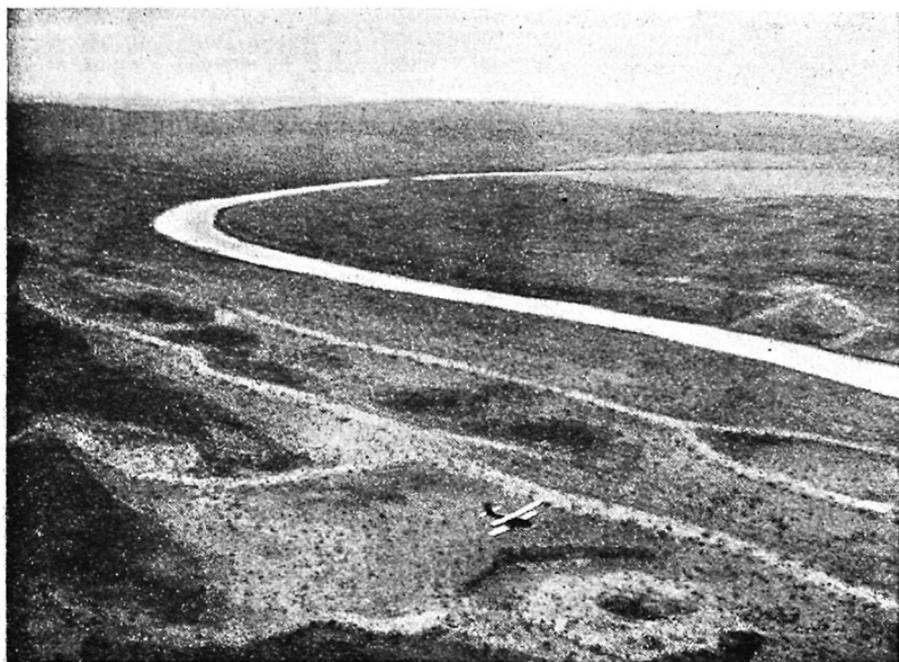

Рис. 98. Самолеты экспедиции над Узбоем

глинобитная постройка. Кругом остатки современной керамики, осколки фаянса XX в. и стекла. В 12 ч. 57 м. взлетаем с Бал-кую, выходим снова на Узбой и поворачиваем вдоль него на излучину Ак-яйла.

На дне Узбоя здесь опять местами видны планировки полей — совершенно такие же, как у Бала-Ишем. Справа от русла бесплодные склоны постепенно поднимающегося плато, слева — белые такыры, за ними полосы песков. По такырам извилистые ветвистые русла оврагов — «притоки Узбоя», следы потоков, вырытых дождями и водами тающих снегов. Никаких следов ирригации за пределами русла. В 13 ч. 15 м. мы над

знаменитым «ак-ййлинским водопроводом», объектом дискуссии между Коншиным и Обручевым. Над обрывом левого берега Узбоя бугор обвалованного крупного здания. От него на северо-восток тянется узкая красноватая полоса длиной около километра — остатки неоднократно описанного водопроводного желоба.

В 13 ч. 25 м. садимся в окрестностях «водопровода», довольно далеко, на правом, северном берегу Узбоя. Спускаемся в заросшее кустарниками и местами занесенное песками, здесь широкое и старинное русло.

На размытом оврагами берегу Узбоя оплывший бугор глинобитного здания. В основании ряд крупного, квадратного жженого кирпича размером $30 \times 30 \times 5$ сантиметров. К югу, далее по Узбою, два бугра меньших размеров. Вдоль берега метров на 150, на такырах — отдельные немногочисленные обломки раннесредневековой бытовой керамики. Но самое интересное — «водопровод». Это узкий желоб из такого же жженого кирпича, местами хорошо сохранившийся. На своем восточном конце он завершается своеобразным раструбом — водоприемником, близ которого расположен небольшой круглый бугор — остатки сторожевой башни. С востока к раструбу примыкает обширное, совершенно голое пространство белых такыров, окруженных заросшими кустарниками песчаными буграми.

Быстро убеждаемся, что желоб водопровода идет со значительным уклоном к западу, в сторону Узбоя. Это еще более подчеркнуто тем, что параллельно водопроводу, местами пересекая его, в сторону Узбоя тянется извилистая полоса глубокого оврага, «притока» Узбоя, образовавшегося после того, как водопровод перестал действовать. Вода, не регулируемая больше человеком, сама проложила себе путь в том же направлении. Картина становится достаточно ясной. Развалины сооружения на берегу Узбоя — не что иное, как своеобразная «сардоба» — цистерна для воды, питавшаяся за счет дождевых и снеговых вод, собиравшихся на такырах, откуда они отводились по каналу в цистерну. Характер и расположение находок вокруг цистерны позволяют заключить, что в раннем средневековье здесь было место остановок караванов. Все вместе взятое является бесспорным доказательством того, что во время функционирования «ак-ййлинского водопровода» в Узбое воды не было. И в этом вопросе оказывается прав Коншин.

В 14 ч. 58 м. взлетаем с Ак-ййлы. Идем обратно вдоль Узбоя, вновь проверяя сделанные раньше наблюдения. Снова убеждаемся в отсутствии каких-либо признаков ирригации и поселений на берегах Узбоя, кроме упомянутых полей на дне русла. Севернее Кугунека русло чем дальше, тем менее четко выражено. В 15 ч. 58 м. проходим район колодцев Ча-

рышлы. Следы русла окончательно расплываются. Проходим над полосой береговых валов древнего Сарыкамышского озера. Летим над безжизненной черновато-серой равниной Сарыкамышской впадины.

На правом траверсе, за огромным пространством черных такыров, снова сверкает ярко освещенная солнцем вершина Кой-Кырлана.

Визу меняются цвета и характер местности, остающейся, однако, столь же ровной и безжизненной. Идем над белыми и серыми шероховатыми такырами, то покрытыми редкими кустами, то абсолютно голыми. Никаких следов человеческой деятельности. Только в 16 ч. 14—20 м., уже недалеко от нынешнего Сарыкамышского озера, замечаем слабые следы культуры: остатки юрты и глиняного заборчика около нее. Спустя четыре минуты пересекаем слабо выраженные следы позднего арыка, идущего с запада на восток, еще через две минуты — второй такой же арык.

В 16 ч. 35 м. под нами Сарыкамыш. На севере блестит голубое зеркало воды, непосредственно внизу белая соляная поверхность дна высохшего озера, растрескавшаяся огромными, многометровыми многогранниками, — какой-то фантастический, чудовищный такыр.

В 16 ч. 48 м. подлетаем на этот раз к северным береговым валам древнего озера. Перед нами возвышенность Бутен-тау, уже знакомая нам по полету 4 октября. И сразу меняется характер местности. У подножия гор, чем дальше, тем гуще, идут один за другим крупные и мелкие арыки, развалины усадеб, зданий, изгородей. Мы снова над «землями древнего орошения» долины Дарьялыка, области позднесредневековых городов Вазира и Адыка.

В 17 ч. 26 м. садимся на «аэродроме» близ Дэв-Кескена».

Итоги не оставляют места для сомнений. В споре между геологами и историками истина на стороне первых. Бартольд не прав. В позднем средневековье в Узбое вода не текла. Развалины на Узбое — отнюдь не следы бывших здесь некогда поселений, как думал Обручев. Это следы раннесредневековой караванной дороги; идущей из Ургенча в западный Хорасан почти по той же трассе, по которой и сейчас пролегает караванная тропа из Хорезма в Кзыл-Арват.

Не было на Узбое агрикультуры и в античности. Вода прекратила свое течение, видимо, незадолго до начала агрикультуры в Хорезме, на что намекают и смутные предания, рассказанные Геродотом и арабскими авторами, особенно Макдиси.

Я напому сказание Геродота о реке Акес (Окс — Амударья), орошавшей принадлежавшую хорезмийцам долину

и запертой неким царем в горных проходах плотинами, что привело к образованию огромного озера (явно Аральское море) и обезвоживанию ряда областей, в которых надо видеть зону Узбой. Я напомним рассказ Макдиси о древнем хорезмийском царе, повернувшем течение Аму-дарьи, что привело к запустению древних поселений на Узбое.

А. С. Кесь пишет в своей монографии об Узбое: «Такое изменение течения (в сторону Сарыкамыша — Узбой. — С. Т.) привело бы к тому, что река потекла бы по низшим отметкам дельты, оставив весь Хивинский оазис, с его многочисленным населением, занимавшимся многовековым орошаемым земледелием, без воды и, следовательно, без источников существования. Ввиду этого человек искусственными мерами стремится сохранить это неустойчивое равновесие природы и тем самым, быть может, не дает возможности вновь возникнуть реке Узбой».⁵

Эти «искусственные меры» состоят прежде всего в самом существовании системы искусственного орошения, с момента своего возникновения ставшего существенным регулятором в истории этой капризной реки, как бы закрепленной на месте трудом человека.

Создание ирригационной сети не случайно вошло в народную память как причина усыхания Узбой. Есть все данные полагать, что именно огромный расход воды на ирригацию привел к прекращению питания Сарыкамыша и соответственному его усыханию до отметки, уже исключавшей сток в Узбой, с тех пор никогда уже не возобновивший свое течение.

Откуда же легенда о «повороте Аму-дарьи» в послемонгольское время, с такой уверенностью рассказываемая Абульгази, отделенным всего одним поколением от предполагаемого вторичного прекращения течения вод по Узбою?

Ответ на это ясен. «Поворот» Аму-дарьи действительно имел место, но не был «поворотом в Каспийское море». Это был только поворот одного из протоков Аму-дарьи — Дарьялыка в Сарыкамышское озеро. Рассказ Абульгази относится не к Узбою, а к Дарьялыку и Сарыкамышу. Берега Дарьялыка вплоть до самого берега древнего Сарыкамыша представляют полный контраст с безжизненной пустыней побережий Узбой, являя всюду следы интенсивной агрикультуры времен позднего средневековья. Правда А. С. Кесь, подчеркивая легендарный характер рассказа Абульгази, «забывшего» упомянуть об огромном Сарыкамышском озере, наличие которого

⁵ А. С. К е с ь. Русло Узбой, стр. 101.

являлось бы непременным условием стока воды в Узбой и которое должно было бы лежать на описываемой им трассе.

В преданиях, суммированных Абульгази, спутались воспоминания о действительной заселенности долины Дарьялыка и берегов Сарыкамыша, связанной с образованием в XIII в. стока части вод Аму-дарьи в Сарыкамыш, — воспоминания об этом действительном «повороте реки на запад», — со смутными народными легендами, восходящими к доисторическим временам, и собственными впечатлениями об Узбое.

В самом деле, полет над Узбоем лучше, чем что бы то ни было, может объяснить генезис узбойской легенды. По внешнему своему виду это действительно настоящая река, как будто только вчера переставшая течь. Вода стоит в русле не только Нижнего, но и Среднего Узбоя, иногда на протяжении десятков километров, создавая полную иллюзию функционирующей реки. Но это не река, а лишь система озер, питаемых дождевыми и снеговыми водами с Устюрта.

Видимо, не столь уж неправ был Абульгази в рассказе о заселенности Узбоя в XIV—XVI вв. Напомню его слова: «По обоим берегам Аму-дарьи до Огурчи были пашни, виноградники и рощи. Весной жители уходили на места возвышенные; когда появлялись мухи и слепни, люди, имевшие стада, уходили к дальним колодцам, находившимся на расстоянии почти в два дневных перехода от реки; когда же прекращался овод, они приходили опять на берега реки».⁶

Речь идет о базировавшемся на узбойских колодцах и озерах, кочевом туркменском населении, памятником которого остались нам следы пашен на дне Узбоя. А виноградники и рощи действительно были, но они кончались не у Огурчи, а у Сарыкамыша.

Вопросы Узбоя, мне думается, должны уйти из ведения историков и остаться сферой географов, геологов и археологов-первобытников.

Реальную историческую проблему составляет комплекс вопросов, связанных с Дарьялыком и Сарыкамышем.

Сейчас можно наметить основные контуры этой истории. Монгольское нашествие, разрушив ирригационное хозяйство Хорезма, действительно привело к нарушению установившегося на протяжении двух тысячелетий режима Нижней Аму-дарьи. Часть неиспользованных на ирригацию избыточных вод прорвалась на запад, по старому руслу Дарьялыка, в Сарыкамышское озеро.

⁶ Абульгази, стр. 183.

Здесь-то, на крайней западной окраине Хорезма, в конце XIII—XIV в. возник новый очаг земледельческой и городской культуры. Подъем его был связан с той ролью, которую этой части Хорезма пришлось сыграть в экономической, политической и культурной истории Золотоордынского государства.

Варвары — правители этого государства были заинтересованы в использовании культурных традиций Хорезма в своих интересах. Нужно было строить новые города — столицы ордынских ханов на Волге; нужно было организовать производство товаров широкого потребления и предметов роскоши для бесчисленной, нажившейся в грабительских походах ордынской знати; нужны были, наконец, хлеб, фрукты и другие продукты земледелия.

А. Ю. Якубовский⁷ убедительно показал, что так называемая «золотоордынская культура» на деле не что иное, как культура хорезмийская, импортированная на Волгу. Все легенды о якобы высоком культурном уровне золотоордынских татар, культивировавшиеся у нас антимарксистской школой Покровского, не имеют под собой никакого основания. Весь высший блеск золотоордынских памятников — краденый, подобно тому, как на военном и фискальном грабеже было основано самое существование этой реакционной, разбойничьей, полурабовладельческой варварской державы.

Ургенч, необходимый золотоордынским ханам как основной источник этого краденого великолепия, получает возможность вновь подняться из пепла и стать крупным ремесленным и торговым центром.

Ибн-Батута, посетивший Хорезм около 1340 г. и оставивший нам свидетельство о резком сокращении заселенности в южном Хорезме, вместе с тем восхищен великолепием Ургенча и говорит о нем как о самом большом и роскошном «из тюркских городов». Об этом свидетельствуют и археологические памятники. Большая часть великолепных памятников мусульманской церковной архитектуры Ургенча — например, изумительный по изяществу мавзолей Тюрабек-ханым, гигантский «большой минарет» (высотой 62 м), мавзолей Наджмеддина Кубра — относится ко времени путешествия ибн-Батуты. Мастера и художники Ургенча, резиденции ордынского князя Кутлук-Тимура, развивают поставленные на службу потомкам захватчиков традиции художественной культуры Хорезма времен хорезмшахов. Однако в конце XIV в. этому

⁷ См. А. Ю. Якубовский, Развалины Ургенча...; его же, Сарай Берке.

Рис. 99. Общий вид Шемаха-кала с самолета (с северо-запада)

кратковременному подъему Ургенча был положен конец опустошительным нашествиям Тимура.

Незадолго до этого мы можем наблюдать некоторые признаки политического возрождения Хорезма. Используя упадок и распад Золотой Орды, ускоренные Куликовской битвой, здесь утверждается местная династия так называемых «кунградских суфи» — князей влиятельного в Хорезме тюрко-монгольского племени Кунград.

Попытки хорезмских «суфидов» вести самостоятельную политику вызывают ревность Тимура. Пять раз между 1370 и 1388 гг. он организует походы на Хорезм с целью подчинить его себе, так как не без оснований видит в нем потенциального соперника своей державы.

Последний поход завершился полным разрушением Ургенча: на его месте завоеватель приказал посеять ячмень. После этого, хотя в Ургенче и возродилась жизнь, этот город никогда не смог уже восстановить своего прежнего значения, памятником которого являются величественные развалины XIV в. рядом с небольшим туркменским городом Куня-Ургенч — районным центром Ташаузской области, возникшим после Октябрьской революции на месте одноименного базарного селения.

К XIV в. относится расцвет ряда обследованных нами во время узбой-сарыкамышского маршрута городов.

Особенно эффектно руины крупного города, расположенного недалеко от Старого Вазира, на восточном, пологом здесь склоне Устюрта и известного сейчас под именем Шемаха-кала.

В основе — это раннесредневековый город-крепость, обнесённый некогда прямоугольником мощных стен с огромными башнями. Видимо, этот город был уничтожен монголами. Межбашенные куртины стен были разрушены, и ряд одиноко стоящих прямоугольных и круглых башен производит своеобразное впечатление. Но к XIV в. город вновь расцвел, хотя укрепления его и не были никогда восстановлены. Поразительную картину представляет Шемаха с воздуха: мы видим, как причудливая паутина улиц и переулков перехлестывается за линию развалин древних укреплений, как город разрастается на запад, восток и север. Планировка послемонгольского города сохранилась великолепно. Каменные, сложенные то из тщательно обтесанных, то из грубых, бесформенных плит, стены домов сохранились на значительную высоту. Соборная мечеть в центре города с двором, окруженным несколькими рядами колонн, от которых сохранились ступенчатые пирамидальные базы, другая огромная мечеть за городом, хорошо выявляемые ремесленные кварталы (квартал гончаров с его бес-

численными грудами гончарных шлаков и квартал плавильщиков железа и кузнецов, усеянный железными крицами), многочисленные каменные и кирпичные мавзолеи, окружающие город, — все это оставляет неизгладимое впечатление. Особенно эффектно оформление ворот города с рухнувшим куполом над проходом и с колоннадой портика. Близ них нами была найдена каменная капитель одной из колонн, волюты которой завершаются масками львов. Шемаха исключительно богата находками. За короткий срок разведок нами были собраны сотни фрагментов богато орнаментированной глазурованной посуды, фаянса, фарфора, поражающих небывалым обилием орнаментальных мотивов и тонов расцветки. Дальнейшее изучение развалин Шемахи сулит большие открытия. Вероятно, постановка в должном масштабе систематических раскопок даст возможность Шемахе занять такое же место среди средневековых памятников Хорезма, как Топрак занимает среди античных.⁸

Рис. 100. Каменная капитель с головой льва из Шемаха-кала

Город продолжает жить и позже, до XVI—XVII вв., разделяя с Вазиром роль крайнего западного форпоста Хорезма. Я склонен видеть в нем упоминающийся при описании событий XVI—XVII вв. город Терсек — имя, постоянно стоящее в документах рядом с Вазиром, в десятке километров от которого находятся развалины. Большой интерес представляет определение еще двух городов, упоминаемых источниками XV—XVII вв. для этого района, — Адака и Янгишехра.

Город продолжает жить и позже, до XVI—XVII вв.,

Я склонен видеть в нем упоминающийся при описании событий XVI—XVII вв. город Терсек — имя, постоянно стоящее в документах рядом с Вазиром, в десятке километров от которого находятся развалины. Большой интерес представляет определение еще двух городов, упоминаемых источниками XV—XVII вв. для этого района, — Адака и Янгишехра.

⁸ В окрестностях Шемаха-кала, на мысу Устюрта, нами в 1947 г. обнаружен первый в ходе наших работ курганный могильник Чаштепе (см. рис. 102) — огромное скопление курганов, с пров. ждающихся окруженными валами с входами с двух сторон прямоугольными «дворами». Датировка комплекса, видимо раннесредневекового, пока, без раскопок, затруднительна.

Название Адак — тюркское слово, буквально значит «нога», в применении к топографии — «низовье» (реки или канала).

По данным упоминающих его источников, Адак был расположен на пути из Вазира в Хорасан и лежал на берегу обширного водоема, который в поэтическом рассказе о взятии Адака

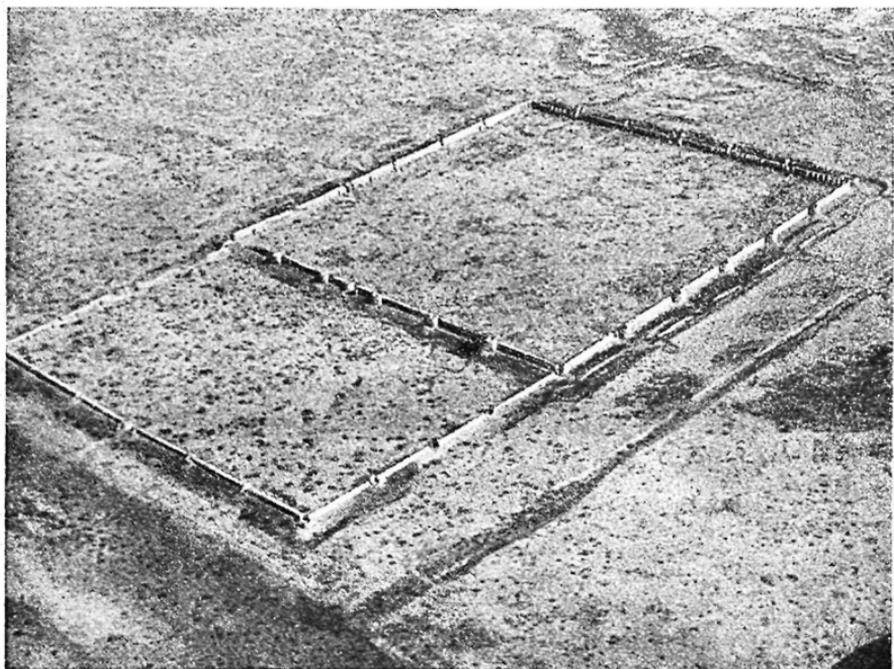

Рис. 101. Общий вид Ак-кала

узбекским ханом Шейбани в 1488 г. автор именует «Каратенгиз» («Черное море»). В. В. Бартольд⁹ считает возможным искать его где-то у выхода Узбоя из Сарыкамышской низины. Но там никаких развалин вообще нет. Я склонен видеть Адак, — город, существовавший, видимо, очень недолго, так как при описании событий XVI в. он уже не упоминается, — в больших развалинах Ак-кала или Акча-кала, расположенных близ старого русла Куруджа-узьяк, под юго-восточным Чинком Бутентау, в непосредственной близости к древнему берегу Сарыкамышского озера. Это крайний из всех городов ирригационной системы Дарьялька, по своему местоположению более чем

⁹ «Орошение», стр. 92.

какой-либо иной пункт заслуживающий названия, данного Адаку.

Ак-кала — Адак, правильная прямоугольная крепость, обнесенная рвом и прекрасно сохранившимися стенами, сложенными из сырцового кирпича $24 \times 24 \times 6$ см на пахсовом фундаменте с часто расположенными башнями, несущими два яруса небольших бойниц. Внутри вдоль стены идут часто расположенные сырцовые же выступы — контрфорсы — прием, известный по средневековым стенам Вазира и живущий в хорезмийской архитектуре вплоть до недавнего времени. С востока к городу примыкает продолжающий его ось прямоугольный пригород, обнесенный совершенно аналогичной, но хуже сохранившейся стеной.

На восток от города (как и в Вазире) расположена планировка великолепного паркового комплекса с кирпичным павильоном посередине. Кругом, на ответвлениях отходящего близ города от русла канала, раскинуты планировки многочисленных усадеб.

Подъемный керамический материал, собранный в Ак-кала, соответствует, как и архитектура, позднему слою Вазира и Шемахи, подкрепляя нашу идентификацию. Подкрепляет ее и то, что в противоположность Вазиру и Шемахе это город однослойный и живший явно очень недолго.

Впрочем, я думаю, что в XVI в. он еще существовал, но упоминается под другим именем — Янгишехр, буквально (тюркоперсидское) «новый город». Ак-кала, действительно, для своей эпохи, в противоположность Вазиру и Терсеку, развивающимся на древней основе, — «новый город», построенный на чистом месте. Я думаю, что тюркские имена Адак («нога» — «низовье») и Терсек («локоть» — «излучина») — первоначально лишь названия урочищ (Терсек-Шемаха расположен в самой середине глубоко врезанного в Устюрт «залива») и что собственным именем города Адака было Янгишехр, а источники, говорящие о событиях XV в., переносят на город название области (напомним, что не только раннесредневековые авторы, но и ибн-Батута постоянно вместо «город Ургенч» говорит «город Хорезм»).

История западного, джрзьялыкского Хорезма XV—XVI вв. — существенный, но краткий исторический эпизод. Мы знаем, что в XVI и начале XVII в. этот возникший и в процессе феодального распада Хорезма обособившийся район, ставший районом особенно интенсивного смешения тюркских (туркменских и узбекских) и тюркизированных хорезмийских элементов, играет довольно крупную политическую роль. Вазир в начале XVI в. является инициатором и центром народного восстания против захвативших было власть в Хорезме персов. В Вазире

первоначально укрепляется новая узбекская династия потомков Берке-султана, отсюда распространяется господство узбеков над Хорезмом, и после этого Вазир многократно выступает в качестве конкурента Ургенча, не раз становясь резиденцией хана и столицей страны.

Однако единственный оставивший нам описание города Вазира автор, Антони Дженкинсон, бывший здесь в 1558 г.,

Рис. 102. Комплекс курганов Чаш-тепе (аэроъемка)

правильно предсказал скорую гибель города и окружающей его области: «Вода, которой пользуется вся эта страна, берется из канав, проведенных из реки Оксуса, к великому истощению этой реки; вот почему она не впадает больше в Каспийское море (читай: Сарыкамышское озеро.— С. Т.), как в мнувшие времена. В недалеком времени вся эта страна будет наверно разорена и станет пустыней из-за недостатка воды, когда нехватит вод Оксуса».¹⁰

Постепенное возрождение разрушенной монгольским нашествием и погромами Тимура ирригационной сети южного и среднего Хорезма предопределила сокращение количества воды,

¹⁰ Дженкинсон, стр. 177.

питающей Дарьялык. Сначала она перестала доходить до Сарыкамьша, чем обусловлена более ранняя гибель Адака, затем резкий недостаток воды стали испытывать все районы, снабжавшиеся Дарьялыком, — не только Вази́р, но и Ургенч. Требовалась полная реконструкция ирригационной сети, постройка огромных магистралей, базирующихся непосредственно на главном русле Аму-дарьи, но в исторической обстановке эпохи это было невысказано: в XVI в. особенно сильно проявилась феодальная раздробленность Хорезма, разделенного на удельные владения узбекских царевичей, непрерывно переходящие из рук в руки при нескончаемой феодальной грызне.

Вази́р влачит жалкое существование еще в XVII в., продолжая оставаться, как и находящийся в глубоком упадке Ургенч, базой для недовольных феодальных элементов, претендентов на ханский престол. В то же время политический центр страны переходит в крупнейший город южного Хорезма — Хиву. Наконец, самый выдающийся из узбекских правителей Хорезма хан-историк Абульгази, осуществляя решительную политику централизации и нейтрализации оппозиционных феодалов окраин, выводит остатки населения Вази́ра и Ургенча в южный Хорезм, где этими переселенцами создается Новый Ургенч — ныне столица Хорезмской области Узбекской ССР, крупнейший город Хорезмского оазиса.

Так, во второй половине XVII в. завершается процесс запустения области Вази́ра — образование самых поздних по времени «земель древнего орошения» Хорезма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше путешествие закончено. Надо оглянуться на пройденный путь. И первое, на что нельзя не обратить внимания, это неполнота наших сведений. «Летопись мертвых городов» древнего и средневекового Хорезма еще пестрит пробелами, полна нерасшифрованных страниц. Но, пусть несовершенная, она все же существует, и мы ее прочли.

Вещи еще раз сказали свое слово там, где молчат письмена.

Три большие эпохи истории Хорезма прошли перед нами, в том числе две, о которых десять лет назад не было известно ничего или почти ничего. Историческая картина третьей, хотя и достаточно щедро освещенная письменными памятниками, обогатилась новыми деталями, позволяющими углубиться в смысл событий, глубже понять сокровенные тайны внутренних процессов развития общества, скрывающихся за калейдоскопом дат и имен, мелькающих на страницах хроник, и за казуистической терминологией юридических документов.

Мы видим теперь, что Хорезмская империя XII—XIII вв., разрушенная монгольскими варварами, — не эфемерный продукт случайных политических комбинаций, не «колосс на глиняных ногах», каким склонны были рисовать ее историки. Правда, она не устояла против монгольского нашествия. Но против него не устояли и десятки других, больших и малых государств, в числе их — Великая Русь и могущественная держава Закавказья, Грузия наследников Тамары.

Судьба Хорезма во многом перекликается с их судьбой. В XII в., как в Хорезме под эгидой Ургенча, так на Руси под эгидой Владимира и в Грузии под эгидой Тбилиси, идет процесс экономического подъема, расцвета городов, изживания феодальной раздробленности, консолидации феодальной монархии, успешной нейтрализации кочевых племен на границах и втягивания их в орбиту политического воздействия передовой государ-

ственности. И там и тут этот процесс обрывает страшная монгольская катастрофа, несущая с собой не только военные разрушения, не только господство варварского военно-рабовладельческого государства, как страшный спрут высасывающего жизненные соки из покоренных передовых стран. Она знаменует возвращение к успешно преодолевавшейся незадолго перед тем феодальной раздробленности, усиление позиций обузданной было феодальной знати, находящейся в завоевателях опору против своего собственного народа и использующей мощь чужеземцев для осуществления своих узко эгоистических целей, возрождение наиболее жестоких и реакционных, полурабских форм феодальной эксплуатации народа.

О том, что подъем Хорезмийской империи был не случаен, что он соответствовал прогрессивным тенденциям исторического развития народов Средней Азии, свидетельствует дальнейший ход истории. Два поднимающихся в XV в. мощных феодальных объединения, возглавленных династиями монгольского происхождения, — Золотая Орда и империя Тимура, в известной мере развивают и продолжают как в политической, так и в культурной области тенденции империи хорезмшахов. И Узбек, наиболее блестящий правитель Джучиева улуса, и Тимур могут быть названы наследниками хорезмшахов.

Варвары-монголы не были в состоянии создать устойчивое политическое объединение на огромной территории их завоеваний. «Монгольская империя» распалась на фактически независимые улусы уже при внуках Чингиса. И сами эти улусы проявили известную устойчивость лишь в той мере, в какой потомкам завоевателей удалось использовать уже сложившиеся связи, экономические и политические. Монголы выступают всюду в качестве паразитического нароста на теле местных политических объединений, традиции которых восходят к домонгольскому времени. Юаньская империя использовала связи средневекового Китая, хулагидская — Ирана.

Империя Узбека возрождает в расширенном виде государство первых мамунидов и их предшественников — афригидов VIII в. То, что обычно фигурирует в литературе под именем «Золотоордынская культура», а именно великолепные произведения ремесленников обоих Сараев и других городов Поволжья XIV в., на деле, как показали исследования Якубовского, подтверждаемые нашими материалами, — лишь провинциальный вариант культуры средневекового Ургенча.

Основное, стабильное ядро империи Тимура территориально почти в точности совпадает с империей хорезмшаха Мухаммеда. Ее сложение — прямое продолжение процесса, прерванного в 1218 г. монгольским нашествием. За спиной Тимура стоят

те же социальные силы, что и за спиной Мухаммеда; ему приходится сталкиваться в новых формах с теми же социальными противоречиями, что и его хорезмийскому предшественнику. Как ургенец Мухаммед, так и шахрисябзец Тимур переносят свою столицу в Самарканд. Совсем не случайно именно хорезмийские художественные традиции получают дальнейшее развитие и достигают полного расцвета в великолепных памятниках тимуридовского зодчества.

Но в об. их империях-наследницах, — в этом одно из роковых последствий монгольского нашествия, во много раз усилившего политическое влияние степной феодально-племенной знати, носительницы наиболее отсталых форм хозяйственных и политических отношений, — противоречие между главными фракциями правящего класса достигает еще большей остроты, чем во времена Мухаммеда, причем с явными преимуществами в пользу тех тенденций, носительницей которых являлась антагонистка Мухаммеда — Туркан-хатун.

Только железная диктатура Тимура обуздала на некоторое время эти разрушительные тенденции, сказавшиеся с полной силой после смерти завоевателя, когда развернулась многовековая мрачная эпопея феодальных усобиц, экономического застоя, культурной реакции, из которой народы Средней Азии вывела только Великая Октябрьская социалистическая революция и братская помощь русского народа, раньше сумевшего преодолеть роковые последствия событий XIII в.

В государстве тимуридов находит свое развитие и завершение тот процесс, который, уходя своими корнями в глубокую древность, с особой силой проявляется в государстве хорезмшахов. — процесс консолидации узбекской народности, основного ядра будущей узбекской нации.

Именно в Хорезме раньше всего сказываются результаты того взаимопроникновения тюркских и индоевропейских элементов, которое лежит в основе узбекского этногенеза. Мы видим, что, по свидетельству Плато-Карпини, уже в XIII в. тюркская речь становится доминирующей среди хорезмийцев. И в то время, как для Бухары и Коканда вплоть до XIX и даже XX в. характерно сохранение персидского языка в качестве языка канцелярий и преобладающего языка литературы, — в Хорезме уже в XVII в. этот язык почти полностью сходит со сцены.

Бросая взгляд назад, мы видим, что не случайной была роль Хорезма как основного ядра первой феодальной монархии Средней Азии. За спиной «великих хорезмшахов» стояла экономическая сила Хорезма как мощного аграрного и ремесленного центра, сильного своими многовековыми хозяйственными связями с тюркской степью и восточноевропейскими странами.

За спиной хорезмшахов была тысячелетняя история одного из выдающихся центров античной цивилизации, многократно в своей истории становившегося ядром обширных рабовладельческих империй. Так было накануне образования государства ахеменидов, так было в эпоху, последовавшую за македонским завоеванием.

Уже на заре средневековья Хорезм начинает вновь играть выдающуюся роль в событиях мировой истории. Мы видим Хорезм в VIII в. у колыбели Хазарской державы, когда отголоски событий внутренней истории Хорезма докатываются даже до далекой Венгрии, где отдаленные потомки хорезмийских беглецов оспаривают право на трон. Он же появляется у ее смертного одра как сильный претендент на хазарское наследство в Поволжье, распространяя свое политическое влияние на болгар и претендуя на гегемонию даже над Русью Владимира.

Мы могли видеть в ходе нашего путешествия, насколько многообразны и тесны узы, связывающие Хорезм и в первобытности, и в античности, и в средневековье со странами Севера — Сибирью и особенно Восточной Европой. Стараясь идти по пути, намеченному в этом вопросе В. В. Бартольдом и А. Ю. Якубовским, мы на нашем материале постарались показать, какие богатые возможности открывает отказ от традиционного разрыва между рассмотрением исторических судеб народов Средней Азии и народов европейской части нашей страны, в том числе и русского народа. Восходя к неолиту и бронзовому веку, эти связи выступают в темные времена формирования основных этнических комплексов Азии и Европы. Хетто-хурритская, фракийская, тохарская, скифо-сарматская проблемы одинаково стоят у источников среднеазиатского и восточноевропейского этногенеза.

Эти связи с особой силой проявляются между IV в. до н. э. и I в. н. э., когда без учета роли Кангхи — Хорезма нельзя научно истолковать события истории северного Причерноморья, связанные с сарматскими и аланскими движениями. В этот период, как мы могли видеть выше, с особой силой сказывается влияние хорезмийской культуры на эти племена, отразившееся, в частности, в истории развития комплекса их вооружения и связанной с ним тактики, сыгравших впоследствии столь значительную роль в мировой военной истории, в истории донныне сохранившихся комплексов народной одежды народов Восточной Европы, многие элементы которых восходят к хорезмийским прототипам.

Связи эти тянутся в последующие столетия, через события истории хорезмийско-хазарских объединений VIII и X—XI вв. через события огузских движений, одновременно разыгрываю-

щихся в Восточной Европе и на Среднем Востоке, проявляясь то в славянских колядках у хорезмских христиан XI в., то в существовании русско-хазаро-аланской колонии в Ургенче XIII в., то в русских сказках о Хвалынском царстве.

Работы нашей экспедиции, как и работы других коллективов советских археологов, показали полную несостоятельность представлений буржуазных историков о безысходной застойности общества древнего Востока. Наши работы показали, насколько необоснованны претензии на то, что лишь Западной Европе присуща античная стадия исторического развития, в то время как Восток обречен тысячелетиями вращаться в заколдованном кругу какого-то доисторического феодализма. История Хорезма раскрывается сейчас перед нами как история перехода от первобытно-общинного строя к античному рабовладельческому, завершающегося около VIII—VII вв. до н. э., — примерно тогда же, когда складываются античные государства Греции, — созданием могущественного Хорезмийского государства, ведущего упорную борьбу с ахеменидской Персией, сохраняющего свою независимость в бурные годы македонского завоевания и оказывающего мощное культурное воздействие на племена Восточной Европы — наших отдаленных предков.

Мы видим теперь, что, достигнув своего расцвета в III—IV вв. н. э., античный Хорезм вступает в V—VI вв. в полосу глубокого социального кризиса, связанного с крушением рабовладельческого строя, сопровождаемым острой классовой борьбой и варварскими завоеваниями. Эти события ярко отражены в памятниках: о них говорят сокращение ирригационной сети, упадок городов и ремесел, происходящий в это время, перенос центра тяжести общественной жизни в деревню, усиленные укрепления частных жилищ, разрушенные и сожженные замки и усадьбы, в которых мы обнаружили кое-где вонзившиеся в стены стрелы и пробившие перекрытия огромные камни, брошенные каменными машинами.

Мы видим, что в Хорезме, как и в Европе, V—VI века открывают новую эпоху истории, средневеково-феодальную, когда полностью меняется весь уклад жизни, весь характер культуры. Шаг за шагом, переходя от памятника к памятнику, мы наблюдаем, как вслед за глубокой варваризацией раннего средневековья наступает, с X в., новая полоса хозяйственного и культурного подъема. Вновь восстанавливаются каналы, возрождаются города, расцветают ремесла и торговля. В XII в. создаются предпосылки для выхода Хорезма из периода феодальной раздробленности и превращения его в ядро одной из наиболее ранних и могущественных феодальных монархий

Востока, империи хорезмшахов, принявшей на себя первый удар полчищ Чингис-хана, разделив с Русью высокую заслугу спасения своей кровью европейской цивилизации. Изучая позднейшие памятники, мы видим, какой дорогой ценой оплатил Хорезм свою роль в этих страшных событиях.

Блуждая в мертвой тишине пустыни по запустевшему после нашествия Чингис-хана мертвому оазису Кават-кала, среди песчаных холмов которого стоят почти не тронутые пронесшимися семью веками развалины домов и замков начала XIII в., невольно переносишься в эту трагическую эпоху, оборвавшую величественный расцвет «хорезмийского ренессанса».

Разрушительные военные экспедиции Тимура, развязанные нашествиями феодальные войны снова и снова обрывают проблески возрождения в отдельных районах Хорезма, падающие на XV—XVII вв., пока он не превращается к XVII в. в один из самых захолустных углов и без того отсталой Средней Азии, известный под именем Хивинского ханства.

Наша экспедиция с полной определенностью разрешила много десятилетий занимавший ученых вопрос о причинах запустения обширных, некогда орошенных и заселенных территорий в различных странах Передней и Средней Азии. На материале Хорезма, подтверждаемом результатами экспедиций в другие районы Средней Азии, мы смогли доказать, что не в естественно-исторических причинах (как думали многие) здесь дело. Не «усыхание Средней Азии» и изменение течения рек, не наступление песков и засоление почвы объясняют это явление. Его причины коренятся в процессах социальной истории. Переход от античного к феодальному строю и сопровождающие его варварские завоевания с последующими феодальными усобицами и нашествием кочевников — вот гениально указанное Марксом и сейчас документально доказанное решение этой проблемы. А то, что разрушено человеком, им же может быть и воссоздано. И ярким свидетельством этого является история Хорезма наших дней.

Великая Октябрьская социалистическая революция вывела народы Хорезма из обусловленного катастрофами XIII—XIV столетий векового феодального застоя и колониального рабства. Новый, социалистический Хорезм, подлинный наследник великих трудовых и культурных достижений своих предков вновь выходит на широкое историческое поприще. Хлопкоробы, бойцы народных строев вышли на небывалую битву с пустыней.

Блестит вода и зеленеют берега канала, созданного методом народной стройки в годы Отечественной войны, протянув-

шегося вдоль еще несколько лет назад «мертвого» оазиса Беркут-кала, грозные замки которого, заброшенные в VIII в., простояли нетронутыми более 1000 лет. Сейчас у величественных стен мертвых твердынь широко раскинулись поля и постройки колхозов.

Народы Хорезмского оазиса — узбеки, туркмены, каракалпаки, казахи — вступили в период нового, небывалого расцвета, оставляющего далеко позади самые высокие достижения античной и средневековой цивилизации Хорезма.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Абульгази—Aboul-Ghâzi Béhâdour Khan. Histoire des Mogols et des Tatares. T. I. Texte. T. II. Traduction; par Desmaisons. St. Petersbourg, 1871
- АрхМЭ—Архив Маркса и Энгельса
- АС—Археологический съезд
- В. В. Бартольд. Орошение — В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. Известия Туркестанского отделения Русского географического общества IV. Ташкент, 1902. В. В. Бартольд. Туркестан—В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия I—II. СПб., 1900. ал-Бируни—Alberuni. Chronologie orientalischer Völker, herausg. von E. Sachau. Leipzig 1878; Alberuni. The Chronology of ancient nations, translated by E. Sachau. London, 1879
- Вестн. КазФАН—Вестник Казахстанского филиала Академии Наук СССР
- ВДИ—Вестник древней истории Древний Хорезм—С. П. Толстов. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948
- ЗВО—Записки Восточного отдела Русского археологического общества
- ЗИВ АН—Записки Института востоковедения Академии Наук СССР
- ЗКВ—Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии Наук СССР
- ИАН, СИФ—Известия Академии Наук СССР, серия истории и философии
- Ибн-Фадлан—Путешествие ибн-Фадлана на Волгу. Перев. под ред. академика И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939
- ИВГО—Известия Всесоюзного географического общества
- ИЗ—Исторические записки
- КСИИМК—Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
- Лерх. Археологическая поездка—П. Лерх. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб., 1870
- Марвази—Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India, ed. by W. Minorsky. London, 1942
- МИА—Материалы и исследования по археологии СССР (изд. ИИМК АН СССР)
- МИТТ—Материалы по истории туркмен и Туркмении. Изд. Института востоковедения АН СССР
- МИУТТ—Материалы по истории Узбекской, Таджикской и

- Туркменской ССР. Изд. АН СССР. Л., 1933
- ОАК—Отчеты Археологической комиссии
- ПИДО—Проблемы истории докапиталистических обществ (журнал, изд. Гос. Академии истории материальной культуры. Л.)
- ПТКЛА—Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии (Ташкент)
- Ростовцев, Animal style — M. Rostovtzeff. The Animal Style in South Russia and China. Princeton University Press, 1929
- ТИГ—Труды Института географии АН СССР
- ТОВЭ—Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа
- Труды УзФАН — Труды Узбекстанского филиала АН СССР
- ТСА—Труды Секции археологии и искусствоведения Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
- СА—Советская археология
- СЭ—Советская этнография
- Худуд ал-Алем — Худуд ал-Алем. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930
- В. А. Шишкин. Археологические работы 1937 г. — В. А. Шишкин. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940
- Якут—Jacut's geographisches Wörterbuch, herausg. von F. Wüstenfeld, I—VI. Leipzig, 1866—1870
- А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча—А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча. Л., 1930
- А. Ю. Якубовский. Сарай Берке — А. Ю. Якубовский. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке
- ЯЛ—Язык и литература
- ЯС—Яфетический сборник
- ВАИАА—Bulletin of American Institute for Iranian Art and Archaeology
- EI—Enzyklopaedie des Islams. Leiden, 1913—1938
- ESA—Eurasia Septentrionalis Antiqua (Helsinki)
- Herzfeld, Paikuli — E. Herzfeld. Paikuli. Moinument and Inscription of the Early History of the Sassanian Empire. I—II, Berlin, 1924
- Hudud al-Alam—Hudud al-Alam, transl. by W. Minorsky. London, 1937.
- Marquart. Eranšahr—J. Marquart. Eranšahr, nach der Geographie d. Moses Xorenac'i. Abhandlungen d. Gesellschaft d. Wissenschaften zu Göttingen. Phil.-Hist. Cl. IV, F. III, 1901
- Marquart. Streifzüge—J. Marquart. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903
- Marquart. Wehrot und Arang—J. Marquart. Wehrot und Arang. Leiden, 1938
- Nöldcke. Tabari — Th. Nöldcke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Leiden, 1879
- SBWAW, PhHCl—Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Classe
- A. Stein. Innermost Asia—A. Stein. Innermost Asia. Vol. I—IV. Oxford, 1928
- A. Stein. Serindia.—A. Stein. Serindia. Vol. I—IV. Oxford, 1921.
- W. W. Tarn. The Greeks—W. W. Tarn. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938
- ZDMG—Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
---------------------	---

Часть первая

ПУТЕШЕСТВИЕ В ДРЕВНИЙ ХОРЕЗМ

Глава I. СТРАНИЦЫ ПОТЕРЯННОЙ КНИГИ	7
Глава II. ВОРОТА ДРЕВНЕГО ХОРЕЗМА	16
Глава III. В ПРИЗРАЧНОЙ СТРАНЕ	25
Глава IV. ПОЛЕТ ЧЕРЕЗ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ	37

Часть вторая

ЛЕТОПИСЬ МЕРТВЫХ ГОРОДОВ

Глава V. ЭРА СИЯВУША	65
Глава VI. СВЯЩЕННАЯ КАНГХА	91
Глава VII. СОКРОВИЩА ТРЕХХВАШЕННОГО ЗАМКА	164
Глава VIII. ЭРА АФРИГА	191
Глава IX. МЯТЕЖ ХУРЗАДА	221
Глава X. ВРЕМЯ БИРУНИ	234
Глава XI. ВЕЛИЧИЕ И ПАДЕНИЕ ХОРЕЗМА	274
Глава XII. ТАЙНА УЗБОЯ	296
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	317

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *Ц. М. Подгорненская*
Технический редактор *М. Л. Темерлин*
Корректор *Н. Н. Морозов*

*

РИСО АН СССР № 3036. А—07243.
Издат. № 1547. Тип. заказ № 416.
Подп. к печ. 29/VII 1948 г.
Формат бум. 60××92¹/₁₆.
Печ. л. 20¹/₂+10 вклеек.
Уч.-изд. л. 20,6. Тираж 10000

Цена в переплете 21 руб.

2-я типография Издательства Академии
Наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

21 руб.